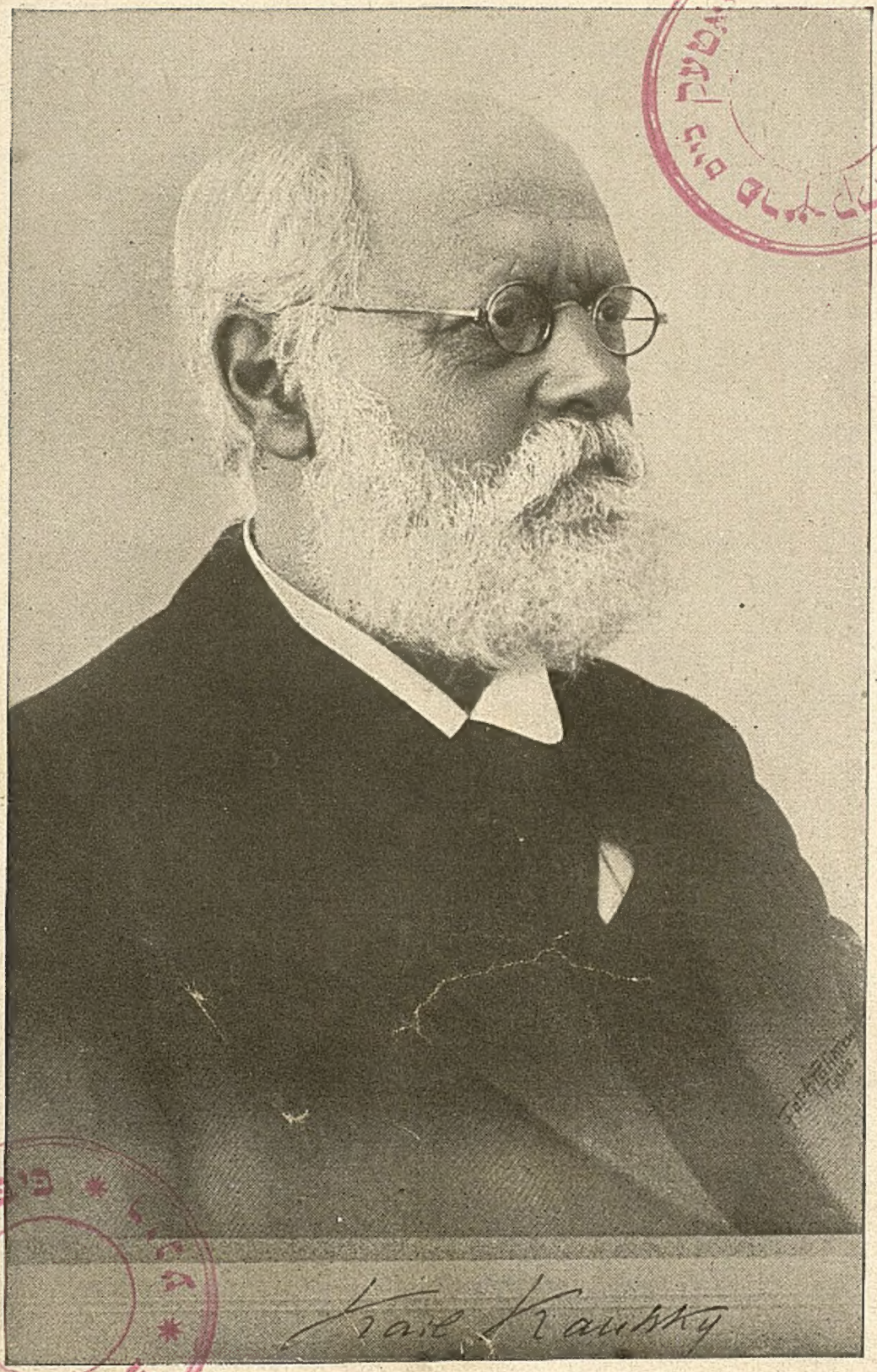
3 271

3 271 104

Strādnieku Klubs
Vārda
פון י. ל. פרץ
רינע


Karl Kautsky

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ПРОГРАММА

Copyright 1922 by Книгоиздательство „ВОЛГА“ Берлин

№ 109 / 783
№ 20.
Dublete
3 271
56531/ф

КАРЛ КАУТСКИЙ

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

И ЕЕ ПРОГРАММА

VIII/1
1994.
1994.
631

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВОЛГА“

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
369653

Авторизованный перевод с рукописи И. А. ВИЛЯЦЕРА
с портретом автора и предисловием его к русскому изданию

VALSTS BIBLIOTEKA
25.6.24

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Появление в свет предлагаемой книги было вызвано, как увидит читатель из предисловия к немецкому изданию ее, моим стремлением к об'единению германской социалдемократии. Но из того же предисловия явствует, что ко времени его составления, в июне 1922 года, виды на об'единение расценивались мною весьма пессимистически. Мое выступление в пользу об'единения, сделанное незадолго до этого в форме опубликования статьи о «моем отношении к Независимой Социалдемократии», встретило в рядах моей партии почти единодушное противодействие.

Но едва лишь было отпечатано мое пессимистическое предисловие, как убийство Ратенау вызвало в массах обоих социалдемократических партий такую бурную потребность в единстве, такое непреодолимое стремление к об'единению, противодействовать которому не было никакой возможности. И то, что в начале июня, когда я писал предисловие к немецкому изданию, казалось еще таким бесконечно далеким, стало теперь, в конце сентября, когда я пишу предисловие к русскому изданию, совершившимся, счастливейшим для всех нас фактом.

В нормальные времена такое внезапное и радикальное превращение, какое случилось с массами и вождями независимой социалдемократической партии, было бы невозможно или же бросило бы нехороший свет на силу характера и ясность мышления обращенных. Но мы живем не в нормальные времена. Внезапная перемена в умах об'ясняется в данном случае тем, что мы находимся еще в стадии революции, если под этой стадией разуметь не только период победоносного восхождения революционного класса, но и период укрепления контр-революции. Стадия революции в этом смысле характеризуется быстрым и внезапным перемещением сил партий и

классов и постоянной угрозой господству находящихся у власти партий и классов. Как в области коммерческой жизни, так и в сфере политики исчезает всякая возможность учета завтрашнего дня, всякая уверенность в расчетах на будущее. Уже завтрашний день может принести нам с собой государственный переворот и самую мрачную реакцию, послезавтрашний — полное обладание властью. Столь же или даже еще более вероятно, что ближайшее будущее явится для нас периодом трудного лавирования между обоими крайностями.

В такую эпоху неподдающихся учету переворотов партиям приходится часто и быстро изменять не принципы, конечно, но ближайшие задачи и средства борьбы. Таким образом, сегодня становится возможным то, что вчера еще казалось неосуществимым.

Этим своеобразием революционной ситуации нашего времени об'ясняется быстрая перемена взглядов нашей партии в вопросе об об'единении.

Но эта же революционная ситуация придает об'единению обоих партий особое значение. Сплочение во-едино всех сил пролетариата всегда было его сильнейшим оружием в борьбе. Но оно в особенности важно в такое время, когда мы каждый день должны быть готовы к самым неожиданным и чрезвычайным событиям. Справиться с этими событиями совершенно невозможно для нас, если, благодаря расколу, силы пролетариата раздроблены по разным организациям, которым в каждом отдельном случае приходится еще только столковываться между собой об общих действиях. Когда пролетариату угрожают тяжкие удары, каждый из которых может быть парирован только немедленным контр-ударом величайшей силы, в такие времена единство сил, об'единение социалдемократических партий становится для пролетариата вопросом жизни в несравненно большей степени, чем в нормальное время, когда один день походит на другой.

Это относится, однако же, не только к германскому пролетариату, но и ко всему пролетарскому Интернационалу. Ибо распря между Германской Социалдемократической Партией и Независимой Социалдемократией Германии была одним из главных оснований отделения Венского об'единения от II Интернационала. Будем, следовательно, надеяться, что об'единение германских партий явится лишь началом об'единения социалистических партий в международном масштабе, столь же повелитель-

но требуемого революционной ситуацией нашего времени и являющегося непременной предпосылкой осуществления пролетариатом своих задач. Международное об'единение в такой же мере, как и об'единение германских партий, является предметом горячих чаяний пролетарских масс. Те, кто до сих пор скептически ему противостояли или высказывались за его отсрочку, должны лишь энергично захотеть, и об'единение это осуществится так же легко и безболезненно, как в Германии, или, быть может, даже еще легче.

Наши русские товарищи могут очень много посодействовать тому, чтобы этот важный и неотложный шаг был сделан быстро и без задержки, если они оставят в стороне свои сомнения относительно полезности немедленного об'единения Интернационала, поскольку у них такие сомнения еще имеются.

Главным препятствием к немедленному созданию социалдемократического Интернационала является стремление к образованию всестороннего Интернационала, включающего и коммунистическую часть пролетариата. Я очень хорошо понимаю это желание включить в Интернационал и пролетариев-коммунистов, но и в данном случае, как и во многих других, лучшее есть враг хорошего. Интернационал чисто-социалдемократический возможен уже сейчас, немедленно, Интернационал же социалдемократически-коммунистический никогда не будет возможен. Дожидаться создания такого Интернационала значит лишь препятствовать образованию неотложно-необходимого и уже сейчас возможного социалдемократического Интернационала.

Об'единение с коммунистическими партиями невозможно потому, что всякая организация может принимать в свою среду только таких членов, которые вступают в нее с намерением содействовать ее росту и укреплению. Но коммунисты лишь в тех случаях ищут сотрудничества в социалдемократических организациях, когда надеются таким путем их расколоть.

В том то и дело, что коммунистические партии превратились в нечто существенно отличное от партий социалдемократических. Эти последние являются самостоятельными организациями пролетариата, борющегося за свое освобождение. Коммунистические же партии, напротив, ставят своей задачей сорганизовать пролетариев мира в качестве слепого орудия и пушечного мяса для той автократии, которая обосновалась в Москве. Со вся-

кой пролетарской партией, не согласной на эту жалкую роль, коммунисты борятся всеми средствами. Вне России средствами борьбы являются ложь и подкуп, внутри России, сверх того, отвратительнейшие и гнуснейшие жестокости, как это недавно обнаружено перед всем миром московским процессом против вождей партии социалистов-революционеров.

С московскими палачами, обагренными пролетарскою кровью, никакая партия, борющаяся за освобождение пролетариата, не может иметь ничего общего.

В действительности, однако же, об'единение социалдемократического Интернационала встречает еще препятствие почти только со стороны тех товарищей, которые, хотя и вынуждены сами признать необходимость такого об'единения, но хотели бы отложить его до того дня, когда московские волки решатся перейти к вегетарианскому образу жизни. Ибо к об'единению с этими кровожадными зверями, каковыми они являются в настоящее время, никто из нас, конечно, не стремится.

Будем надеяться, что об'единительный порыв, охвативший рабочие массы Германии, перенесется теперь в ряды пролетарского Интернационала и сметет все препятствия, какие еще преграждают путь к об'единению всех социалдемократических партий мира в единый мощный организм.

Случаю было угодно, чтобы немецкое издание предлагаемой книги стало прологом к об'единению германской социалдемократии. Я был бы чрезвычайно счастлив, сли бы русское издание стало введением к восстановлению всеобщего социалдемократического Интернационала.

Шарлоттенбург, 29 сентября 1922 г.

Карл Каутский.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ.

Повод, побудивший меня написать предлагаемое сочинение, утратил, к сожалению, почти всякое значение в ходе моей работы. Период программных дискуссий, предшествовавший Герлицскому с'езду соц. дем. партии, усилил об'единительные стремления в германском пролетариате. Я имел поэтому основание думать, что об'единение обоих крупных социалдемократических партий не заставит себя долго ждать, и что об'единительный с'езд даст нам не только новую организацию, но и новую программу.

Подготовить эту программу я и поставил своей задачей. Я исследовал, требует-ли и в какой мере Эрфуртская программа изменения, и насколько нуждается она в дополнении. Этой работой по составлению программы, отвечающей требованиям нашего времени, я надеялся не только пойти навстречу потребности об'единенной партии, но и способствовать самому об'единению: если результат моего исследования встретит одобрение обоих партий, это докажет, что они, по существу, стоят на общей почве.

Но чем больше подвигалась вперед моя работа, тем все меньше становилась надежда на об'единеине обоих партий. Если бы моя книга должна была служить только об'единительному с'езду, то я — так, по крайней мере, кажется мне в данный момент — мог бы спокойно не писать ее вовсе.

К счастью, у нее была и другая задача, отнюдь не утратившая своего значения.

Приступая к формулировке партийной программы, необходимо иметь ясное представление о всей совокупности стоящих перед партией проблем и внутренней их связи между собой, а также отделить в них существенное и длительное от случайного и скоропреходящего. Такого связного изложения всей совокупности проблем, поставленных перед нами новейшим экономическим развитием и революцией, у нас до сих пор нет. На эту тему мы, правда, имеем уже богатую литературу, в создании которой принимал участие и я; но эта литература, частью полемического характера, частью посвященная разработке проблемы, всегда касалась лишь отдельных пунктов нашей программы, но не всей совокупности ее в целом. Такое обсуждение единичных вопросов было необходимо и зачастую весьма ценно. Но чтобы в теперешнее революционное время достичь полной ясности в оценке положения и полного единства наших социально-политических действий, мы должны составить себе целостное представление о всей совокупности проблем современности.

Надеюсь, теперь уже не слишком рано положить начало этой работе. Я, поэтому, и предпринял такую попытку.

Удачна ли она, судить не мне. Но я выражаю надежду, что большинство моих читателей будет согласно со мной, по меньшей мере, в двух пунктах.

Во первых, в том, что проблемы социализма представляются тем более трудными и сложными, чем ближе их практическое осуществление. Дело не так просто, как оно казалось многим из нас еще четыре года тому назад.

И все же я полагаю, что большинство моих читателей согласится со мной и во втором пункте, а именно в том, что обилие трудностей не может приводить нас в уныние.

Не мало есть товарищей, которые недавно мечтали о возможности быстрым и решительным натиском завоевать социализм. Ныне, видя, что этот

путь оказался совершенно ошибочным, они падают духом и считают, что вообще никаких достижений на ближайший период времени нам ожидать не приходится. Социализм, по их мнению, есть задача не нашего, а следующих за нами поколений.

Это было бы верно, если бы мы были утопическими социалистами, стремившимися создать идеальное общество целиком и сразу в самой совершенной форме. Но ведь мы — марксисты и свою задачу видим в том, чтобы довести до победного конца классовую борьбу пролетариата. Рабочие же массовые партии, по меньшей мере в двух государствах — в Англии и в Германии, стоят на пороге к завоеванию политической власти. Это — событие, которое увидят не будущие поколения, но поколение, ныне живущее.

Но с завоеванием государственной власти рабочим классом начинается воздействие ее на производственный процесс в интересах пролетариата, и с этого момента экономическое развитие идет в направлении к социализму.

Какие бы формы ни приняло это воздействие и развитие, оно, во всяком случае, неминуемо и является вопросом ближайшего будущего. В виду этого каждый, кому дорого общественное благо, — все равно, социалист ли он или нет, — заинтересован в том, чтобы будущие властители государства и общества оказались на высоте своей великой и трудной задачи.

Старая политика состояла в том, чтобы усиливать экономические тенденции обнищания пролетариата, возможно больше подавлять и заглушать пролетарские организации, интеллектуальное развитие пролетария, его чувство человеческого достоинства. Это не предотвратит завоевания власти пролетариатом, но приведет лишь к тому, что победоносный пролетариат не сумеет целесообразно воспользоваться своей властью, которая, таким образом, станет несчастием как для него самого, так и для всего общества.

В Западной Европе пролетариат сумел уже в значительной степени преодолеть эти последствия капиталистических тенденций и старой политики. Однако, как показал опыт последнего времени, все еще не в достаточной мере.

Чем ближе победа пролетариата, и чем яснее для нас неимоверные трудности, которые встанут перед ним после победы, тем настоятельнее необходимость немедленно напречь все наши силы, чтобы ускорить дальнейшее развитие пролетариата, усилить его организационную сплоченность, увеличить его экономическую и политическую прозорливость, укрепить в нем чувство социального долга.

Мы, социалисты, всегда считали это своей задачей; сегодня это важнее , чем когда-либо прежде. Служить ей должна данная книга. Я горячо желаю, чтобы она оказалась мощным орудием в осуществлении этой задачи.

Берлин-Шарлоттенбург, июнь 1922.

Карл Каутский.

A. Изменение старой программы.

I. Герлицская программа.

На Герлицском с'езде в 1921 году германская социалдемократическая партия (социалисты большинства) отменила ту программу, которую единая партия за 30 лет до этого приняла на партийном с'езде в Эрфурте. Составление новой программы, занявшей место старой, потребовало много труда и усилий; несмотря на это вокруг новой программы возгорелось много споров.

Разве формулировка программы столь важное дело? Некоторые отрицают это, при чем ссылаются на Маркса, который, как известно, говорил, что «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ». Совершенно верно. Но этим Маркс отнюдь не думал сказать, будто партийная программа является для нас чем-то безразличным. Конечно, целесообразные и энергичные действия, даже если они обоснованы самыми жалкими аргументами, полезнее наисовершеннейшей теории, если ее сторонники действуют неправильно и слабо. Но из этого никто, ведь, не сделает вывода, будто знание или невежество совершенно безразличны для наших действий. Чистой случайностью — и при том очень редкой — является то обстоятельство, что люди, неправильно аргументирующие, тем не менее правильно действуют. А если люди с правильным пониманием дела все же

действуют ложно, то это зависит только от того, что действия человека определяются не только проницательностью его ума, но зависят также и от других причин, напр., от его силы, мужества, хладнокровия, находчивости и т. д.

Нет, однако, никаких сомнений в том, что при прочих равных условиях человек действует тем целесообразнее, чем более он проницателен.

Программа же, говоря словами того же Маркса, есть ничто иное, как «веха, отмечающая высоту партийного движения» и меру прозорливости партии.

Если отнюдь не безразлично, какой высоты достигла эта прозорливость, и если не менее важно о достигнутой высоте довести до всеобщего сведения, то ясно, что формулировка программы имеет большое значение. Но при этих обстоятельствах партия, как общее правило, лишь в том случае принимает новую теоретическую программу, если она является шагом вперед по сравнению со старой (я не говорю о программах действия или тактических платформах — «Aktionsprogramme», — необходимость в которых вызывается новой ситуацией).

Является ли Гёрлицская программа в своей общей части, о которой только и идет здесь речь, таким шагом вперед?

Ход мыслей, развитый в старой Эрфуртской программе, является изложением теории Маркса и некоторым образом ее квинт-эссенцией, частью выраженной словами самого Маркса.

Вопрос, устарела ли и насколько Эрфуртская программа в своей теоретической части, есть вопрос о том, устарел ли и насколько «Капитал» Маркса.

За последние три десятилетия против Марксовой теории было немало возражений, раздававшихся не только из рядов буржуазии, но и со стороны социалистов (так называемых «ревизионистов»). Однако, возражения социалистов никогда не принимали форму новой теории, оставаясь только сомнениями.

Члены комиссий, вырабатывавших новую социалдемократическую программу руководились, конечно, стремлением не включать в новую программу ничего, что вызывало споры в партии. В этом отношении новая программа должна была быть совершенно безупречной.

Нельзя, однако, формулировать программы из одних сомнений. И комиссиям ничего не оставалось, как устранить те пункты, против которых раздавались возражения. Одно время даже пункто классовой борьбе был устранен. Впоследствии он снова был включен, и вообще было допущено бóльшее приближение новой программы к старой. Но и в этой своей форме Герлицская программа не является преодолением или дальнейшим развитием, но просто сокращением Эрфуртской программы.

Уже чисто внешним образом можно установить это. Эрфуртская программа начинается изложением тенденций экономического развития. Она излагает их в четырех абзацах. В Герлицкой программе это изложение сжато в один абзац, вчетверо меньший по размерам.

Зато к этому одному пункту, прибавлено три новых, в которых излагаются последствия мировой войны. На этом основании можно было бы предположить, что новая программа рассчитана только на ближайший период времени, поскольку она больше внимания уделяет особым явлениям позднейшего времени, нежели общим законам.

Так как Герлицкая программа есть лишь сокращенная Эрфуртская программа, то наши возражения против нее относятся не столько к тому, что в ней есть и что вплоть до отдельных оборотов вполне разделяется и нами, сколько к тому, ч е г о в н е й н е т. Наши возражения вызваны ее молчанием в пунктах, о которых Эрфуртская программа говорила громко и ясно.

Но, может быть, как раз то, что в этом отношении говорила Эрфуртская программа, устарело? Можно ли было просто довольствоваться старой программой? Разве три десятилетия, протекшие со

времени ее составления, и именно годы после революции, не принесли с собой столько нового, неслыханного, что воззрения 1891 года уже недостаточны? Несомненно. Но именно об этом новом Герлицская программа и не говорит нам ровно ничего. Это не упрек. Все, что создано было социалистами, со времени революции, в области новых партийных программ, содержит в себе, правда, очень много нового, но ничего продуманного, ничего, кроме незрелого, поспешного копирования новейшей русской моды. Молчание Герлицской программы следует решительно предпочесть признанию советской системы, провозглашенному Лейпцигской программой действия Независимой Социалдемократии в 1919 году.

Однако, в таком положении дело оставаться не может. Мы должны выяснить те пункты, в которых Эрфуртская программа считается устаревшей, равно как и те, которых она не касается, и которые теперь получили значение. Мы не можем довольствоваться просто молчанием, но должны притти к определенным положительным результатам.

Это является задачей предлагаемой работы. Она не имеет в виду увеличивать партийных раздоров новым программным спором. За последние годы мы этим сыты по горло. Она хочет пролить новый свет на вопросы, уже подвергавшиеся оживленной дискуссии, и внести систему и метод в рассмотрение важнейших конкретных вопросов, поставленных революцией. Удастся мне это или нет, но, во всяком случае, я надеюсь показать, относительно каких проблем и решений должны социалдемократы притти к единомыслию, прежде чем приступить к составлению программы, могущей, действительно, служить вехой более высокого развития пролетарского мышления.

II. Две программы.

Основанием, на котором покоится вся Эрфуртская программа, является материалистическое понимание истории, согласно которому экономическое развитие совершается с естественно-исторической необходимостью и определяет собой изменения общественных идей человека и его учреждений. Вместе с новыми экономическими отношениями возникают новые общественные проблемы. Они ведут к растущим общественным бедствиям, если не получают своего разрешения, если, другими словами, новые экономические отношения не несут в себе и новых средств для разрешения этих проблем, если, далее, общественный разум не в состоянии познать новых проблем и средств к их разрешению и если, наконец, нет в наличности общественных сил достаточно мощных, чтобы провести в жизнь познанное решение.

Но мера общественной прозорливости и силы обновления в каждую данную эпоху также обусловлена экономически. В обществе, находящемся на более высокой ступени развития, она обусловлена прежде всего взаимоотношениями различных классов, на которые до сих пор распадалось всякое общество, поднимавшееся за пределы первобытного. Экономика определяет разделение классов и их противоречия. Экономикой решается, какие классы заинтересованы в сохранении существующего экономического строя, полезного для них, и ею же определяется, какие классы страдают при существующем порядке вещей и ищут выхода из бед-

ственного положения. И, наконец, от экономического положения страдающих, недовольных, революционных классов зависит и то, обладают ли они сознательностью и силой, чтобы найти и осуществить правильное решение своих задач. Это значит, следовательно, что в конечном счете от данных экономических условий зависит, поднимается ли общество к более высокой форме жизни или приходит в упадок.

Таково материалистическое понимание истории, легшее в основу Эрфуртской программы. С помощью его эта программа доказывает пролетариату, что социализм необходим и неизбежен, но что он явится не сам собой, что он необходим и неизбежен только потому, что и стремление капиталистов к обогащению, и классовая борьба пролетариата, и работа по исследованию данных условий общественной жизни и их необходимой связи столь же необходимы и неизбежны. Исторический материализм не фаталистическое учение.

В течение полувека материалистическое понимание истории определяет собою цель и метод германской социалдемократии. В нем черпала она свою уверенность в победе, свой безошибочный метод. В начале это происходило бессистемно, эклектически, но постепенно его влияние становится все более сознательным и ясным, и тридцать лет тому назад на основе этой исторической концепции была формулирована программа нашей партии.

В Герлицской программе материалистическое понимание истории не отвергается, но затемняется. Оно выражено в ней менее резко и отчетливо.

Это видно тотчас же при сопоставлении обоих программ.

Мы помещаем здесь обе программы одну за другой. Эрфуртская программа в своей вступительной части гласит следующее:

«Экономическое развитие буржуазного общества с неизбежностью закона природы ведет к гибели мелкого производства, основу которого составляет частная собственность работника на средства производства. Оно отрывает работни-

ка от его средств производства, превращая его в неимущего, лишенного собственности пролетария, между тем как средства производства становятся монопольной собственностью сравнительно небольшого числа капиталистов и крупных землевладельцев.

Рука об руку с этой монополизацией средств производства идет процесс вытеснения разрозненных мелких предприятий колоссальными крупными, процесс развития орудия труда в машину, процесс исполинского роста производительности человеческого труда. Но все выгоды этого преобразовательного процесса монополизируются капиталистами и крупными землевладельцами. Для пролетариата-же и упадочных средних классов — мелких горожан, крестьян — эта метаморфоза означает усиление роста необеспеченности существования, нищеты, угнетения, рабства, унижения, эксплуатации.

Все больше растет число пролетариев, все многочисленнее становится армия избыточных рабочих, все резче противоречие между эксплуататорами и эксплуатируемыми, все ожесточеннее классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, разделяющая современное общество на два враждебных лагеря и составляющая отличительную черту всех промышленных стран.

Пропасть между имущими и неимущими еще больше углубляется, благодаря обусловленным самой сущностью капиталистического способа производства кризисам, принимающим все более обширные размеры и все более опустошительный характер. Благодаря кризисам, всеобщая неуверенность превращается в нормальное состояние общества, являясь, таким образом, доказательством того, что производительные силы переросли рамки современного общества, и что частная собственность на средства производства стала несовместимой с их целесообразным применением и полным их развитием.

Частная собственность на средства производства, ранее обеспечивавшая производителю продукт его труда, ныне стала средством экспроприации крестьян, ремесленников и мелких торговцев и превращения не-работников — капиталистов, крупных землевладельцев — в собственников продукта труда работников.

Только превращение капиталистической частной собственности на средства производства — землю и ее недра, рудники и копи, сырье, орудия труда, машины, средства сообщения — в общественную собственность и замена товарного производства социалистическим, т. е. коллективным производством для удовлетворения потребностей общества, могут привести к тому, что крупное производство и постоянно растущая производительность общественного труда из источника нищеты и угнетения эксплуатируемых ныне классов станут источником высшего благосостояния и всестороннего гармонического их совершенствования.

Это общественное преобразование означает освобождение не только пролетариата, но и всего человечества, страдающего при нынешних условиях. Но оно может быть делом только рабочего класса, так как другие классы населения, несмотря на происходящую между ними борьбу, все стоят на почве частной собственности на средства производства и об'единены общей целью сохранения основ современного общества.

Борьба рабочего класса против капиталистической эксплуатации необходимо становится политической борьбой. Без политических прав рабочий класс не может вести экономической борьбы и развивать своей экономической организации. Не овладев политической властью, он не в состоянии добиться перехода средств производства в собственность общества.

Сделать классовую борьбу пролетариата сознательной и планомерной и указать ей ее естественно-необходимую цель — такова задача социалдемократической партии.

Во всех странах с капиталистическим способом производства интересы пролетариата одинаковы. С расширением мировых сношений и распространением производства на мировой рынок положение рабочих в каждой стране все более становится зависимым от положения рабочих в других странах. Таким образом, в деле освобождения пролетариата принимают в одинаковой мере участие рабочие всех культурных стран. В сознании этого, Германская Социалдемократическая Партия чувствует и об'является себя солидарной с сознательными рабочими всех остальных стран.

Германская Социалдемократическая Партия борется, следовательно, не за новые классовые привилегии и преимущества, но за уничтожение классового господства и самих классов и за равные права и равные обязанности для всех, без различия пола и происхождения. Исходя из этих воззрений, она борется в нынешнем обществе не только против эксплуатации и угнетения наемных рабочих, но и против всякой эксплуатации и угнетения, независимо от того, направлены ли они против класса, партии, пола или расы».

Теперь приведем принципиальную декларацию Герлицской программы:

«Германская Социалдемократическая Партия есть партия трудящегося народа города и деревни. Она стремится об'единить всех работников физического и умственного труда, живущих продуктом собственной работы, сплотив их общностью идеалов и целей для борьбы за демократию и социализм.

Капиталистическое хозяйство превратило существенную часть гигантски-развитых современной техникой средств производства в орудие господства сравнительно небольшого числа крупных собственников. Оно оторвало от средств про-

изводства широкие массы работников, превратив их в лишенных собственности пролетариев. Оно усилило экономическое неравенство и противопоставило незначительному, в изобилии живущему меньшинству широкие слои населения, изнывающие в лишениях и нищете. Оно сделало, таким образом, классовую борьбу за освобождение пролетариата исторической необходимостью и нравственной потребностью.

Мировая война и продиктованные победителями мирные договоры еще больше обострили этот процесс. Они ускорили концентрацию предприятий и капитала, углубили пропасть между капиталом и трудом, богатством и бедностью. В промышленности и банковом деле, в торговле и средствах сообщения наступила новая эпоха об'единения и слияния, картелирования и трестирования предприятий. В то время как беззастенчивая погоня за наживой подняла на поверхность новую буржуазию военных поставщиков и спекулянтов, мелкие и средние собственники, множество умственных работников, чиновники, служащие, художники, писатели, учителя, представители свободных профессий всякого рода низвергнуты в пролетарские условия существования. Неизбежным следствием являются коррупция всей общественной жизни и растущая зависимость буржуазной прессы от всемогущих диктаторов хозяйственной жизни, пытающихся таким путем подчинить государство своей власти.

Сверх-капиталистическое развитие еще больше усилило стремление к овладению мировым хозяйством посредством империалистических методов расширения власти. Оно, равно как и неудовлетворительное разрешение национальных и хозяйственных мировых проблем действующими мирными договорами, вызвало опасность новых конфликтов, угрожающих крахом человеческой культуре.

Вместе с тем мировой войной были сметены дряхлые системы господства. Политические преобразования принесли массам права демократии, необходимые им для социального под'ема. Мощно усилившееся рабочее движение, подготовленное самоотверженной и славной работой поколений, ныне противостоит капитализму, как достойный его противник. Сильнее чем когда-либо растет воля к преодолению капиталистической системы и к предохранению человечества от новых войн посредством интернационального об'единения пролетариата, посредством создания межгосударственного правового института, подлинного союза равноправных народов.

Указать этой воле правильный путь, сделать сознательной и планомерной необходимую борьбу трудящихся масс является задачей Социалдемократической Партии.

Социалдемократическая Партия исполнена решимости не отступить ни перед чем для защиты завоеванной свободы. Она рассматривает демократическую республику, как невозвратно данную ходом исторического развития форму государства, и посягательство на нее,—как покушение на жизненные права народа.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

Социалдемократическая Партия не может, однако, ограничиться защитой республики от нападений ее врагов. Она борется за господство народной воли, организованной в свободном народном государстве, она борется за хозяйство, за обновление общества в духе социальной справедливости. Превращение крупных концентрированных хозяйственных предприятий в общественные предприятия и прогрессивное развитие этого процесса вплоть до преобразования для блага общенародного хозяйства всего капиталистического хозяйства в социалистическое признается партией необходимой мерой для освобождения трудящегося народа от оков капиталистического господства, для усиления производства, для поднятия человечества на высшую ступень народно-хозяйственного и морального развития.

В согласии с этим Германская Социалдемократическая Партия подтверждает свое исповедание, изложенное в Эрфуртской программе. Она борется не за новые классовые привилегии и преимущества, но за уничтожение классового господства и самих классов и за равные права и равные обязанности для всех, без различия пола и происхождения. Она ведет эту борьбу в полном сознании ее решающего значения для судеб отдельных народов и всего человечества. Она ведет ее во всей стране, в союзных государствах и в общинах; в профессиональных союзах и в кооперативах, в мастерской и в жилище. В этой борьбе партия добивается следующих требований».

Герлицская программа отличается от Эрфуртской прежде всего тем, что она очень подробно останавливается на последствиях мировой войны и выразительно подчеркивает необходимость защищать завоеванную республику. Эрфуртская программа в 1891 году на эту тему, конечно, ничего не могла сказать. Необходимо ли было в эту часть программы вводить данные положения? Это зависит от того, какие задачи преследует программа. Если она предназначается только для ближайшего времени, если она является только программой действия или тактической платформой, в таком случае весьма целесообразным является подчеркнуть задачи момента в принципиальной части программы. Но тот, кто отводит программе не столь эфемерную роль, ограничится обоснованием в теоретической части программы длительных, основных принципов, не останавливаясь на проблемах сегодняшнего дня.

За исключением вышеуказанных вставок новая программа, в общем и целом, следует тому же ходу

мыслей, что и старая, однако же с весьма существенной разницей.

Старая программа проникнута идеей естественно-необходимого развития и признанием определяющей силы экономического развития.

Она начинается словами: «Экономическое развитие с неизбежностью закона природы ведет к гибели мелкого производства», к вытеснению его крупным производством, и, как на результат этого развития, программа указывает на новообразующиеся экономические факторы: лишенный собственности пролетариат, колоссальный рост производительности труда, монополизацию всех выгод этого прогресса крупными капиталистами. Программа указывает далее на бедствия, проистекающие из такого положения вещей, на возникающие отсюда проблемы, на средства их разрешения, на класс, задачей которого является решение этих проблем.

Социализм, таким образом, появляется, как результат естественно-необходимого развития.

Иначе в новой программе. Она начинается не описанием неизбежного экономического развития, но волеиз'явлением:

«Германская Социалдемократическая Партия есть партия трудящегося народа города и деревни. Она стремится об'единить всех работников физического и умственного труда, живущих продуктом собственной работы, сплотив их общностью идеалов и делей, для борьбы за демократию и социализм».

Здесь тщательно устранено всякое воспоминание о том, что социализм есть продукт новейшего экономического развития, и что носителем его является новый класс, порожденный этим развитием.

Эрфуртская программа ясно подчеркивает, что преобразовательная роль социализма означает освобождение всего человечества, и что, следовательно, в его успехе заинтересованы все элементы, работающие в направлении наивысшего развития человечества, но что, тем не менее, социализм может быть делом только лишенного собственности

рабочего класса, так как все прочие классы заинтересованы в сохранении частной собственности на средства производства.

В Герлице эта мысль была оставлена. Здесь социализм является делом всех физических и умственных работников, живущих продуктом своего труда, следовательно, и крестьян, скажем, Баварии и Мекленбурга.

Напрасно мы стали бы искать здесь какого-нибудь намека на то, что социализм является порождением совершенно новой экономической ситуации и совершенно нового класса. При всех способах производства народные массы жили «продуктом своего труда» — в древности, как и в средние века — и все-таки это обстоятельство никогда к социализму не приводило.

Герлицская программа, в противоположность Эрфуртской, не только не отмечает совершенно нового класса, промышленного пролетариата, для осуществления социализма имеющего решающее значение, но не указывает и на гигантский рост производительности труда, достигнутый благодаря современному капитализму и делающий возможным достижение обществом — выражаясь словами Эрфуртской программы — «высшего благосостояния и всестороннего гармонического совершенствования».

Бедствий, порождаемых капитализмом, Герлицская программа, конечно, не может обойти молчанием. Но и здесь она отличается от Эрфуртской программы. Она рисует эти бедствия не в их з а р о ж д е н и и и р о с т е; мы и тут ничего не узнаем о неизбежном развитии, но лишь о н е у т е ш и т е л ь н ы х р е з у л ь т а т а х. Программа говорит:

«Капиталистическое хозяйство. . . превратило работников в лишенных собственности пролетариев. . . усилило экономическое неравенство» и т. д.

И к этому добавляет, что война «еще более обострила этот процесс».

Но со всем этим согласно и большинство буржуазных экономистов. Ими оспаривается только

одно: что и в будущем, при дальнейшем существовании капиталистического хозяйства, так должно быть. Они заявляют, что капитализм порождает тенденции, благодаря которым рабочие превращаются в собственников, неравенство и противоречия классов все больше и больше сглаживаются, и, таким образом, всякий социализм становится излишним. Они утверждают, что бедствия, до сих пор вызванные капитализмом, есть лишь детская болезнь нового способа производства. Капитализм очень скоро утратил бы свои недостатки, если бы только пролетарии согласились на дружную работу с капиталистами.

Ответ на это можно дать не обзором того, что до сего времени принес с собою капитализм, но указанием на тенденции развития капитализма, неизбежные при всех обстоятельствах.

Герлицкая программа совершенно упускает их из виду. В Эрфуртской программе они составляют самую сущность.

Таким образом, последняя далеко превосходит первую, если ее доказательства верны. Если они несостоятельны, тогда, конечно, Герлицкой программе должно быть отдано предпочтение. Но научная основа социализма была бы в этом случае сильно потрясена.

III. Гибель мелкого производства.

Исходным пунктом Эрфуртской программы является следующее положение:

«Экономическое развитие буржуазного общества с неизбежностью закона природы ведет к гибели мелкого производства».

Этот факт вытеснения мелкого производства крупным с его последствиями—усиливающейся монополизацией средств производства в немногих руках и ростом производительности труда является единственной прочной основой нашей борьбы за социализм.

До появления промышленного капитализма все производство покоилось на мелком предприятии, на крестьянском хозяйстве и на ремесле; так было в древности, в средние века и долго еще в течение новейшего времени. Правда, уже в ранние времена встречаем мы, по крайней мере в сельском хозяйстве, крупные предприятия, покоющиеся не экспроприации и рабстве крестьян; но они могли существовать лишь благодаря принудительному труду подневольных, неохотно и лениво работавших работников, которым можно было доверить только простейшие орудия.

Поэтому в техническом отношении эти крупные предприятия отставали от мелких и могли на ряду с ними держаться лишь там, где рабочая сила или ничего не стоила крупному землевладельцу, как, напр., крепостные крестьяне, вынужденные часть своего рабочего времени жертвовать помещику, или

стоила очень мало, как, напр., покупные рабы в древней Римской Империи, долгое время ценившиеся дешево вследствие постоянных и успешных войн.

Уничтожение этих крупных предприятий не означало экономического регресса, так как мелкие предприятия работали более продуктивно. Раздел этих крупных предприятий, единовластие мелкого производства являлись тогда наиболее разумной целью для экспроприированных и порабощенных масс, стремившихся сбросить с себя гнет нищеты и эксплуатации.

Еще во времена французской революции радикально-настроенные массы были проникнуты этим идеалом. Всё, что появлялось в области социалистических идеалов, было построениями отдельных философов или небольших сектантских кружков. Народные массы этими идеалами затронуты не были.

Уже одного этого достаточно, чтобы доказать непригодность этического обоснования социализма. Даже этики Канта недостаточно для такого обоснования. Она в лучшем случае может служить обоснованием стремлений к отмене всякого порабощения. Но такие стремления древнее всей писаной истории и однако-же вплоть до последнего столетия они, по большей части, порождали прямо противоположные социализму попытки — сделать частную собственность на средства производства достоянием всех граждан.

В настоящее время разрешение проблемы отмены всякой эксплуатации ищут уже не в том, чтобы сделать каждого собственником его средств производства, но, наоборот, в том, чтобы никто не являлся собственником применяемых им средств производства. Только экономически, никак не этически можно об'яснить это изменение цели рабочих масс.

По известному христианскому выражению, бедные всегда существовали, по меньшей мере, с тех пор как существует писаная история. Равным образом

и экспроприация свободных работников, располагающих собственными средствами производства, завоевателями или властителями издавна составляет содержание истории. Но только в последнее время для богатств, таким образом накопленных в руках отдельных лиц, появились условия, сделавшие возможным применение этих богатств в крупных предприятиях, превосходящих предприятия мелкие, — на первых порах, по крайней мере, в промышленности.

Такими условиями были высокий уровень развития естественных наук и их технического применения и массовое появление, по крайней мере, в городах, свободных неимущих рабочих.

Было бы лишним изображать здесь развитие капиталистического крупного производства и его превращение в господствующую форму производства, быстро вытесняющую мелкое производство. Еще в первой половине прошлого столетия было много серьезных людей, считавших, подобно реформаторам древности и средних веков, крупное производство вредным и относившихся к нему, как к несчастью, которое необходимо устранить, чтобы дать место благодатному мелкому производству. Ныне никто уже не думает об этом. Крупное производство стало необходимой основой преуспеяния народов. Вместе с этим прежняя цель освободительной борьбы превратилась в свою противоположность. Ныне для рабочей массы является само собою разумеющимся то, что отдельное лицо не может быть собственником применяемых им средств производства. Экспроприация экспроприаторов уже не может быть совершена таким образом, что частная собственность капиталистов на принадлежащие им крупные предприятия будет поделена между рабочими; она может произойти только так, что эти предприятия перейдут во владение всего рабочего класса.

Только рабочие крупной промышленности, наемные пролетарии, имеют непосредственный и поэтому очень сильный интерес в таком именно решении

вопроса. Силой, необходимой для осуществления своей цели, они будут располагать лишь в том случае, если их воззрения овладеют большинством народа, что опять-таки предполагает упадок мелкого производства.

Необходимо принять в соображение еще третий момент — высокую производительность современного крупного производства.

В мелком предприятии производительность труда была выше, чем в докапиталистическом крупном предприятии. Тем не менее продуктивность мелкого производства была слишком незначительна, чтобы общество могло, при всеобщем равенстве и уничтожении всякой эксплуатации, подняться на более высокую ступень культуры. Недаром, ведь, защитники равенства прежних времен были аскетами и пренебрежительно относились к искусству и наукам. Равенство в прежние времена означало всеобщее варварство; поэтому оно не могло утвердиться там, где было достигнуто. Только крупное производство создает возможность высокой культуры для масс при всеобщем экономическом равенстве.

Современное социалистическое движение стремится не просто к справедливости, то-есть, к равенству, но и к под'ему культурного уровня жизни, каковой невозможен без крупного производства.

Следовательно, победоносный прогресс крупного производства образует основу современного социализма.

Тем не менее, есть социалисты, не желающие признавать победоносного прогресса крупного производства. Или, лучше сказать, есть люди, сомневающиеся в этом прогрессе и все же умудряющиеся оставаться социалистами. Я не мог бы совместить этого. В тот день, когда удалось-бы убедить меня в том, что будущее принадлежит не крупному производству, моя уверенность в наступлении социализма была бы потрясена глубочайшим образом.

Для этого, однако, нет ни малейшего основания. Сами критики — из числа сомнительных социалистов — не отрицают победоносного распространения крупного производства, ставшего явлением всеобщего характера. Они оспаривают лишь, во-первых, что этот процесс развивается так быстро, что уже теперь можно говорить о гибели мелкого производства, и, во-вторых, что крупное производство превосходит мелкое во всех отраслях производства.

Можно спокойно допустить и то, и другое. И все-таки это ничего не изменит в общественном значении общих результатов процесса, к которым, ведь, и сводится все дело в крупном общественном движении.

Конечно, существует еще много мелких предприятий. Но, ведь, не мало и других остатков прошлого сохранилось еще в настоящее время. В Швейцарии имеются еще остатки аграрного коммунизма, а в Англии сохранились феодальные отношения собственности. И тем не менее можно с спокойной совестью сказать, что капиталистическое товарное производство ведет к гибели первобытного коммунизма и феодализма.

Правда, современное крупное производство не только уничтожает много мелких предприятий, но и является свидетелем возникновения все новых. Но эти вновь возникшие предприятия не имеют ничего общего с предприятиями эпохи расцвета ремесла. По большей части они являются продуктом экономических затруднений, а не экономической необходимости. Бесчисленные мелкие лавочки и лотки представляют собой во многих случаях ничто иное, как форму существования промышленной резервной армии, и владельцы их ведут совершенно пролетарское существование, не имея никаких видов на лучшее будущее. Многие из них потеряли всякую экономическую самостоятельность, работают не на рынок, а на капиталиста, от которого и находятся в худшей зависимости, чем

рабочие крупной промышленности. Последнее относится к домашней промышленности.

Мелкое производство, сулящее пролетариату такого рода надежды, не может стать его путеводной звездой в борьбе за будущее. Мелкого же производства, которое представлялось пролетарию идеалом и отвлекало его от социалистических идей, уже не существует.

Но даже обнищавшее мелкое производство, еще сохранившее свое существование, идет на убыль: абсолютно — в промышленности, относительно — в торговле. В промышленности Германской империи за время с 1882 по 1907 год число самостоятельных среди промыслового населения сократилось с 2.201.146 до 1.977.122; в то же время число наемных рабочих и служащих возросло с 4.195.319 до 9.279.112, т. е. больше чем удвоилось. В торговле, правда, число самостоятельных абсолютно увеличилось с 701.508 до 1.012.192.

Но в этой группе находятся среди мелких предприятий наиболее разорившиеся и ведущие самое паразитарное существование. С другой стороны, число занятых промыслом в торговле и обращении возросло сильнее, чем число самостоятельных. С 868.810 оно поднялось до 2.465.434. Из каждой тысячи занятых в торговле в 1882 году самостоятельных было еще 427, а в 1907 году — только 291. Таким образом, виды на самостоятельность сильно уменьшаются для подростающего поколения, и в то же время сама эта самостоятельность все больше теряет в своей привлекательности.

Мне возразят, что это верно по отношению ко многим отраслям, однако же не ко всем. Действительно, еще есть некоторые отрасли, в которых мелкое производство удержалось, но число их в промышленности и торговле незначительно. Из 23 перечисленных в германксой статистике групп есть только одна, в которой отмечается рост числа самостоятельных предприятий. Это — художественные промыслы. В этой группе за время с 1882 по 1907 число самостоятельных предприятий

возросло с 5800 до 8723, напротив того, число предприятий с наемной рабочей силой увеличилось только с 2232 до 3276. Но и здесь общее число занятых в этой отрасли возрасло гораздо быстрее, нежели число предприятий, а именно с 15.388 до 30.178. И здесь начинает сказываться приход крупного производства. И как незначительно число занятых в этой отрасли производства! На ход общего процесса они не имеют никакого влияния.

После 1907 года в Германской империи не было промысловой переписи. Но все признаки указывают на то, что война не задержала ход развития, обрисовенный выше, но наоборот, ускорила его (пример — Штинес и др.).

IV. Сельское хозяйство.

1. Движение размеров предприятий.

Есть, однако-же, большая, с решающим значением отрасль производства, по отношению к которой ни в каком смысле нельзя говорить о гибели мелкого производства. Это — сельское хозяйство. Надо полагать, что во внимание к сельскому хозяйству в Герлицской программе нет больше речи о гибели мелкого производства. И, действительно, в этом пункте со времени составления Эрфуртской программы положение изменилось. До тех пор мы предполагали почти все, Маркс и Энгельс, равно как и их ученики, а также большая часть буржуазных ученых, что крестьянин находится накануне гибели. И это отнюдь не было иллюзией, это подтверждалось многими фактами. Спасение крестьянства было тогда важной заботой буржуазных партий; в социалистических аграрных программах также обсуждались меры к поддержанию гибнущего крестьянина.

На Франкфуртском партейтаге в 1894 году Шенланком и Фольмаром была внесена резолюция, давшая первый толчок движению в пользу выработки аграрной программы. В ней говорится:

«Мелкое крестьянство... приходит в упадок... крестьянин пролетаризуется».

Десять лет спустя французская рабочая партия приняла аграрную программу, исходным пунктом которой было соображение о том, «что это состояние, характеризуемое парцелльной собственностью, неминуемо осуждено на гибель».

Энгельс сурово критиковал эту программу, но лишь за веру в возможность спасти крестьянина. Он также держался того мнения, что

«Наш мелкий крестьянин, как и всякий пережиток отжившего способа производства, неминуемо идет к гибели. Он — будущий пролетарий». («Крестьянский вопрос» «Neue Zeit», XIII, 1. Стр. 295).

Это воззрение не было выдумано. Оно основано на опыте Англии, этой классической страны капитализма. Там крестьянин был вытеснен крупным землевладением и почти совершенно исчез. Крупные землевладельцы не вели собственного хозяйства, но сдавали свои земли в аренду. Но и тут сказывалось постоянное вытеснение мелких арендаторов крупными. Этот процесс продолжался до самого последнего времени. В земледелии Великобритании насчитывалось:

	1885 г.	1895 г.	1913 г.	Увелич. или уменьшение с 1885 по 1913
мелких хозяйств (менее 50 акров = 20 гектаров)	368 791	353 889	344 060	— 24 731
крупных хозяйств (более 50 акров)	163 652	166 657	169 005	+ 5 353

Экономическое значение мелкого производства в сельском хозяйстве Англии ничтожно. В 1895 г. сельскохозяйственная площадь мелкого землевладения составляла круглым счетом 5 миллионов акров против 28 миллионов крупного производства.

В таком же направлении, казалось, шло развитие и в Германии. Крестьянство старой Пруссии уже за время с 1816 по 1859 год потеряло на рынке 6.880 крепких хозяйств и 1.527.356 моргов земли. В дальнейшем движение продолжалось, но шло в двояком направлении. С одной стороны, крупные сельские хозяева или промышленники расширяли свое землевладение. Относительно «внутренней колонизации» Зеринг еще в 1893 году отметил:

«Кроме владельцев майоратов, и капиталистические сахарные фабрики попрежнему сильно подрывают прочность среднего крестьянского землевладения» (стр. 73).

С другой стороны, крестьянское хозяйство разорялось, благодаря задолженности и наследственным дележам. С каждым новым дележом крестьянское именьице становилось все меньше, или же возрастала тяжесть ипотечной задолженности.

Поглощение крупным землевладением здесь, дробление и задолженность там, — казалось, наступает конец мелкого землевладельца, следовательно, его пролетаризация, хотя и не совсем в тех формах, какие принимал процесс гибели самостоятельного мелкого производства в промышленности.

Однако, в последние десятилетия процесс этот остановился. Поглощение крупным землевладельцем уже не угрожает крестьянину, И разорение его во многих случаях прекратилось. Причины этого чрезвычайно многообразны, и перечислить их здесь невозможно. Но прежде всего необходимо подчеркнуть, что они кроются не в том, что в сельском хозяйстве мелкое производство стало в техническом отношении равноценным крупному. Как раз в сельском хозяйстве наблюдается в последние десятилетия такой колоссальный научный и технический прогресс , что только крупное производство в состоянии использовать его в достаточной мере. Из этих гигантских завоеваний мелкое производство может усвоить себе только жалкие крохи.

Если же ему, тем не менее, удалось устоять, то этому, помимо многих других причин, немало способствовали две: во-первых, появление крестьянских кооперативов, с помощью которых крестьянин покончил с ростовщиком и посредником и усвоил из современных успехов агрономии столько, сколько вообще доступно для крестьянина.

Но в особенности помогает крестьянину рабочий вопрос. Совершеннейшая техника и глубочайшая научная предусмотрительность бесполезны экономически, если нет на лицо тех людей, которые должны применить их к делу. А сельскому хозяйству все больше и больше не хватает этих людей. С распространением промышленности и облегчением

сношений между городом и деревней усиливается бегство из деревни в город, отражающееся сильнее на крупном производстве, чем на мелком.

Сельское хозяйство — сезонный промысел. В прежние времена оно было связано с промышленностью, в которой сельское население находило себе занятие в промежутках между земледельческими работами. Промышленный капитализм разрушил эту первобытную промышленность, лишив работы в деревне многочисленные рабочие силы, которые переселяются в город и должны быть замещены в периоды большого спроса на рабочие руки в сельском хозяйстве сезонными рабочими. Чаще всего лишается рабочих крупное производство.

Оно страдает не только от недостаточной численности рабочих, но и от недостатка квалифицированных рабочих. Первые крупные предприятия история хозяйства указывает нам не в промышленности, а в сельском хозяйстве; здесь мы встречаем их в большом числе уже в древности и в средние века, между тем как в промышленности крупное производство, как массовое явление, появляется лишь, как продукт капитализма. Поэтому в странах, где землевладелец сам ведет хозяйство, не сдавая его в аренду, нынешние крупные предприятия, по большей части, являются наследниками средневековых крупных предприятий и живут еще их традициями. К таким традициям относится и принудительный труд рабочих. Они, правда, из крепостных превратились в наемных рабочих, но всегда обращение с ними сильно напоминает еще о временах крепостного права. Этот остаток средневековья тем медленнее уступает место новым отношениям, что рабочий в деревне гораздо изолированнее и гораздо легче поддается контролю, чем в городе. Равным образом и просветительные возможности в деревне гораздо меньше. Чем более принудительный характер имеет труд и чем менее интеллигентны рабочие, тем больше трудностей для

применения усовершенствованных машин и научных методов работы, тем меньше возможности проявиться техническому превосходству крупного производства. И ведь чаще всего описанные выше условия являются невыносимыми как раз для наиболее интеллигентных и способных рабочих. Эти рабочие бегут в город, если не в состоянии бороться с окружающими их условиями.

В этом заключается одна из важнейших причин, почему в сельском хозяйстве крупное производство не оказывает такого же влияния, как в промышленности. Со времени составления Эрфуртской программы это обнаружилось с полной ясностью. В этом пункте одна из исходных предпосылок ее изменилась.

Этим, однако, сказано лишь, что в сельском хозяйстве вытеснение мелкого производства крупным прекратилось, но отсюда отнюдь не следует, будто наступил процесс противоположного характера — вытеснение крупного производства мелким. Крупное производство удерживает свои позиции, несмотря на испытываемые им вследствие недостатка рабочих рук затруднения и вопреки усилиям государственной власти искусственно увеличить число мелких хозяйств, поставляющих покорных солдат и консервативных избирателей.

Несмотря на все, не наблюдается заметного сокращения площади крупного производства. В Германии за время с 1895 по 1907 год число крупных имений сократилось с 25.061 до 23.566, а их площадь с 7.832.000 гектаров до 7.055.000. Этот минус покрывается с избытком капитализацией и интенсификацией предприятий. Наиболее производительным предприятием является то, которое наиболее богато не землей, а капиталом. Последний не учитывается статистикой, имеющей в виду лишь размеры земельной площади.

В пределах задачи, намеченной настоящим трудом, невозможно исчерпывающим образом осветить сложные сплетения данной проблемы. Скажем

кратко: в земледелии о гибели мелкого производства говорить не приходится, как не приходится и говорить о гибели крупного производства. И то и другое сохраняют свои позиции.

2.—Техническое превосходство крупного производства.

Однако, техническое превосходство крупного производств, именно в зерновом хозяйстве, растет вместе с прогрессом естественных наук и их практического применения. Это превосходство возрастает по отношению к мелкому производству в той его форме, которая только и интересна для данной проблемы, именно к карликовому хозяйству, работающему без наемных рабочих, только силами крестьянской семьи.

Проблема, возникающая здесь для социалиста, заключается в следующем: каким способом производства должен быть заменен наемный труд на службе капитала. Существуют две возможности: наемный труд на службе общества или труд работника на самого себя, без посторонней помощи и без зависимости от других людей.

Со стороны агрономов неоднократно раздавались утверждения, если не в техническом, то в экономическом превосходстве мелкого производства. Но под мелким производством они разумеют средние и более крупные крестьянские хозяйства с наемными рабочими. В хозяйстве размером от 20 до 100 гектаров занято в среднем восемь человек. Замена помещичьих имений крупными крестьянскими хозяйствами с батраками, служанками и поденщиками, конечно, не разрешает проблемы наемного труда. Только о парцелльных хозяйствах размером до 5 гектаров могла бы итти речь при решении этой проблемы, так как только такие хозяйства обходятся, в среднем, без наемных рабочих.

Но из всех групп сельскохозяйственных предприятий именно они являются самыми жалкими,

самыми непроизводительными. Мы еще вернемся к этому в другой связи.

В земледелии, как и в промышленности, на основе мелкого производства невозможно освобождение работника от чрезмерного труда и переход его на более высокую ступень культурной жизни. Точно также невозможно на основе мелкого производства достижение наивысшей производительности труда, этой предпосылки всеобщего благосостояния. Это относится к земледелию в такой же мере, как и к промышленности. Чрезмерный труд и варварство — неизбежные следствия мелкого производства.

3. Раздробление крупных имений.

И, тем не менее, находятся социалисты, которые видят освобождение рабочих, занятых в сельском хозяйстве, не в общественном крупном производстве, но в раздроблении крупных имений, во всеобщем распространении парцеллыного хозяйства.

Отчасти это об'ясняется влиянием старых буржуазно-демократических идей, появившихся в то время, когда крупное земледельческое производство велось с помощью принудительного труда, без технических усовершенствований и в отношении производительности отставало от мелкого производства. В те времена раздробление и раздел крупных имений были рациональным и прогрессивным требованием. Но и тогда уже мелкое крестьянское хозяйство, с двумя, в среднем, взрослыми работниками, не являлось наиболее выгодной формой производства и уступало более крупному крестьянскому хозяйству.

С тех пор, как мы видели, меньшая производительность крупного производства уступила место техническому превосходству его над мелким. Однако-же, наряду с ним продолжает существовать мелкое производство, являясь иллюстрацией того, как сильно зависит влияние соци-

алистических идей от распространения крупного производства. В то время как в крупной промышленности идея стать независимым при помощи мелкого преприятия давно оставлена рабочими массами, среди сельскохозяйственных рабочих эта идея еще очень сильна. Партия, которая обещает земледельческим рабочим превратить каждого из них в крестьянина, может с уверенностью расчитывать на поддержку большинства их.

Но социалдемократическая партия ошиблась бы очень сильно, если бы ожидала, что принятием этого требования она сделает земледельческих рабочих хорошими социалистами. Цели будущего в гораздо большей мере определяют поведение человека, чем его положение в настоящем. Наемный рабочий, поставивший себе целью стать крестьянином, насквозь пропитан крестьянской психологией. Расчитывают привести в столкновение интересы мелкого крестьянина с интересами крупного крестьянина и землевладельца. Но эта противоположность интересов все больше исчезает по мере того, как крестьянин перестает производить для собственного потребления и все больше производит на рынок. Тем большей становится зависимость крестьянина от рыночных цен на его продукты. В повышении их его интересы совпадают с интересами крупных землевладельцев, благодаря чему все больше исчезают противоречия, возникшие между ними во времена феодализма и экспроприации крестьянских земель.

Но тем быстрее исчезает также общая враждебность к «господам» в городе и деревне, в прежние времена об'единявшая городских рабочих и крестьян в их революционной борьбе против господ, и тем сильнее выступает наружу противоположность интересов между крестьянами и городскими рабочими, составляющими авангард в борьбе за понижение цен на с'естные припасы. Не обнаруживают дальновидности и благоразумия те, кто при этих условиях думают укрепить дело рабочего класса, превращая сельских рабочих в крестьян.

Эта попытка не становится лучше от того, что она безнадежна. Оставляя в стороне все прочие трудности, нужно принять в соображение следующее. В земледелии число наемных рабочих-мужчин превышает три миллиона, из которых больше половины находится в том возрасте, когда нужно обзаводиться собственным домохозяйством. Чтобы каждому из них предоставить таковое, нужно было бы создать полтора миллиона крестьянских хозяйств с постройками и инвентарем, так как инвентарь и постройки ликвидируемых крупных имений были бы для мелких хозяйств частью непригодны, частью недоступны.

Какая колоссальная затрата сил и средств потребовалась бы для осуществления этого переворота! А в течение долгого промежутка времени, который понадобился бы, чтобы привести к концу это технически-регрессивное мероприятие, самый об'ект его ускользнет из-под рук новаторов.

Ибо численность сельскохозяйственного населения постоянно убывает. За время с 1882 по 1907 год она с 19.225.000 уменьшилась до 17.681.000, то-есть более, чем на полтора миллиона. При чем эта убыль распространяется как на области, в которых преобладает мелкое земледелие, так и на области с крупным земледелием.

Занятых сельскохозяйственными промыслами насчитывалось:

	1882	1907	Убыль:
В Восточной Германии	7 145 000	6 438 000	707 000
В Южной Германии	6 617 000	6 077 000	540 000
В Западной Германии	5 463 000	5 166 000	297 000

Таким образом, развитие в сельском хозяйстве в настоящее время идет не в том направлении, в каком оно идет в промышленности, где освобождение рабочего подготовляется распространением крупного производства. Оно не подготовляет этого освобождения и на основе мелкого производства, но сохраняет существующие производственные отношения и систему наемного труда.

Легко понять, почему буржуазные элементы с таким удовлетворением указывают на это развитие; но гораздо труднее постичь, как может оно удовлетворять социалистов.

Но желание не есть доказательство. Как марксисты, мы должны были бы считаться с этим развитием, если бы оно представляло собой неотвратимый закон природы, а не просто временную, преходящую фазу.

Что развитие, описанное выше, является именно такой фазой, доказывается уже тем, что и в сельском хозяйстве, подобно тому как и в промышленности, наивысшая производительность труда достигается в крупном производстве, если и не в такой высокой мере и не во всех отраслях производства, то все же в решающих. Причина, в настоящее время препятствующая этому техническому превосходству проявиться экономически, — недостаток в интеллигентных, охотно остающихся в деревне рабочих силах, должна быть и будет устранена.

Как ни велико различие мнений в вопросе о крупном и мелком производстве в земледелии, в одном пункте сходятся все: бегство из деревни представляет опасность не только для сельского хозяйства, но и для всего общества в целом. За время с 1882 по 1907 год численность сельского населения уменьшилась с 26.318.000 до 25.883.000 или на 435.000, а городское население увеличилось за то же время с 18.904.000 до 35.837.000 или на 16.933.000.

Среди самого сельского населения, как уже отмечено было выше, число лиц, живущих земледелием, уменьшилось с 19.225.000 до 17.681.000, т. е. на 1.544.000 или с 42,5% до 28,7% всего населения.

Чем больше растет это бегство рабочих из деревни, тем менее в состоянии сельское хозяйство прокормить растущее население. Правда, до войны продуктивность земледелия постоянно возрастала, однако не в такой мере, какую допускал технический прогресс. В растущем недостатке рабочих

рук в земледелии кроется одна из причин роста цен на сельскохозяйственные продукты, той дороговизны с'естных припасов, которая наступила уже за десять лет до мировой войны.

Положить этому конец становится вопросом жизни для всего общества в гораздо большей мере, нежели для сельских хозяев, чувствующих себя при растущих ценах совсем недурно.

Доставить сельскому хозяйству больше рабочих сил безусловно необходимо. Но в эпоху, когда пролетариат достиг мощи, этого можно достичь не методами средневековья или большевизма, то-есть не принудительным прикреплением рабочих к земле, но улучшением условий жизни в деревне: они в настоящее время таковы, что деревенская молодежь предпочитает пролетарское существование в городе наемному труду или даже мелко-крестьянской самостоятельности в сельском хозяйстве.

Необходимо основательное улучшение жилищных условий сельского населения, равно как культурных возможностей для него, путем поднятия школьного дела, организации медицинской помощи, просветительных курсов и художественных развлечений, наконец, путем большего сокращения рабочего дня и предоставления работнику полной личной свободы. В сельском хозяйстве все еще царит невыносимо-длинный рабочий день, а личность работника — все равно, наемного рабочего или члена крестьянской семьи — находится в постоянной зависимости от главы хозяйства даже в нерабочее время. Эта зависимость является, может быть, сильнейшей причиной бегства из деревни.

Проведение этой программы аграрных реформ потребует больших денежных средств, но они должны и смогут быть найдены, как только будут залечены раны, нанесенные войной. По мере проведения в жизнь этой программы и возростания параллельно с этим притягательной силы сельского хозяйства, вследствие чего численность и качество его рабочих сил возрастет, будет все яснее обнаруживаться, что, с одной стороны, осуществление ее

более выгодно для крупного, нежели для мелкого производства, и что, с другой стороны, крупное производство представляет лучшие условия для ее проведения, чем мелкое. И, прежде всего, в области сокращения рабочего времени мелкому хозяйству тем труднее будет поспевать за крупным, чем меньше оно по размерам. А в нерабочее время рабочие крупных хозяйств, как только к их услугам будет жилище, построенное на общественные средства, а за их спиной поддержка мощного союза, будут чувствовать себя несравненно более независимыми, чем рабочие крестьянина, живущие в доме своего хозяина.

Чем более, однако, положение сельского рабочего будет улучшаться благодаря законодательству и профессиональной борьбе, тем больше шансов на то, что не только подрастающие рабочие силы останутся в сельском хозяйстве, но и все больше будет возрастать число охотно предлагающих свой труд крупному производству интеллигентных рабочих. Тогда оно сможет в полной мере развернуть свое техническое превосходство. Так как развитие этого процесса будет итти рука об руку с усилением пролетарского влияния в государстве и в обществе, то обнаружится с полной ясностью, что и в сельском хозяйстве только крупное производство в состоянии поднять трудящиеся массы ко всеобщему благосостоянию и более высокой культуре, между тем как мелкое производство увековечивает варварские формы жизни.

Развитие, совершающееся в настоящий момент в деревне, скрывает этот факт и приводит сельского рабочего к мысли, что спасение его в раздроблении крупных имений и во всеобщем распространении мелкого семейного хозяйства. Там, где эта точка зрения побеждает, она, в конце концов, превращает рабочую массу в свиту аграриев и отвращает ее от социалистических целей. Задача социалдемократии состоит не в поддержке, а в противодействии этой ограниченности путем противо-

поставления ей более широкой точки зрения и поддержки пролетарской классовой борьбы внутри, а не против крупного производства.

Нам, следовательно, нет нужды из-за сельского хозяйства подвергать какому бы то ни было пересмотру наше отношение к мелкому производству.

4. Формулировка программы.

И те, кто не закрывает глаз на изменения, наступившие в ходе развития сельского хозяйства после составления Эрфуртской программы, не имеют оснований возражать против данной ею общей формулировки пункта о гибели мелкого производства. Ибо — повторим снова уже сказанное выше — как общее явление, мелкое производство несомненно вытесняется крупным. Уже колоссальный рост пролетариата доказывает это. С 1895 по 1907 год число самостоятельных в сельском хозяйстве, промышленности и торговле возросло, правда, с 5.474.000 до 5.490.000 или на 16.000, но число наемных рабочих и служащих за это же время увеличилось с 13.438.000 до 19.127.000 или на 5.689.000.

Отсюда с несомненной ясностью следует, что, в общем, число мелких предприятий относительно уменьшается, не говоря уже об изменении характера большинства из них, что указывает на растущую деградацию в большинстве отраслей мелкого производства. Нет сомнения в том, что, как общее явление, быстро идет к гибели то мелкое производство, которое в прежние времена представлялось рабочему идеалом обеспеченной жизни.

Но общественные идеи и цели человека определяются общим характером общественного развития, а не единичными исключениями. Правда, за последние десятиления развитие в сельском хозяйстве отличается от развития в промышленности, но в такой же мере падает и общественное значение земледелия по сравнению с промышленностью.

Поэтому именно гибель мелкого производства, определяет собою мышление масс и толкает их к социализму. Если бы в действительности мелкое производство не шло к гибели, то невозможно было бы понять, почему недовольные массы в наше время ищут спасения на совершенно ином пути, нежели во времена буржуазных революций. Отказ от этой точки зрения означает, следовательно, не прогресс, но уменьшение неопровержимости социалистической программы. Самое большое, что для предотвращения возможных кривотолкований можно сделать, это изменить данное Эрфуртской программой изображение хода экономического развития таким образом, чтобы сделать исходным пунктом его не гибель мелкого, но расцвет крупного производства. Однажды мудрый снотолкователь об'яснил султану его сон не так: «Ты увидишь смерть всех твоих родственников», что могло бы очень разгневать властителя, но иначе: «Ты всех их переживешь», что вызвало удовольствие султана.

Можно было бы сказать так:

«Экономическое развитие буржуазного общества с неизбежностью закона природы ведет к расцвету и господству капиталистического крупного производства, которое все больше вытесняет самостоятельные и сильные отрасли мелкого производства, осуждая его на прозябание» и т. д.

На основании того, что было сказано выше, могут, пожалуй, возразить против заключительной фразы этого пункта, в которой говорится, что средства производства становятся монопольной собственностью сравнительно небольшого числа капиталистов и крупных землевладельцев. И, действительно, земельная площадь хозяйств, размером выше 20 гектаров, несколько уменьшилась. Однако, она все же составляет еще 51,5%, или больше половины обрабатываемой площади, против 54,5% в 1882 году. Хозяйства свыше 50 гектаров занимали в 1882 году 33%, в 1907 году 30,1%, или почти треть сельскохозяйственной площади. Об отношениях собственности, т. е. о том, сколько собственно-

сти сконцентрировано в отдельных руках, мы из материалов германской статистики ничего не узнаем. Она, во всяком случае, не дает нам оснований предполагать, что монополия крупного землевладения на земельную площадь претерпела существенные изменения. Несомненно, однако, что по мере роста населения при неизменности земельной площади возрастает и обще-монопольный характер земельной собственности. Следовательно, можно сказать, что монопольный характер землевладения — правда, не только крупного землевладения, но землевладения вообще — возрастает. Естественно, однако же, что этот рост обнаруживается тем яснее, чем больше по своим размерам землевладение. Поэтому мы спокойно можем утверждать, что в растущей монополизации средств производства крупные землевладельцы имеют свою долю.

V. Производительность труда.

Второй абзац Эрфуртской программы указывает на «исполинский рост производительности труда», являющийся следствием превосходства современного крупного производства, и на то, что «все выгоды этого преобразовательного процесса монополизируются капиталистами и крупными землевладельцами».

Как важна эта мысль для обоснования социализма, об этом уже сказано было выше, равно как и о том, что в Герлицской программе мысль эта совершенно отсутствует. Последнее обстоятельство, объясняется, быть может, тем, что утверждение, будто «все выгоды исполинского роста производительности человеческого труда монополизируются капиталистами и крупными землевладельцами» не является, строго говоря, вполне верным.

Набрасывая Эрфуртскую программу, я старался формулировать ее в кратких, выразительных положениях, по образцу Коммунистического Манифеста, Учредительного адреса Первого Интернационала, главы из «Капитала» об «исторической тенденции капиталистического накопления».

Только такая формулировка дает сжатое, немногословное изложение, сильно действующее на мысль. Разумеется, она никогда не может вполне соответствовать многообразной действительности с ее множеством противоречивых тенденций. Никакая теория не в состоянии достичь такого соответствия. Всякая теория основана на абстракциях, выделяя существенное и опуская несущественное.

Люди без глазомера, которым малое представляется столь же важным, как и большое, всякую теорию должны об'явить ложной, ибо всякая теория упускает — и при своем построении, на первых порах, должна упускать — из виду множество мелких аномалий и отклонений, чтобы впоследствии об'яснить их.

К возражениям такого рода относится большинство возражений против Марксовой теории. По большей части Марксу возражают ссылкой на явления, которые были ему столь же хорошо, а, может быть, еще лучше, чем его критиками, известны, но которые он сознательно оставил, на первых порах, в стороне, так как считал их несущественными.

То же самое относится и к большей части критических возражений против Эрфуртской программы. Совершенно верно, что не в с е результаты возросшей производительности труда монополизируются владельцами крупных средств производства. Кое-что перепадает и другим членам общества. Но это последнее явление отнюдь не носит всеобщего характера и полно противоречий.

Рост производительности труда ведет к понижению стоимости отдельных продуктов. Если натуральная заработная плата рабочих остается прежней, то стоимость, представляемая ею, понижается. А так как рабочий при равной затрате труда попрежнему производит равную стоимость, то излишек произведенной им стоимости над стоимостью, полученной им в виде заработной платы, возрастает. Степень его эксплуатации возрастает. Вся выгода от технического прогресса достается капиталисту.

Но понижение стоимости отдельных продуктов вовсе не обязательно выражается в понижении их цены. Если производство золота возрастает в той же мере, что и общая производительность труда, то цены, выражение стоимости в золоте, не изменятся. Стоимость отдельного продукта может понижаться, а цена его несмотря на это повышаться, если, благодаря внезапному открытию богатых золотых россыпей, продуктивность производства зо-

лота возрастает быстрее, нежели общая производительность, или, если, благодаря чрезмерному выпуску бумажных денег, понижается стоимость денег.

Но, с другой стороны, и продуктивность золотых россыпей может возрастать медленнее, нежели общая продуктивность. В этом случае, при устойчивом денежном обращении, цены будут падать и при том падать быстрее, нежели понижаются стоимости. Но оплата рабочей силы, денежная заработная плата, обладает консервативной тенденцией. Она не подымается так быстро, как цены товаров, потребляемых рабочими, но и не понижается с такою же быстротой, как падают цены. Реальная заработная плата имеет поэтому тенденцию понижаться при растущих ценах и повышаться при ценах падающих. Итак, там, где рост производительности труда приводит к понижению цен, выгоды этого роста не монополизируются исключительно владельцами средств производства. Кое-что перепадает и рабочим.

Эта выгода, получаемая рабочим, отнюдь не распределяется на все его жизненные потребности равномерно. В его положении потребности питания играют для него большую роль, нежели культурные потребности. Но мы уже видели, что в сельском хозяйстве крупное производство встречается с гораздо большими препятствиями, чем в промышленности. В этом заключается важная причина того, что в сельском хозяйстве производительность труда растет сравнительно медленно. К этому присоединяется еще другое обстоятельство: в сельском хозяйстве, в противоположность промышленности, цена производства продукта определяется не средними издержками, необходимыми для его производства, но издержками, необходимыми для его производства на наименее плодородной земле. Это является следствием того обстоятельства, что земля не поддается произвольному увеличению, подобно, напр., фабрикам. При растущем населении и повышающемся спросе на землю число и площадь сель-

скохозяйственных участков не поддаются произвольному увеличению. Конкуренции такой, как в промышленности, между ними нет, — к слову сказать, тоже одна из причин, благодаря которым мелкое производство, вопреки технической отсталости, удерживает свои позиции в земледелии.

Все это содействует тому, что цены сельскохозяйственных продуктов отнюдь не имеют тенденции, подобно продуктам промышленности, к понижению при неизменной стоимости золота. Они, напротив, очень часто имеют тенденцию к повышению.

Положение рабочего может улучшиться, как потребителя продуктов промышленности, и одновременно, как потребителя сельскохозяйственных продуктов, ухудшиться. При этом земельные собственники получают сверх-прибыль, набивая карманы растущей земельной рентой.

Таким образом, участие рабочих в выгодах растущей производительности труда незначительно, неверно, чрезвычайно изменчиво. Напротив, участие капиталистов и крупных землевладельцев непрерывно и составляет львиную долю этих выгод.

Подчеркнуть это обстоятельство чрезвычайно важно, ибо на нем, главным образом, основано то растущее классовое противоречие между трудом и капиталом, котрое с неизбежностью приводит к классовой борьбе и к социализму, как ее конечной цели. Эта мысль должна поэтому быть ясно выраженной во всякой социалистической программе.

Если же робкие души испугались бы выразительной формы изложения, и ничем другим не удалось бы успокоить их, то вместо «монополизации в с е х выгод растущей производительности труда» можно было бы сказать «п о ч т и в с е х». Это, надеюсь, утолит жажду научной точности.

VI. Средние классы.

Указав на то, что собственники крупных средств производства присвоивают все (или почти все) выгоды порождаемой крупным производством производительности труда, Эрфуртская программа показывает и оборотную сторону медали:

«для пролетариата же и упадочных средних классов — мелких горожан, крестьян — эта метаморфоза означает увеличение роста необеспеченности существования» и т. д.

Поговорим сначала о средних классах. Здесь прежде всего сделано будет возражение против причисления крестянства к «упадочным» средним классам. К таковым, как мы только что видели, крестьянство не принадлежит, и при том — по двум основаниям. Прежде всего, крестьянство и не думает исчезнуть. Далее, и среднее, и крупное крестьянство отнюдь не впадают в нищету. Мы вступили в период растущих цен на с'естные припасы и растущей земельной ренты; на этом обогащаются не только владельцы латифундий и помещичьих имений, но и крестьяне, поскольку хозяйство их настолько велико, что продажа продуктов составляет главную статью дохода. Следовательно, к числу тех, кто в выгодах капиталистического развития никакого (или почти никакого) участия не принимает, мы должны причислить не крестьянство вообще, но только мелкое крестьянство.

Но, наряду с ним и мелкими горожанами, мы должны указать еще на один социальный слой, который во время составления Эрфуртской программы еще не играл никакой роли и фигурировал,

главным образом, в качестве придатка буржуазии. С тех пор он колоссально вырос в числе и превратился в отличную от буржуазии среднюю группу, все более приближающуюся к пролетариату, как по своему классовому положению, так и по своим воззрениям.

Это — слой «умственных работников» или «интеллигентов», среди которых служащие и чиновники выделяются по численности и значению.

С 1882 по 1907 год число служащих в земледелии, промышленности и торговле возросло с 307 000 до 1 291 000, между тем как число наемных рабочих, в собственном смысле, только с 10 705 000 до 17 836 000, число же самостоятельных с 5 191 000 до 5 490 000.

Следовательно, число самостоятельных осталось почти неизменным, число наемных рабочих не вполне удвоилось, в то время как число служащих у ч е т в е р и л о с ь.

Наиболее сильный рост числа служащих отмечает промышленность: с 99 000 до 686 000 или почти в семь раз, между тем как число промышленных наемных рабочих возросло несколько больше, чем вдвое, поднявшись с 4 миллионов до 8,5 миллионов.

Из каждой 1000 занятых промысловой деятельностью в сельском хозяйстве, промышленности и торговле было:

	1882	1907
Самостоятельных	320	223
Рабочих	661	725
Служащих	19	52

Число состоящих на службе у государства, общин и церкви, а также лиц свободных профессий возросло не так сильно, но все же сильнее, чем общий рост населения. Эти категории, если не считать армии и флота, круглым счетом охватывали в Германии

1882	1907	Увеличение
579 000	1 087 000	+88%

В то же время общая численность населения увеличилась всего лишь на 37%, а среди промыслового населения увеличение было на 52%.

Сосчитывая число служащих, государственных и иных чиновников и лиц свободных профессий вместе, получаем группу довольно разнородных элементов, которых охотно об'единяют под именем «нового среднего сословия» или «интеллигенции». Это «новое среднее сословие» насчитывало в 1882 году 886 000, а в 1907 году 2 377 000 или на 1 491 000 больше. «Старое» же «среднее сословие», насчитывавшее в 1882 году 5 191 000, составляло в 1907 году 5 490 000 или увеличилось за тот же промежуток времени только на 300 000. При этом численность старого среднего сословия преувеличена, так как к нему были отнесены все самостоятельные в сельском хозяйстве, промышленности и торговле, хотя часть из них владеет и управляет крупными предприятиями, другие же фактически являются пролетариями, как, напр., домашние рабочие.

По своей численности новое среднее сословие скоро сравняется со старым, а по экономическому значению давно превосходит его, потому что старое сословие связано с паразитическими или экономически-отсталыми, несовершенными предприятиями, новое же решительно превосходит его в этом отношении, работая в самых совершенных и экономически самых необходимых предприятиях.

Но не только число и значение интеллигенции за последние десятилетия выросло необычайно, — больше, чем какой-либо другой из общественных слоев. Ее экономическое положение также претерпело основательные изменения.

Быстрый рост «нового среднего сословия» стал возможен только потому, что были созданы многочисленные высшие образовательные учреждения, открывавшие доступ широким народным массам к знанию, далеко превосходящему те обрывки знания, которые давались народными школами. Но вместе с тем высшее образование уже не дает сво-

ему обладателю привилегированного положения в обществе.

В прежние времена для получения высшего образования требовались значительные денежные средства или исключительные способности и энергия. Число лиц с высшим образованием было незначительно; спрос на них, по крайней мере в практических областях, превышал предложение и давал надежду хорошо устроиться и нередко даже достичь блестящего положения в буржуазном обществе, если они не посвящали себя целиком бесхлебному искусству, напр., пытались существовать исключительно лирической поэзией.

В то время можно было группу интеллигенции просто причислить к буржуазии, с которой она нередко связана была происхождением, в среду которой принималась, как равная, зачастую даже с признанием за нею превосходства, и, наконец, образ жизни которой был ей близок.

Все это очень быстро изменилось и при том не только после революции. Перемена началась уже за несколько десятилетий до войны, вследствие массового производства «интеллигенции». Быстро теряет она свое привилегированное положение. Ее источники доходов и зависимость от капитала принимают все более пролетарский характер и ощущаются ею тем болезненней, чем резче противоречит новое положение унаследованным привычкам буржуазного уклада, и чем незначительнее боевая сила этих новичков в сфере классовой борьбы, по сравнению с ветеранами-пролетариями.

Новый ход развития не на всю интеллигенцию действует одинаково. Он рождает среди нее многообразные и весьма противоречивые течения.

Часть интеллигенции ударяется в карьеризм, в «искательство мест». В противоположность к пролетариату в рядах интеллигенции издавна встречается иерархия с блестящими верхушками. Чем больше возрастает масса присвоиваемой капиталистами прибавочной стоимости, тем большими средствами располагают они для высокой оплаты чрез-

вычайных услуг, либо повышающих в значительной мере их прибыль, либо доставляющих им особенное удовольствие, либо вообще приносящих большую пользу. Не только любовницы и скаковые лошади, но и блестящие певицы, знаменитые адвокаты и врачи, выдающиеся директора банков и других предприятий высоко оплачиваются капиталистами. Эти платежи производятся за работу и, как будто, имеют вид трудового дохода, заработной платы. Но в большинстве случаев они производятся из прибавочной стоимости и возможны, только благодаря высокой эксплуатации чужого труда. Интеллигенты, получающие такого рода доходы, принимают самое полное участие в выгодах, доставляемых гигантским ростом производительности труда.

Достичь столь прекрасного положения — мечта многих и многих интеллигентов. Но всегда лишь немногим удавалось добиться блестящей карьеры, а с ростом числа конкурентов достижение этой цели становилось все более безнадежным делом.

Те из карьеристов, которые не одарены всепобеждающей гениальностью, пытаются искусственными мерами уменьшить число конкурентов. Если не в области искусства, где эти попытки заранее обречены на неудачу, то в области наук — не столько в сфере научного исследования, сколько в области прикладных знаний — должны быть восстановлены прекрасные порядки стародавних времен, когда знания, дававшие право на занятие должности, были уделом немногих. Эти попытки не встречают никакой опоры в капиталистических тенденциях, которые сами, ведь, создали массовое производство образованных людей и которые враждебны всяким привилегиям, кроме одной — экономическому превосходству денежного мешка. Приходится, следовательно, прибегать к докапиталистическим тенденциям, цеховым и феодальным, которые должны быть взяты под защиту государственной власти.

Мы имеем здесь в виду стремления интеллигенции, особенно характерные для Германии. На во-

сток от Германии еще нет перепроизводства интеллигенции. На запад от нее капиталистические тенденции так сильны, что они исключают всякую мысль о восстановлении цеховых привилегий, хотя в самой Англии, как в землевладении, так и в университетском деле, еще сохранились феодальные формы. К бессилию цеховых тенденций против капитала присоединяется еще одно обстоятельство: огромные колониальные владения в Англии и других странах Западной Европы, открывающие интеллигенции широкое поле для приложения своих сил.

Напротив того, в Германии, и именно в Пруссии, государственная власть до последней революции была так сильна, что она смогла отдельные, ближе к ней стоящие, слои образованного класса поставить в привилегированное положение за счет остального населения. Вернуть это положение и укрепить его составляет страстное желание многочисленных служителей науки в современной Германии, желание, еще усилившееся вследствие наступившего с тех пор недостатка в колониях и полной безнадежности добыть их.

Среди интеллигенции этого рода стремления к восстановлению монархии, к реваншу, даже к мировому господству, с одной стороны, и к установлению феодальных привилегий, с другой, необычайно сильно распространены. Как и всякое незначительное меньшинство, которое стремится к привилегированному положению за счет подавляющего большинства, эта группа интеллигенции расчитывает только на самую беспощадную, грубую силу. И цели ее так сильно противоречат тенденциям действительного развития, что ее представителям приходится закрывать глаза на знамения времени, если они не хотят отчаяться в осуществимости своего идеала.

Отсюда и получилось то своеобразное явление, что в области науки Германия шествует во главе народов, а верхи ее науки, большинство профессоров и студентов, ряд судебных деятелей, педаго-

гов и т. п. в жестокости и политической слепоте не знают себе равных. Если бы им удалось в Германии захватить такую же власть, как большевикам — в России, они еще превзошли бы этих последних в их приятных свойствах.

Они составляют небольшой, хотя и очень заметный, слой интеллигенции. Большинство интеллигенции — и притом постоянно растущее большинство — развивается в прямо противоположном направлении. По мере исчезновения их привилегированного положения для них становится все яснее, что, живя наемным трудом, они подчинены тем же социальным условиям, что и работающие по найму, так называемые работники физического труда, с которыми они составляют о д и н класс. Поэтому они все больше проникаются сознанием, что прочное улучшение их положения возможно лишь в результате повышения уровня жизни всего пролетариата в целом. Подобно рабочим, они не пользуются плодами растущей производительности труда и свою долю участия в пользовании ими могут получить лишь в том случае, если крупные средства производства перейдут в собственность общества.

Многочисленные слои интеллигенции уже до войны стали примыкать к пролетарской классовой борьбе. Революция чрезвычайно ускорила этот процесс, и в этом состоит одно из важнейших ее завоеваний.

Интеллигенция издавна имеет крайне важное значение для классовой борьбы пролетариата. На первых порах, правда, только в лице отдельных своих представителей, принесших пролетариату те знания, которых он при своем положении не мог добыть собственными силами и в которых он крайне нуждался для успешного ведения классовой борьбы.

При этом интеллигенты имели значение для рабочего движения не количественное, но исключительно качественное. Один только мыслитель, как Маркс, мог поднять уровень пролетарско-

го движения на целое столетие вперед. К сожалению, не только отдельные ясные умы примыкали к пролетариату, побуждаемые к тому своим миросозерцанием. В рабочем движении искали прибежища и всякого рода путаные головы, осмеянные буржуазией за чудачество. Приобретя влияние на широкие рабочие массы, один такой путаник может натворить невероятных бед.

Маркс всегда был чрезвычайно терпим по отношению к рабочим. Встречая неправильные воззрения в их среде, Маркс, по мере сил, старался, конечно, заменить их правильными и ясными. Ко всякой группе рабочих, не гнувших трусливо шею перед капиталом, Маркс относился с глубокой симпатией, к какому бы направлению они не примыкали, если только они признавали свободу социалистической пропаганды. Он был убежден, что логика вещей, в конце концов, приведет их на правильный путь.

Напротив того, к интеллигентам, примыкавшим к рабочему движению, Маркс пред'являл самые суровые требования. Только лучшие из них казались ему достаточно хорошими.

Пролетариат еще и в настоящее время крайне нуждается в хорошо образованных и ясно мыслящих интеллигентах. Он, правда, сильно вырос в духовном отношении и выдвинул много мыслителей из своей среды. Однако, средний образовательный уровень, доступный пролетариату, все еще очень недостаточен, и крайне редки случаи, когда рабочему удается подняться так высоко, чтобы без руководства ученых специалистов разрешать исторические и экономические проблемы, возникающие перед нами в постоянно возрастающем множестве.

За последние десятилетия, однако, интеллигенция приобретает совсем новое значение для рабочего движения. Теперь интеллигенция важна для него не только в лице отдельных ее представителей, но и как масса. Последняя приобретает важное значение не столько тем, что несет с собой больше вдумчивости и дальновидности, сколько пролетар-

ским духом, развивающимся в ее рядах, вследствие новых условий жизни и труда. Будучи новичками в рабочем движении, они и в экономической и в политической области зачастую отстают от рабочих, прошедших долгую школу борьбы. У этих последних им многому надо поучиться. Но и они, в свою очередь, могут дать рабочим много ценных и новых взглядов, так как условия их труда открывают им доступ в такие области, которые закрыты для так называемых работников физического труда. И при этом они весьма значительно усиливают ряды пролетариата своей массой. Они становятся, таким образом, важным фактором его растущей силы.

Эта интеллигенция все меньше пользуется благами растущей производительности труда, плоды которой столь же мало доступны ей, как и рабочим.

Усиление классовой борьбы пролетариата новым элементом — интеллигенцией было еще мало заметно в то время, когда составлялась Эрфуртская программа. Она поэтому ничего не говорит об интеллигенции. Но в настоящее время социалистическая программа, конечно, не может не указать на этот фактор. Герлицкая программа тоже пытается сделать это, однако неудачно. Она говорит:

«Германская Социалдемократическая Партия есть партия трудящегося народа города и деревни. Она стремится об'единить всех работников физического и умственного труда, живущих продуктом собственной работы, сплотив их общностью идеалов и целей для борьбы за демократию и социализм».

Эрфуртская программа, напротив, говорит, что грядущее общественное преобразование может быть делом только «рабочего класса», а не «трудящегося народа».

В чем здесь разница? Под рабочим классом разумеют класс наемных рабочих или рабочих, лишенных собственности, другими словами, рабочих, не являющихся собственниками применяемых ими средств производства и вынужденных поэтому продавать свою рабочую силу капиталисту. Рабочий

остается лишенным собственности и в том случае, если владеет некоторым запасом средств потребления: одеждой, бельем, мебелью, книгами, потребительным фондом в сберегательной кассе и проч.

Но эти лишенные собственности рабочие не составляют всего трудящегося народа, а только один класс внутри него. На ряду с ним есть много трудящихся, являющихся собственниками применяемых ими средств производства, но так же, как и пролетариат, «живущих доходом от собственного труда».

И они тоже страдают от капиталистического развития, но спасения от его последствий они, как общее правило, ищут не в социализме. Крестьяне и цеховые мастера не только далеки от мысли стать участниками и сотоварищами в классовой борьбе пролетариата, но, напротив, являются злейшими ее противниками. Если в этом пункте что-либо изменилось со дня принятия Эрфуртской программы, то лишь в смысле обострения этого противоречия. В заключительных положениях моего комментария к Эрфуртской программе я еще высказывал надежду, что мелкие крестьяне, быстро идущие к разорению, примкнут к пролетариату, как только убедятся в безвыходности своего положения. Выше я уже указал, что в этом пункте мы ошиблись. Крестьяне не разоряются, но, наоборот, во многих случаях преуспевают, благодаря растущей дороговизне с'естных припасов. Они примыкают не к пролетариям, но к крупным землевладельцам. Вышеприведенное положение Герлицской программы было бы ложным даже 30 лет тому назад, когда составлялась Эрфуртская программа, еще в меньшей мере оно соответствует действительности теперь.

Появление нового элемента в классовой борьбе пролетариата—интеллигенции должно побудить нас не к об'явлению социалдемократии партией «трудящегося народа», но к выяснению интеллигентам их пролетарского положения, выход из которого к более высокому уровню жизни возможен

для них только в об'единении со всем пролетариатом. Это следует сказать в той части программы, которая посвящена средним классам, ныне уже не характеризуемым нами, как «гибнущие». Учитывая позднейший опыт, приобретенный нами относительно этого пункта Эрфуртской программы, мы можем следующим образом формулировать данный абзац:

«Все преимущества и выгоды этого преобразовательного процесса монополизируются капиталистами и крупными землевладельцами. Не только пролетарии, но и средние классы, мелкие горожане и мелкое крестьянство, почти совершенно лишены этих выгод. Это относится и к так называемому «новому среднему сословию», численность которого быстро возрастает, прежнее привилегированное положение столь же быстро исчезает, а интересы все больше совпадают с интересами работников физического труда».

VII. Обнищание.

Мы теперь подходим к крупнейшему камню преткновения, — к тому положению Эрфуртской программы, которое подверглось наиболее ожесточенным нападкам. В этом положении говорится, что капиталистическое развитие означает для пролетариата и средних классов ничто иное, как

«усиление роста необеспеченности существования, нищеты, угнетения, рабства, унижения, эксплуатации».

Разве же это не ложно от начала до конца? Все зависит от того, как понимать это положение. Если понимать его так, будто пролетариат все более погружается в нищету, то оно, конечно, неверно. Но такое понимание было бы совершенно не марксистским, но до-марксистским.

В первой половине прошлого столетия, действительно, было констатировано всеобщее, безостановочное и все растущее обнищание рабочих масс. Этот факт и был причиной, толкнувшей друзей пролетариата на поиски нового, более совершенного общественного строя, исключавшего всякую возможность нищеты. Но это же безнадежное обнищание указывало и на то, что пролетариат не в состоянии освободить себя собственными силами. Буржуазные друзья человечества, стремившиеся к социализму, расчитывали осуществить его с помощью богатых или влиятельных в государстве элементов господствующих классов.

Борцы пролетариата, воспитанные в традициях якобинства, не возлагали никаких надежд на буржуазных друзей человечества, — и с полным к то-

му основанием. Но они не верили и в силы возрождения своего собственного гибнущего класса. Они искали спасения в заговорах, в восстании. Те элементы пролетариата, в которых нищета еще не убила всякой энергии, должны были сплотиться в качестве «передового отряда», как ныне выражаются коммунисты, чтобы внезапным нападением вырвать у господствующего класса политическую власть и установить диктатуру, которая введет социализм. Только полный невежда в области истории социализма может усмотреть в этих идеях высший расцвет марксистского мышления. Они характеризуют очень примитивный уровень развития пролетариата и до-марксистский метод мышления.

Маркс признал непригодными, как восстания, так и обращения к доброму сердцу имущих. Он знал только один путь освобождения пролетариата — силами самого пролетариата: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса».

Но может ли быть способен к этому класс, все быстрее идущий к упадку, все глубже погружающийся в нищету?

Здесь начинается то великое новое, что дано Марксом: капитализм означает для рабочих масс неминуемое и все более глубокое обнищание, е с л и не встречает сопротивления с их стороны.

Но капитализм сталкивается с этим сопротивлением. Капиталистическое развитие создает не только нищету пролетариата, но и те условия, благодаря которым борьба с этой нищетой становится все более успешной. На это указал уже Энгельс в 1845 году в своей работе: «Положение рабочего класса в Англии»; два года спустя Коммунистический манифест подчеркнул:

«С развитием промышленности растет не только численность пролетариата; он скопляется все большими массами, его сила растет, и он все больше сознает свою силу ... Рабочие начинают об'единяться в союзы против буржуазии, они сплачиваются вместе для отстаивания заработной платы... Нужна

лишь связь, чтобы многие местные бои одинакового характера централизовать в борьбу национальных размеров, в классовую борьбу. Но всякая классовая борьба есть борьба политическая...

Организуясь в класс и становясь вместе с этим политической партией, пролетариат добивается законодательного признания отдельных требований рабочих, используя при этом раздоры внутри буржуазии. Так было в Англии с биллем о 10-часовом рабочем дне.

Столкновения внутри старого общества вообще способствуют развитию пролетариата, ускоряя его во много раз».

Эти столкновения прочих классов буржуазного общества между собой и их использование являются одним из важнейших средств под'ема пролетариата. Разумеется, сторонникам восстаний с их диктатурой не было надобности считаться с этим фактором. Фраза о единой «реакционной массе» есть отголосок такого образа мышления. Маркс ненавидел ее, как политически-одуряющее выражение.

Маркс и Энгельс первые подчеркнули значение классовой борьбы пролетариата, но одновременно указали и на то, какое значение для пролетариата имеет борьба других классов между собой. Они отнюдь не думали, будто использование «столкновений внутри старого общества» означает отказ от классовой борьбы.

Уже в самом начале своей деятельности Маркс и Энгельс видели в классовой борьбе пролетариата и в использовании им междоусобных споров других классов то средство, которое духовно возродит пролетариат и сделает его способным добиться собственного освобождения. Но они в то время слишком преуменьшили потребный для этого срок. Коммунистический манифест в своей заключительной части говорит:

«Немецкая буржуазная революция (которая в 1847 году была еще впереди. К.) может быть только непосредственным прологом пролетарской революции».

Они ожидали революции в Германии, которая бы превзошла по силе и продолжительности Великую Французскую Революцию. Они ошиблись в

этом точно так же, как и переоценили силы тогдашнего пролетариата в Германии. Революция 1848 года привела к поражению парижских рабочих в июне и к крушению английского чартизма. Этим на первых порах было покончено и с пролетарским движением в Германии.

Когда в начале шестидесятых годов рабочие массы повсюду снова приходят в движение, английский пролетариат уже имел за собой десяток лет новых экономических условий: 10-часовой рабочий день, завоеванный в 1847 году, прочно укоренился, и не в малой мере благодаря ему английские профессиональные союзы стали значительной силой.

В соответствии с этим и Учредительный адрес Интернационала, составленный Марксом в 1864 году, ведет уже иную речь, по сравнению с социалистической литературой прежнего времени. Он констатирует, что, несмотря на блестящий экономический под'ем, масса нищеты не уменьшилась. Однако, говорит далее документ, в этой мрачной картине есть и светлая сторона:

«Значительные физические, моральные и интеллектуальные выгоды, которые дал закон о 10-часовом дне фабричным рабочим».

О безостановочном падении все глубже в бездну нищеты уже нет речи. С тех пор «физический, моральный и интеллектуальный» под'ем многих слоев пролетариата сделал новые успехи, по мере расширения сферы законодательной охраны труда, дальнейшего сокращения рабочего дня и роста профессиональных союзов.

Признание этого не только не противоречит Марксовскому пониманию общественного развития, но, скорее, является его предпосылкой, служа обоснованием тому убеждению, что освобождение рабочего класса будет делом самого рабочего класса.

Создавая Эрфуртскую программу, я также стоял на этой точке зрения. Об этом свидетельствует мой комментарий к Эрфуртской программе, в котором

имеется особая глава о «Борьбе между возвышающими и подавляющими пролетариат тенденциями», начинающаяся следующими словами:

«Под'ем пролетариата с его низкого уровня — процесс естественно необходимый и неизбежный, но это вовсе не мирный процесс, и совершается он не равномерно... Но к счастию для дальнейшего развития человеческого общества в большинстве слоев пролетариата рано или поздно наступает момент, когда возвышающие тенденции приобретают решительный перевес».

Но как же в таком случае согласовать с этим воззрением положение программы об «усилении роста необеспеченности существования, нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации»? Есть-ли хоть крупинка соли, которая сделает «с'едобным» это положение Эрфуртской программы? Конечно, есть, и она делает это положение не только приемлемым, но и совершенно необходимым.

Прежде всего нужно сказать следующее: рост необеспеченности существования, нищеты, гнета, эксплуатации равнозначны увеличению в данном обществе числа лишенных собственности рабочих; по сравнению с ним число рабочих, владеющих орудиями производства, напр., крестьян, ранее составлявших огромное большинство трудящегося населения, все более уменьшается. Пролетарий по сравнению с свободным крестьянином испытывает большую необеспеченность, находится в большей зависимости, подвергается сильнейшей эксплуатации.

Если пролетариат становится самым многочисленным классом, то это означает, таким образом, растущую необеспеченность существования и т. д. внутри общества, хотя внутри пролетариата необеспеченность, гнет, нищета, эксплуатация могут, при соответствующих обстоятельствах, не только не возрастать, но даже уменьшаться.

Но и внутри пролетариата программное положение о росте нищеты остается в силе, если его понимать, как тенденцию. Движущей силой ка-

питалистического способа производства является прибыль, и погоня за умножением прибыли неразрывно связана со стремлением капиталиста увеличить степень эксплуатации, зависимости, необеспеченности существования наемного рабочего, уменьшить его заработную плату и удлинить муки рабочего дня (смотри в «Капитале» Маркса главу об абсолютной и относительной прибавочной стоимости). Тенденция, выраженная в оспариваемом положении Эрфуртской программы, неизбежно пробивает себе путь всюду, где капитал не встречает преград в этом направлении. Но и там, где капитал встречает такие преграды, он всегда изыскивает средства к их преодолению, обнаруживая при этом величайшую изобретательность и величайшую беспощадность. Для достижения своей цели он использовывает все вспомогательные средства науки, техники, средств сообщения.

Так, даже над головой наиболее высоко стоящих слоев пролетариата всегда угрожающе висит Дамоклов меч безработицы, замещения необученными или незрелыми рабочими. В любой день самые гордые «рабочие аристократы» могут оказаться выброшенными на мостовую новой машиной, новым методом работы или вытеснением с рынка их продуктов другими. В стране с наивысшей заработной платой новые железнодорожные или пароходные линии могут подвезти из отсталых стран толпы неорганизованных штрейкбрехеров с ничтожными потребностями и таким образом ухудшить условия труда.

Верно то, что большая и все растущая часть наемного пролетариата в настоящее время уже не находится в том положении, в котором находилась во времена Коммунистического манифеста, с полным основанием утверждавшего, что «пролетариям нечего терять, кроме своих цепей». Теперь они могут многого лишиться. Они находятся в постоянной опасности снова потерять уже завоеванное, если их сила и бдительность ослабеют. При этом защита уже приобретенного ведется еще энергичнее, чем

борьба за новые завоевания. Успехи рабочего класса, таким образом, отнюдь не устраняют противоположности интересов труда и капитала, но еще больше углубляют ее; в то же время в ходе экономического развития все больше возрастает число лиц, интересы которых противоположны интересам капитала.

Здесь мы подходим к третьей стороне обсуждаемого нами положения. Оно может быть рассматриваемо, как психологический факт.

Психологическая сторона вообще играет большую роль во всей Эрфуртской программе. Программа указывает не только на постоянный рост численности рабочего класса, но и на то, что условия существования пролетариев делают их психику восприимчивой к идеям социализма. В конце концов, эта психика неизбежно толкает рабочих в ряды социалдемократии.

Таким образом, вышеуказанное положение можно понимать и в том смысле, что нищета, эксплуатация, гнет, необеспеченность, на которые капитал обрекает рабочих, все острее воспринимаются рабочими и переносятся ими все с большим трудом, независимо от того, возрастают ли эти лишения абсолютно или нет. Ведь, все эти понятия, эксплуатация, нищета, гнет, и т. д. — понятия относительные. Одни и те же жизненные условия в различной исторической обстановке могут в одном случае считаться удовлетворительными, в другом — казаться невыносимыми.

Как при одновременном абсолютном улучшении условий существования пролетариата им может сильнее восприниматься чувство угнетения и нищеты, я указал в своем комментарии к Эрфуртской программе, в котором в существенных чертах уже развиты мысли, излагаемые мною теперь. В главе 12 раздела 5, посвященной «Социалдемократии», я говорю:

«С помощью классовой борьбы пролетариат поднимается скорее морально, чем экономически. Экономическое положение пролетариата, в общем и целом, улучшается, благодаря

классовой борьбе и ее завоеваниям, лишь слабо и медленно, если только вообще улучшается. Но зато в пролетариате растет чувство самоуважения, и растет уважение к нему других классов общества. Пролетарии начинают чувствовать себя равноправными с высшими классами и сравнивать свою судьбу с их судьбой; они становятся требовательнее в отношении одежды, жилищ, знания, образования детей и т. д., хотят пользоваться всеми благами культуры. Повышается и чувствительность их ко всякому унижению и угнетению.

Этот нравственный под'ем пролетариата тождествен с пробуждением и постоянным ростом его «жадности». А она растет гораздо быстрее улучшений в его экономическом положении, совместимых с нынешней системой эксплуатации. Все эти улучшения, от которых одни с радостью, а другие с боязнью, ожидают, что они сделают рабочих довольными, неизбежно отстают от требований пролетариата, естественно возрастающих вместе с его нравственным под'емом.

Только социалистическое производство сможет устранить несоответствие между требованиями рабочих и средствами их удовлетворения, уничтожив эксплуатацию и разделение на классы; благодаря этому исчезнет такой могущественный стимул к недовольству рабочих своей долей, как роскошь эксплуататоров. С устранением этого соблазна соразмерность притязаний рабочих с наличными средствами их удовлетворения придет сама собою».

Возрастают не только материальные требования рабочего, но в еще большей мере его моральные запросы. Все сильнее растет в нем сознание самодовлеющей ценности его личности, и все больше угнетает мысль, что в производстве он играет роль простого орудия в руках капиталиста, а не является свободным производителем, действующим в сотрудничестве с другими.

На ряду с ростом этих запросов растет и противодействие со стороны капиталистов.

Покуда масса наемных рабочих вырождалась физически и морально, в рядах имущих классов еще находились защитники пролетариата, пытавшиеся облегчить его жребий, отчасти из сострадания, отчасти же из страха перед крахом, угрожающим обществу, столь хищнически истребляющему свои рабочие силы.

В те времена элементы, непосредственно заинтересованные в капиталистической эксплуатации, еще не составляли большинства в имущем клас-

ce, и даже среди этих элементов было не мало таких, которые, напр., стояли за охрану труда, зная хорошо, что сокращение, в известных пределах, рабочего дня настолько повысит производительность труда, что вслед за этим вскоре повысится и прибыль.

Но интерес буржуазных кругов к охране труда начинает исчезать, как только сказывается благотворное действие законодательного ограничения рабочего дня, и наихудшие последствия чрезмерного труда и физическое вырождение пролетариата до некоторой степени парализуются. Этот интерес все больше превращается в свою противоположность, в решительное противодействие по мере того, как возрастает численность элементов внутри буржуазии, получающих свой доход от капиталистической промышленности. И превращение это происходит тем быстрее, чем больше каждое новое сокращение рабочего времени приближается к той границе, за которой начинается сокращение продукта и понижение прибыли. Десятичасовый рабочий день почти повсюду не мог быть завоеван силами одного рабочего класса. Для этого пролетариат был слишком слаб, и он добился этого закона только благодаря поддержке многочисленных элементов буржуазии. Но всякий дальнейший прогресс в этом направлении прекратился, покуда в революционных боях нашего времени пролетариат не окреп настолько, что мог завоевать собственными силами 8-часовый рабочий день. Так, с каждым новым завоеванием классовой борьбы, растут и классовые противоречия.

Мы видели, что обострение этой противоположности интересов проявляется в очень различных формах, характеризуемых разбираемой нами фразой о росте необеспеченности существования, гнете и т. д.

Подчеркнуть эту растущую противоположность является чрезвычайно важным, ибо она относится к тем именно явлениям общественной жизни, кото-

рые одни только делают понятным неизбежность социализма.

Для нас, марксистов, социализм не является идеальной картиной совершенного общества, придуманного мудрецами. Наш исходный пункт — пролетариат, тот класс, который наряду с капиталистами характеризует современное общество и впервые в нем появляется. Мы познали, что ему принадлежит историческое будущее, что он достигнет того могущества, которое позволит ему преобразовать производство соответственно своим интересам. Задача социалистов состоит в том, чтобы найти необходимые для этого производственные формы. Для этого недостаточно знать, что время мелкого производства прошло и будущее принадлежит крупному производству. Мы должны также дать себе ясный отчет в том, как расценивать бесспорный под'ем пролетариата.

Новейшая буржуазная экономическая наука соглашается с тем, что капитализм имеет тенденцию к увеличению нищеты, эксплуатации и т. д. Но эта тенденция относится лишь к эпохе раннего капитализма и является одной из детских болезней его. С дальнейшим развитием капитализма она будет преодолена. Чем выше развитие капитализма, тем выше благосостояние рабочего класса; вместе с тем все больше развиваются и социальные понятия капиталистов. Следовательно, все больше сглаживаются классовые противоположности, и все легче достигается соглашение между капиталистами и рабочими. Последние все лучше устраиваются в рамках капиталистического способа производства и отказываются желать лучшего.

Если бы все это действительно являлось исторической тенденцией капитализма, то в социализме не было бы ровно никакой надобности. Ленин, конечно, думает, что пролетариат только и существует ради осуществления социализма. Он хочет теперь насадить в России новый капитализм для создания пролетариата, который осуществит социализм. С нашей же точки зрения, не пролета-

риат для социализма, а социализм для уже существующего пролетариата, потому что, кроме социализма, никакого другого средства для удовлетворения пролетариата и для его освобождения мы не видим. Если имеется другое, более близкое, простое средство, к чему тогда социализм?

Итак, для нас имеет кардинальное значение вопрос о том, смягчается ли противоположность классовых интересов, и есть-ли основание ожидать согласительного мира, как конечного результата классовой войны пролетариата и буржуазии.

Ответ Герлицской программы на этот вопрос смягчен по сравнению с ответом, даваемым Эрфуртской программой. Герлицкая программа говорит о капиталистическом хозяйстве следующее:

«Оно усилило экономическое неравенство и противопоставило незначительному, в изобилии живущему меньшинству широкие слои населения, изнывающие в лишениях и нищете».

Что так б ы л о, это признают и буржуазные экономисты. Но они утверждают, что так н е д о л ж н о б ы т ь и н е б у д е т. Герлицкая программа на этот счет молчит. В противоположность Эрфуртской программе она, кроме того, молчит и об угнетении и эксплуатации, упоминая лишь о нужде и нищете. Однако, нужда и нищета могут уменьшиться, и тем не менее при быстром росте производительных сил степень эксплуатации будет возрастать, а гнет капитала будет ощущаться все невыносимее.

В следующей фразе Герлицкая программа говорит, правда, о будущем. Но как?

«Мировая война и продиктованные победителями мирные договоры, еще больше обострили этот процесс. Они ускорили концентрацию предприятий и капитала и углубили пропасть между капиталом и трудом, богатством и бедностью».

Несомненно, все это верно. Но какова будущность капитализма там, где влияния мировой войны и ее принудительных договоров не чувствуются, или после того, как их последствия будут преодолены?

Герлицкая программа нигде не констатирует дальнейшего обострения классовых противоречий, как неизбежного следствия развития капиталистического производства.

Конечно, необходимо иметь правильное понятие об этом обострении. Его нужно понимать не в духе Радека-Троцкого, полагающих, что оно выражается в возрастающем ожесточении социальных конфликтов и достигает высшей точки развития в самых беспощадных массовых избиениях. Так дико нельзя истолковывать положения об обострении классовых противоречий.

В период раннего капитализма борьба с капиталом сводится почти исключительно к борьбе против прямого голода, против безграничной муки труда, против убийства детей на фабриках, против эпидемий, против разорения всякого рода. Поскольку борьба велась не буржуазными друзьями человечества, но пролетариями, она выражалась в форме внезапных взрывов отчаяния темных и неорганизованных масс, редко приводивших к чему-либо иному, кроме бессмысленных разрушений.

Пролетариат того времени нашел наиболее яркое художественное изображение в «Ткачах» Гауптмана и рисунках Кэт Кольвиц. Но это — не тот пролетариат, который себя освободит и принесет миру социализм.

Из моря нищеты, представляемой этим пролетариатом периода раннего капитализма, поднимается все более могучий пролетариат развитого капитализма. Его борьба, в которой он все реже встречает поддержку из рядов буржуазии, и все меньше нуждается в ней, становится все в меньшей степени борьбой против голода, бесконечной муки труда, разорения и т. д., и все в большей мере превращается в борьбу за самоутверждение личности, за равенство и, наконец, за власть, за власть не только в государстве, но и на фабрике.

Не из борьбы против нищеты, но из борьбы за свободу и власть появится социализм. Где пролетариату приходится все силы свои отдавать на

борьбу с нищетой, там не созрели еще условия для социализма. Но борьба за власть означает гораздо более резкое столкновение противоположных интересов, нежели борьба с нищетой, порою умеряемая на стороне капиталистов состраданием к беспомощной бедноте. Такого примиряющего мотива не может явиться у капиталиста, если его положению «хозяина в доме» угрожает сильный профессиональный союз или, еще того хуже, рабочее правительство.

Средства, которыми ведется современная борьба классов, все более, правда, цивилизуются. Друг другу противостоят хорошо организованные противники, прошедшие долгую школу борьбы, учитывающие каждый свой шаг. При каждом конфликте они точно соразмеряют силы и в сомнительных случаях предпочитают мирное соглашение открытой войне. И все-таки результатом борьбы никогда не бывает согласительный мир, но лишь вооруженное перемирие, усердно используемое обеими сторонами для дальнейших вооружений.

Конфликты, разрешаемые открытой борьбой, становятся все более редким явлением, по крайней мере, в нормальные времена, к каковым не относятся периоды военного и экономического краха и обесценения денег. Но если дело дошло уже до открытой борьбы, то в нее легко вовлекается, прямо или косвенно, половина нации. И, каков бы ни был исход борьбы, она потрясает всю нацию до самых глубин.

Даже в тех случаях, когда борьба кончается победой рабочих, ее результаты всегда сильно отстают от запросов пролетариата, растущих вместе с увеличением производительности труда и капиталистической роскоши. Но, с другой стороны, результаты победы всегда превосходят то, что капиталисты были бы склонны уступить добровольно. Таким образом, пропасть между капиталистами и рабочими все больше углубляется, и постоянно растет стремление капитала к увеличению совре-

менной суммы нищеты, угнетения, эксплуатации и т. д.

Мы видим, таким образом, что положение Эрфуртской программы, говорящее об усилении роста вышеуказанных явлений, имеет, при правильном его понимании, величайшее значение для понимания и обоснования социалистического движения.

Возникает лишь вопрос, насколько удачна формулировка этого положения. Я должен признать, что на первый взгляд она, действительно, допускает не марксистское, а до-марксистское понимание, т. е. будто пролетариат становится все более голодным, все более зависимым, все более порабощенным, другими словами, все более неспособным освободить себя собственными силами.

Я тем не менее остановился на этой формулировке потому, что ее выразительная краткость произвела на меня сильнейшее впечатление. Она не принадлежит мне и взята мною из «Капитала» Маркса, где в отделе об «исторической тенденции капиталистического накопления» сказано:

«Вместе с постоянным уменьшением числа капиталистов-магнатов, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого преобразовательного процесса, увеличивается масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но, с другой стороны, увеличивается также и сопротивление постоянно возрастающего рабочего класса, вышколенного, об'единенного и организованного механизмом самого капиталистического способа производства».

Как следует понимать это место, ясно каждому, кто читал «Капитал», в котором столь большая роль отведена борьбе за нормальный рабочий день. Составляя Эрфуртскую программу, я предполагал, что всякий, призванный защищать партийную программу и раз'яснять ее массам, в достаточной мере знает Маркса, чтобы понять подлинный смысл его изложения исторической тенденции капиталистического накопления.

Многократный опыт доказал мне, что я был слишком большим оптимистом. В этом впервые

убедили меня возражения некоторых ревизионистов, но, главным образом, практика и теория тех, кто чаще всех и громче всех произносит имя Маркса, т. е. большевиков. В виду столь печального опыта я тоже полагаю, что интересующее нас место в Эрфуртской программе, как оно ни важно или, вернее, именно потому, что оно так важно, должно получить формулировку, хотя и менее краткую и выразительную, но зато в большей мере, чем прежняя, устраняющую возможные недоразумения.

Может быть, в соответствующем месте программы, после слов о том, что капиталисты и землевладельцы монополизируют все выгоды капиталистического развития, почти совершенно устраняя от пользования ими пролетариат и средние классы, можно было бы сказать так:

«Капитализм несет им с собой необеспеченность существования, нищету, угнетение, рабство, унижние, эксплуатацию. Безостановочно стремится он ухудшить положение всех слоев рабочего населения. Только неослабной борьбой могут они предохранить себя от растущего унижения».

VIII. Кризисы.

Еще один, последний, камень преткновения.

В ближайшем абзаце Эрфуртской программы сказано, между прочим:

«Все многочисленнее становится армия избыточных рабочих»,

а в следующем за ним говорится о кризисах, «обусловленных самой сущностью капиталистического способа производства», которые, как сказано там,

«принимают все более обширные размеры и все более разрушительный характер. Благодаря кризисам всеобщая неуверенность превращается в нормальное состояние общества, являясь, таким образом, доказательством того, что производительные силы переросли рамки современного общества, и что частная собственность на средства производства стала несовместимой с их целесообразным применением и полным их развитием».

Этот пункт встречает много возражений. И, скажем прямо, в том виде, как он здесь формулирован, он не выдерживает критики. Однако, большим недостатком и Герлицской программы является то, что она о кризисах вообще не говорит ни слова.

В этом явлении необходимо различать две стороны: во-первых, самый факт кризисов и, во-вторых, их цикличность, правильное повторение кризисов через определенные промежутки времени.

Не подлежит сомнению, что кризисы обусловлены самой сущностью капиталистического способа производства. Последний означает удовлетворение общественных потребностей частными товаро-производителями, друг от друга независимы-

ми, устанавливающими размеры своего производства в зависимости от ожидаемых ими потребностей платежеспособных потребителей. Потребителей другого рода для них не существует. Данные размеры капиталистического производства определяются ожиданиями, спекуляциями производителей. Спекулятивный элемент присущ даже наиболее солидным формам капиталистического производства. Если спекуляция оказалась ошибочной, если расчеты на потребное количество товаров или платежеспособность потребителей оказались преувеличенными, тогда в производстве наступает кризис, с временным прекращением или, в лучшем случае, сокращением размеров воспроизводства — дальнейшего производства.

Анархия товарного производства, производства многочисленных, друг от друга независимых, частных товаропроизводителей, регулируется с самого начала только спросом и предложением. Если товаров произведено слишком мало, если спрос на товары превышает их предложение, то цены товаров превышают их стоимость (или цену производства, которая нас здесь не интересует). Это дает толчок расширению производства. Если товаров произведено слишком много, то цена их падает ниже стоимости, товаропроизводитель работает в убыток и временно вовсе прекращает производство или сокращает его размеры. При капиталистическом производстве это означает увольнение рабочих, временный рост безработицы.

Всякий расцвет производства, т. е. превышение спроса над предложением, имеет тенденцию к чрезмерному увеличению производства за пределы спроса. Поэтому в капиталистическом хозяйстве длительный расцвет невозможен. Хозяйственный под'ем неизбежно несет в себе зародыш кризиса. Чем выше под'ем, тем губительнее по своим последствиям неизбежно сопутствующий ему кризис.

В начальный период товарного производства кризисы не имеют большого значения. При отста-

лой технике невозможно быстрое расширение производства. При отсталости средств сообщения кризис не может получить широкого распространения; его размеры ограничиваются местным рынком или только отдельными отраслями производства или всего лишь единичными предприятиями.

Элементы действительно всеобщих кризисов появляются вместе с современной техникой, делающей возможным мгновенное расширение размеров производства, вместе с распространением и ростом интенсивности средств сообщения, все более сближающих между собой отдельные рынки, но в то же время усиливающих их взаимную зависимость. Развитие кредита также относится к тем средствам, которые способствуют быстрому расширению производства; вместе с тем оно приводит отдельные элементы общественного процесса производства во все большую зависимость друг от друга. Благодаря этому, теперь толчок, даваемый расцветом производства, распространяется одновременно на целые государства, даже на группы государств, и внутри их на всю промышленность. Но вместе с тем и кризис, следующий за периодом расцвета, носит столь же всеобщий характер, вследствие чего и влияние его тем ужаснее и опустошительнее.

Первый большой промышленный кризис всеобщего характера наступил в Англии в 1815 году, после заключения мира, последовавшего за мировой войной, почти столь же ужасной, как и недавно пережитая нами.

С тех пор кризисы регулярно повторялись — с промежутками времени в 10 лет в среднем — и принимали все более широкие размеры. Если первый кризис не вышел за пределы Англии, то в последующих все больше проявлялась тенденция перекинуться на всю остальную промышленную Европу.

Второй кризис наступил в 1825 году, третий — в 1835 году. Следующий кризис пришел с запозданием — в 1847 году, но зато влияние его было тем опустошительнее. Этот кризис не мало содей-

ствовал подготовке умов к революции 1848 года. Но то обстоятельство, что революция оказалась не в силах преодолеть кризис 1847 года, стало впоследствии одной из причин того, что народные массы не оказали ей более сильной поддержки. Лишь немного спустя после поражения революции наступил обычный после кризиса расцвет промышленности, который поверхностным наблюдателям представлялся, как успех реакции. Однако, наличность реакции нисколько не помешала появлению нового кризиса в 1857 году, ровно через десять лет. Последовавший за ним расцвет совпал с возобновлением демократического движения в рядах буржуазии и пролетарских масс.

Наступление следующего промышленного кризиса было прервано кризисом другого рода, нарушившим обычный цикл: войнами 1866 и 1870 г.г. Поэтому кризис 1866 года распространился почти исключительно на Англию. Но чем сильнее был расцвет, последовавший за этими войнами во всем мире, тем опустошительнее оказался кризис, наступивший после расцвета. Кризисы 1873 и 1874 годов распространились на всю промышленную Европу и Северную Америку. Они не распространились только на Францию, которая больше всех пострадала от войны, и которую волна промышленного расцвета обошла мимо. Нечто подобное переживаем мы в настоящий момент, когда победившие и нейтральные государства переживают кризис производства, между тем как в побежденных государствах наблюдается оживление процесса производства, — счастье, конечно, весьма сомнительного свойства, ибо всякий капиталистический расцвет есть лишь признак приближающегося кризиса.

Кризис, наступивший в 1873 году, был неслыханным не только по размерам и интенсивности, но и в отношении продолжительности. Он продолжался, с кратковременными перерывами, вплоть до конца восьмидесятых годов. В 1882 году в эпоху кризиса вступила также и Франция.

Под впечатлением этого хода развития я в 1891 году составлял Эрфуртскую программу. Его влияние ясно сказывается в фразах о безработице и кризисах, превративших «всеобщую неуверенность в нормальное состояние общества».

Все больше склонялись мы тогда к мысли, что десятилетний цикл кризисов, о котором говорил Маркс в «Капитале», сменился периодом хронических кризисов и длительного перепроизводства, прерываемого лишь кратковременными и слабыми проблесками промышленного оживления.

Так, Фридрих Энгельс писал в 1885 году в статье, появившейся в журнале «Neue Zeit», незадолго до того основанном мной:

«Можно почти сказать, что Англия собирается перейти в состояние полного застоя... Что будет,... если нынешнее гнетущее состояние застоя не только усилится, но если эта возросшая степень мертвящего гнета станет длительным, нормальным состоянием английской промышленности?».

Мы ошиблись в наших ожиданиях. Неслыханный, полтора десятилетия длившийся кризис сменился столь же неслыханным, столь же длительным периодом беспрерывного расцвета, благоприятное влияние которого было тем сильнее, что он сопровождался одновременным падением цен на с'естные припасы.

В эту пору возникло среди марксистов ревизионистское течение, полагавшее, что законы капиталистического развития, как они изложены Марксом, или неверны вообще, или, во всяком случае, утратили свое значение.

Эта точка зрения была столь же поспешной, как и предшествовавшее ей представление наше о хроническом характере кризисов. Уже в 1907 году снова разразился большой кризис, и в тоже время эра падения цен на с'естные припасы сменилась периодом постоянного возрастания этих цен, растущей дороговизны жизни.

После того пришла мировая война, самая страшная из всех войн, и поставила на-голову все экономические отношения и законы. Пройдет еще не-

которое время, прежде чем нормальное действие их будет восстановлено вполне. Совершенно невозможно предвидеть сейчас, в каких формах и в какие промежутки времени будет совершаться в дальнейшем смена периодов расцвета и кризиса. Но одно можно сказать с уверенностью: эта смена и теперь столь же несомненно «обусловлена сущностью капиталистического способа производства», как и десятилетия тому назад.

Когда появились картели и тресты, многие экономисты были того мнения, что эти организации положат конец кризисам. Никогда такого рода монополистические союзы предпринимателей не были сильнее и распространеннее, чем в настоящее время, и тем не менее ужаснейшие кризисы потрясают весь мир. В настоящий момент особенно неистовствует кризис в Соединенных Штатах, этой твердыне трестов.

Конечно, картели и тресты не остаются безучастными зрителями и некоторое влияние на кризисы оказывают. Они, и в союзе с ними крупные банки, побуждают к осторожности в расширении об'ема производства в периоды расцвета. Они до некоторой степени стесняют деятельность шарлатанских элементов, неизбежно появляющихся при каждом под'еме промышленности. Но, главным образом, они увеличивают силу сопротивления солидных предприятий во время кризиса. Они, таким образом, несколько ослабляют его катастрофический характер для капиталистов. Последние кризисы сопровождались меньшим количеством крахов и банкротств, чем прежние.

Но для нас речь идет здесь о последствиях кризисов для рабочего класса; последствия же этого рода не обнаруживают, однако, никакого смягчения. Вопреки всяким синдицированиям промышленности, вряд-ли когда-либо безработица в Англии и Соединенных Штатах была так велика, как в настоящее время.

Безработица же есть бич для рабочего вне зависимости от того, обанкротился ли капита-

лист, выбросивший его на улицу, или самым спокойным образом выжидает лучших времен для своего предприятия.

Тот факт, что за периодом расцвета следует кризис, не может быть устранен никаким союзом предпринимателей, покуда производство является капиталистическим. Это могло бы быть лишь в том случае, если бы предприниматели всех стран и всех отраслей промышленности об'единились в общий союз для регулирования производства.

Но это противоречит существу картелей и трестов. Каждый из них имеет целью нормальную прибыль, получаемую капиталистом при свободной конкуренции, увеличить особой сверх-прибылью для членов данного об'единения. Эту сверх-прибыль можно получить лишь за счет предпринимателей других отраслей промышленности и других стран. Поэтому-то картели и тресты и сопротивляются об'единению предпринимателей *всех отраслей промышленности и всех стран* для совместного регулирования мирового производства. Предотвратить же кризисы могла бы только организация подобного рода.

Следовательно, покуда существует капиталистический способ производства, кризисы неизбежны и неизбежна безработица, угрожающая рабочему.

У нас поэтому нет никаких оснований, подобно Герлицской программе, обходить молчанием вопрос о кризисах. Для обоснования социалистической программы говорить о кризисах столь же необходимо, как и об упадке мелкого производства и о тенденции капитализма к постоянному ухудшению положения пролетариата.

Нам, марксистам, приходится защищать нашу программу освобождения труда не только против *мелкобуржуазного* решения великой проблемы, стремящегося к превращению наемного рабочего в собственника мелкого предприятия, и не только против решения *экономистов крупной промышленности*, расчитывающих на

то, что наступит такая стадия капиталистического развития, которая приведет к смягчению классовых противоположностей и к примирению пролетариата с капитализмом. Мы должны защищать нашу программу и против синдикалистского решения проблемы: фабрика — фабричному рабочему, шахты — рудокопу.

С пролетарской точки зрения это решение кажется удовлетворительным, так как возвращает рабочему средства производства, не жертвуя при этом выгодами крупного производства.

Но, к сожалению, оно не обеспечивает рабочему владение его средствами производства. Частная собственность предполагает возможность, а, при известных условиях, необходимость отчуждения предмета собственности. Дело не меняется и в этом случае, если мы имеем дело не с одним, а с целой группой собственников.

Если отдельными фабриками завладеют занятые на них рабочие, и если эти новые владельцы будут производить на рынок и, следовательно, находиться в зависимости от условий сбыта, то, как и прежде, одни предприятия будут развиваться и процветать, а другие приходить в упадок и даже вовсе гибнуть. Очень скоро рабочие разорившихся фабрик по отношению к рабочим процветающих фабрик очутятся в положении лишенных собственности пролетариев, которым, при расширении деятельности процветающих фабрик и необходимости в дополнительной рабочей силе, дадут работу, но уже не в качестве полноправных участников, а в качестве обыкновенных наемных рабочих. Через некоторое время это развитие привело бы опять к капиталистическому хозяйству.

Кризисы при этом были бы столь же неизбежны, как и в настоящее время. Не частная собственность отдельных групп рабочих на средства производства и сохранение товарного производства могут прочно и основательно освободить нас от бедствий капиталистического способа производства. Для этого необходимы общественная

собственность на средства производства и общественное регулирование производства.

Следовательно, пункт о кризисах не должен отсутствовать в нашей программе. Со времени составления Эрфуртской программы не наступило ничего, что могло бы оправдать такое отсутствие.

Но, разумеется, формулировка, данная Эрфуртской программой пункту о кризисах, устарела и не соответствует нынешнему положению вещей. Современное положение еще не позволяет нам предвидеть ни формы, ни интенсивности, ни продолжительности грядущих кризисов и их цикла. Мы должны ограничиться в этом пункте констатированием факта, что время от времени неизбежно наступление кризисов в капиталистическом производстве, и что сопровождающая их массовая безработица доводит до высшей степени нестерпимость капитализма для рабочего класса.

В соответствии с этим и внешние размеры данного пункта должны быть скромнее, равно как и программное его значение должно быть ограничено.

Когда формулировался этот пункт, мы находились еще под впечатлением хронического кризиса, который мы расценивали, как длительную и последнюю стадию капитализма. В длительной, массовой безработице мы усматривали сильнейший двигатель, который заставит пролетариат покончить с капиталистической анархией производства.

Теперь положение иное. Ужасы кризиса и безработицы продолжают существовать и составляют существенный мотив стремлений к социалистическому производству. Но они, в течение последних десятилетий, не были столь интенсивны и продолжительны, чтобы, как во время с 1874 по 1888 г., составлять сильнейший стимул в этом направлении.

Новый момент выступил на первый план и все больше овладевает рабочим движением: сознание пролетариатом своей силы и по-

требность рабочих в свободном развитии своей личности, что делает для них все более нестерпимыми оковы капиталистической зависимости. Это скорее, чем борьба с безработицей, приведет нас к социализму.

Было бы целесообразнее поэтому пункт о безработице не только формулировать короче, но и перенести в другое место. В старой Эрфуртской программе он составлял заключительную часть и наивысшую точку характеристики тенденций капитализма, ведущих к социализму и обрисованных в первых четырех абзацах программы.

Если этот пункт сократить, то он мог бы быть включен во второй абзац, как иллюстрация необеспеченности существования, постоянно угрожающей пролетариату в условиях капиталистического производства.

Тогда он, в качестве заключительной части второго абзаца, мог бы быть сформулирован следующим образом:

«Необеспеченность существования становится для рабочих наиболее мучительной и раздражающей в периоды кризисов, следующих за каждым периодом хозяйственного расцвета и глубоко коренящихся в самом существе капиталистического способа производства».

Заключительной частью этой характеристики тенденций капитализма явился бы, в таком случае, третий абзац, в котором фразу «все многочисленнее становится армия избыточных рабочих» нужно заменить следующей: «гнет капитала становится все невыносимее для пролетарских масс».

Сводя во едино все, сказанное выше, приходим к выводу, что, вследствие указаний 30-летнего опыта, накопленного со времени принятия Эрфуртской программы, желательны некоторые изменения в формулировке первых ее абзацев.

Четвертый из этих абзацев отпадает совершенно; первые три гласят следующее:

«Экономическое развитие буржуазного общества с неизбежностью закона природы ведет к расцвету и господству капиталистического крупного производства, которое все больше

вытесняет мелкое производство, осуждая его на прозябание. Если основой мелкого производства является частная собственность работника на средства производства, то победное шествие капиталистического крупного производства уничтожает эту основу, отрывая работника от его средств производства и превращая его в лишенного собственности пролетария, между тем как средства производства становятся монопольной собственностью сравнительно небольшого числа капиталистов и крупных землевладельцев.

Рука об руку с этой монополизацией средств производства идет гигантский рост производительности человеческого труда. Но все выгоды этого преобразовательного процесса монополизируются капиталистами и крупными землевладельцами. Не только пролетарии, но и средние классы, мелкие горожане и мелкое крестьянство, почти совершенно лишены этих выгод. Это относится и к так называемому «новому среднему сословию», к интеллигенции, численность которой быстро возрастает, прежнее привилегированное положение столь же быстро исчезает, и интересы которой все больше совпадают с интересами работников физического труда.

Всем им капитализм несет необеспеченность существования, нищету, угнетение, рабство, унижение, эксплуатацию. Безостановочно стремится он ухудшить положение всех слоев рабочего населения. Только неослабной борьбой могут они предохранить себя от растущего унижения. Необеспеченность существования становится для рабочих наиболее мучительной и раздражающей в периоды кризисов, следующих за каждым периодом хозяйственного расцвета и глубоко коренящихся в самом существе капиталистического способа производства.

Все больше растет число пролетариев, все невыносимее для них становится капиталистический гнет, все резче противоречие между эксплуататорами и эксплуатируемыми, все ожесточеннее классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, разделяющая современное общество на два враждебных лагеря и составляющая отличительную черту всех промышленных стран».

В этом измененном виде Эрфуртская программа представляется мне в достаточной мере обновленной. В дальнейших шести абзацах теоретической части программы нет ни единого слова, которое я считал бы нужным изменить. Все представляется мне там столь же существенным и в настоящее время, как и 30 лет тому назад.

Но разве в нашу эпоху величайшей технической, экономической, политической революции произошло так мало изменений, что программа, составленная в 1891 году и несколько измененная в деталях, достаточна и теперь?

Конечно, нет. Но это не значит, что она неверна и должна быть изменена в самых своих основах. Как ни велики перевороты последней трети века, но капитализм в своем существе остался все тот же. Вместе с тем и «Капитал» Маркса, труд, являющийся глубочайшим исследованием существа капитализма, сохранил свое руководящее познавательное значение; следовательно, сохранила свое значение и Эрфуртская программа, основанная на труде Маркса.

Не существо капитализма и не теоретическое постижение его изменились, но изменилась—и коренным образом—*историческая обстановка*, делающая нашу старую программу недостаточной. Она требует, однако, не радикального *изменения* нашей программы, как это было сделано в Герлице, но ее *дополнения*.

Эта работа еще ждет своего выполнения. Наметить основные положения для нее я попытаюсь в дальнейшем изложении.

Б. Программа переходного периода от капитализма к социализму.

I. Постановка задачи.

Эрфуртская программа, как и большинство социалистических программ, распадается на две части, теоретическую и практическую. Теоретическая часть обосновывает и устанавливает конечную цель, равно как определяет характер партии. Практическая часть программы перечисляет ближайшие, практические требования, которые должны быть осуществлены прежде, чем итти далее.

При обсуждении Эрфуртской программы некоторые товарищи высказывались за введение в программу третьей части, содержащей в себе мероприятия, необходимые в переходный к социализму период.

Я отклонил тогда третью часть, казавшуюся мне преждевременной. Общее положение представлялось мне еще не созревшим для непосредственного перехода к социализму. В серии статей по поводу «Проекта новой партийной программы» («Neue Zeit», IX Jahrgang, 2 Band) я писал тогда следующее:

«Кто бы ни пытался показать нам те методы, с помощью которых пролетариат завоюет политическую власть... может рисовать нам их картину лишь по образцам прошлых революций. Мы же, напротив, думаем, что о решающих битвах между пролетариатом и буржуазией можно утвер-

ждать с уверенностью только одно, что они будут иметь совершенно не тот вид, какой имели все до сих пор бывшие революции. Ибо в действие вступят такие факторы, которые ни в одной из революций никакой роли не играли, которые являются совершенно новыми и которые придадут поэтому неслыханные формы грядущим острым схваткам классовой борьбы» (стр. 755).

«Если о формах грядущего политического развития ничего сказать нельзя, то, разумеется, и о формах переходного к социализму времени, теснейшим образом связанных с этими «как» и «когда», также ничего сказать нельзя. Мы ничего не знаем и о том, какие производительные силы и какие формы производства разовьет к тому времени капиталистический способ производства; мы не знаем, какой степени зрелости достигнет он к тому времени в отдельных странах; в этом пункте мы можем оперировать лишь смутными предположениями. В виду этого мероприятия переходного времени к социализму не следует, по нашему мнению, включать в программу.... Не придуманный шаблон переходных мер, но только основательное изучение действительного, на наших глазах совершающегося развития сделает нас способными, при любой ситуации, к целесообразным действиям и требованиям» (стр. 757).

Последняя фраза, разумеется, действительна и для настоящего времени, но не предшествующая. Меры переходного времени к социализму должны быть теперь включены в программу, ибо ныне нам уже больше не приходится довольствоваться в этом пункте смутными предположениями.

Даже 10 лет спустя после составления Эрфуртской программы, когда я писал свою работу о «Социальной революции», мы в этом пункте еще не подвинулись значительно вперед. Пытаясь в ней разрешить проблемы, которые могли встать перед нами в переходный период, я вынужден был исходить из гипотетической основы. Я поэтому был далек от того, чтобы придавать программное значение тем выводам, к которым я пришел. Их значение для меня было совсем другое. Я говорил об этом во второй части своего труда, озаглавленной «На второй день после революции»:

«В интересах большей ясности и устойчивости наших политических взглядов, я считаю весьма полезной попытку дать себе отчет в более отдаленных последствиях нашей борьбы и исследовать те проблемы, которые могут встать перед нами после завоевания политической власти. Это

имеет и пропагандистское значение. Ибо, с одной стороны, мы имеем утверждения наших противников, будто победа наша поставит нас перед неразрешимыми задачами. С другой стороны, в наших собственных рядах имеются люди, которые последствия нашей победы рисуют в самом мрачном свете. По их мнению, день нашей победы будет днем нашего поражения. Важно поэтому исследовать вопрос, верно ли это и насколько это верно.

Но для того, чтобы работа эта принесла определенные результаты, а не завела нас в бесконечные дебри, необходимо отвлечься от всех усложняющих обстоятельств и исследовать интересующие нас проблемы в их простейшей форме, в каковой они в действительности никогда не предстанут пред нами...

Только такие проблемы социальной революции могут быть обсуждаемы с успехом, которые поддаются исследованию в только что указанной форме. Обо всех прочих проблемах мы никакого определенного суждения иметь не можем» (2 нем. издание, стр. 67—69).

До самого последнего времени мы, при решении проблем переходного периода, не могли выходить за пределы, указанные в вышеприведенной цитате. Мы были вынуждены исследовать эти проблемы «в их простейшей форме, в каковой они в действительности никогда не предстанут пред нами».

Пять лет тому назад, со времени военного краха, приведшего сначала к русской, а затем к австрийской и германской революции, положение стало иным. Одним ударом мы очутились теперь на пороге переходного периода к социализму и можем изучать его проблемы в свете явлений действительности. При этом, конечно, особенно ярко выделяется то обстоятельство, которое всегда имеется на лицо в явлениях действительности, а именно факторы, препятствующие нормальному течению процесса. Они достигли исключительной силы, так как проблемы перехода к социализму ныне осложняются вопросами преодоления последствий мировой войны, поставившей на голову все законы экономики.

Но кто исследовал экономические законы еще до наступления мировой войны, и кого не смущают и не вводят в заблуждение их отклонения, тот все же в состоянии, после пяти лет революции, с неко-

торой долей уверенности познать действительные проблемы перехода к социализму и отсюда извлечь программные выводы для деятельности социалистических партий.

Там, где социалдемократия приступает к пересмотру программы, она, прежде всего, должна выяснить результаты опыта революционных лет для перехода к социализму.

Конечно, мы стоим лишь на пороге этого перехода, и окончательное суждение о нем было бы преждевременным. Но мы не можем успокоиться на результатах, уже достигнутых нами. Мы должны справиться с потоком хлынувших на нас новых задач. Ждать с этим долее нельзя. Мне думается, что наш опыт,—правда, не настолько еще богатый и полный, чтобы сделать излишними дальнейшие исследования в этой области — все же достаточен, чтобы на его основании придать нашим действиям больше ясности и постоянства. Но, ведь, только этого, а не установления вечных истин, можно требовать от партийной программы.

II. Политическая революция.

1. Буржуазная революция.

Вопрос о формах перехода от капиталистического к социалистическому способу производства может быть также формулирован, как вопрос о формах пролетарской революции. Оба вопроса совпадают.

Вместе с экономическими отношениями преобразовываются не только формы государства, но и формы революций или, другими словами, формы великих перемещений классовых сил, революционизирующих данное общество.

Уже в 1852 году в своем сочинении: «18 Брюмера» Маркс указал на то, что пролетарская революция произойдет в формах, отличных от форм буржуазой революции.

«Буржуазные революции, революции 18 века, быстро и уверенно одерживают успех за успехом. Они полны драматических эффектов; блеском самоцветных камней сверкают в них люди и события; каждый день их бытия напоен экстазом. Но не долог их век. Скоро достигают они зенита, и тяжкое похмелье овладевает обществом прежде, чем оно приучится трезво и спокойно пользоваться плодами пережитого периода бури и натиска. Пролетарские же революции, революции 19 века, напротив, постоянно критикуют самих себя, беспрестанно прерывают свой бег, возвращаются к задачам, казалось, уже завершенным и начинают то же самое сначала, жестоко и основательно осмеивая половинчатость, слабость и негодность первоначальных своих попыток. Они поражают своего противника как будто лишь затем, чтобы дать ему возможность, прикоснувшись к земле, окрепнуть снова и обрушиться на них с еще более исполинской силой. Снова и снова отступают они перед необ'ятностью своих соб-

ственных задач, пока сами обстоятельства не сделают дальнейшее отступление невозможным и не потребуют:

Hic Rhodus, hic salta,
Здесь — роза, здесь пляши» *).

Мастерски рисует здесь Маркс буржуазную революцию. Но для характеристики пролетарской революции ему не хватает фактического материала. В 1852 году характеризовать революции 19 века, как революции пролетарские, было слишком преждевременно. Эту попытку Маркса можно об'яснить лишь тем, что февральскую революцию 1848 года во Франции и чартистское движение в Англии он рассматривал, как подготовку к пролетарской революции, и ожидал, что политическое оживление, которое явится на смену реакции, наступившей в 1849 году, приведет к сильнейшему взрыву пролетарской революции.

При всей своей проницательности Маркс все же часто поддавался искушению революционного темперамента видеть ближе, чем позволял действительный ход развития, то будущее, которое ясно предносилось его взору. Таким образом, в 1852 году для него было еще тайной, что между великой буржуазной революцией 1789 года и ожидаемой им великой пролетарской революцией пройдет свыше ста лет капиталистического развития, в течение которых класс капиталистов разовьется столь же высоко, как и класс пролетариев. И только в 20 веке пролетарская революция последовала за буржуазной революцией 18 столетия, заполнив промежуток между ними столетием классовой борьбы, сделавшей пролетариат способным совершить свою революцию.

*) Свободный перевод этой латинской фразы Маркс, повидимому, взял из предисловия к Гегелевской философии права, где он дан в такой форме, чтобы в дальнейшем изложении сделать понятным обозначение разума розой. Для читателей-рабочих я отмечаю, что фраза эта взята из рассказа, в котором некий лгун хвастает, будто на острове Родосе он сделал огромный прыжок. Тогда один из слушателей крикнул ему: «Покажи-ка здесь свое уменье! Здесь — Родос, здесь прыгни».

Однако, в 1922 году условия ее совсем не те, что были в 1852 г. Всякая революция имеет две стороны — политическую и социальную: достижение новым классом государственной власти и приспособление им экономических отношений к своим интересам при помощи завоеванного государственного аппарата, — поскольку это достижимо путем законодательного и административного вмешательства.

Остановимся прежде всего на политической революции.

Политически всякая буржуазная революция является оборонительной или наступательной борьбой с абсолютизмом и идет, следовательно, в демократическом направлении. Социально она является борьбой третьего сословия с двумя первыми, церковью и дворянством, ставшими и в экономическом, и в духовном отношении препятствием к дальнейшему развитию. В период надвигающейся революции эти классы держатся у власти только благодаря поддержке государства. Королевская власть, в феодальные времена возглавлявшая собой дворянство, была внутренно спаяна с ним; тем не менее в течение многих веков она вела борьбу с его недисциплинированностью, преодолеть которую она в большинстве случаев была бессильна. Столь же упорную борьбу ей пришлось вести и с заносчивостью церкви. Только с помощью городов удается ей привести к покорности бунтующее дворянство и духовенство. Появляющееся в это же время денежное хозяйство экономически разоряет оба эти сословия. На первых порах, однако, выгоды этого разорения достаются не буржуазным классам, а королевской власти. Она превращает дворянство и церковь в послушные — и, разумеется, хорошо оплачиваемые — орудия своей власти и наряду с ними создает, с помощью денежных налогов, сильное постоянное войско и крепкую бюрократию, подавляя с их помощью всякую самостоятельную орга-

низацию внутри государства и охраняя феодальную эксплуатацию.

Уничтожение ее, свобода организации, свобода устного и печатного слова, влияние народа на законодательство, контроль за правительством, — таковы были насущнейшие требования всех, кто стремился к освобождению от феодальной и бюрократической эксплуатации и стеснений. На этом сходились интересы всех классов и групп, участвовавших в процессе производства и кровно заинтересованных в спасении общества и государства от экономического упадка. Все эти группы и классы были об'единены общим именем третьего сословия, к которому принадлежали не только капиталисты и интеллигенция, но также и крестьяне, мелкие буржуа и пролетарии.

Буржуазная революция есть, таким образом, прежде всего борьба за демократию. Ее начинает не класс, но сословие, третье сословие, включающее самые различные классы общества.

Группы, поддерживавшие буржуазную революцию, были, в большинстве своем, политически совершенно невежественны и неорганизованы. Абсолютистское правительство лишило их всяких средств просвещения и организации. Только правительство располагало организованною силой в лице строжайше дисциплинированной бюрократии и армии. Последняя, к тому же, одна лишь владела оружием и в достаточной мере была снабжена им.

При таких условиях, в нормальное время всякое возмущение против правительства было невозможно. Оно могло быть успешным лишь в том случае, если, вследствие какого-нибудь тяжелого кризиса, правительство теряло голову, и среди него начинались раздоры, армия разлагалась или утрачивала дисциплину, а разрозненные массы населения, по крайней мере, столичного, устремлялись на улицу, где внезапно, в силу общего единодушия, обретали мужество и, в конце концов, силу, чтобы свергнуть колеблющееся правительство.

Поэтому характерными чертами, всегда присущими буржуазным революциям, являются: неожиданность, внезапность, катастрофичность и стихийность и вместе с тем — отсутствие планомерности и рациональности действий. Революционная масса, неопытная и невежественная, не руководимая ясным пониманием положения, отдается на волю инстинктам и страстям. Слухи заменяют ей понимание фактического положения. В момент победы она склонна к чрезвычайному преувеличению своих сил и меры достижимого. Но так как действительное соотношение сил в государстве ей неизвестно, то она столь же легко падает духом при всяком поражении. Как притих Париж после падения Робеспьера 9 термидора 1794 года, — Париж, еще недавно столь бурный!

В своей истории Великой Французской Революции Крапоткин хочет уверить нас, будто революционные массы обнаруживали больше политической мудрости, нежели парламенты. Это замечание не вполне соответствует фактам. Действительное положение было таково.

Единственной политически дальновидной группой в третьем сословии была интеллигенция. Из ее рядов вышли вожди революционных масс. Огромная законодательная, творческая работа революции была выполнена ее силами.

Но интеллигенция 18 века отнюдь не была классом, жаждущим кровавых битв. Силы ума, а не мускулов развивала ее деятельность. Она привыкла бороться оружием аргументов, остроумия, порою интриг, но не кулаками. Освобожденная в 18 веке от военной службы, она презирала военное ремесло и страшилась кровопролития. Отчаянным восстаниям она предпочитала мирные компромиссы; стратегию взятия противника измором ставила выше стратегии натиска и нападения. Очень часто первая и в самом деле предпочтительнее второй. Однако, не в эпоху буржуазной революции, когда стратегия сокрушительного удара, как общее правило, более уместна.

Готовностью к восстанию, к гражданской войне массы превосходили интеллигенцию, и во многих критических случаях эта готовность была спасительной для французской революции. Но не следует заходить слишком далеко и делать отсюда вывод о превосходстве невежества над знанием.

Однако, не только беззаветная готовность к борьбе отличает народные массы в эпоху буржуазной революции. Эта революция, как мы видели, есть дело третьего сословия, об'единяющего различные классы, действующие вместе, покуда это нужно для низвержения абсолютизма. Но как только свергнут абсолютизм — часто даже еще раньше, как только абсолютизм пошатнулся — различные классы, составляющие третье сословие, начинают чувствовать разделяющие их великие противоречия сильнее, нежели общую враждебность к абсолютизму и силам феодализма. Их разделяют не только противоречия интересов, но и противоречия тактики. Ибо каждый класс предпочитает ту тактику борьбы, которая наиболее соответствует его силам.

Руководство буржуазной революцией переходит на первых порах к тем группам, которые благодаря своей предыдущей деятельности наиболее пригодны для преобразования государства и управления им. Такими группами являются капиталисты и интеллигенция, об'единяемые общим именем буржуазии. Интеллигенция, правда, не составляет определенного класса и вынуждена социальным положением своим всегда выступать представителем чужих классовых интересов. Но это же положение делает ее и наиболее способной к пониманию общих интересов общества в целом. Они совпадали в те времена с интересами промышленного капитализма. Поэтому представители интеллигенции в большинстве своем были настроены капиталистически, но все же не враждебно по отношению к пролетариату, в качестве особого класса не игравшему тогда еще никакой роли. Развитие промышленности в результате крушения феодализма

и абсолютизма тогда представлялось еще равнозначущим всеобщему благосостоянию и счастию.

С такими ожиданиями вступили все элементы третьего сословия в революционную эпоху. Однако, революция обогатила только капиталистов и крестьян, но не беднейшие слои столичного населения, мелких ремесленников, торговцев, люмпен-пролетариев и наемных рабочих (последние, впрочем, не играли заметной самостоятельной роли). Между тем именно эти беднейшие слои населения своею смелостью и беззаветным самопожертвованием свергли старый режим. Они чувствовали себя хозяевами столицы и, следовательно, при тогдашней централизации правительства, и государства. Неужели именно они и впредь должны прозябать в прежней нищете?

Они стремились поэтому углубить революцию, покуда чувствовали превосходство своих сил. Их попытки были обречены на неудачу, так как неумолимые экономические законы делали промышленный капитализм непреодолимым, покуда существует товарное производство. Они все больше и больше восстанавливали против себя все остальные классы населения. Кроме сторонников короля, церкви, аристократии, к числу их противников присоединились теперь капиталисты, большинство интеллигенции, зажиточная часть мелкой буржуазии, часто также крестьяне. Будучи меньшинством против все растущего враждебного большинства народа, пролетарские и полупролетарские массы столичного населения и стоявшая во главе их и находившаяся под их давлением часть интеллигенции все больше вынуждались превратить свою боевую готовность в систематический террор, который не мог не закончиться полнейшим крахом. Между тем в этом периоде революции никакой другой класс населения еще не был в состоянии удержать власть собственными силами. Диктатура террористов создала новую, сильно дисциплинированную армию и зачатки новой политической полиции.

Так как с падением диктатуры низших классов ни один из высших классов не в состоянии был собственными силами удержаться у власти и привести в равновесие противоречивые интересы классов по-революционного общества, то новая диктатура досталась вождю армии.

Такого рода бонапартистский или цезаристский режим, как во Франции, является продуктом буржуазной революции и составляет переходную ступень к капиталистическому классовому господству.

2. Пролетарская революция.

а) Демократия.

Борьба за демократию является исходным пунктом буржуазной политической революции. Чем полнее осуществляется буржуазная революция и чем более она преодолевает феодальные и абсолютистские пережитки, тем совершеннее демократия в буржуазном государстве.

Это имеет место не во всех буржуазных государствах в равной мере. Не везде буржуазная революция наступает на одной и той же ступени развития и является она делом не одного только класса, но всего третьего сословия, охватывающего целый ряд классов. Формы и об'ем демократии в различных государствах очень различны, в зависимости от высоты социального развития, достигнутого ими к моменту буржуазной революции, и от соотношения сил различных классов внутри третьего сословия, именуемого «народом» в тех странах, где оно, как сословие, не отграничено особым законом. Совершенная демократия ни в одном государстве не достигается сразу. В большинстве случаев она подвержена обратным ударам, и дело революции приходится возобновлять и довершать позднейшими народными движениями. Можно сказать, что совершенная демократия не достигнута и борьба за нее не закончена ни в одном из современных буржуазных государств.

Но при всем том всякая буржуазная революция осуществляет известную степень демократии, а капиталистическое развитие с его средствами сообщения, как мною неоднократно указывалось уже в других работах, подготовляет те условия, благодаря которым демократическое движение становится непреодолимым гораздо раньше, нежели движение пролетарское.

В каждой стране, где пролетариат с некоторой надеждой на успех может расчитывать на овладение государственной властью и, следовательно, на завершение пролетарской политической революции, уже достигнута высокая степень демократии. Она является одновременно и признаком, и предварительным условием зрелости государства и пролетариата для социализма.

Демократия является не только барометром, измеряющим высоту развития сил и политического разума пролетариата, но и составляет столь же необходимое условие для развития пролетарских сил, как и капиталистический способ производства.

Ясно, что наличность демократии создает для пролетарской революции формы, коренным образом отличающиеся от тех, в которых протекала революция буржуазная. Хотя Марксу уже в 1852 году было ясно, что пролетарская революция не может быть похожей на буржуазную, однако, он не мог еще наблюдать этого различия, ибо ни в одном из крупнейших государств Европы демократический строй не достиг таких успехов и не укрепился так прочно, чтобы совершенно новое влияние его могло заметным образом отразиться на классовой борьбе пролетариата.

Как о высоко-развитой демократии можно было тогда говорить только о Соединенных Штатах Америки, колониальной стране с массой свободных земель, с огромным численным превосходством крестьянства, с незначительным меньшинством промышленных рабочих, наиболее энергичные элементы которых привлекал не социализм, но само-

стоятельное крестьянское хозяйство или переход в ряды буржуазии. Резких различий между классами в этой стране тогда не было. Существовал демократический строй, но не было пролетариата, с развитым классовым сознанием, стремящегося к политической власти.

Что касается кантональной демократии Швейцарии, то она была чрезвычайно незначительна и неравноценна в своих частях. В одних чрезвычайно отсталых в экономическом отношении кантонах существовал весьма высокий демократический строй, пережиток седой старины и общинного строя. В более развитых промышленных кантонах демократия была завоевана только в середине 19 века. В те времена она так мало еще повлияла на политические нравы, что как раз сороковые годы прошлого столетия были для Швейцарии временем восстаний и гражданских войн, большей частью длившихся, соответственно малому масштабу страны, всего лишь несколько дней и стоивших больше вина, чем крови.

Только в течение последней трети 19 столетия демократия в Европе перестает быть единичным, редким явлением местного значения и становится явлением всеобщего характера, определяющим всю политическую и социальную жизнь. Поворотным пунктом в этом процессе является 1867 год, когда проведена была избирательная реформа в Англии, давшая избирательные права, по крайней мере, верхам рабочего класса. В том же году был создан на основе всеобщего избирательного права Северо-Германский Союз, предтеча Германской империи, и наступила в Австрии либеральная эра «буржуазного министерства», свободолюбивые буржуазные члены которого, правда, избрали главой кабинета высокородного князя Карла Ауэрсперга. И в том же 1867 году появился «новый курс» в наполеоновской Франции с либеральными уступками, правда, весьма слабыми и не помешавшими ни крушению империи, ни провозглашению республики в 1870 году.

Только с семидесятых годов начинает сказываться влияние демократии на классовую борьбу, но и то, на первых порах, в недостаточной еще мере, в виду многочисленных контр-ударов, а именно, реакции, наступившей во Франции после подавления Парижской коммуны и длившейся с 1871 по 1879 год., и закона против социалистов в Германии с 1878 по 1890 год.

Маркс не мог уже наблюдать тех форм политической борьбы, какие появились вместе с ростом демократических свобод. Тем замечательнее заявление, сделанное им в Гааге (Голландия) в 1872 году:

«Мы знаем, что в борьбе за политическую власть необходимо считаться с учреждениями, с нравами, с обычаями различных стран, и мы не отрицаем, что имеются государства, как Америка, Англия и, если бы я лучше знал учреждения Вашей страны, я, может быть, причислил бы к ним и Голландию, где рабочие могли бы достичь своей цели мирным путем. Но это не относится ко всем странам». (Напечатано в «Leipziger Volksstaat» от 2 октября 1872 г.).

Дважды я указывал большевикам на это место. Один раз в своей работе: «Диктатура пролетариата» (стр. 7 нем. изд. 1918). Другой раз в книге: «Терроризм и коммунизм» (стр. 101 нем. изд. 1919).

Насколько мне известно, никто из коммунистов, которые, ведь, клянутся именем Маркса, не пытался высказаться по поводу этой цитаты, никто из них даже не обратил на нее внимания.

Впоследствии этот же вопрос был затронут Энгельсом в критике проекта партийной программы 1891 года*).

---

*) В связи с этим позволю себе остановиться на вопросе личного характера. В своей работе: «Государство и революция» Ленин, касаясь этой критики, говорит:

«Критика проекта Эрфуртской программы, которую Энгельс 29 июня 1891 года отправил Каутскому и которая лишь 10 лет спустя была опубликована в журнале «Neue Zeit» и т. д.».

На основании этих слов у каждого читателя должно создаться представление, будто речь идет о критике Энгельсом м о е г о проекта Эрфуртской программы. Энгельс послал ее м н е, а я 10 лет держал ее яко-бы в своем письменном столе, не предавая опубликованию, несмотря на ее значение. Если

Он говорит там:

«Можно себе представить, что старое общество мирным образом будет врастать в новое в тех странах, где вся власть сосредоточена в руках народного представительства, где на конституционном основании можно делать, что угодно, имея за собой большинство народа; в демократических республиках, как Франция и Америка, в монархии, как Англия, где вопрос, как откупиться от династии, каждодневно обсуждается в печати, и где эта династия бессильна против народной воли.

Но в Германии, где правительство почти всемогуще, и где рейхстаг и прочие представительные органы не имеют действительной власти, в Германии провозглашать нечто подобное, да еще без всякой к тому нужды, значило-бы снять фитовый листок у абсолютизма и прикрыть им свою собственную наготу» («Neue Zeit», XX. 1, стр. 10).

Этой цитаты Ленин прямо не обходит молчанием и приводит из нее в своей работе «Государство и революция» (стр. 65)*) второй абзац дословно, а первый абзац передает в двух строчках: в странах с высоко-развитой свободой можно, по Энгельсу, представить себе мирное развитие. Эту неудобную цитату Ленин пытается лишить значения, прибавив к ней, в виде примечания, два словечка: «только представить». Он, повидимому, полагает, что таким образом с мыслью Энгельса покончено.

Ясно, что влияние демократии сказывается, прежде всего, в том, что массы организуются для

Ленин читал примечание, предпосланное мною Энгельсовской критике при ее опубликовании, то он должен знать, что критика эта имеет в виду не мой проект, а другой, выработанный тогдашним правлением германской соцдем. партии и отправленный Энгельсу для отзыва. Ответ Энгельса был прислан не мне, а Либкнехту, после смерти которого он был найден в бумагах покойного и тотчас же мною опубликован.

Независимо от правления партии мною был выработан другой проект, получивший одобрение Энгельса и Бебеля и легший в основу программы, принятой Эрфуртским партейтагом.

*) Здесь и в дальнейшем цитаты из сочинения Ленина: «Государство и Революция» приведены с указанием соответствующих страниц русского оригинала в издании Пет. Сов. Р. и Кр. Деп. 1910 г. (Примечание переводчика).

определенных политических или экономических целей, находятся в этих организациях в постоянном общении, накопляют опыт, выбирают вождей из числа наиболее одаренных и испытанных товарищей.

В буржуазной революции народная борьба решается «улицей», различными группами населения, до того не имевшими никакой связи между собой. Под влиянием какого-нибудь внезапного побуждения эти массы выходят из своих жилищ и мастерских на улицу, об'единяются в общем возбужденном действии, без подготовки, без плана, с вождями, рожденными минутой, руководимые, главным образом, своими инстинктами и потребностями, лишенные политического опыта и знаний, питаясь слухами и собственными иллюзиями.

В пролетарской политической революции борьба за овладение пролетариатом политической властью решается массовыми организациями, существующими десятки лет, с богатым опытом, с достаточной практикой борьбы, глубоко-продуманной программой и вождями столь же известными, как и испытанными.

Вожди буржуазной революции были новичками, которые внезапно появились на арене политической жизни, и о которых до того никто ничего не знал. Кажется, будто эта революция обладает чудесною творческою силой: так много рождает она из своих недр политических гениев. Конечно, почти все они столь же недолговечны, как и блестящи: настоящие кометы на политическом небосклоне.

В противоположность этому пролетарская революция, ныне начавшаяся, не выдвигает новых гениев: не за недостатком талантов в поднявшихся народных массах, но потому, что еще до революции все наиболее одаренные элементы пролетариата имели случай обнаружить свои способности и стать во главе его классового движения.

Даже нынешняя российская революция, в столь высокой мере отличающаяся характерными

чертами буржуазной революции, имела возможность в условиях демократической атмосферы Европы развить способности своих деятелей, по крайней мере, эмигрантской их части, — вследствие чего и не породила новых вождей, сколько-нибудь выдающихся. Ее Мараты и Робеспьеры, Дантоны и Карно были задолго до революции признанными партийными величинами, как Ленин и Троцкий, Радек и Зиновьев, и проч. Еще менее, чем новых вождей, выдвигает пролетарская революция новые партии. Буржуазная революция, напротив, впервые создает вообще почву для образования партий. Все действующие в ней партии являются ее созданиями.

В нынешней революции только коммунистическую партию можно было бы рассматривать, как вновь образовавшуюся. Но, как организация, она представляет собой лишь дальнейшее увеличение существовавшей до войны большевистской партии. Нова, правда, ее программа. Она может, сколько ей угодно, выдавать себя за последовательнейшее осуществление и завершение старого марксизма, но во всем, что отличает ее от социалдемократии, она целиком — дитя русской революции. Последней же, как уже было отмечено выше, в высокой степени еще присущ характер буржуазной революции, порождаемой отсутствием демократии.

Рожденная русской революцией, коммунистическая партия вместе с ней потеряет свое влияние на пролетариат. В действительно пролетарской революции, находящей свое полное выражение лишь там, где п р о л е т а р и а т, как класс, завоевывает политическую власть, коммунистическая партия, являющаяся только сектой, не может играть никакой роли. Победа будет принадлежать социалдемократической партии, рамки которой достаточно широки, чтобы вместить весь классово-сознательный пролетариат. На ее долю выпадает задача использовать завоеванную ею политическую власть для социалистического преобразования общества.

Эта победа, раз она будет достигнута на почве демократии, не явится неожиданностью. Пролетарская революция отличается от буржуазной также и в этом пункте. В феодально-абсолютистском государстве невозможна какая бы то ни было открытая политическая жизнь, — почти столь же невозможна, как и в современной России. Население ни о правительстве, ни о средствах его господства, финансах и т. д. ничего определенного не знает. Столь же мало ему известно о различных придворных течениях, от которых зависит правительство. В свою очередь и правительство ничего не знает о течениях, господствующих в населении, об их силе и решимости.

При таких условиях, революция в этой стадии всегда приходит неожиданно, как стихийное явление, не поддающееся учету. Восстание только потому и достигает победы, что внезапностью своей лишает правительство самообладания, обнаруживает перед всеми его замешательство и негодность, парализует волю его защитников, подымает дух его противников и, таким образом, приводит к последней решающей схватке, кончающейся кровавым поражением правительства.

В виду невозможности для абсолютизма ясно учесть положение, даже его уступки всегда являются слишком поздно, между тем как, будучи сделаны своевременно, они могли бы на некоторое время удовлетворить население. Таким образом, конфликт всегда кончается для абсолютизма полнейшим крахом, страшной катастрофой, тем более кровавой, что единственная сила его, как во внутренней, так и во внешней политике, заключается в силе его оружия, в его армии. «Против демократов помогают лишь солдаты», говаривал еще Вильгельм, первый германский император. Точно такого же мнения держался и Вильгельм последний. Оба глубоко погрязали еще в абсолютистском образе мышления.

Совсем иначе обстоит дело в демократическом строе. Во всякой мало-мальски развитой демокра-

тии с всеобщим избирательным правом каждое изменение в настроении масс и в соотношении их сил может быть установлено с полной ясностью. Эта ясность удерживает поднимающиеся классы от преждевременных выступлений, для которых у них нет еще сил. Эта же ясность побуждает и господствующий класс добровольно уступить ту или иную позицию, безнадежность которой не вызывает сомнений и упорная защита которой привела бы к поражению и краху. Бои повстанцев с правительственными войсками сменяются борьбою политических партий в печати и на собраниях, ради приобретения единомышленников, и борьбою партий за большинство на выборах и при голосованиях в органах народного представительства.

Больших неожиданностей при этом, как общее правило, быть не может, так как борющиеся партии населению известны давно, само же оно политически сознательно и вполне разбирается в том, чего может оно ожидать от той или иной партии.

Конечно, и при демократии политические неожиданности не исключены абсолютно. В жизни, именно в области внешней политики, возможны внезапные перемены, которые создают совершенно новую обстановку и приводят население в такое замешательство, что предвидеть, какие формы и размеры оно примет, совершенно невозможно. К этому присоединяется и другое обстоятельство. В самой развитой демократии часть населения всегда живет в таких условиях, которые не позволяют ей принимать регулярного участия в политической жизни. Только чрезвычайные события толкают эту часть населения на путь политических выступлений. Но, участвуя в политических решениях, она делает это чисто-стихийно, под влиянием чувства, не сознавая и не вдумываясь в смысл событий. В моменты, когда силы борющихся партий почти равны, именно эта часть населения может явиться той гирей, которая склоняет весы истории в определенную сторону и решает судьбу народа.

Этот элемент играет подчас роковую роль, однако, не следует и переоценивать его значения. В демократической обстановке сильная партия, глубоко коренящаяся в условиях жизни, никогда не может быть разбита на-голову. Если в данный момент ей не удалось завоевать большинства, то это обстоятельство является для нее лишь новым стимулом к более энергичному политическому просвещению отсталых масс, нанесших ей поражение. Завоевав эти массы, она с новыми силами предпринимает новую, более успешную попытку.

Если все сказанное выше относится к демократии вообще, то оно верно и по отношению к политической революции пролетариата, совершающейся в демократической обстановке. Благодаря ей становится возможной мирная форма этой революции, без кровопролития, без насилий. В условиях демократии сама революция не появляется столь неожиданно и не плодит много новых бойцов и новых программ, как это бывает при буржуазных революциях. Поэтому пролетарская революция несомненно менее драматична, меньше интересует и меньше удовлетворяет жаждущего новых сенсаций литератора. Она представляется более сухой и менее изобилующей событиями, нежели революция буржуазная. Если современная русская революция столь богата драматическими эпизодами и неслыханными сенсациями, то это лишний раз доказывает, что она, по действительному содержанию своему, вопреки намерениям ее руководящих элементов, революция буржуазная.

Но против мирного характера пролетарской революции нам возражают указанием на то, что никакой господствующий класс добровольно не отказывается от власти. Это, разумеется, совершенно верно. Было бы большой наивностью предполагать, что можно, скажем, уговорами побудить господствующий класс добровольно уступить свои позиции, или что класс капиталистов когда-нибудь, с прогрессом цивилизации, настолько проникнется

социальным духом, что без борьбы уступит пролетариату свое господство.

Если 4 августа 1789 года дворянские депутаты в Национальном Собрании Франции с энтузиазмом отказались от своих феодальных прав, то, с формальной стороны, это произошло добровольно, фактически же — под влиянием страшного восстания крестьян, угрожавшего дворянам потерей или уничтожением всего их имущества, если бы не удалось успокоить крестьян отказом от феодальных привилегий.

Нет сомнения, что пролетариат не завоюет политической власти, если перед тем он уже не будет представлять собой могучей, подавляющей силы. Но значение демократии именно в том и состоит, что она ясно обнаруживает размеры этой силы, делая ненужным обращение для этой цели к вооруженной борьбе.

Является ли избирательная записка силой или нет, зависит от того, какого рода люди подают эту записку. Если ее подают люмпен-пролетарии, босяки, живущие милостью богачей и без них пропадающие с голоду, или же если голосуют наемные рабочие, насквозь пропитанные босяцкой психологией и чтущие в капиталисте своего «кормильца», которому они обязаны существованием — такого рода пролетарии, конечно, не завоюют политической власти своей избирательной запиской. Они, если только вообще пользуются своим избирательным правом, охотнее продадут свой голос и представляемую им политическую власть тому, кто дороже за это заплатит.

Совсем иное дело пролетарий, трудом которого общество живет и без которого оно погибнет. Если пролетарии составляют большинство в этом обществе и сознают свое значение, то подача ими избирательной записки за социалистическую партию означает, что они познали свою силу и готовятся использовать ее.

Само собой разумеется, что избирательная записка является силой лишь в условиях де-

мократии. Было бы нелепо вести демократическими средствами борьбу за самое демократию. В борьбе с деспотическим режимом нельзя мирными средствами ни завоевать демократии, ни отстоять ее. Это очень часто упускают из виду.

Во всех крупных государствах европейского континента в крохотной доле завоеванной демократии торчал еще, до самого последнего времени, большой кусок абсолютизма. Все они были сильно централизованными военными государствами, в большинстве еще военными монархиями. Даже французская республика сохранила еще столько пережитков императорских времен, что ее часто называли империей без императора.

Здесь в первую очередь должна была быть завоевана полная демократия. Но как можно было победить военную монархию без насильственного ниспровержения ее конституции? В борьбе с нею избирательной записки не достаточно.

Тем не менее, многие наши товарищи, видя политические успехи социал-демократии, несмотря на существование военной монархии, проникались надеждой на мирное завоевание пролетариатом политической власти. Другими словами, они полагали, что пролетариат так незаметно будет вростать в нее, что военная монархия и сама не заметит, как позиции ее одна за другой перейдут к пролетариату.

Теоретическим обоснованием этой точки зрения была теория смягчения классовых противоречий, о ложности которой мы уже говорили выше.

Были даже и такие социалисты, которые воображали, будто и самое монархию можно заинтересовать в социализме, если этот последний пойдет на встречу ее завоевательным стремлениям, именно в области колониальной политики: народные права в обмен на пушки.

Это воззрение, полагавшее, что реформами можно избегнуть насильственного свержения военной монархии, т. е. революции, противопоставляло себя в качестве реформистского революционному тече-

нию, и вокруг этого вопроса велись в нашей партии самые ожесточенные споры в течение двух десятилетий до мировой войны. Революция, которую реформы должны были устранить, лишила эти споры всякой почвы.

В этом отношении мы, революционеры, оказались правы. Но при этом события все же пошли не так, как мы ожидали. Все буржуазные классы примирились с военной монархией, и только пролетариат один вел борьбу за демократическую республику. Мы поэтому были убеждены, что демократическая республика может явиться лишь в результате победы пролетариата над всеми имущими классами и завоевания им политической власти. Демократическая германская республика с самого начала своего существования представлялась нам, как социалдемократическая республика.

Так оно и случилось бы, если бы республика явилась в результате преодоления монархии внутренними силами страны. Этот момент был не за горами. Чем больше всеобщее избирательное право обнаруживало рост социалдемократии и приближало момент получения ею большинства в рейхстаге, тем быстрее надвигался решающий конфликт с монархией.

Но еще прежде, чем дело зашло так далеко, монархия вызвала ту безрассудную войну, которая кончилась для нее военной катастрофой. К этому времени пролетариат в Германии был достаточно силен, чтобы вслед за военным крушением монархии на фронте разразился ее политический крах внутри страны. Но пролетариат еще не был достаточно силен, чтобы удержать в своих руках доставшуюся ему власть. Он тем менее был в состоянии сделать это, что война ослабила его, часть его сил деморализовала, а наиболее революционные его слои расколола на две части, яростно терзавшие друг друга в братоубийственной войне вместо того, чтобы образовать единый фронт против буржуазии.

Таким образом, удалось достичь только устранения военной монархии и введения некоторых социальных реформ и, прежде всего, установления 8-часового рабочего дня.

Теперь, как будто, вновь всплывает старое противоречие между революционерами и реформистами. Но в действительности это противоречие теперь *после революции*, есть ничто иное, как «бесполезное воспоминание ненужного спора».

Германская конституция, рожденная революцией, несмотря на свои недостатки, предоставляет социалистическому пролетариату достаточные возможности мирного завоевания политической власти. Эта конституция далеко не обеспечена еще от покушений, и пролетариату, может быть, придется для ее защиты снова прибегнуть к силе. Но у него нет ни малейших оснований желать ее насильственной отмены.

Кто в настоящее время в Германии проповедует насильственный переворот и новую революцию, тот, даже если он для данного момента и отвергает восстание, напоминает человека, который, с полным основанием возвестив в три часа утра о предстоящем восходе солнца, считает своим.. долгом также и в полдень снова возвещать об этом.

Эти революционеры сегодняшнего дня сами преуменьшают размеры совершенного ими вчера. Они не замечают, какую огромную перемену принесла с собой революция 1918 года, и какое радикальное перемещение всех основ борьбы за власть совершено ею.

Не насильственная отмена конституции, но полнейшее использование демократических прав, даваемых ею, — вот наша задача теперь. Не новый переворот, но *единение пролетарских масс* ведет отныне пролетариат Германии к власти. Выдвигание на первый план противоречия между революционерами и реформистами закрывает путь к единению и, следовательно, препятствует достижению пролетариатом господства, препятствует победе социальной революции и замене

капитализма социализмом, к чему мы, социалисты, стремимся все без исключения, как бы ни изображали нас.

б) Углубление революции.

Пролетарская революция развивается, следовательно, на основе демократии, между тем как исходной точкой развития буржуазной революции является борьба за демократию. Это различие влечет за собой другое.

Мы видели, что буржуазная революция начинается, как восстание различных классов общества против абсолютизма. С падением его, освобожденные от абсолютистского ига классы начинают отчетливо познавать противоречия разделяющих их классовых интересов, и между ними возгораются классовые битвы, ведущиеся свойственными буржуазной революции насильственными методами. Эти битвы толкают революцию все дальше и дальше и приводят к власти все более крайние классы и партии.

Роза Люксембург в замечательной работе о «Русской революции» об'являет «законом жизни» и «основным правилом» «всякой великой революции» необходимость «очень быстро и решительно стремиться вперед, железной рукой сметать с пути все препятствия, ставить себе все более высокие цели» (стр. 77, 78).

В действительности, процесс этот есть закон жизни для всякой великой буржуазной революции.

Пролетарская же революция происходит совсем в иных условиях. Так как ей предшествует длительный период более или менее совершенной демократической практики, то революция протекает при полном выявлении и ясном понимании классовых противоречий, прежде затушеванных абсолютизмом. На место насильственных методов прежнего времени демократия вводит в практику политической борьбы методы более мирного

характера, что, однако, отнюдь не означает ослабления классовых противоречий. Классы суть экономические, а не политические категории, классовые интересы и противоречия их, равно как ослабление или обострение этих противоречий зависят от экономических, а не от политических условий. Но чем свободнее проявление различных течений народной мысли, тем лучше уясняют себе отдельные классы свои интересы и противоречие их интересам других классов. Вызываемое экономическими причинами обострение классовых противоречий проявляется в условиях демократии быстро и ясно. Поэтому пролетарская революция не может, подобно буржуазной, исходить из иллюзии об общности интересов между различными классами с противоположными интересами. Пролетарская революция не знает таких иллюзий, которые разрушались-бы в ходе ее, чтобы уступить место классовой борьбе между революционерами. Пролетарская революция есть результат десятилетий ожесточеннейших классовых битв, в ходе которых классовое сознание противников достигает высшей степени развития. Она завершается победой одного единственного класса—пролетариата; за ним нет более никакого другого класса, который мог бы оказаться угнетенным или эксплуатируемым новыми властителями. Пролетариат задолго до своей победы поставил себе самую высокую цель, возвестив о ней на знамени своей политической партии, на знамени социалдемократии. Нет класса или партии, которые могли-бы поставить перед революцией цель, более высокую.

Тем не менее, не исключена возможность создания видимости такой силы, толкающей революцию все дальше.

Пролетариат ведь, в существе своем, не составляет вполне единого целого. Мы уже видели, что он распадается на два слоя. Один из них,благодаря особым экономическим условиям или благодаря законодательству, находится в благоприятном положении, создает сильные организации, защища-

ющие его интересы. Этот слой образует процветающую часть пролетариата, его «аристократию», умеющую столь успешно бороться с принижающими тенденциями капитализма, что постепенно борьба с ним становится для нее уже не борьбой против нищеты, но борьбою за власть.

На ряду с этими хорошо дисциплинированными, вышколенными, боеспособными отрядами, имеется, однако, большая армия пролетариев, поставленых в столь неблагоприятные условия, что они не в состоянии были сорганизоваться и преодолеть угнетающие тенденции капитализма. Они не могут преодолеть нищеты и все глубже в нее погружаются.

Пролетарская революция пробуждает к политической жизни и эти слои, вдыхая в них мужество и способность к борьбе. И они, до сих пор апатично прозябавшие, ныне превращаются в тех, кто неудержимо рвется вперед. Для них классовая борьба, это — борьба с нищетой. Но осаждаемый нищетой ждать не может. Ему нужна безотлагательная помощь. Он гнул покорно спину, покуда чувствовал себя бессильным. Оказавшись у власти, он стремится немедленно положить конец всякому страданию, всякому угнетению. Невежественный, не имеющий никакого понятия о законах экономического развития, он полагает, что силой можно сделать все. Благодаря невежеству и неопытности, он, в своем страстном стремлении к благоденствию и свободе, легко становится добычей всякого рода демагогов. Эти демагоги, из расчета ли или по легкомыслию, дурачат его самыми заманчивыми обещаниями и ведут на борьбу против вышколенных, давно и крепко организованных элементов пролетариата, привыкших действовать наверняка, ставя себе лишь посильные задачи, и достаточно опытных, чтобы знать, что проблемы, подлежащие разрешению, не столь просты, как это кажется людям мало-сведущим.

Это противоречие внутри пролетариата становится еще сильнее под влиянием марксизма. Ко-

нечно, и во времена буржуазной революции существовала политическая экономия, как наука. Однако, товарное производство тогда представлялось еще, как естественная форма всякого производства, его законы, как естественные законы всякого хозяйства, и не было еще понимания того, до какой степени обусловлены экономически все социальные идеи и учреждения.

Притом экономическими познаниями обладала только буржуазия. Очень часто это слово употребляется, как равнозначущее слову капиталисты. Это, однако, неверно. Bourgeois (по-немецки бюргер) по-французски—г о р о ж а н и н в отличие от citoyen — г р а ж д а н и н. Под словом буржуазия разумеют всю образованную и зажиточную часть городского населения в противоположность ко всему сельскому населению — крупному землевладению и крестьянству — и к беднейшей части городского населения. Буржуазия не составляет никакого класса в экономическом смысле, она, как и «третье сословие», — имя собирательное, об'единяющее различные элементы: на ряду с капиталистами, так же и интеллигенцию, а, следовательно, и многие слои населения, живущие не эксплуатацией чужой рабочей силы, но своим собственным трудом и даже зачастую подвергающиеся эксплуатации. При этом, численность интеллигенции в рядах буржуазии, может быть выше, нежели число капиталистов.

В эпоху буржуазной революции некоторое знакомство с законами политической экономии можно было встретить среди буржуазии, но отнюдь не среди беднейших слоев мелкой буржуазии, не среди пролетариев и крестьян. В особенности пролетарии находились в таком положении, которое исключало для них всякую возможность экономических познаний; они инстинктивно противились познанию законов экономического развития, ибо законы эти об'являли нищету пролетариата законом природы. Революционная борьба этих слоев с буржуазией была в то же время борьбой невежества против экономических знаний.

Совершенно иначе обстоит дело в настоящее время. Маркс и Энгельс установили, что законы политической экономии имеют силу законов природы лишь при определенных исторических условиях, изменяющихся с тою же закономерностью, что и законы природы. Они не только основательнее, чем кто-либо прежде, изучили законы *движения* ныне существующего способа производства, но познали также *законы его развития*. Если из первых следует необходимость эксплуатации и нищеты, при условиях существовавших до сих пор, то с помощью вторых мы убеждаемся в необходимости преодоления эксплуатации и неизбежности победы пролетариата. Излишне останавливаться здесь подробнее на этом. Вся Эрфуртская программа, которой посвящена предыдущая часть нашей работы, основана на этом ходе мыслей.

Таким образом, к тому времени, когда обнаруживается материальный и умственный под'ем пролетарских слоев, находящихся в более благоприятных условиях, появляется учение, возвещающее пролетариату его победу и вменяющее ему в обязанность, со всею основательностью, возможной в его положении, изучать законы экономической жизни.

Но учение Маркса имеет две стороны. Одна из них возвещает уверенность в победе пролетариата. Выдвигать эту сторону учения на первый план в особенности важно перед победой и тем в большей мере, чем слабее пролетариат и чем тяжелее условия, в которых он живет. Безусловно необходимо укреплять дух пролетариев, ведущих борьбу против превосходящих их силою противников и указывать им, что законы развития капиталистического способа производства сами работают в пользу пролетариата, обеспечивая ему в конечном счете господствующее положение в обществе.

Но совсем иного рода задача встает перед марксистом после победы. Теперь вопрос заключается в том, как воспользоваться победой. И тут

мы, марксисты, обязаны со всею силой выдвинуть на первый план вторую сторону Марксова учения. Оно говорит о зависимости всех политических и социальных идей и учреждений от экономических законов, не поддающихся произвольному изменению. Оно учит, что на известной ступени капиталистического развития социализм наступает с необходимостью закона природы. Но отсюда неизбежно следует и то, что на более ранней ступени развития социализм невозможен, что, говоря известными, но слишком редко вспоминаемыми словами Маркса из его предисловия к «Капиталу»,

«если даже общество и напало на след естественного закона своего движения... то оно не может ни перескочить естественные фазы своего развития, ни устранить их посредством декретов. Но оно может сократить и уменьшить муки родов».

Чаще, чем эти слова, цитируется в наше революционное время другое место из «Капитала», также пользующееся родами, как образом для сравнения:

«Насилие является акушером всякого старого общества, чреватого новым».

Те, кто охотно цитируют это место, по большей части забывают, что непосредственно перед вышеприведенной фразой Маркс указывает, что такою силой являются не кулаки и не штыки — пулеметов тогда еще не было, — но «государственная власть» — «концентрированная и организованная сила общества», и что, с другой стороны, в цитате, приведенной ранее, Маркс определенно предостерегает от попыток перескочить естественные фазы развития.

Акушер, который вследствие собственного нетерпения применил бы насильственные средства, чтобы вызвать роды на пятом месяце, мог бы, конечно, торжествовать победу по случаю значительного сокращения периода беременности, но плод, насильственно вызванный на свет, очень скоро приказал бы долго жить и только в счастливом случае эксперимент этот для самой матери не кон-

чился бы смертью или длительной тяжкой болезнью.

Подобного рода акушерская помощь оказывается в настоящее время бедной матушке—России некоторыми врачами, утверждающими, будто они прошли школу Маркса. Господа знахари с самоуверенностью, свойственной шарлатанам, возвестили миру, что их насильственные меры есть вернейшее средство «сократить и уменьшить муки родов социализма». Во всех случаях завоевания пролетариатом политической власти, когда бы и как бы это ни произошло, перед нами, марксистами, прежде всего встает задача определить «фазу естественного развития» общества, в котором власть перешла к пролетариату, и приспособить к ней использование победы, предостерегая прежде всего от преждевременных мероприятий, как бы желательны они ни были для пролетариата, если эти мероприятия при данных условиях обречены на неуспех и, следовательно, приведут к неудаче всего движения.

Мы отнюдь не согласны с мнением тов. Р. Люксембург, полагавшей, что задача социалистов состоит в том, чтобы постоянно гнать революцию все дальше и дальше, как это делали большевики:

«Основное правило всякой великой революции, ее закон жизни, гласит: или она должна очень быстро и решительно стремиться вперед, железной рукою сметая с пути все препятствия и ставя себе все более высокие цели, или же очень скоро пораженная в слабейшем своем пункте она будет отброшена назад и раздавлена контр-революцией», (Русская революция, стр. 77, 78).

«Достигнув власти, пролетариат ни в коем случае не может, согласно доброму совету Каутского, под предлогом «незрелости страны» отказаться от социалистического переворота, не изменив самому себе, Интернационалу, революции. Он должен и обязан тотчас же приступить к социалистическим мероприятиям и проводить их в жизнь самым энергичным, самым непримиримым, самым беспощадным образом». (Там же, стр. 115).

К сожалению, тов. Р. Люксембург не дожила до об'явления советской республики в Туркестане; иначе ей пришлось бы задаться вопросом, нужно

ли и в Туркестане немедленно свершить социалистический переворот, если мы не хотим изменить всему, что есть у нас святого.

В настоящее время мы в состоянии дать более трезвую оценку положения, нежели это было возможно в 1918 году, когда т. Люксембург писала вышеприведенные строки. Безотрадное положение России показывает, что получается, если, не считаясь с данной фазой развития, начинают «немедленно вводить социалистические мероприятия самым энергичным, самым непримиримым, самым беспощадным образом».

Нам воистину нет нужды беспокоиться о том, чтобы завоевавший власть пролетариат самым энергичным, непримиримым и беспощадным образом добивался социалистических мероприятий. Как раз для этого-то и не требуется усилий опытных марксистов. Не в том опасность, что революционный натиск будет слаб, а в том, что этот натиск разрядится нецелесообразно, найдет выход в мероприятиях, приводящих к результатам, прямо противоположным тем, какие были намечены.

Не к беспощадности и быстрейшему наступлению должны мы в данном случае призывать, но к самообладанию и к тому самоограничению, в котором сказывается мастер своего дела, к ограничению не из трусости или слабости, но из ясного понимания того, что в данный момент возможно или целесообразно. Это отнюдь не означает отказа от социалистического переворота, чего, разумеется, я никогда и не требовал, но означает отказ от совершения его нецелесообразным способом или при таких обстоятельствах, которые делают неизбежным его крушение. Вопрос лишь в том, склонен ли будет завоевавший власть пролетариат пойти на то самоограничение и проявить то самообладание, которого требует от него марксизм.

В наибольшей мере будут способны на это организованные и прошедшие школу классовой борьбы слои пролетариата, в наименьшей — неорганизованные. Таким образом, в ходе пролетарской ре-

волюции внутри широких масс пролетариата возникает противоречие, которое может возрасти до открытой междоусобицы, внешним образом напоминающей борьбу различных фракций в буржуазной революции. Как там, так и здесь радикалы берут верх над умеренными, и революция все больше, таким образом, «углубляется». Получается видимость, как будто пролетарская революция следует тому же «закону жизни», что и буржуазная.

Но в действительности обе революции глубоко различны между собой. То «углубление» революции, которое в буржуазной революции было результатом борьбы различных классов, является в пролетарской революции борьбою внутри того же самого класса. В буржуазной революции освобождаются от буржуазного руководства передовые элементы неимущих классов и поднимают борьбу против буржуазии, в качестве радикалов против умеренных. В пролетарской революции пролетариат в целом свободен от буржуазного руководства, и борьба более радикальных против более умеренных его элементов является борьбой невежественных, неопытных, неорганизованных, короче говоря, наиболее отсталых слоев пролетариата против опытных, организованных, вышколенных, против наиболее высоко развитых его слоев.

В революциях обоего рода радикалы, в конце концов, терпят крушение. Но в буржуазной революции они терпят крушение потому, что цель их вообще на данной основе недостижима: они хотят уничтожить бедность и нищету, не касаясь товарного производства. Иное дело в пролетарской революции. Здесь социалисты всех направлений стремятся к одной цели, к социализму, и эта цель осуществима. Если радикалы пролетарской революции терпят крушение, то причина его заключается в том, что они в своем невежестве и беззаботности — качества высокоценимые ими, как признак революционных «бури и натиска» — слепо неслись

к своей цели, не изучая фарватера революции и не видя ни подводных мелей, ни скал. Они терпят крушение не потому, что, вынужденные классовым положением, они отважились достичь недостижимого, но потому, что к явно-достижимому, находящемуся в непосредственной близости, они шли с неразумной поспешностью, сломав себе при этом шею и потеряв, таким образом, способность к дальнейшей борьбе.

Наконец, еще одно различие между буржуазной и пролетарской революцией необходимо принять во внимание.

В эпоху буржуазной революции производственные отношения еще сравнительно просты и выдерживают хорошую встряску. Конечно, гражданская война и террор временно сокращают размеры производственного процесса. Но освободившиеся, благодаря революции, производительные силы так велики, что нарушения производства быстро преодолеваются. После революции производство развивается с чрезвычайной быстротой, и начинается эра расцвета. Благодаря этому, в памяти почти всего народа революция живет, как прекрасное и счастливое событие. И такою же она продолжает жить в сознании даже неимущих слоев, потерявших в ней все, — как первая попытка освобождения, вслед за которой они готовы предпринять вторую, лучше подготовленную.

Процесс производства, который застает пролетарская революция, отличается, напротив, крайней сложностью и чрезвычайной чувствительностью. Резкое вмешательство дилетантов или даже совсем неграмотных людей угрожает ему полной остановкой, что означает смерть.

Поэтому во время пролетарской революции всюду, где у власти оказываются «радикальные» элементы, о которых мы говорили выше и которые все больше «углубляют» революцию, беспощадно разрушая «старое», чтобы расчистить путь новому, господство «радикалов» кончается не только тяжким похмельем после крушения иллюзий, лопнув-

ших, как мыльные пузыри, но и полным экономическим разорением, как это мы с ужасом наблюдаем теперь в России.

Вследствие этого, в сознании пролетариев, переживших ужасный метод «углубления» революции, радикальные элементы революции не явятся, подобно радикалам буржуазной революции, передовыми бойцами за освобождение пролетариата, о которых вспоминают с почетом, но запечатлеются, как губители пролетарского дела, которых презирают от всей души.

в) Контр-революция.

К счастью для нашего дела, есть еще другое отличие между буржуазной и пролетарской революцией, кроме отличий, исследованных нами выше.

В буржуазной революции, с падением абсолютизма, ожесточенная борьба в рядах революционеров была неминуема. Ибо низвержение абсолютизма было общим делом различных классов. Противоречия их интересов в условиях завоеванной свободы обнаружились с полной силой, и революционные классы неизбежно должны были вступить в борьбу друг с другом. Пролетарская революция, напротив, есть дело одного класса. Он распадается на различные слои с различным уровнем развития, которые в ходе революции могут вступить между собою в конфликт. Но такие конфликты отнюдь не неизбежны.

Их наступление тем менее вероятно, чем большим влиянием в рабочем классе пользуются его организованные, вышколенные элементы, чем ревностнее защищали они, еще до революции, интересы более слабых, неорганизованных своих братьев и, следовательно, чем большим доверием пользуются у них. И, наконец, такие конфликты тем менее возможны, чем богаче страна, в которой пролетарская революция происходит, чем выше развитие ее производственного аппарата, и чем ин-

тенсивнее он работает. В этих благоприятных условиях победоносному пролетариату тем легче немедленно удовлетворить самую кричащую нужду и, таким образом, предотвратить опасное для революции развитие событий.

Если революции последнего времени являют собой иную картину, то это об'ясняется рядом особых обстоятельств, вызванных ужасной мировой войной и ее чудовищными последствиями. Последние можно считать общеизвестными.

Однако, все эти обстоятельства столь исключительны по своему характеру, что вряд-ли нужно считаться с возможностью их повторения в будущем, каково бы ни было это будущее.

Роковой раскол в рядах борющейся части германского пролетариата и его разделение на три партии подходит к концу. Россия, не просто голодающая, но буквально вымирающая от голода, не может более приковывать к себе надежд даже самых наивных и легковерных из тех, кто страстно жаждет избавления и ждет пришествия Мессии.

Если удастся отстоять демократию в Германии, а мы имеем все основания расчитывать на это, то об'единенная социалдемократия и в Германии, как того Маркс и Энгельс ожидали для Англии, завоюет политическую власть мирным путем, как только за нею будет большинство народа. К тому времени мы преодолеем и нынешний отчаянный период недостаточного производства и затруднений в мировом торговом обороте. Источники общественного богатства будут столь изобильны, что общество сможет обеими руками черпать из своих запасов. Тогда и для социалдемократии, овладевшей властью, откроется возможность немедленных значительных улучшений в положении беднейших масс, без понижения общих условий культурной жизни и даже при повышении ее уровня и одновременном росте производительных сил.

Если пролетариат придет к власти при таких условиях — а эти условия являются нормальными для пролетарской революции, — то у нас нет ника-

ких оснований опасаться братоубийственной борьбы между отсталыми и передовыми элементами пролетариата, возникающей вследствие растущего недовольства неорганизованных пролетарских слоев и их гибельных попыток углубления революции. Наоборот, у нас есть все основания надеяться, что среди отсталых элементов доверие к пролетарскому «авангарду» все больше будет возрастать, и обе части пролетариата рука об руку будут все дальше вести революцию в той мере, какую допускают соотношение классовых сил и об'ективные экономические условия. О темпе этого движения вперед будут, разумеется, споры в рядах социалистического пролетариата. Но эти разногласия не могут быть такого рода, чтобы нарушить организационное единство социалдемократии. В том, что мы все, от самых крайних правых до самых крайних левых, жаждем скорейшего проведения социалистических мероприятий, сомнений быть не может.

Крупнейшие политические и профессиональные организации пролетариата тем легче смогут об'единить для единодушных действий в ходе революции все части рабочего класса, чем заботливее еще до наступления революции относятся лучше поставленные слои пролетариата к интересам более слабых своих братьев, ревностно содействуя укреплению их сил.

Если грядущая пролетарская революция пойдет таким образом, то она будет обеспечена и против того заключительного явления, каким неизбежно заканчивалась всякая буржуазная революция — против к о н т р - р е в о л ю ц и и.

Тов. Люксембург в своей уже цитированной брошюре высказывает ту мысль, что закон жизни всякой великой революции состоит в быстрых наступательных действиях революционных сил, при чем руководящее значение в борьбе переходит к элементам все более радикальным; при ином ходе развития революция неизбежно гибнет под ударами контр-революции. Факты, однако, показывают, что всякая буржуазная революция действовала

именно таким образом, в духе быстрого неуклонного наступления, и тем не менее гибла, в конце концов, под ударами контр-революции. И это отнюдь не было случайностью. Гибель буржуазной революции была столь же неизбежна, как и самый метод наступательных действий, диктовавшийся противоречием интересов революционных классов, в начале движения выступавших как единое целое. Неминуемой была, при этом, и попытка неимущих классов достичь невозможного, вследствие чего они, в конце концов, и терпели крушение. Но, благодаря этому крушению, революция лишалась своей сильнейшей опоры и должна была пасть в борьбе с контр-революцией.

Энгельс в предисловии к английскому изданию своей работы: «Развитие социализма от утопии к науке», напечатанном в «Neue Zeit» (XI, 1) под заглавием: «Об историческом материализме», говорит об этом следующее:

«Чрезмерная революционная деятельность сменялась неизбежной реакцией, которая, в свою очередь, выходила далеко за пределы своей цели».

И непосредственно перед этим Энгельс говорит, после того как на примере английской революции 18 века иллюстрировал правильность вышеприведенного положения, следующее:

«Повидимому, это явление и в самом деле представляет собой один из законов развития буржуазной революции»» (стр. 44).

Да, буржуазной революции, но не пролетарской, которая происходит при совершенно иных условиях.

Пролетарская революция совершается не совокупностью нескольких классов, как буржуазная революция, но только одним классом. За ним нет больше никакого класса, который стремился бы свергнуть новый общественный строй, но, не будучи в состоянии собственными силами установить новый порядок, должен бы был пасть и в своем падении увлечь за собой всю революцию.

Если в ходе пролетарской революции развитие событий приводит к кровавой борьбе между рево-

люционерами и, вследствие этого, к победе контр-революции, то такой ход событий вызван не «законом жизни» революции, но теми исключительными обстоятельствами, которые становятся все реже, так как они по большей части порождаются пережитками феодального строя в буржуазном обществе.

Несмотря на то, что последний пролетарский переворот в Германии еще не был подлинной пролетарской революцией, так как он сопровождался лишь временным переходом власти к пролетариату, и несмотря на то, что пролетариат — по причинам в последнем счете относящимся не к революции, а к войне — в братоубийственной междоусобице обессилил себя и, таким образом, открыл дорогу контр-революции, победа этой последней до настоящего момента все же не была такой полной, как это бывало в буржуазных революциях, и мы имеем основания ожидать, что недалеко то время, когда нынешняя реакция пойдет на убыль.

После Великой Французской Революции во Франции наступает кладбищенский покой, полное отсутсвие свободы движения, и долгое время в массах отсуствует самая потребность политического движения. Это продолжается до 1830 года. После восстания 1848 года прошло 12 лет, прежде чем буржуазная и пролетарская демократия вновь ожила. С 1849 г. по 1860 год царит полнейшее политическое оцепенение.

Напротив, в современной Германии мы хотя и находим некоторый упадок политического интереса в массах и, вследствие этого, некоторое уменьшение числа социалистических голосов по сравнению с буржуазными, но это явление столь мало распространенное и так незначительно по размерам, что оно до сих пор никаких значительных изменений в соотношении сил не вызвало.

Только в наиболее отсталых странах, где политическим невеждам под руководством коммунистов удалось втянуть на путь бессмысленных действий и организованную, политически-воспитанную часть

пролетариата, там, как, напр., в Венгрии, мы действительно находим подлинную контр-революцию.

Как во всем прочем, так и в этом пункте, Россия являет нам пример полнейшего своеобразия. Так как русская революция, по существу, еще революция буржуазная, то она и следует «закону развития буржуазной революции»: от «чрезмерной революционной деятельности» идет к «неизбежной реакции, которая, в свою очередь, выходит далеко за пределы своей цели».

В то время, как во всех странах мира этот ход событий совершался таким образом, что партия реакции насильственным образом подавляла партию революции, большевики ухитрились сами осуществить переход от революции к реакции. Восхищаясь, превозносят жизненность их режима; но она покоится не на жизненности революции, которой они руководили, но на том, что как только они увидели, что революция идет к концу, они, без долгих размышлений, сами взяли на себя функции контр-революционеров.

Энгельс любил напевать английскую сатирическую песенку, составленную на английского священника, викария из Брэй, жившего в 17 столетии и известного тем, что одинаково ревностно служил и революции и реакции, благодаря чему и сохранял за собой свой приход. Ленин превзошел этого викария, ибо сам создает и режим революции, и режим реакции.

На «гнилом Западе» нечто подобное все-таки уже невозможно.

Мы имеем все основания расчитывать, что грядущая пролетарская революция, т. е. завоевание пролетариатом политической власти, произойдет на основе демократии, другими словами, — мирным путем. Мы вправе ожидать, что пролетарская революция не повлечет за собой междуособицы в рядах пролетариата и не закончится контр-революцией. Пролетарской революции чужд бурный наступательный метод, свойственный революции буржуазной, и тем не менее она быстрее идет вперед,

ибо развитие ее не задерживается глубокими периодами реакции.

Революционнейшие из революционеров будут протестовать против такого понимания пролетарской революции. Для них революция без резни и террора не настоящая революция, но жалкий, тряпичный реформизм. Своими воззрениями на революцию они доказывают лишь, как консервативно их мышление, несмотря на революционные фразы. Они не могут представить себе революцию иначе, как по образцу прошлых буржуазных революций. Но какою бы мы ни представили себе грядущую пролетарскую революцию, одно остается непоколебимым: развиваясь в совершенно иных условиях, она будет иметь совершенно иной вид, отличный от буржуазных революций, из истории которых мы до сих пор черпали вообще все наше знание и мышление о революции.

г) Коалиционная политика.

Рассматривая политическую революцию, как завоевание политической власти классом (или коалицией классов), до того не принимавшим участия в государственной власти, мы должны будем констатировать ряд различий между буржуазной и пролетарской революцией.

Только одно из них мы здесь подвергнем более подробному исследованию.

Буржуазная революция заканчивается контрреволюцией. Промежуточной формой между ними, как общее правило, является военная диктатура. Ее власть покоится на том, что революционные классы — буржуазия, крестьянство, мелкая буржуазия, пролетариат, — обессилев в жестокой междоусобице, приходят в состояние равновесия, при котором ни один из них не в состоянии политически подчинить своему господству остальные классы. Демократия на этой стадии развития еще не укрепилась, а гражданские и зачастую внешние войны революционного времени ведут к образова-

нию новой, строго дисциплинированной армии, вместо разложившейся, старой армии абсолютизма. Тот, кто распоряжается новой армией, легко подчиняет своей абсолютной власти все революционные классы. Так революция кончается тем, что называют бонапартизмом или цезаризмом.

Такой ход развития неизбежен в заключительной фазе буржуазных революций; но ни одной из необходимых предпосылок его не имеется там, где происходит не мнимо-пролетарская революция, как в России, но революция подлинно-пролетарская. В пролетарской революции такого исхода не может быть, во-первых, потому, что к моменту появления ее демократия пустила уже глубокие корни в стране, вследствие чего политическая борьба не принимает формы гражданской войны, в процессе которой вместо низвергнутого милитаризма создается новый. Во-вторых, самое наступление пролетарской революции предполагает численное превосходство пролетариата по сравнению со всеми прочими классами общества, вместе взятыми, так что противники революции могут получить перевес лишь в том случае, если пролетариат ослаблен, благодаря расколу в его рядах. Но такой исход отнюдь не есть неизбежное явление и может иметь место лишь в виде исключения.

Зато мы встречаемся во вступительной стадии пролетарской революции с тем состоянием равновесия классов, которым завершается революция буржуазная. Это состояние наступает в тот именно период, когда пролетариат не в силах еще завоевать для себя политическую власть целиком, но уже достаточно силен, чтобы помешать любой из буржуазных партий удержаться у власти вопреки воле рабочего класса.

В этой стадии борьба за чисто-классовое правительство совершенно парализовала бы нормальную государственную деятельность и тем самым экономическую жизнь. Государство и все классы общества, в том числе и пролетариат, оказались-бы в крайне бедственном положении. Даже граждан-

ская война, т. е. попытка силой оружия подавить противную сторону, если бы таковая в условиях развитой демократии, нами здесь предполагаемой, и была возможна, привела бы лишь к усилению экономической разрухи до степеней, ныне наблюдаемых в России.

При таких условиях возможны лишь две формы правительства: или одна из партий образует правительство при молчаливом согласии или при поддержке, по крайней мере, одной из наиболее значительных партий противной стороны, или же социалисты образуют коалиционное правительство с одной или несколькими партиями из буржуазного лагеря.

Примеры первой формы правительства мы находим в Австрии и в Швеции. В Швеции имеется чисто-социалистическое правительство, сохраняющее власть лишь при поддержке либералов. В Австрии же правительство христианских социалистов будет свергнуто в тот день, когда этого пожелают социалисты.

Несколько ранее мы имели в Австрии коалиционное правительство с участием социалистов. Такое же правительство было в Бельгии и в Дании. Социалистическо-буржуазное коалиционное правительство имеется в данное время в Германии. Завтра, может быть, такое же правительство мы будем иметь снова в Дании и в Бельгии и, сверх того, в Италии и в Англии.

В тактическом отношении иногда составляет большую разницу, вхожу ли я в данное правительство и влияю на его решения, или же, не входя в состав кабинета и не участвуя в его заседаниях, поддерживаю это правительство просто потому, что считаю его, при данных обстоятельствах, наилучшим из возможных. Однако-же, в принципиальном отношении тут нет никакой разницы. Есть, правда, политики, которые являются, по преимуществу, агитаторами и вследствие этого принципиально предпочитают более скрытые формы коалиции, опасаясь открытого политического сотрудничества с

буржуазными элементами. Так, напр., в избирательной практике германской социалдемократии, при прежней системе выборов с перебаллотировками, считалось само собой понятным, что на перебаллотировках голоса социалдемократов отдавались кандидату буржуазной оппозиции, скажем, демократу или представителю партии центра. Но предложение заключить особое соглашение для этой цели с соответствующими партиями было бы, без сомнения, отвергнуто многими из наших радикалов, как сугубое нарушение принципов классовой борьбы. Точно также и в настоящее время немало есть товарищей, которым вступление социалистов в состав коалиционного министерства представляется принципиально недопустимым, хотя необходимость такого министерства ими признается вполне.

Для защиты своей непримиримости эти товарищи неустанно аппелируют к принципам классовой борьбы. Что и говорить, выяснение Марксом и Энгельсом значения классовой борьбы в политике составляет одну из выдающихся их заслуг, но им никогда и в голову не приходило утверждать, будто наиболее действительный способ защиты своих классовых интересов состоит в полнейшей изоляции своего класса. Как! Неужели, ища себе союзников, чтобы быть сильнее в борьбе, я тем самым отказываюсь от борьбы? Конечно, имея союзников, я должен считаться и с их интересами; иногда в виду этого я не могу пред'явить побежденному врагу столь суровых требований, какие пред'явил бы, если бы победил его один, собственными силами. Но что толку в этих «если бы да кабы», если в действительности я один, без помощи союзников, не только не победил-бы противника, но сам был-бы им разбит!

Принципиальный отказ от всякой коалиции при каких бы то ни было обстоятельствах есть следствие того понимания классовой борьбы, которое расценивает все буржуазные партии без исключения, как сплошную реакционную массу. Никто

энергичнее Маркса не боролся с таким пониманием, которое больше способствует классовой ограниченности, нежели развитию классового сознания.

Отто Бауэр, радикализм которого не подлежит сомнению, отнюдь не отвергал коалицию принципиально и даже одно время сам на практике осуществлял ее.

Разумеется, есть коалиция и коалиция; это нужно различать и помнить, что коалиция полезна только при определенных условиях.

Для данного вопроса большое значение имеет статья Отто Бауэра, 3 января 1922 года появившаяся в берлинском органе независимых «Freiheit» под заглавием «Коалиционные правительства и классовая борьба».

Он различает два рода коалиционных правительств. Одни из них он называет «реформистскими». Они образуются в такое время, когда буржуазия еще обладает огромным превосходством сил над пролетариатом и не вынуждена делать ему никаких уступок. Если такое правительство допускало в свою среду единичного социалиста, то на него падала ответственность за чисто-капиталистическую политику правительства. Совершенно иначе обстоит дело в настоящее время, когда пролетариат настолько окреп, что наступило равновесие классовых сил.

«Там, где наступило такое равновесие классовых сил, коалиционное правительство может явиться временой необходимостью».

В этом пункте я вполне согласен с Отто Бауэром. Но что касается дальнейшего, мне кажется, он слишком обобщает чисто-австрийские отношения, когда особо выделяет военную силу, которой пролетариат должен овладеть, чтобы своей силой импонировать буржуазному обществу и лишить коалицию ее «реформистского» характера.

«Реформистский министериализм допускал участие пролетарских партий в правительственной власти, хотя военные и экономические средства господства оставались монополией буржуазии. Напротив, австрийское коалиционное

правительство появилось вследствие того факта, что распоряжение армией и средствами сообщения, главными факторами власти, оказалось в руках пролетариата».

Бауэр, повидимому полагает, что пролетарские партии 2-го Интернационала располагают менее могучими средствами власти, нежели австрийский пролетариат. В противном случае, он не сделал-бы добавления, что «в партиях 2-го Интернационала в настоящее время господствует реформистский министериализм».

На мой взгляд, пролетариат в Германии сильнее, чем в Австрии, хотя и не располагает армией. В численном отношении он здесь гораздо больше превосходит крестьян, чем в Альпийских областях. Еще в большей степени это относится к Англии, где крестьянство вообще больше не существует. Крестьянство сильно в Бельгии и в Дании. Но и в этих странах относительная сила пролетариата в государстве безусловно выше, чем в Австрии. Следовательно, в этих странах коалиционная политика уже выросла за пределы той стадии, которую Бауэр называет «реформистским министериализмом».

Но Бауэр совершенно прав, когда говорит, что коалиционная политика будет тем более успешной для пролетариата, и опасности ее тем меньше, чем внушительнее пролетарские силы, на которые опираются социалистические министры в коалиционном правительстве. Раз коалиционная политика стала неизбежной, то единственное средство сделать ее максимально-полезной для пролетариата состоит в максимальном развитии его сил.

Но это требует, прежде всего, сплоченности пролетариата. Кто хочет свести до минимума опасности коалиционной политики, для того важнейшей задачей должно быть содействие единству социалистического пролетариата. Кто противодействует этому единству, тот не устраняет этим необходимости в коалиционной политике, но способствует лишь тому, что она осуществляется в наименее благоприятной для пролетариата обстановке.

Противники коалиционной политики в наших рядах противопоставляют ей по большей части преимущества чисто-социалистического правительства. Но такое противопоставление бессмысленно, ибо ни один социалист не предпочтет коалиционного правительства чисто-социалистическому, если таковое возможно. Только социалистическое правительство может открыть нам путь к социализму, только оно будет энергично и планомерно осуществлять социализацию капиталистического процесса производства. Тут и вопроса быть не может.

Ведь, речь идет о той стадии развития, на которой пролетариат еще недостаточно силен, чтобы образовать собственное правительство и обеспечить ему власть, но уже в силах устранить всякое правительство, явно враждебное рабочему классу. На этой стадии вопрос может стоять только так: коалиционное правительство или буржуазное правительство милостью пролетариата. Чисто-социалистическое правительство милостью либеральной буржуазии составляет такую редкость, что мы можем о нем не говорить, тем более, что и оно не в состоянии дать того, что может дать только социалистическая власть, опирающаяся на могущественный пролетариат.

Возможен случай, когда социалистическая партия предпочитает, в виду чрезвычайных трудностей, создаваемых буржуазным режимом, предоставить одной буржуазии расхлебывать ею заваренную кашу, в настоящее время, напр., последствия войны. Но очень часто для пролетариата может оказаться чрезвычайно опасным предоставление всех средств власти в неограниченное распоряжение буржуазных элементов. Товарищ Бауэр говорит, что в Австрии, с точки зрения революционного социализма, коалиционная политика допустима, так как австрийский пролетариат сумел овладеть армией. Я, однако, мог бы добавить к его словам следующее: именно потому, что военная сила была в руках пролетариата, социалисты могли рискнуть

выйти из коалиции, как только она стала для них неудобной.

В стране, где военная сила не находится в распоряжении пролетариата — а такое положение еще долгое время будет общим правилом — для рабочего класса могло бы иметь самые роковые последствия, если бы социалдемократия предоставила военные средства государства в распоряжение буржуазии без всякого влияния и контроля за их применением.

Конечно, коалиция противоречит существу пролетариата. Недавно (в статье: «Классовая и партийная диктатура», напечатанной в венском «Kampf» в августе 1921 г.) я подробнее остановился на том, что ни одна из буржуазных партий не является чисто-классовой партией, но состоит из соединения различных классовых элементов. Только социалдемократия является чисто-классовой партией. Это обстоятельство и побуждает пролетариат в большей мере, чем другие классы, противиться временному об'единению различных партий в одну коалицию. С другой стороны, пролетариат, вследствие своего классового положения, является сильнейшей оппозицией существующему общественному строю, что влечет за собой и его оппозицию государству. Поэтому отказ от роли оппозиции во имя какой бы то ни было иной цели, кроме немедленного преодоления капитализма, представляется пролетариату противоестественным.

Но то, что является психологически-понятным, не всегда есть практически-целесообразное. В наших действиях мы должны руководствоваться не только нашими желаниями, но и нашим разумом. Те психологические моменты, о которых сказано было выше, об'ясняют нам, почему принципиальные противники коалиционной политики и отказа от оппозиции легче находят отклик в рабочей массе, чем представители противоположных взглядов, и почему идея коалиции медленно и с трудом пробивает себе путь. Но эта психология не может помешать тому, что необходимое все же придет, хотя

и не с той быстротой и решительностью, как это было бы желательно. В той стадии, в которой ныне находятся капиталистические страны, идея коалиционной политики все больше будет завоевывать симпатии масс, не в качестве суррогата пролетарской революции, в каковой роли она неоднократно была восхваляема, что не очень способствовало пропаганде коалиционной идеи, но в качестве введения и подготовки этой революции, т. е. политического единовластия пролетариата на основе чисто-социалистического правительства, опирающегося на пролетарское большинство народа.

В своей знаменитой статье: «К критике социал-демократической партийной программы» Маркс пишет:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного преобразования первого во второе. Этому соответствует и переходный политический период, в течение которого государство является ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата».

Это положение в применении его к вопросу о правительстве мы можем на основании опыта последних лет варьировать следующим образом:

«Чисто-буржуазная власть в демократическом государстве отделена от чисто-пролетарской власти периодом времени, в течение которого совершается превращение первой во вторую. Этому соответствует и переходный политический период, в течение которого правительство, как общее правило, имеет форму коалиционного правительства».

Это применимо везде, где завоевание пролетариатом политической власти совершается демократическим путем, а этот путь теперь, после крушения крупных военных монархий, является нормальным путем. Кто и поныне еще отвергает принципиально коалиционную политику, тот слеп к знамениям времени, тот неспособен справиться с задачами нашей эпохи.

3. Государство переходного времени.

а) Государство и социализм.

Завоевав политическую власть, пролетариат воспользуется ею, чтобы соответственно своим интере-

сам преобразовать государство и экономику, поскольку последняя поддается мерам государственного воздействия.

В вопросе о государстве нужно различать два периода: период перехода от капиталистического к социалистическому способу производства и период завершенного социализма. Только на первом периоде мы остановимся здесь более подробно.

Лишь мимоходом укажем мы здесь на проблему государства, как ее формулировали Маркс и Энгельс для периода законченного социализма. По их мнению, государство, с осуществлением социализма и отменой классовых различий, хотя и не упраздняется формально, но фактически отмирает, так как утрачивает свои прежние функции. Ибо государство, говорят они, есть в каждое данное время организация эксплуататорского класса для охраны системы эксплуатации, другими словами, для подавления эксплуатируемых классов. С исчезновением классовых различий исчезает и смысл существования государства, утрачивающего все свои функции одну за другой.

Эти положения причинили не мало головоломной работы. Ленин также остановился на них подробно в своей работе: «Государство и революция», написанной им еще летом 1917 года. (Я пользовался немецким ее переводом в издании «Lichtstrahlen». Berlin).

Ленин, подобно многим другим революционерам, истолковал положение Маркса-Энгельса об отмирании государства в том смысле, что после этого воцарится анархистский идеал абсолютной свободы личности. Каждый будет «добровольно трудиться по способностям» и «каждый будет свободно брать по потребностям». (Ленин, стр. 92).

Может быть, такое положение и наступит когда-нибудь. Однако, в настоящее время ничто не предвещает, что мы к нему придем. Ленин сам полагает, что лишь «вторая фаза коммунизма» приведет к отмиранию государства в смысле полной анархии. При этом он ссылается на Маркса, который в своем

уже цитированном письме по поводу программы 1875 года различает две фазы коммунизма. В первой фазе каждый из рабочих получает заработную плату соответственно своей работе, во второй — производительность труда настолько велика, что «общество может уже написать на своем знамени: «от каждого по его способностям; каждому по его потребностям».

Когда мы перейдем к экономике, мы увидим, как следует понимать эти положения, представляющиеся весьма утопическими.

Однако, дальше того, что Маркс назвал «первой фазой коммунизма», мы в настоящее время ничего видеть не можем. Все, что мы в состоянии представить себе о второй фазе, не есть умозаключение на основании известных фактов, но просто игра воображения, может быть, имеющая свою ценность, как гимнастика ума, но совершенно непригодная, как основа для выработки практических задач. Большим успехом для нас будет уже, если мы выясним себе функции государства в первой фазе социализма.

Для выяснения этого вопроса мы прежде всего должны различать между подчинением индивидуума требованиям общественности и между подчинением им же целого класса. Это различие обыкновенно упускают из виду.

Человек, по природе своей, животное общественное. Уже в самые ранние времена, задолго до образования государства, мы встречаем группы людей, об'единенные в определенные организации, с определенным строем отношений, с определенными законами, — разумеется, составляющими на первых порах лишь обычное право, но тем не менее строго выполняемыми. Достаточно вспомнить о брачных установлениях, о законах относительно пищи, о праве наследования, о праве охоты и о многих других правилах, которые мы находим уже у австралийцев, очень далеких от какой бы то ни было государственности. Отсутствие государства, следовательно, отнюдь не означает неограниченной

свободы личности, но совпадает — на самых ранних ступенях общественности — с полным подчинением личности требованиям общества. На это указал уже профессор Ганс Кельсен в своей замечательной работе: «Социализм и государство; анализ политической теории марксизма», напечатанной в «Архиве по истории социализма и рабочего движения» проф. Грюнберга, IX, 1, стр. 50. Я надеюсь, в другой связи, остановиться на этой работе более подробно.

Уже до появления государства мы встречаем формы общественности с определенной конституцией, как, напр., конституции родового строя или общинного, с гражданской и военной властью, при чем первая выполняет полицейские и судебные функции; а обе вместе подчинены полновластному народному собранию, им назначаются и на основании его решений действуют.

Когда впоследствии, с возникновением классов и об'единением различных общественных образований под руководством центральной власти, появляется государство, оно отнюдь не представляет собой чего-либо совершенно нового, но является лишь дальнейшим развитием тех форм организации общества, на основе которых оно вырастает. При этом, правда, с появлением государства возникают новые функции, неизвестные прежним общественным формациям, или же старые функции их, как, напр., полицейские и судебные, приобретают новое содержание, превращаясь из средств защиты общества против неподчинения или безрассудства отдельных его членов в средство охраны интересов господствующих классов против класса порабощенного. Уже Морган в своем труде («Ancient Society» 1878, стр. 120) указал на то, что в конституции афинского государства мы вновь находим элементы безгосударственной конституции родового строя.

Отмирание форм современного государства, наступающее вместе с упразднением классового об-

щества, в ближайший период времени отнюдь не означает полной свободы личности. Общественный процесс производства более чем когда-либо будет организован планомерно, и успешный ход его несовместим с зависимостью от произвола отдельных лиц. Исчезнет классовая борьба, и вместе с нею исчезнет также целый ряд политических задач государственной власти. Но тем в большей степени возрастут экономические задачи общества. Подобно тому, как возникающее государство, устанавливая свою конституцию, строило ее на основе конституции родового строя и общин, так и социалистическое общество будет создавать свою конституцию на основе тех форм прошлого государства, которые сохранились или образовались в переходный период от капитализма к социализму. Будет-ли социалистическое общество после этого превращения еще именоваться государством или нет, это, по существу, вопрос терминологии. Конечно, в интересах ясности мышления чрезвычайно важно различные явления обозначать различными названиями. Но государство с начала своего существования принимало столь разнообразные формы, что слово — «государство», одинаково обозначавшее все эти различные формы, стало для многих равнозначным понятию суверенной общественности вообще.

Если восточную деспотию и демократическую республику, если строго-централизованную Францию и свободную федерацию стран, входящих в состав Британской империи, обозначают одним и тем же словом «государство», то, в самом деле, не столь уже важно, будет ли и социалистическая форма общественности именоваться тем же словом.

Слово «государство», как научное обозначение, говорит очень мало, если посредством прилагательного не характеризуется особо то государство, о котором идет речь. Потому-то и получается так мало толку из всех исследований абстрактного государства. С одинаковым основанием можно и проклинать его, как порождение дьявола, и превозносить до небес, как воплощение высших общественных

идеалов. Для точности нашего социального мышления не имеет столь существенного значения, придумаем ли мы новое слово для обозначения общества будущего или мы будем называть его социалистическим государством в отличие от прежних форм государства.

Необходимо выяснить еще один пункт, касающийся взаимоотношения между государством и социализмом. В предисловии к своей брошюре: «Internationales aus dem Volksstaat», появившейся в 1894 году, незадолго до его смерти, Энгельс пишет о политической конечной цели, за которую боролись Маркс и он. Она заключалась в

«преодолении государства в целом (всякой формы государства), следовательно, и демократии».

Энгельс ограничился этим замечанием, не указав точнее, что он разумеет под ним. Для Ленина эта фраза — чистейшая находка, и он основательно использует лакомый кусок. От этого мои сомнения относительно вышеприведенной фразы не становятся меньше. Ибо демократия древнее государства и отнюдь не обязательно связана с ним. Догосударственные формы общества были организованы демократически, и государство явилось учреждением, враждебным демократии. Только с появлением современного капитализма возрождается вновь демократия, но теперь она несет уже в себе элементы социализма, следовательно, элементы преодоления государства в марксистском смысле этого слова. И при отмирании государства, что, как можно предположить, наступит с осуществлением социализма, демократия переживет государство.

Держась противоположной точки зрения, Ленин приходит к весьма замечательному выводу. Он говорит, что, покуда существуют классы, совершенная демократия невозможна. Она станет возможной лишь с отменой классов, следовательно, с отмиранием государства. Другими словами, демократия для Ленина возможна лишь тогда, когда она отмирает. О социалистическом обществе он говорит следующее:

«Только тогда возможна и будет осуществлена демократия, действительно полная, действительно без всяких из'ятий. И только тогда начнет демократия отмирать» (стр. 85).

Следовательно, момент появления действительной демократии есть в то же время момент ее заката. Повидимому, Ленин только потому называет ее «действительной», что в действительности ее никогда, по его мнению, нет. Если же мы оставим в покое туманный образ Ленинской «действительной демократии» и попросту спросим, какова же будет конституция социалистического общества, то ответ будет тот, что никакая иная коституция, кроме конституции демократической республики, в нем немыслима. Это мы должны твердо запомнить. Найти же правильное название для новой общественности, начинающейся социал-демократической республикой, эту задачу мы можем предоставить новому поколению.

б) Марксистское понимание государства переходного времени.

Только что рассмотренный нами вопрос о форме общества в период полного осуществления социализма представляет собой исключительно академический интерес. Он не лишен, однако же, значения, так как всегда полезно продумать мысль до конца и взвесить самые отдаленные ее следствия. Такие экскурсии в область будущего всегда помогают нам намечать с большей уверенностью практические шаги в настоящем.

Напротив, самое актуальное, самое животрепещущее, практическое значение имеет вопрос о том, какая конституция необходима для государства в период перехода от капиталистического к социалистическому способу производства, в период, когда политическая власть завоевана пролетариатом, капиталистическое же производство еще продолжает итти своим ходом.

Нужно твердо запомнить, что речь здесь идет о конституции государства. Неоком-

мунизм, сделавший актуальным этот вопрос, немедленно запутывает его тем, что смешивает вопрос об организации, которую должно иметь государство, с теми социальными последствиями, которые при определенных общественных условиях этой организацией порождаются.

В вышеприведенной цитате Маркс говорит, что государство переходного периода от капитализма к социализму «является ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата».

Но этим еще не сказано ни единого слова о том, каково должно быть государственное устройство, в котором эта диктатура выражается. Пытаясь выяснить этот вопрос, Ленин вносит в нее чрезвычайную путаницу. Он делает различие между формой государства и образом правления. Пролетарская форма государства это — диктатура пролетариата, буржуазная форма государства — диктатура буржуазии. От формы государства он отличает образ правления, то, что мы называем конституцией: республика, абсолютная или конституционная монархия и т. д. Эти последние подразделения имеют для него ничтожное значение, — впрочем только до тех пор, покуда речь идет об эпохе «диктатуры буржуазии», ибо он весьма ревностно озабочен подысканием государственной конституции, необходимой для диктатуры пролетариата.

Слова о диктатуре буржуазии, как о форме государства, относятся к числу самых смешных ходких словечек нашего времени. Они ясно свидетельствуют о примитивности большевистского мышления, сводящего всю совокупность экономических и политических битв нашего времени к противоречию интересов пролетариата и буржуазии. При этом большевистская мысль сама то и дело спотыкается о крестьянство, живой реальностью стоящее перед нею.

Никогда буржуазия одна не обладала государственной властью, и никогда в этом смысле ее диктатура не была «формой государства». В целях

обладания этой властью она всегда вступала в коалицию с различными классами: с крупными землевладельцами, с крестьянством, с мелкой буржуазией, с бюрократией и даже с пролетариатом, как это в течение десятков лет делали либералы в Англии.

То, что представляется диктатурой буржуазии, ее господствующее влияние в парламенте, в правительстве, в прессе и т. д. есть результат не формы государства, но результат экономического и интеллектуального превосходства буржуазии. Потому-то в развитом капиталистическом обществе и сказывается превосходство буржуазии при всякой конституции государства или, выражаясь словами Ленина, при всяком образе правления.

Совсем иначе обстоит дело с диктатурой пролетариата. Она не может быть результатом экономического или интеллектуального превосходства, побеждающего при всяком образе правления. Диктатура пролетариата может явиться только в результате обладания государственной властью, что предполагает определенный образ правления в данном государстве.

В этой мысли о диктатуре пролетариата видели непоследовательность марксистов. Ибо, возражают нам, согласно теории Маркса политическая надстройка зависит от экономической основы. Как же возможно чисто-политической силой преодолеть экономическое превосходство? Тот класс, который сильнее экономически, всегда будет сильнее также политически.

Это — излюбленное возражение анархистов против участия в политической борьбе. Они хотят экономически парализовать капитализм чисто-синдикалистскими средствами борьбы. Мысль вполне последовательная, но, тем не менее, неправильная. Ибо, каким образом может профессиональная организация рабочих устранить экономическое превосходство владельцев всех источников жизни трудящегося человечества? В действительности, анархисты, выдвигая на первый план чисто-

экономические средства борьбы, всегда скрывают за этим заднюю мысль о том, чтобы уничтожением капиталистических средств производства сломить экономическое превосходство капитала.

Но совершенно непоследовательно со стороны большевиков, когда они то и дело пытаются доказать, будто экономическое превосходство всегда влечет за собой превосходство политическое. Так, напр., полемизирует грузинский большевик Махарадзе с меньшевиками Грузии, которые говорят, что если их страна и не созрела еще для полного экономического преодоления капитализма,—то они все же могли бы установить политическое господство пролетариата. Это совершенно невозможно, заявляет Махарадзе:

«Сохранение политической гегемонии рабочего класса есть лишь пустая фикция, ибо политическая власть всегда опирается на власть экономическую и наоборот». (Рабочий вопрос в меньшевистской Грузии, Russische Korrespondenz, II, 2, № 7—9, стр. 652).

Это — чисто механическое понимание исторического материализма. Политическая и экономическая сила класса не всегда совпадают. Если бы они всегда совпадали, то всем социалистам, от крайних правых до крайних левых, нечего было бы делать в капиталистическом строе.

Верно лишь то, что политическая сила класса зависит не от его доброй воли или усмотрения, но от экономических условий. Эти у с л о в и я для данного класса временами могут быть таковы, что позволяют ему приобрести больше политической силы, нежели то соответствует его экономической с и л е.

Капиталистическое развитие, которое превращает пролетариат в наиболее многочисленный класс населения, создает также условия для победоносного развития демократии, при которой этот многочисленнейший класс, в конце концов, приходит к власти. Находясь у власти, пролетариат пользуется своим господством в государстве для соот-

ветствующего воздействия на экономические отношения.

Замечательно, что сам Ленин иногда вдруг начинает понимать это. В своей много раз мною цитированной работе о государстве он говорит:

«Если действительно все участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. С другой стороны, и капиталистическое развитие создает предпосылки для того, чтобы действительно все могли участвовать в управлении государством. Такими предпосылками являются: всеобщее обучение, в более развитых капиталистических странах уже осуществленное, обучение и дисциплинирование миллионов рабочих крупным, сложным обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банкового дела и т. д.» (стр. 96).

При таких хозяйственных предпосылках, говорит он далее, вполне возможно немедленно, «с сегодня на завтра» перейти к устранению капиталистов и чиновников. Тут он немедленно снова возвращается в область безграничной фантазии. Но в том, что им сказано перед этим, он вполне прав: в современном обществе демократия, в конце концов, делает капитализм невозможным; капитализм создает предпосылки для осуществления демократии в социалистическом смысле.

Жаль только, что Ленин в 1917 году не задал себе вопроса: созданы ли уже в России эти предпосылки? Это могло бы спасти жизнь миллионам русских рабочих, крестьян, интеллигенции и предотвратило бы полнейший развал русского государства.

Только случайно вспыхивает в нем понимание того, что завоевание политической власти и использование ее для определенного экономического воздействия зависит от определенных экономических условий.

В то время, как «государственная форма» «диктатуры буржуазии» представляется ему независимой от различий в образе правления, в отношении «диктатуры пролетариата» Ленин, напротив, очень хорошо понимает зависимость ее от определенного «образа правления». Но он поставил себе задачей

не только выяснить, какой образ правления делает для пролетариата возможным, при определенных экономических условиях, завоевание политического господства и его использование для освободительных целей. Он ищет большего. Он хочет найти такой образ или форму правления, который самим фактом своего существования, независимо от каких бы то ни было экономических условий, обеспечил бы господство пролетариата.

На то, что эта мысль руководит действиями Ленина, хотя она и не развита им с полной ясностью, правильно указывает Пауль Леви в своем, в прочих пунктах не весьма ясном введении к брошюре Розы Люксембург о «Русской революции» (стр. 25).

Ленин полагает, что такой образ правления им найден в советской республике. Ныне опыт уже доказал, что советская республика отнюдь не при всяких обстоятельствах обеспечивает пролетариату политическое господство. С точки зрения материалистического понимания истории, само собою разумеется, что нет и быть не может такой конституции, которая обеспечивала бы политическое господство какому-либо классу независимо от экономических условий. Удивительна эта разновидность марксизма, задающаяся целью найти такой образ правления!

Наша задача здесь состоит не в этом. Мы должны лишь исследовать, при какой конституции государства возможно политическое господство пролетариата. Не при всякой конституции оно возможно. В своей брошюре: «Гражданская война во Франции» Маркс говорит:

«Рабочий класс не может просто овладеть государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей».

Эту фразу Ленин приводит в связь с другой фразой из письма Маркса к Кугельману от 12 апреля 1871 года:

«Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18 Брюмера», то ты увидишь, что ближайшей задачей революции во Франции я считаю не передачу в другие руки бюрокра-

тически-военной машины государства, как это бывало до сих пор, а ее разрушение. Это — предпосылка всякой действительно народной революции на континенте». («Neue Zeit» XX, стр. 709).

Раскроем «18 Брюмера»; по данному вопросу Маркс пишет там следующее:

«Эта исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее крайне-сложным и искусным механизмом; эта полумиллионная гражданская армия чиновников, рядом с полумиллионной же армией солдат; этот огромный нарост паразитов, густо усеявших тело французского общества и замыкавших все поры этого тела, — все это возникло еще во времена абсолютной монархии.

...Все перевороты не уничтожали, а наоборот усовершенствовали и улучшали эту государственную машину, и партии, попеременно боровшиеся за власть, смотрели на захват этого громадного государственного сооружения, как на важнейшую добычу победителя» (стр. 87, II нем. изд.).

«...Государственная централизация, в которой нуждается современное общество, воздвигается на развалинах военно-бюрократической правительственной машины, выкованной в противоположность феодализму» (там же, стр. 94).

Из всех этих и им подобных мест Ленин старается извлечь ту мысль, что победоносный пролетариат должен прежде всего, уничтожить государственную власть вообще. Он обрушивается на «оппортунистов» и в частности на меня за то, что мы не согласны с этим.

«Но именно оппортунисты современной социалдемократии ничего и слушать не хотят об уничтожении государственной власти, об отсечении паразита». («Государство и революция», стр. 50).

««Уничтожение государственной машины», являющейся паразитическим наростом; ее устранение и разрушение; государственная власть становится теперь «излишней» — таковы выражения, в которых Маркс говорит о государстве» (там же, стр. 51).

Здесь и в многочисленных других подобных местах Ленин все время говорит о государстве, о государственной машине вообще, которая, во всяком случае, должна быть разбита вдребезги победоносным пролетариатом. От бакунистов Ленин в этом пункте отличается только тем, что, по его мнению, после разрушения существующего государства победоносный пролетариат должен немедленно

«приступить к постройке новой пролетарской государственной машины и таким образом провести в жизнь мероприятия по демократизации государства и искоренению бюрократизма (там же, стр. 113).

Нет ничего легче как привести Ленина к абсурду, показав ему, как выглядит та новая, «пролетарская» государственная машина, которую он построил вместо старой, разбитой. Где тот бóльший демократизм и то искоренение бюрократизма и милитаризма, этих паразитических паростов, что были обещаны нам новым коммунизмом?

И здесь также сказывается буржуазный характер нынешней русской революции. Несмотря на коммунистическую этикету, к русской революции в полной мере применимо то, что сказано было Марксом о буржуазных революциях во Франции:

«Все перевороты только совершенствовали эту машину вместо того, чтобы ее разбить».

Но этим возражением мы доказали бы лишь неспособность Ленина и его молодцов осуществить свою собственную программу, их легкомысленный отказ от собственных принципов, равно как и отсталость России. В разрешении же задачи, нас здесь занимающей, мы не подвинулись бы ни на шаг.

За разрешением ее, однако же, не приходится далеко ходить. Нужно просто-на-просто читать написанное Марксом так, как оно есть, воспринимать его не в Ленинском истолковании. Тогда нам станет ясно, что Маркс отнюдь не думал, будто пролетариат ни в каком случае не может воспользоваться достигнутым господством, не разрушив предварительно унаследованный им государственный аппарат. Маркс отвергал лишь особую форму этого аппарата, бюрократически-милитаристскую его форму, достигшую во Франции исключительного развития в период второй империи, которая в то время, когда Маркс писал вышеприведенные строки, едва народилась (18 Брюмера) или только что была свергнута («Гражданская война во Франции». Письмо к Кугельману).

Из слов самого Маркса видно, что его положение относилось отнюдь не ко всем из существующих государств. Он пишет, что это разрушение бюрократически-военного аппарата является «предпосылкой всякой действительно народной революции на континенте». (Письмо к Кугельману).

Ясно, следовательно, что на Англию это положение не распространяется. Ленин, конечно, думает, что теперь это уже не так. Теперь, мол, и в Англии бюрократически-военный аппарат достиг колоссальных размеров. Отличительный признак наших мировых революционеров состоит, как известно, в том, что они не имеют ни малейшего представления о том, что в мире действительно происходит.

Со времени 1871 года Англия стала гораздо демократичнее, нежели была до того, а со времени мировой войны она значительно сократила свой военный аппарат, расширенный ею до чрезвычайных размеров в период войны, чтобы с его помощью разбить военный аппарат средней Европы. Ныне в Европе осталось еще только два крупных государства, в которых необходима, в Марксовом смысле слова, «действительно народная революция» для разрушения «страшного бюрократически-военного паразитического нароста». Это — Франция, империя без императора, и еще в гораздо большей степени — Россия, эта царская сатрапия без царя. Из слов Маркса с несомненностью следует, что в настоящее время необходимейшим условием всякого под'ема пролетариата является разрушение существующего в России государственного аппарата.

Это так ясно, что, вероятно, филиппика Ленина против бюрократии и военщины, приведенная нами из его собственных сочинений и появившаяся в дни, непосредственно предшествовавшие его приходу к власти, будет теперь строжайше воспрещена преемницей Чеки, как сочинение возмутительного содержания и, следовательно, «контр-революционное».

Из положений Маркса недвусмысленно следует: Не всякий государственный аппарат достаточно

пригоден для того, чтобы пролетариат мог просто-на-просто овладеть им и пустить в ход для собственных целей. Бюрократически-милитаристский аппарат для этого не годится. Единственно пригодна для этого демократическая республика. Там, где ее к моменту победы пролетариата не имеется, победивший пролетариат должен ее создать. В 1871 году, и долгое время спустя, эта задача казалась неизбежной, по крайней мере, на континенте. Последние годы принесли существенную перемену в этом отношении. Почти во всех странах Европы победоносный пролетариат найдет демократическую республику в готовом виде. Придя к власти, ему не нужно будет разбивать государственной машины целиком, но только устранить монархические остатки и бюрократические и военные привилегии.

О том, что замечание Маркса о разрушении государственного аппарата относится не ко всякому государству, но только к военным монархиям, об этом Энгельс прямо говорит в своей критике проекта соцдем. программы Ц. К. Германской партии от 1891 года:

«Если что-либо не подлежит сомнению, так это именно то, что наша партия и рабочий класс могут достичь господства в государстве только при демократической республике. Можно даже сказать, что демократическая республика есть специфическая форма диктатуры пролетариата». («Neue Zeit» XX, 1, стр. 11.)

В другом месте Энгельс говорит, что Парижская Коммуна 1871 года была диктатурой пролетариата. Ее конституция была определенно демократической. Подробно об этом я писал уже в двух книжках: «Терроризм и коммунизм» и «От демократии к государственному рабству» и могу поэтому ограничиться здесь лишь констатированием факта.

в) Заработная плата, как министерское жалованье.

Ленин сам не может отрицать, что Маркс особо превозносит ярко-демократический характер Па-

рижской Коммуны, этой «диктатуры пролетариата». Ленин тем менее решается на это, что и сам еще летом 1917 года отнюдь не отрекся от демократии в период диктатуры. Правда, уже появляются признаки ее стеснительности для него. Он делает уже различие между буржуазной и пролетарской демократией. Последней, а не первой требовал, по его словам, Маркс для переходного периода. За то, что я не делаю такого различия Ленин обвиняет меня в презренном оппортунизме и в измене пролетарскому мышлению.

Но в чем состоит специфически пролетарское в демократии Парижской Коммуны? Она не заменяет всеобщего избирательного права классовым, она не ограничивает также и политических прав пределами одного определенного класса, — согласно действующему до сего времени словоупотреблению, это называлось бы уже не демократией, а чем-то прямо ей противоположным. Демократия же означает отмену всех политических привилегий для одного сословия или одного класса.

Нет, в 1917 году Ленин усматривал различие между буржуазной и пролетарской демократией еще кое-в-чем другом:

«Каутский совершенно не понял разницы между буржуазным парламентаризмом, соединяющим демократию (не для народа) с бюрократизмом (против народа), и пролетарским демократизмом, который сразу примет меры, чтобы в корне подрезать бюрократизм, и который в состоянии будет довести эти меры до конца, до полного уничтожения бюрократизма, до полного введения демократии для народа.

Каутский обнаруживает здесь все то же «суеверное почтение» к государству, «суеверную веру» в бюрократизм» (стр. 105).

Если пролетарская демократия состоит в немедленном и полном устранении и искоренении бюрократии, то нет в мире государства более далекого от «пролетарской демократии», чем то, в котором правит Ленин.

В чем, однако, состоит мое суеверное отношение к бюрократии?

В том, что я до сих пор не обратил достаточного внимания на три требования Парижской Коммуны, которые отмечены Марксом в его работе о «Гражданской войне во Франции» и которые кажутся Ленину имеющими самое важное значение. В них он усматривает основные факты пролетарской демократии.

Эти три требования я, действительно, игнорировал до сих пор. Но не из суеверия к бюрократии, а потому просто, что не придавал им большого значения. И сдается мне, что Маркс и Энгельс были о них того же мнения, так как, кроме нескольких фраз в «Гражданской войне», в которых Маркс излагает эти требования, и того пояснения к ним, которое дал Энгельс в своем предисловии в 1891 году, ни Маркс, ни Энгельс, насколько я помню, не возвращались больше к этим требованиям, между тем как к другим демократическим мероприятиям, которые вводились Коммуной или которыми она пользовалась, Маркс и Энгельс возвращались неоднократно, подробно на них останавливаясь: напр., превращение постоянного войска в милицию, всеобщее избирательное право, местное самоуправление и т. п.

Требования, которые Ленину представляются столь замечательными, приведены Марксом в следующем месте его «Гражданской войны»:

«Коммуна образовалась из городских гласных, избранных по различным округам Парижа на основе всеобщего избирательного права. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна была не парламентской, но рабочей коллегией, обладавшей одновременно и законодательной и исполнительной властью. Полиция, до сих пор бывшая орудием правительственной власти, была немедленно лишена политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время — равно как и чиновники всех остальных отраслей управления. Начиная с членов Коммуны, сверху до низу, общественная служба должна была исполняться за заработную плату рабочего».

Эти требования, по мнению Ленина, характеризуют коренное отличие пролетарской демократии

от буржуазной и сообщают первой особый характер.

Остановимся, прежде всего, на последнем требовании, на выполнении общественной службы за заработную плату рабочего.

Ленин пишет по поводу этого пункта следующее:

«Тут как раз всего нагляднее сказывается перелом — ст демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от господства, как «особой силы» для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей совокупной силой большинства народа, рабочих и крестьян. И как раз в этом, самом наглядном, может быть, наиважнейшем пункте, в вопросе о государстве, учение Маркса совершенно забыто (стр. 39—40).

Увы, роковым образом забыто даже в советской России, после кратковременного возрождения к новой жизни.

Но каким образом тут появились вдруг крестьяне? С каких это пор крестьянская демократия перестала быть буржуазной и превратилась в пролетарскую демократию? И, однако же, Ленин прав, вспомнив о крестьянах. Дешевого правительства желают не только пролетарии, но и мелкая буржуазия и крестьянство. Последние даже требуют его еще более настойчиво, нежели пролетарии, предъявляющие к государству большие требования. Во времена Коммуны оклады высших государственных чиновников нигде в Европе не были так низки, как в Швейцарии, которую, кажется, никто не примет за пролетарскую демократию. Требование Парижской Коммуны, таким образом, отнюдь не является чем-то специфически-пролетарским, каковым и Маркс никогда его не считал.

Что пролетарская республика, подобно крестьянской или мелко-буржуазной, отменит все привилегии высшего чиновничества, это разумеется само собой. Что члены Коммуны получали за свои труды только заработную плату обыкновенного рабочего, это было с их стороны очень достойной демонстрацией в противовес продажности империи.

Но после того опыта, который мы приобрели с

тех пор, и в особенности после опыта советской России приходится усомниться в возможности обеспечить государство переходного периода высокоразвитыми интеллигентными силами, если оплачивать их труд в размере не свыше заработной платы.

Нет сомнения, тенденция экономического развития идет в направлении уменьшения разницы в оплате умственного и физического труда. Но при этом нельзя, конечно, доводить до крайности некоторых явлений военного и послевоенного времени, когда, напр., заработок простого чернорабочего во многих случаях превышал заработок отдельных научных работников. Но, присмотревшись поближе, мы найдем, что имеем дело не с общей тенденцией, а с явлением, наблюдаемым в странах с быстро падающей валютой и среди служащих с фиксированным жалованьем, рост которого идет медленнее возрастания заработной платы работников физического труда.

С этим явлением не следует смешивать того общераспространенного явления, существовавшего еще до войны и революции, что благодаря перепроизводству интеллигенции экономическое положение ее ухудшается, между тем как отдельные слои работников физического труда поднимаются вверх. Таким образом, экономическое положение обеих групп постепенно сближается. С завоеванием пролетариатом политической власти это сближение сделает дальнейшие успехи, уже не вследствие дальнейшего понижения жизненного уровня интеллигентских масс, но вследствие более быстрого общего под'ема рабочих масс. Можно сказать, что в социалистическом обществе, достигшем полного развития, исчезнет экономическое и социальное различие между работниками физического и работниками интеллектуального труда.

Но здесь речь идет о переходном периоде. В дальнейшем мы в другой связи изложим те экономические основания, по которым просто невозможно будет выполнить принятое Марксом требование Коммуны, как ни симпатично оно было нам всегда.

Нам остается только отметить здесь еще обоснование, приводимое Лениным в защиту того, что всякая общественная служба без различия уже сейчас, немедленно, должна выполняться за рабочую плату. Он говорит:

«... Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и пр., а на этой базе громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции можно будет выполнять за обычную заработную плату рабочего» (стр. 40).

«... Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, против превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас же меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом:

1) не только выборность, но и сменяемость в любое время,

2) плата не выше платы рабочего,

3) переход немедленный к тому, чтобы все исполняли функции контроля и надзора, чтобы все на время становились «бюрократами», и чтобы поэтому никто не мог стать бюрократом» (стр. 105).

Непосредственно перед тем как захватить бразды правления, Ленин, таким образом, еще представлял себе, что государственные функции настолько упростились, благодаря капиталистической культуре, почтовым сношениям, телефону, что всякий умеющий читать и писать способен выполнять их. Государственному чиновнику нужно только контролировать и регистрировать — кого и что, об этом ничего в государственной теории Ленина не сказано. Может быть, на обязанности одних чиновников будет лежать контроль за регистраторской работой других чиновников, а обязанностью этих последних будет регистрация результатов контрольной деятельности первых. И в этом приятном занятии принимают участие все, один за другим, и притом немедленно.

Так по-детски представлял себе государственные функции величайший гений большевизма еще

накануне большевистского переворота. Поистине крепким сложением обладает русский народ, если он, после пяти лет этого режима безумно-наглого невежества, еще не истреблен окончательно.

г) Сменяемость депутатов.

Второе требование Маркса, являющееся, по мнению Ленина, отличительным признаком пролетарской демократии, есть выборность чиновников народом на основе всеобщего избирательного права и сменяемость не только должностных лиц, но и депутатов коммуны, городских гласных.

Тут снова приходится спросить, во-первых, где в Ленинском царстве находим мы выборность чиновников народом на основе всеобщего избирательного права, и, во-вторых, что специфически-пролетарского в этом требовании, давно уже осуществленном в буржуазной Швейцарии. Нет сомнения, требование это имеет важное значение, но мы никогда и не отрицали этого. Уже старая Эрфуртская программа требовала «выборности должностных лиц народом, их ответственности и подсудности». Если Ленин считает нужным в 1917 году снова провозгласить это требование, ругнув при этом старых социалистов, яко-бы его игнорирующих, то он только лишний раз открывает Америку.

Но сменяемость депутатов? И в этом требовании меньше всего новизны. Не мало буржуазных демократов выдвигало его. Оно, как и требование императивных мандатов, широко пропагандировалось во времена Парижской Коммуны — гораздо шире, чем в настоящее время.

Требование сменяемости депутатов возникло в то время, когда избиратели были еще не организованы и противостояли депутату, как разрозненная масса. В эпоху Парижской Коммуны это было еще общераспространенным явлением. Раз избранный депутат мог делать, что угодно: его избиратели теряли над ним всякий контроль. Отсюда возникла мысль дать возможность избирателям отозвать кандидата, обманувшего их ожидания. Осуществить эту мысль

не так просто, по крайней мере, при тайном голосовании: как определить мнение избирателей? Только посредством нового голосования. Враждебное депутату меньшинство избирателей в каком-нибудь округе могло бы, следовательно, в любое время подвергнуть переизбранию депутата, вполне соответствующего интересам большинства, но неугодного меньшинству. Таким образом, для мелких придирок и преследований неудобных депутатов был бы открыт самый широкий простор. Если я правильно осведомлен, то в советской России право отзыва депутатов применялось исключительно с целью подавления всякой серьезной оппозиции.

На цивилизованном Западе эта мера, легко ведущая к злоупотреблениям, стала совершенно излишней в процессе организации народных масс в крупные политические партии. В течение полувека совершается этот процесс, и во главе его идет социал-демократия. С этого времени ответственность депутата перед своими избирателями все больше превращается в ответственность перед избравшей его партией. Все реже становятся случаи, когда отдельное лицо выступает кандидатом от собственного имени. Все чаще кандидат выступает перед избирателями, как представитель партии. Он и избирается, как таковой, а не благодаря личной популярности. Яснее всего это выступает в новейших избирательных системах с пропорциональным представительством, где перед избирателем официально выступают уже не отдельные лица, но политические партии с длинным списком кандидатов. При этом, конечно, ни партии, ни их кандидаты, как общее правило, не являются новичками для избирателей, но им известны, как испытанные и давние деятели на общественной арене.

Отдельный депутат в парламенте уже не может действовать, как ему заблагорассудится. Он подчинен дисциплине партийной фракции, он постоянно под контролем своей партии, — за исключением того случая, когда сама партия разваливается. Но и в этом случае выделившиеся элементы об'единяются

в новую фракцию, контролируемую новой партийной организацией, образовавшейся вне парламента.

Требование сменяемости депутата его избирателями, пред'явленное парижскими коммунарами 1871 года, как и многими радикалами-демократами того времени, и поддержанное Марксом, характеризует начальный период образования социалистических партий и вообще политической организации масс. Первый Интернационал, в течение всего времени своего существования, не был об'единением социалистических партий.

На этой примитивной ступени политического развития масс требование сменяемости депутатов было вполне уместным. Но тот, кто повторяет его в настоящее время, после полувека интенсивнейшего роста политических партий и развития партийной жизни, тот лишь обнаруживает полное непонимание требований более развитой политической обстановки.

То, что 50 лет тому назад было разумно и революционно, стало в настоящее время не только не разумным, но и реакционным. В наше время реакционно поведение того депутата, который ответственности перед партией, об'единенной общим идеалом, предпочитает ответственность перед неспаянной широкой массой избирателей.

Чем выше развивалась партийно- политическая жизнь, тем больше отступало на задний план требование сменяемости депутата его избирателями. В настоящее время оно не играет уже никакой роли в странах с давней политической жизнью. Если Ленинская «пролетарская» демократия отличается от «буржуазной» только установлениями такого рода, то его революционнейшее в мире создание весьма подозрительно отстает от требований современности.

д) Исполнительная и законодательная власть.

Более подробно, чем на первых двух, необходимо остановиться на третьей отличительной черте Ле-

нинской пролетарской демократии (Ленина 1917 г.), на соединении законодательной и исполнительной власти в одном и том же представительном учреждении, как это сделал городской совет Парижа во время восстания 1871 года.

Маркс, к сожалению, только отмечает это требование, не останавливаясь на нем подробнее и ограничиваясь лишь указанием, что, благодаря этой мере, Коммуна превратилась из законодательной коллегии в рабочую. Энгельс же в своем предисловии к новому изданию «Гражданской войны» 1891 года обсуждает первые два из трех пунктов, о которых здесь идет речь, но не касается третьего, больше всего нуждающегося в пояснении.

Вряд ли можно сомневаться в том, что это требование о слиянии законодательной власти с исполнительной вызывалось, как у коммунаров, так и у Маркса, примером французского Конвента 1792 года.

Это слияние было продиктовано обстоятельствами, в которых очутилась французская революция во времена Конвента, третьего национального собрания Франции с 1789 года.

Франция тогда находилась в войне со всей почти Европой: Австрией, Пруссией, Италией, Испанией, Нидерландами, Англией. Недоставало только России, которая в это время как раз готовилась проглотить последнюю часть Польши. Старая французская армия была распущена, новая едва зарождалась, генералы были частью ненадежны, частью прямые изменники. В столь грозной обстановке министры действовали вяло и нерешительно. Старый бюрократический аппарат был разбит, новый еще не налажен, отдельные департаменты действовали по собственному усмотрению.

В этой обстановке только три фактора еще сдерживали распадающееся государство. Первый из них — революционный Париж, руководимый активною рабочей массой, спаянный единством воли в могучую силу, далеко превосходившую силы разрозненных департаментов. Вторым фактором был

клуб якобинцев, сильная организация революционеров с центром в Париже и многочисленными разветвлениями во всех частях страны. Наряду с этими двумя факторами существовал Конвент, народное представительство всей страны, на котором в тяжкую годину сосредоточились все надежды революционной Франции, но сила и решительность которого зависели только от парижских рабочих и клуба якобинцев.

Исполнительная власть — в лице министров, генералов, провинциальных своих представителей — бездействовала. Тогда якобинцы и парижане заставили Конвент взять в свои руки функции исполнительной власти, а также высшей судебной. Депутатов Конвента приставляли к генералам для контроля за ними и к министрам для оживления их деятельности. Депутатов Конвента командировали на места для проведения всеобщей воинской повинности и т. д.

С помощью этих мер Конвент совершил великую работу и вместе с Парижем и якобинским клубом спас революцию. Но не следует забывать, что это соединение исполнительной власти с законодательной произошло при совершенно исключительных условиях, считать которые нормальными или желательными никому в голову не придет: война против нашествия бесчисленного неприятеля при одновременном параличе всех элементов подлинной исполнительной власти.

Всякая война способствует концентрации всех сил государства в одних руках. В военные времена, как общее правило, исполнительная власть подчиняет своему влиянию или берет на себя функции власти законодательной и судебной. Война Великой Революции застала исполнительную власть республики в состоянии полного разложения. Единственной властью в государстве полной энергии оставался Конвент, законодательная власть. Без сомнения, его энергия в значительной мере являлась лишь отражением энергии Парижских рабочих.

Но война, — в том числе и гражданская война — как раз неблагоприятна для проведения в жизнь нового способа производства. При определенных социальных условиях войны, внешняя или гражданская, могут оказаться весьма пригодным или даже необходимым средством для завоевания политической власти. Таким средством они могут оказаться и для устранения препятствий к политическому творчеству. Но войны очень мало способствуют планомерному социальному творчеству. В большинстве случаев они делают его совершенно невозможным. Ибо войны подчиняют всю жизнь общества своим собственным задачам, а задачи эти состоят только в разрушении.

На время переходного периода от капитализма к социализму мы самым настоятельным образом нуждаемся в мире не только внешнем, но и внутреннем. Не в смысле примирения классов, но в том смысле, что свою борьбу классы ведут средствами демократии, а не силою оружия. Но при таких условиях нет ни малейших оснований к соединению исполнительной власти с законодательной. Наоборот, имеется целый ряд оснований против такого соединения.

Великий закон прогресса состоит в разделении труда. На лестнице развития организм занимает тем более высокую ступень, чем дальше проведено разделение функций между его органами. Разумеется, не всякое разделение труда есть прогресс, но лишь такое, при котором сохраняется гармония частей и их совместное сотрудничество на пользу целого. Разделение труда, ведущее к совершенствованию части за счет целого, вредно с точки зрения целого, и не является прогрессом. Но там, где разделение труда функционирует успешно, его отмена и передача функций нескольких органов одному единственному означает шаг назад.

То разделение труда, которое в ходе развития, длящегося тысячелетиями, установилось между исполнительными, законодательными и судебными органами государства, не есть продукт произ-

вольного усмотрения. Оно все более осуществлялось потому, что каждая из этих функций для наилучшего своего выполнения требует особых условий.

Исполнительная власть должна действовать. В особых случаях ей приходится быстро принимать решения и немедленно проводить их в жизнь. Громоздкая коллегия плохо приспособлена для этого. Только отдельные лица могут действовать с максимальной быстротой и решительностью. Потому-то война, настоятельно требующая такого образа действий, и дает почти безграничную власть отдельным лицам.

Исполнительная власть, поэтому всегда возглавляется или одним единственным или немногими лицами: монархом, президентом, кабинетом министров и т. д. Этой необходимости не избег и Конвент. В марте 1793 года им учрежден был Комитет общественного спасения вначале из 9, впоследствии из 12 членов. Этому Комитету были подвластны министры, он назначал должностных лиц, генералов и комиссаров с неограниченными полномочиями, — короче говоря, Комитету, а не Конвенту фактически принадлежала верховная власть. Но даже и в таком составе Комитет был слишком громоздким учреждением для быстрых и решительных действий. Он разделился на три группы, по 3 члена в каждой, из которых одна ведала военными делами, другая — политической полицией, третья поддерживала связь с провинцией. Последняя работала, большей частью, вне Парижа.

Из этих трех групп особо-важное значение имели две, военная и государственной полиции. В каждой из них руководящую роль играл о д и н человек, в первой — Карно, во второй— Робеспьер. Последний, в конце концов, достиг исключительной власти и стал фактически диктатором. Под страхом этой диктатуры Конвент находился вплоть до низвержения Робеспьера 9 термидора (27 июля) 1794 года.

Таким образом, даже в этот период силою обстоятельств исполнительная власть была отделена от власти законодательной и оказалась в руках немногих лиц.

Если, по самой природе своих функций, исполнительная власть может осуществляться лишь небольшой коллегией, то законодательная власть, заменяющая теперь народное собрание первобытных ступеней общественности, требует как раз обратного. Оно обладало всей полнотой власти, для определенных исполнительных и судебных функций назначало должностных лиц, сохраняя за собой как контроль за их действиями, так и всю область законодательства. С появлением государственной власти первобытные общества сложились в более крупные государства. Вследствие многочисленности населения и разбросанности его на обширной территории совместное обсуждение вопросов в едином народном собрании стало невозможным. В этом кроется одна из причин, почему с появлением государства исполнительные органы власти становились все более независимы от воли народа, все более присваивали себе законодательные и судебные функции, заменив, в конце концов, первобытную демократию аристократическим правлением или абсолютной монархией. Новая демократия, которая, с появлением городов и укреплением их силы, стала пробивать себе путь, уже не могла вернуться к *народному собранию*, как к высшей государственной власти. Ей пришлось избрать форму *народного представительства*, в котором с наивозможной полнотой представлены все местности государства и все интересы, достаточно мощные, чтобы выявить свое значение в государстве.

Поэтому численность такой коллегии должна быть возможно большей. Разумеется, в интересах ее работоспособности, определенные границы должны быть установлены. Численность законодательного собрания обыкновенно приближается к такой границе. В наше время средняя численность

членов парламента колеблется между 400 и 500. Число членов Генеральных Штатов Франции в 1789 году составляло, правда, 1200, но предполагалось, что члены каждого сословия, 600 депутатов третьего и по 300 депутатов первого и второго сословий, будут заседать отдельно. Позднейшие парламенты эпохи революции насчитывали 745 депутатов, каковые почти никогда полностью не присутствовали. Все же в голосовании приговора Людовику XVI принимали участие 721 депутат.

Коллегия в несколько сот человек — аппарат слишком громоздкий для выполнения функций исполнительной власти.

Для быстроты и единства действий исполнительной власти необходима также однородность и согласованность коллегии. Выше уже было указано на то, что мы вступили в эру коалиционных правительств. Не с удовлетворением констатировали мы этот факт. Мы видим в нем зло, с которым приходится мириться только потому, что, в противном случае, нам угрожает зло еще худшее, а именно анти-пролетарское правительство в чистом виде. Но правительство, стремящееся к великим достижениям, должно, прежде всего, быть однородным. Мы поэтому и ожидаем крупных успехов только после того, как фаза коалиционных правительств будет преодолена, и наступит период чисто-социалистических правительств. Сократить возможно больше первую фазу — наша настоятельнейшая задача. Но как же придем мы к чисто-социалистической исполнительной власти, если функции ее слиты с функциями законодательного собрания, в котором имеется сильная анти-социалистическая оппозиция?

История, кроме того, доказывает, что собрание, обладающее как исполнительной, так и законодательной властью, не терпит никакой оппозиции. Как только Конвент перенял полномочия исполнительной власти, он тотчас же исключил и подверг аресту 34 своих членов за их политические взгляды (жирондисты); вскоре после этого той же участи

подверглись еще 73 депутата. Все они, поскольку им не удалось бежать, были гильотинированы. Вслед за ними из рядов Конвента был послан на эшафот Дантон со своими друзьями. В конце концов туда же отправился и Робеспьер со своими сторонниками.

Внутри коллегии с исполнительными функциями наличность оппозиции чрезвычайно стеснительна, порою прямо-таки пагубна. Наоборот, она безусловно необходима в законодательном собрании, желающем, чтобы его законы могли выдержать любую критику. Господствующая партия во всяком предлагаемом ею законопроекте легко упустит из виду его ошибки, интересуясь лишь правами, которые он ей приносит, и не обращая внимания на обязанности, возлагаемые им на население. Беспристрастная критика всех последствий закона почти невозможна при отсутствии оппозиции, не заинтересованной в сохранении власти господствующей в данный момент партией или даже враждебной ей. Сама господствующая партия заинтересована в существовании оппозиции, если хочет, чтобы издаваемые парламентом законы вызывали возможно меньше нареканий.

В интересах достижения большей тщательности обсуждения законов в парламентах устанавливается особый порядок работ, вследствие чего ход законодательной машины сильно замедляется: законопроекты должны пройти через три чтения, подвергнуться рассмотрению в комиссиях и т. д. Исполнительная же власть, напротив, должна иметь возможность принимать решение немедленно, без долгих обсуждений.

Благодаря вялому ходу работы и множеству речей парламенты часто вызывают насмешливое отношение к себе, как к пустым «говорильням». К сожалению, этот печальный жребий есть удел не одних только парламентов. Опасность пустыми словопрениями убивать время угрожает им наравне с прочими совещательными коллегиями. Разве мало ненужных и пустых речей говорится на на-

родных собраниях, партийных с'ездах и прочих совещаниях? Сколь многие из тех, кто с презрением морщит нос, отзываясь о парламентах, как о «говорильнях», сами ничто иное, как пустые болтуны.

Летом 1917 года, когда Ленин еще не в силах был по собственному усмотрению переделать советы, он писал о них следующее:

«Такие герои гнилого мещанства, как Скобелев*) и Церетелли, Черновы и Авксентьевы, сумели и советы испоганить по типу гнуснейшего буржуазного парламентаризма, превратив их в пустые говорильни» («Государство и революция», стр. 43).

Парламенты отличаются от большинства других совещательных собраний, во всяком случае, тем, что в них — если они избраны на основе всеобщего избирательного права — все крупные классы и партии общества имеют слово. Именно поэтому их заседания и приобретают важное значение, хотя продолжительность их и длинные речи и вызывают нетерпение слушателей и читателей, не интересующихся мнением противной стороны.

Несомненно, парламенты нередко занимаются переливанием из пустого в порожнее, ни на шаг не подвигая вперед развития общества. Однако, причина этого кроется не в самом учреждении, но в соотношении сил в обществе. Парламент есть лишь отражение классов и партий, господствующих в данном обществе. Характер их деятельности отражается в характере деятельности парламента. Если они реакционны или трусливы, то и парламент не лучше. Парламентаризм всегда будет разочаровывать тех социалистов, которые хотели бы, чтобы парламент совершил вместо них революцию, не создавая для пролетариата необходимости внепарламентской борьбой развить свои силы и добиться власти.

Если парламенты до сих пор мало удовлетворяли пролетариат, то причина этому не парламент, как таковой, но слабость самого пролетариата. Буржуазия стала консервативной. Отсюда

*) Ныне видное доверенное лицо советской республики.

— бесплодие парламента. В этом ровно ничего не изменилось бы, если бы парламенты иначе были организованы, если бы, скажем, соединить в них власть исполнительную с властью законодательной.

Конечно, форма того или иного учреждения для нас отнюдь не безразлична. Она должна возможно больше соответствовать своему содержанию. Но было бы совершенно ложным пытаться изменением формы изменить содержание.

Надо изменить соотношение сил партий, надо создать решительное и сплоченное социалистическое большинство в народе, и тогда парламент станет «работающей» коллегией, парламентская мельница будет давать богатый помол, даже выполняя только законодательные функции.

У него впрочем есть и другая функция. Парламент должен не только формулировать законы, но и заботиться о том, чтобы его законы исполнялись. Он должен при этом контролировать деятельность исполнительной власти в осуществлении законов, а также в расходовании государственных средств.

Там, где исполнительная и законодательная власть сосредоточены в одних руках, над действиями власти нет никакого контроля, и возникает опасность полной беспомощности населения перед всемогуществом исполнительной власти. Мы уже видели, как Конвент, со времени сосредоточения в его руках исполнительной и законодательной власти был одержим постоянным страхом единоличной диктатуры. Этот страх не был безоснователен: Конвент и в самом деле подготовил путь Наполеону, этому «Робеспьеру на коне».

Такой результат совершенно противоречит цели, которую Маркс сам наметил в своей работе о «Гражданской войне». Он требует там, чтобы правительственная власть перестала быть «независимой от нации и сильнее ее»; он полагает, что «у власти, претендующей на то, чтобы стоять над обществом, должны быть отняты правомерные функ-

ции правительства и переданы ответственным слугам общества».

Для французского же государства в целом, Маркс предусматривает образование «национальной делегации в Париже», которой противостоит «центральное правительство с немногочисленными, но важными функциями». Но, ведь, это означает то же самое разделение законодательной и исполнительной власти, которое для Коммуны Маркс считал нужным отменить.

Можно поэтому усомниться в том, что Маркс и для государства в целом считал желательным те же учреждения, что и для отдельных общин. Но если бы даже Маркс и считал желательным соединение всех видов власти в руках одного единственного государственного учреждения, то мы видели бы в этом только отголосок впечатлений великой буржуазной революции, формы которой можно было постольку считать формами революции вообще, поскольку в то время своеобразные условия пролетарской революции еще не развились с достаточной ясностью. Это наступило лишь в течение последнего времени.

Если, тем не менее, большевизм еще и ныне крепко держится форм буржуазной революции, то это характеризует лишь отсталость русских отношений. Особая ирония истории заключается, однако, в том, что своеобразия пролетарской демократии Ленин ищет в таких учреждениях, которые либо характерны для буржуазной революции, либо соответствуют незрелой форме буржуазной демократии.

е) Диктатура.

Из всех мероприятий Парижской Коммуны отмеченных Марксом, соединение законодательной власти с исполнительной в одних руках является единственным, которого еще держатся большевики до настоящего времени. Правда, соединение это ими проводится не так, как оно осуществлялось

Парижской Коммуной, представительным учреждением, избранным на основе всеобщего избирательного права.

Большевики потому так цепко держатся за это соединение властей, что оно есть кратчайший путь к диктатуре. Диктатура же не только, как состояние или, выражаясь словами Ленина-Леви, как форма государства, но и как «форма правительства», является для большевиков тем именно государственным устройством, которое пролетариат после завоевания власти должен установить на время переходного к социализму периода.

В чем же состоит сущность диктатуры, не в том переносном смысле, в котором употребляли это слово Маркс и Энгельс, видевшие в Парижской Коммуне диктатуру пролетариата, а в более узком, в большевистском смысле?

Диктатура есть государственное установление, на точном основании конституции исключающее всякую возможность оппозиции государственной власти и ставящее обладателя этой власти, будь то отдельное лицо, корпорация или класс, выше законов государства. Эти законы ни в какой мере не стесняют диктатора, но продолжают сохранять всю свою силу в отношении остального населения. Диктатор вправе поступать с населением, как ему заблагорассудится.

Это установление, по существу, есть ничто иное, как осадное положение для всех, кто не участвует в осуществлении диктатуры. Нет сомнения, более удобный образ правления вряд-ли возможен. Не Ленин открыл впервые эту форму. Это сделали задолго до Ленина другие. И все же в ней есть свои неприятные стороны: несмотря на то, что она чрезвычайно удобна и отнюдь ничего специфически-пролетарского в себе не содержит, но наоборот в большинстве случаев применялась до сих пор как раз против пролетариата, самые ограниченные деспотические правительства буржуазии и даже феодального дворянства пользовались ею

чрезвычайно неохотно и лишь в самых крайних случаях.

Причины этого мы здесь излагать не будем. Остановимся лишь на тех последствиях, какие несет с собой диктатура пролетарскому режиму.

Прежде всего: кто является диктатором? Кому будет вверена эта чудовищно-огромная власть? Естественно, никому иному, как пролетариату, который должен иметь силу, чтобы сломить всякое сопротивление преобразованию общества в интересах рабочего класса.

Но уже на первом слове я должен остановиться. Даже в России, где крестьянин совсем еще недавно находился под кнутом царизма и политически совершенно темен, оказалось невозможным установить единодержавие пролетарского меньшинства вопреки воле крестьянства. Советы, которым должна была принадлежать диктатура, пришлось вводить не только для наемных рабочих, но и для крестьян.

В России с этим можно мириться, так как крестьянство там еще революционно, — опять таки признак буржуазного характера русской революции. Но для Западной Европы, где крестьянство является сильнейшей консервативной силой, это было бы явной бессмыслицей. Лишение всяких политических прав городской интеллигенции и политическое всемогущество крестьянства, — таков верх этой бессмыслицы.

Собственно говоря, уже этого одного вполне достаточно, чтобы сделать невозможной диктатуру пролетариата, как средство достижения социализма.

Но пойдем дальше. Пролетариат имеет диктатуру. Что это значит? Что всякий пролетарий получает полную власть над имущими и образованными классами и может сколько-угодно грабить их и издеваться над ними. Короче, диктатура к л а с с а, как государственное установление, означает предоставление этому классу анархического произвола над всем прочим населением.

Так оно и было в России, после большевистского переворота (в ноябре 1917 года), который прославляется большевиками, как революция. Вскоре после об'явления диктатуры пролетариата и крестьянства внутри обоих классов наступила полная анархия.

Для первобытной деревни с мелким семейным производством этот анархический идеал мог быть до некоторой степени терпим. Но он был гибелен для крупного производства.

Раздел крупных имений в сельском хозяйстве и хаос в промышленности были первым тяжким ударом, нанесенным в годы революции хозяйственной жизни России, уже до того страшно ослабленной мировой войной.

Разумеется, в конце концов сами большевики вынуждены были признать, что дальше так продолжаться не может. Неорганизованный класс, конечно, неспособен ни к какой диктатуре. Для выполнения диктаторских функций масса должна быть организована.

Диктатура пролетариата очень скоро оказалась несостоятельной. Она привела к самому быстрому экономическому развалу России. Но анархия этого рода диктатуры подготовила почву для диктатуры иного рода, для диктатуры коммунистической партии, которая на самом деле есть не что иное, как диктатура ее вождей. Будучи единственной прочной организацией, эта партия удержалась в обстановке всеобщего хаоса. Но это было куплено ценою беспримерного оппортунизма, с которым она, ради сохранения власти, выбросила за борт важнейшие свои принципы, во имя осуществления которых ею была захвачена власть.

От разнуздывания анархии в городе и деревне был сделан непосредственный переход в прямопротивоположную сторону: к полному порабощению личности государственным аппаратом. Бюрократия, полиция и постоянная армия, наделенные привилегиями и неограниченной властью — особенно в нисших своих органах, — сильнейшими

цепями сковали всю страну, залив ее кровавым террором.

По мнению Маркса, которое вполне разделяется и нами и которое отстаивал Ленин еще в 1917 году, пролетариат не может достичь освобождения, не освободившись от аппарата власти бюрократии, политической полиции, постоянного войска. Если диктатура не в силах удержаться без этого аппарата, то этим самым уже доказано, каким негодным орудием она является для политического господства пролетариата и его экономического освобождения.

Это станет еще яснее, если принять во внимание, что диктатура, по самому существу своему, не терпит ни малейшей оппозиции. Поэтому в обстановке диктатуры всякая попытка оппозиции неизбежно ведет к ниспровержению существующего образа правления и выливается в форму гражданской войны.

Теперь уже ясно для всех, что вера большевиков в возможность установления в ходе гражданской войны социалистического строя была верой слепой. Ныне уже сами большевики сваливают на гражданскую войну всю вину за то, что Россия пришла не к социализму, а к разорению. Но они забывают, что гражданская война была неизбежным следствием их диктатуры.

Если из гражданской войны диктатура выходит победительницей, то в результате такой победы неизбежно наступает паралич политической и даже интеллектуальной жизни вообще. Безнадежное отупение овладевает массами. Но, ведь, только при активной и разумной самодеятельности масс может наступить социализм, может осуществиться демократизация автократического капитализма. Значит, диктатура и в этом отношении является помехой для социалистического под'ема, — не говоря уже о том, что рабочий класс, который не в состоянии стряхнуть с себя диктатуры, покоющейся на военщине и бюрократии, тем самым доказывает свою незрелость для социализма.

Все эти доводы уже ранее приводились против большевистского метода достижения социализма путем партийной диктатуры. Мне хотелось бы указать лишь еще на одно важное следствие диктатуры, которое на ряду с прочими является помехой для социалистического под'ема, и на которое, поскольку мне известно, до сих пор не было обращено достаточно внимания.

Для того чтобы процесс производства мог возобновляться регулярно и, таким образом, способствовать общественному преуспеянию, необходимо обезопасить его от произвольного вмешательства извне, — будь то вмешательство частных лиц или органов власти. Никто не станет заниматься производством, если он не уверен, что у него не отнимут продукт его труда.

Правда, ни при каком способе производства, покоющемся на эксплуатации, рабочий не получает всего продукта своего труда. Ему приходится делить его с другими. Но это деление совершается по определенным правилам, известным рабочему до того, как он приступил к работе. При данных общественных условиях оно вообще является одним из условий процесса производства. Не приняв его, рабочий вообще не мог бы производить, а, следовательно, и существовать. Это деление не может препятствовать правильному ходу производства, если только оно обеспечивает существование рабочего и его потомства.

Совсем иное влияние оказывается на ход производства, если у крестьянина, ремесленника или другого производителя власть, незаинтересованная непосредственно в нормальном ходе процесса производства, неожиданным образом, вне каких бы то ни было правил, отнимает то, что ему остается из продукта его труда по окончании процесса производства. Это лишает производителя всякой охоты продолжать производство. Зачастую оно просто невозможно, если у работника не остается средств производства или средств пропитания, и тогда наступает гибель.

Конечно, несмотря на это работник все же будет пытаться продолжать производство, если оно хоть сколько-нибудь возможно, ибо иных средств к существованию, кроме труда, у него не имеется. Кроме того, в примитивных условиях существования средства производства не столь сложны, чтобы нельзя было, в случае необходимости, создать их заново. К тому же в таких условиях доходы отдельного работника или крестьянина слишком ничтожны, чтобы сильно привлекать внимание грабителей.

Отсутствие безопасности в государстве гораздо вреднее отзывается на капиталистическом производстве. Здесь производство зависит не только от рабочего, но, в первую очередь, от капиталиста. Для капиталиста же процесс производства отнюдь не составляет жизненной необходимости, как для рабочего. Капиталист лишь в том случае помещает свой капитал в производственный процесс, затрачивая его на постройку фабричных зданий, закупку машин и сырья, выплату заработной платы, если он уверен, что получит значительную прибыль не только в ближайшем будущем, но, по крайней мере, в течение всего времени, покуда сохраняется пригодность средств производства, приобретенных им на авансированный капитал. Если в нем этой уверенности нет, то он не станет рисковать своим состоянием. Он превратит его в золото, драгоценные камни и в другие предметы высокой и прочной ценности, занимающие мало места и легко могущие быть спрятанными, или же поместит его в предприятие с быстрым оборотом капитала, в ростовщичество или в торговлю, где риск оплачивается скорой и высокой прибылью.

Всеобщая неустойчивость была причиной того, что на Востоке до сих пор, а в Европе вплоть до эпохи реформации, развитие промышленного капитализма было невозможно. Эта неустойчивость отношений и всеобщая неуверенность являются одной из причин, почему в странах побежденных индустрия

после мировой войны так медленно оживает, между тем как спекуляция процветает.

Но при диктатуре эта неуверенность становится длительным явлением и достигает высшей степени. Диктатура в состоянии прекратить уличные грабежи, она может предотвратить погромы, но она не в силах устранить важнейшей причины всеобщей неуверенности, источником которой является она сама: полнейший произвол и беззаконие государственной власти, причуды которой абсолютно не поддаются предвидению и учету. Она может сегодня призывать рабочих: «грабь награбленное» (капиталистами), а завтра приглашать капиталистов: обогащайтесь за счет трудящихся, чтобы послезавтра, если понадобится, вновь вернуться к лозунгу первого дня.

В Турции диктатура султана и его пашей сделала невозможным по сей день появление крупной промышленности. Мало того: даже примитивное хозяйство турецкого крестьянина ею разорено вконец. Экономически для России дело нисколько не меняется от того, что ее султан не Магомета, а Маркса призывает в пророки-избавители. Впрочем, российские паши в своей азиатской пропаганде ухитрились сделать своей путеводной звездой одновременно и Магомета, и Маркса.

Даже царский абсолютизм сильно стеснял промышленный под'ем России, хотя в последнее время он уже не представлял собой режима чистого произвола, бюрократия была ограничена определенными законами, было введено упорядоченное судопроизводство (не простиравшееся на определенные политические преступления), а в последние годы существовало даже законодательное собрание и контролируемый им государственный бюджет.

Большевистская же диктатура далеко превосходит царское самодержавие, как в отношении произвола, так и в отношении силы и необузданности государственной власти. Она, следовательно, гораздо сильнее царизма парализует промышленность страны.

До революции большевики знали очень хорошо о парализующем влиянии самодержавия на промышленность. Теперь они уже позабыли это, как и многое другое.

Есть формы правительства, несовместимые с капиталистическим под'емом. К числу таковых принадлежат восточные деспотии и современная их разновидность, прикрывающаяся личиною диктатуры пролетариата.

Покуда диктатура не пала, Россия не выйдет из состояния распада и разложения, несмотря ни на какие уступки капиталистам.

Но диктатура, как образ правления, несовместима не только с промышленным капитализмом, но и с демократическим социализмом. Столь же несовместима она и с переходным периодом от капитализма к социализму. Ибо социализм может появиться не из хилого, но из цветущего, развившего все свои силы капитализма; а в переходный период капитализм еще довольно продолжительное время будет существовать в целом ряде областей, как мы увидим далее.

Ясно, следовательно, что диктатура, с какой бы стороны ее ни рассматривать оказывается негодным средством для развития, как капитализма, так и социализма.

Результаты нашего исследования о политической революции пролетариата мы, после изложенного выше, можем формулировать в следующих положениях:

Одновременно с пролетариатом крепнет и демократия. Таким образом, нормальным путем для завоевания пролетариатом политической власти становится путь демократии.

Демократическая республика есть государственная форма для господства пролетариата.

Демократическая республика есть государственная форма для осуществления социализма.

III. Экономическая революция.

1. Потребители и производители.

а) При капитализме.

Еще один вопрос нам необходимо выяснить при исследовании формы правления, наиболее соответствующей господству пролетариата и социализму. Но этот вопрос уже относится к области экономических задач пролетарской революции, т. е. к эпохе пролетарского господства.

Как должна быть организована государственная власть пролетариата, как власть потребителей или как власть производителей? Та коллегия, которая, в качестве представителя народа, явится высшей властью в государстве, должна ли она быть представительством потребителей или производителей?

Представительство потребителей — говорят нам — является представительством округов, в которых выборы происходили на основе всеобщего и равного избирательного права, не знающего никаких профессиональных различий. Этой системе противопоставляют с одной стороны классовое представительство, введенное большевиками. Ими, как известно, установлено особое избирательное право для наемных рабочих и особое — для крестьян, а также особые представительные учреждения — рабочие и крестьянские советы. Остальные классы совсем лишены представительства. Другое предложение, демократическое, исходит от гильдейского социализма, высказывающе-

гося не за классовое представительство, но за представительство по профессиям. Граждане избирают депутатов в высшее представительное учреждение или по предприятиям или по профессиям. Это учреждение становится в известном смысле перманентным профессиональным конгрессом. Остается под вопросом, образует-ли этот своего рода совет государственного хозяйства единственное представительное учреждение в стране или же их будет два: одно, избранное на основе всеобщего избирательного права, как и до сих пор, и другое, избранное по профессиям. Виднейший представитель гильдейского социализма Коль говорит об этом следующее:

«Высший суверенитет в индустриальной сфере должен принадлежать коллегии из представителей парламента и союза гильдий».

(«Самоуправление в индустрии», перев. с 5 англ. издания Тезинг, Берлин, 1921, с. 130).

К сожалению, Коль вынужден добавить к этому нижеследующие строки:

«Для теоретического обоснования нового понимания суверенитета еще не выработано новой социальной философии. В виду этого было бы лучше, если бы гильдейские социалисты немедленно занялись созданием новой теории, соответствующей идее гильдий и пропагандируемой ею структуре общества, вместо того чтобы наталкиваться на несоответствие новым взглядам терминологии их самих и других людей».

Для представления Коля о науке весьма характерно это предложение немедленно придумать новую теорию, которой тут же и маршрут предписан. Может быть, мы могли бы в этом отношении чем-нибудь помочь гильдейским социалистам, хотя вряд-ли мы при этом заслужим их одобрение.

Главный вопрос состоит в следующем: кому должна принадлежать высшая власть в государстве, потребителям или производителям?

С понятиями «потребитель» и «производитель» гильдейские социалисты оперируют точно так же, как большевики с понятием «рабочий», т. е. как будто понятия эти являются чем-то само собою

разумеющимся. Ни те, ни другие не считают нужным дать особого определения этих понятий. А между тем они не так просты, как кажутся на первый взгляд. Относительно понятия «рабочий» я показал это в статье, появившейся в венском журнале «Kampf» («Что такое рабочий» — декабрь 1920). О «потребителях и производителях» я писал в еженедельнике «Die Neue Zeit» (30. Jahrgang, 1. Bd., S. 452 ff.) в статье под тем же заглавием. Но там я рассматривал вопрос только с точки зрения агитации за покровительственные пошлины, которая несколько лет назад велась Шиппелем в рядах германской социалдемократии во имя защиты «интересов производителя». Здесь нам придется подойти к вопросу несколько иначе. Чтобы не слишком усложнять его, я опускаю важное различие между личным потреблением, которое обычно понимается, как потребление в собственном смысле слова, и потреблением производительным, потреблением средств производства, которое есть лишь иное название для производства.

Мою статью в «Neue Zeit» я начинаю так:

«В современной торгово-политической литературе встречается все чаще деление общества на потребителей и производителей, как если бы это были два класса, на которые распадается общество. В интересах потребителей требуют свободной торговли, в интересах производителей — покровительственных пошлин. Невольно возникает мысль о более высоком значении интересов производителей. Потребители — это те, кто ест и пьет, производители же трудятся в поте лица своего.

Того, что добыто прилежной рукой,
Не жрать уж ленивому брюху.

Можно и более научным образом формулировать превосходство интересов производителей. Можно сказать: мы можем потреблять лишь то, что создано производством. Преуспеяние общества зависит от преуспеяния производства. Интересы производителей являются, следовательно, интересами общества».

Но, с другой точки зрения, опять-же могло бы показаться, что никакого противопоставления производителей потребителям быть не может. Ибо, если не всякий потребитель является производителем, то ведь всякий производитель есть вместе с

тем и потребитель. Для работающей части человечества потребление и производство есть лишь различные функции того же самого индивида. Как же можно говорить о противоречии интересов между потребителем и производителем?

И все же такое противоречие имеется, хотя оно и не одинаково, как для различных способов производства, так и внутри каждого из них. В упомянутой выше статье в «Neue Zeit» я ограничился исследованием этого противоречия в том виде, как оно проявляется внутри капиталистического способа производства.

Разумеется, такого противоречия нет в первобытных обществах, в примитивных условиях производства, где каждое хозяйство производит все, что для удовлетворения потребностей его членов необходимо. Здесь, как и всюду, круг потребителей гораздо шире круга производителей. Если каждый производитель есть вместе с тем и потребитель, то не всякий, участвующий в потреблении, участвует и в производстве. Неработоспособные, дети, больные, старики в нем не участвуют. Но все они являются членами семьи производителя, которому их интересы столь же близки, как и его собственные. На этой стадии развития общества нет, следовательно, особых интересов потребителей, отличных от интересов производителей.

Это положение меняется уже в стадии простого товарного производства, когда каждый работник, в качестве крестьянина или ремесленника, является собственником средств производства и располагает продуктом своего труда. Усложняющие вопрос отношения эксплуатации нас здесь не интересуют.

На этой стадии развития различие по сравнению с примитивным производством для собственного потребления состоит в разделении труда между отдельными хозяйствами. При товарном производстве производитель создает продукты, в которых сам не нуждается, чтобы в обмен на них получить нужные ему продукты других произво-

дителей. Обмен продуктов совершается на основе их стоимости. Чем выше стоимость — или ее денежное выражение, цена — собственного продукта, тем больше чужих продуктов можно получить в обмен на него. Производитель заинтересован поэтому в высоких ценах на свои продукты. Он будет сокращать снабжение рынка своими продуктами, если ему, таким образом, удастся повысить их цену.

Но если он свои товары продал, он выступает на рынке уже не как владелец товара, но как владелец денег, не как продавец, но как покупатель, уже не в качестве производителя, но в качестве потребителя. И, как таковой, он заинтересован в низких товарных ценах. В таком виде выступает здесь противоречие интересов между производителем и потребителем. Но все общество в целом — если, как выше сказано, отвлечься от отношений эксплуатации и других усложняющих вопрос моментов, которые на этой стадии еще не составляют необходимого явления, — состоит, как и в первобытные времена, только из производителей и членов их семейств. Следовательно, противоречие интересов между производителем и потребителем на этой стадии развития есть лишь противоречие внутри самих производителей, проявляющееся в каждом данном случае, как противоположность производителей различных профессий друг к другу. Это отнюдь не длительная противоположность разных классов, но такая противоположность, факторы которой постоянно меняются.

Однако, уже при простом товарном производстве обстоятельства могут сложиться так, что производители родственных отраслей производства об'единяются для совместной длительной борьбы с производителями других отраслей. Таким образом, противоречие интересов производителей и потребителей может превратиться в социальное противоречие огромных размеров с глубочайшими историческими последствиями.

На одной стороне выступает городская индустрия, производители которой по отношению к сельскому хозяйству являются потребителями с'естных припасов и сырья, в максимальной дешевизне которых они крайне заинтересованы. На другой стороне мы находим сельских хозяев, являющихся потребителями продуктов городской промышленности, за которые промышленники стараются получить возможно дороже.

Старая противоположность между городом и деревней, возобновляющаяся все с новой силой, выступает как противоположность между потребителями и производителями, хотя и на той и на другой стороне мы встречаем и производителей, и потребителей.

С появлением наемного труда на службе у промышленных капиталистов производство приобретает новый характер. До этого работник и производитель составляли о д н о лицо. Интерес работника был неотделим от интереса производителя. С установлением же господства капитала работник, хотя и продолжает быть производителем продуктов т е х н и ч е с к и, но э к о н о м и ч е с к и он уже не производитель. Не он является собственником предприятия и средств производства. Не он руководит процессом производства, не он определяет число и род продуктов, не он доставляет их на рынок, не он заинтересован в их цене, н о к а п и т а л и с т - п р е д п р и н и м а т е л ь, который и является теперь производителем в экономическом смысле слова. Теперь интерес производителя есть лишь интерес капиталиста, владеющего средствами и продуктом производства.

От него отличается интерес наемного рабочего. Он тоже получает свой доход от продажи товара на рынке. Но таким товаром является его собственная рабочая сила. Она не отделима, подобно другим товарам, от человека, наоборот, она нераздельно слита с ним. Она не производится для рынка, но происходит из жизненного процесса самого рабочего. Она лишь до некоторой степени приспо-

собляется к требованиям рабочего рынка усвоением особых навыков. Но масса наличных рабочих сил не определяется спросом на них, подобно товарам в собственном смысле слова. Она не производится ради прибыли.

Если на товар спроса нет, его производство может быть прекращено. Если спрос на него быстро возрастает, его производство, при современной технике, может столь же быстро расширяться. Производство невыгодных товаров прекращается, производство выгодных возрастает. В цитируемой статье я писал об этом:

«Ничего этого не наблюдается при производстве товара — рабочая сила. Это производство можно формулировать двояко. Во-первых, как ежедневное воспроизводство индивида, восстановление израсходованной им в течение дня рабочей силы. Во-вторых, как воспроизводство рода, путем замещения умирающих индивидов новыми.

Ни первый, ни второй вид воспроизводства не вызываются интересами наживы. Ни еда и сон, ни производство и воспитание детей не являются прибыльным делом. Они относятся к жизненным процессам рабочего и выполняются им при всяких обстоятельствах независимо от спроса на рабочую силу. Предложение рабочей силы не поддается ни произвольному увеличению, ни произвольному сокращению».

Еще в одном отношении товар—рабочая сила отличается от прочих товаров. Издержки производства этих последних всегда могут быть точно установлены технически. Не то с рабочей силой. Издержки сохранения рабочей силы определяются не только физиологическими потребностями, но и моментами чисто общественного порядка, как, напр., житейские потребности рабочего. Об этом Маркс говорит:

«Размеры так называемых необходимых потребностей, так же как и способ их удовлетворения, представляют продукт исторического развития и обусловлены поэтому большей частью культурным уровнем страны и существенным образом определяются также тем, при каких условиях и, следовательно, с какими привычками и жизненными требованиями образовался класс свободных рабочих. В противоположность всем другим товарам определение стоимости рабочей силы содержит, таким образом, в себе элементы исторический и моральный». (Kapital, I, Volksausgabe, S. 127).

Все эти обстоятельства влияют в том направлении, что по сравнению с прочими товарами стоимость и цена рабочей силы сохраняют более консервативный характер. Они не изменяются так легко и быстро, как цены прочих товаров. Заработная плата, как общее правило, не падает и не повышается с такою быстротой и в такой степени, как товарные цены. Рабочий заинтересован, следовательно, в падении товарных цен, если оно не сопровождается вредными побочными явлениями, как, напр., широкой волной безработицы. Наоборот, он нисколько не заинтересован в повышении товарных цен, — если опять-таки оставить в стороне некоторые явления компенсирующего характера.

Поэтому наемный рабочий и является, в собственном смысле слова, страдательным лицом при искусственном вздорожании товаров, вызванном запретительными пошлинами или, как в наши дни, бумажно-денежным потопом. Его интересы совпадают, как ни странно это может показаться, с интересами потребителей, а не производителей. Он в высшей степени заинтересован, как в установлении свободной торговли, так и в стабилизации валюты.

Но и отдельный промышленный капиталист, по существу, имеет интересы производителя лишь в отношении своей отрасли производства. Он желает высоких цен для своих собственных продуктов, но не для продуктов других отраслей производства, в отношении к которым он разделяет интересы потребителей, а не производителей. Но у него нет никаких надежд добиться от государственной власти искусственных мер исключительно в пользу своей отрасли производства. Ему приходится с этой целью вступить в союз с капиталистами других отраслей, при чем в этом отношении он, как производитель, нисколько не отличается от производителей эпохи простого товарного производства. Поэтому мы и в эпоху капиталистического хозяйства встречаемся с тою же противопо-

ложностью города и деревни, промышленности и сельского хозяйства, как и в прежнее время. Особенно ярко она отражается в вопросах таможенной политики. Там, где промышленники стоят за свободу торговли, сельские хозяева являются протекционистами и наоборот.

Однако, при этом все же обнаруживается существенное отличие капиталистического от простого товарного производства. При простом товарном производстве было бы совершенно бесцельным об'единение всех отраслей производства без исключения для общего повышения товарных цен: при этом каждый выигрывает столько же, как продавец, сколько теряет, как покупатель.

Иначе обстоит дело при капиталистическом товарном производстве, в котором рабочий и производитель — два разных лица. Теперь оказываются в выигрыше все предприниматели, даже при всеобщем повышении цен во всех отраслях без исключения, в деревне и в городе, вследствие ли охранительных пошлин, или благодаря синдикатам, или вследствие каких-либо других причин. Ибо теперь имеется на лицо тот, на кого могут быть свалены все тяготы, от которых освобождает себя каждый производитель: это — наемный рабочий.

Таким образом, наемные рабочие становятся исключительными представителями интересов потребителей в противоположность об'единенным эксплуататорам, как исключительным представителям интересов производителей.

Защитники гильдейского социализма или советской системы об этом, конечно, не думают. Для них рабочий при всех условиях равнозначен с производителем.

б) При социализме.

Как мы видели, такая равнозначимость соответствует действительности только при определенных экономических условиях, напр., при первобытном производстве для собственного потребления или

при простом товарном производстве. Точно также и при осуществленном социализме понятие производителя может относиться только к рабочему. Но это отнюдь не так в переходный к социализму период.

При полном осуществлении социализма не только восстанавливается тожество рабочего с производителем, но и вообще исчезают всякие источники дохода, кроме труда, вследствие чего общество состоит лишь из работников и членов их семейств, как в первобытном хозяйстве, из которого мы исходили.

Из этого казалось-бы необходимо сделать тот вывод, что при социализме не существует больше различия между интересами потребителей и производителей.

Но современный социализм отличается от первобытного коммунизма, прежде всего, разделением труда. В первобытном хозяйстве, на первых его ступенях, мы встречаем только разделение труда в семье между мужем и женой. В настоящее же время мы располагаем безгранично разветвленным разделением труда, как внутри предприятия, так и в обществе, в бесчисленных отраслях производства. На разделении труда основана его производительность и возможность социализма на современной основе, при участии всех членов общества в пользовании сокровищами нашей культуры.

Социализм, все более приближая нас, как мы это увидим в дальнейшем изложении, к равенству в качестве потребителей, — разумеется, с отличиями индивидуального, но не классового характера, — в то же самое время, подобно капитализму, все больше раздробляет рабочий класс в процессе производства на различнейшие слои, из которых каждый поставлен в особые условия труда, вследствие чего для каждого из них возникают особые интересы в смысле установления максимально-благоприятных условий труда. Но и соотношения силы каждого слоя внутри рабочего коллектива будут различны. Одни в процессе производства абсолютно необхо-

димы, другие нет. Одни подвергают смертельной опасности все общество, если хотя бы на короткое время прекращают работу. Другие могут прекратить работу и на более продолжительный срок без опасности для общества. Для одних рабочих не требуется никакой предварительной выучки, и они во всякое время легко могут быть заменены другими. Для других же категорий рабочих, напротив, невозможно найти быстро заместителей.

При таких условиях интересы производителей в социалистическом обществе будут представлять собой ничто иное, как *особые интересы отдельных профессий*. Нечто подобное имело место во времена простого товарного производства. Уже там мы встречаемся с цеховой политикой, с особой политикой отдельных цехов, с происками мелких честолюбий, со стремлением единичных лиц к особым преимуществам и к более высокому положению.

Но эти сепаратистские тенденции внутри цеховой организации все же сдерживались общей борьбой против общего врага — против городского патрициата, против сельского дворянства или против покушений князей на вольности городов.

Тенденция к обособленной политике свойственна и профессиональным организациям наемных рабочих. Не мало профессиональных союзов предпочитали итти своим собственным путем, не заботясь об интересах всего рабочего класса. Или же они становились для наилучше поставленных слоев пролетариата средством превратиться в рабочую аристократию, подняться над уровнем прочих рабочих или пролетарской черни.

Пролетариату Англии, напр., эти тенденции долгое время причиняли очень большой вред. Конечно, в условиях капитализма такие тенденции долго держаться не могут. Необходимость борьбы с общим врагом, с капиталом, все снова и снова побуждает рабочих и, в конце концов, заставляет их создать единый фронт против капитализма.

В социалистическом обществе такой причины для об'единения различных профессий не существует. В этом обществе только о д и н фактор противостоит рабочим отдельных профессий: вся совокупность рабочих в целом, которая, если отвлечься от профессиональных делений, выступает, как совокупность не производителей, но потребителей. Противоречие интересов производителей и потребителей становится, таким образом, противоречием общих интересов общества в целом и профессиональных интересов данной группы рабочих.

Здесь кроется одна из опасностей, угрожающих социалистическому обществу. Мы не сомневаемся ни на мгновение, что оно найдет средства предотвратить ее прежде всего путем такого воспитания, которое подготовляет члена общества к занятию различными профессиями. Но в переходный период исключительное влияние профессиональных интересов может вызвать весьма неприятные явления. Мы не имеем ни малейших оснований еще больше усиливать эту опасность, превращая высшую власть в государстве, народное представительство, в представительство интерсов производителей, т. е. избирая его на основе всеобщего и равного избирательного права, но по отдельным предприятиям или профессиям, как того требуют советская система или гильдейский социализм.

Нам возразят, конечно, что и в буржуазном обществе парламенты являются представительством особых интересов, только не профессионального, а территориального характера. Каждый депутат, мол, защищает особые интересы своего избирательного округа.

Это совершенно неверно. Возражение это правильно для средневекового представительства, но никак не современного. В сословном представительстве средних веков каждый депутат буржуазии защищал интересы того города, который его избрал. Но в современном парламенте каждый его член является представителем всей нации, а не отдельной местности. И это отнюдь не остается пустой фразой,

но все больше становится реальностью, по мере того как капиталистические сношения все теснее связывают отдельные местности государства, создавая, таким образом, основу для современной, государственной демократии, в противоположность демократии первобытной, ограниченной местными рамками. Уже в первом Национальном собрании Великой Французской Революции депутаты не выступали больше, как представители своих округов.

Противоречия, сталкивающиеся в современных парламентах, являются противоречиями различных классовых интересов и политических методов, ведущими к образованию особых партий. Каждая из этих партий охватывает всю нацию, а не защищает чисто местные интересы. Партии чисто-местного характера, как, напр., партия вельфов или крестьянский союз в Баварии, принадлежат к числу реакционных курьезов, соответствующих мышлению давнего прошлого и не имеющих никакой будущности.

Вопросы, из-за которых ведется борьба, как за самый парламент, так и внутри него, касаются, по большей части, всего общества, а не отдельных профессий. Каждый класс и каждая партия занимают по отношению к этим вопросам особую позицию, но сами вопросы имеют значение для всего общества.

Но разве и при социализме это будет так? Разве не исчезнут при социализме задачи современного государства, так что у общества останутся только экономические задачи, и не будет больше задач политических? К чему нам тогда собрание политиков? Нам нужно лишь собрание специалистов, на собственном опыте основательно познакомившихся с экономическими вопросами. И поэтому верховное представительство народа должно быть представительством производителей, а не потребителей.

К сожалению, в настоящее время и специалист является профаном во всех областях, лежащих за пределами его специальности. Поэтому в вопросах определенной профессии и палата производителей, состоящая из представителей всех профессий, будет

такою же палатой профанов, как и палата потребителей. Конечно, в каждой профессии имеются люди, которые стремятся к общему, разностороннему образованию, и знания которых превосходят профессиональные познания. Но именно они имеют больше шансов быть избранными в палату потребителей, куда представителей избирают народные массы, руководствуясь широкой, социальной точкой зрения, чем в палату производителей, куда, скорее всего, будут посланы те, кто больше всех сделал для рабочих своей профессии.

Я, впрочем, отнюдь не разделяю мнения, будто в социалистическом обществе деятельность народного представительства будет до последней степени поглощена экономическими вопросами. Именно вследствие высокого разделения труда, требующего специальных профессиональных знаний для наилучшей организации и применения труда в каждой професи, было бы очень хорошо,—это желательно также и по другим соображениям, — чтобы каждая профессия была организована возможно более самостоятельно, с максимальной свободой самодеятельности и с собственными органами для согласования интересов производителей с интересами потребителей или всего общества. Если весь организм общества функционирует правильно, то вмешательство центральной инстанции понадобится лишь в исключительных случаях: в случае каких-либо глубоких перемен, крупных задержек в ходе производства и конфликтов.

Вообще нельзя не признать, что экономическая сторона жизни тем меньше будет интересовать людей, чем обеспеченнее будет их существование, чем достаточнее их средства к жизни, чем короче их рабочий день. Материальная основа жизни всегда будет в огромной степени в л и я т ь на наши чувства и мысли. Но отсюда вовсе не следует, будто она всегда должна п о г л о щ а т ь все наши духовные силы. Она поглощает их в настоящее время, когда вся наша жизнь — непрерывная работа в определенной профессии, когда существование наше по-

стоянно под угрозой, когда напряженное изучение экономических возможностей всякого рода приносит одним колоссальные барыши, а для других беззаботность на этот счет влечет чудовищные потери.

С преодолением этой стадии люди уже не будут так поглощены экономикой, как раньше. Их интерес к духовной надстройке, возвышающейся над материальной основой жизни, будет возрастать, будет увеличиваться и время, посвящаемое духовным интересам. Но в соответствии с этим и верховное представительство народа будет в большей мере заниматься вопросами культуры, равно важными для всех членов общества без различия профессий, чем вопросами экономики.

Рука об руку с этой переменой будут совершаться перемены и в сфере потребностей. Духовные потребности будут расти, многие наслаждения будут встречать презрение, и потребность в них постепенно будет отмирать. В соответствии с этим будут изменяться и производственные задачи общества.

Производство всегда, при всяком строе человеческих отношений, служит потреблению, удовлетворению потребностей. Если указывают, что капиталистическое производство служит не удовлетворению потребностей, но получению прибыли, то при этом упускают из виду, что погоня капиталиста за прибылью порождается стремлением к потреблению и в наши дни к потреблению весьма обильному. Если он потребляет не всю прибыль, но часть ее сберегает, «аккумулирует» для увеличения размеров капитала, то это делается опять-таки с тою же целью дальнейшего увеличения прибыли, а, следовательно, и потребления.

С другой стороны, капиталист производит товары, которых сам не потребляет. Но он попал-бы в большую беду, если бы для этих товаров вовсе не нашлось потребителя.

Следовательно, всякое производство есть производство для потребления. Это должно-бы быть из-

битой истиной, если бы некоторые критики капитализма не внесли путаницы в столь ясный вопрос. Потребление управляет производством.

Следовательно, и с этой точки зрения, как и со всякой, с какой бы мы ни подошли к вопросу о взаимоотношениях производителей и потребителей, мы приходим к выводу, что наилучшим решением вопроса является избрание народного представительства на основе всеобщего и равного избирательного права.

Отрицательное отношение бакунизма и синдикализма к политическим партиям и к парламенту не должно вводить нас в заблуждение. Это старое анархистское отношение нашло новейшее свое выражение в конституции советизма и гильдейского социализма.

Не следует, однако, упускать из виду, что потребительский интерес сам по себе не является активной движущей силой социального развития. Он не является такою силой хотя-бы потому, что всякий человек есть потребитель. Только классовая борьба является движущей силой развития в классовом обществе. В таком обществе потребительский интерес становится активной силой только в том случае, если совпадает с интересом классовым.

Социализм будет достигнут в результате борьбы рабочих, как определенного класса, а не в результате борьбы потребительской массы. Однако, удержаться социализм может только при том условии, если он соответствует интересам потребителя, т. е. если повышает производительность труда. Как ни ничтожна активная сила чисто-потребительского интереса, но ему присуща непреодолимая сила пассивного сопротивления. Никакое социальное новообразование не в силах долго удержаться, если оно понижает производительную силу труда.

Если бы рабочие в каком-либо социалистическом государстве создали такие условия труда, при которых производительность труда понизилась-бы, такая односторонность в отношении к своим интересам очень скоро отомстила бы за себя в очень

злой форме. Скоро начала-бы сказываться экономическая отсталость нового государства, между тем как старые капиталистические государства продолжали бы развивать свои производительные силы. Это, в конце концов, неизбежно привело бы к тому, что рабочие, или, по крайней мере, большая часть из них, как потребители, оказались бы в худшем положении в социалистическом государстве, несмотря на отмену эксплуатации, нежели в государстве капиталистическом при возрастающей эксплуатации. Социалистическое государство, таким образом, рано или поздно утратило-бы всякую жизнеспособность.

На самом деле мы, социалисты, всегда основывали жизнеспособность социалистического общества не просто на том, что оно превращает рабочих, в их совокупности, в производителей, в хозяев производственного процесса, но и на том, что производительность труда в целом повышается, и что масса годового продукта в отношении к числу наличных рабочих сил возрастает.

Ряд причин действует в этом направлении.

Так, напр., прекращение стачек. Стачка есть ultima ratio, последнее средство для наемного рабочего отстоять свои интересы, если все другие средства бессильны. Так раньше война была ultima ratio, последним средством королей. Стачка, как и война, есть варварское средство, которое несет страшные бедствия не только борющимся сторонам, но и лицам, не участвующим в борьбе, причиняя, по большей части, крупные экономические убытки. Тем не менее рабочие не могут и не должны отказаться от права стачек. Это означало-бы ничто иное, как сдаться безоружными капиталистам.

Конечно, было бы неправильно требовать от социалистов поддержки всякой стачки только на том основании, что это — стачка. Легкомысленные или плохо подготовленные стачки являются преступлением с точки зрения интересов самих рабочих, ибо компрометируют и наносят большой вред рабочему

делу. Критиковать и бороться с такими стачками долг всех социалистов. Он состоит в том, чтобы просвещать рабочих и открыто говорить им правду, а не заниматься демагогическим восхвалением всякой глупости, исходящей от рабочих. Льстецы пролетариата столь же отвратительны и опасны, как и льстецы князей.

Впрочем, легкомысленные стачки рабочих — редкость. Гораздо более частое явление — стачки отчаяния. Как те, так и другие, с развитием профессиональных союзов и накоплением у них опыта, становятся все реже. Но классовые противоречия слишком обострены, чтобы даже в более спокойные периоды, чем нынешний, дело временами не доходило до стачек, которые, подобно войнам, тем обширнее по размерам и опустошительнее по последствиям, чем реже вспыхивают.

Это не является осуждением стачек, но тем в большей мере осуждает то общество, в котором стачки неизбежны. По сравнению с таким обществом продуктивность всякого другого общества будет, при прочих равных условиях, выше, если оно не порождает стачек. Мы полагаем, что таким именно обществом и будет общество социалистическое.

В наше время великая сила всякой стачки — за исключением, разумеется, явно бессмысленных — состоит в поддержке, оказываемой ей всем пролетариатом, чувствующим себя солидарным в борьбе с капиталом. Эта поддержка выражается часто в денежной помощи и, как общее правило, в моральном сочувствии и в борьбе с штрейкбрехерством.

В социалистическом обществе рабочим отдельных предприятий или отраслей производства противостоят не капиталисты, но совокупность потребителей, которая совпадает с совокупностью рабочих. Конфликт между обеими сторонами, который привел-бы к стачке, был бы борьбой небольшого слоя рабочих, требующих особых преимуществ, со всей совокупностью рабочих. Такая стачка заранее была бы обречена на неуспех. Поэтому и не

может быть стачек в социалистическом обществе. Факты частых забастовок в наше время в государственных и городских предприятиях не должны вводить нас в заблуждение. Эти предприятия еще недостаточно социализированы, — далее мы увидим, что это означает — а государство и город считаются еще слишком сохраняющими влияние капитала, чтобы рабочие уже теперь могли проводить достаточно резкую грань между этими предприятиями и частно-капиталистическими.

Социалистическое общество может не только избежать неизбежных при капитализме стачечных опустошений, но и более рационально организовать производство. При свободном товарном производстве, на ряду с технически наиболее совершенными и рациональными предприятиями в сфере производства и торговли, сохраняется бесчисленное множество мелких, плохо оборудованных и плохо руководимых предприятий, производительность которых очень низка, но владельцы которых судорожно цепляются за эти предприятия, потеря которых означает для них экономические разорение. Если же, напротив, в какой-нибудь отрасли производства все предприятия социализированы, то не составляет трудности наименее рациональные предприятия упразднить, а все рабочие силы сконцентрировать в наиболее совершенных, в которых они смогут производить гораздо больше, чем до сих пор.

Уже в 1902 году, в своей работе о «Социальной революции», я указал на то, что таким способом можно было бы общее производство текстильной промышленности Германии удвоить при одновременном сокращении рабочего дня до 5 часов.

Много рабочей силы растрачивается бесполезно при капитализме и помимо применения ее в отсталых предприятиях. Много сил напрасно гибнет благодаря анархии производства, росту крупных городов, изменениям моды. В социалистическом обществе всех этих явлений не было бы, что опять-таки освободило-бы много сил и материалов для полезных работ. Точно также нашли-бы полезное

применение и те бесчисленные рабочие силы, которые бездействуют, благодаря кризисам, время от времени неизбежно наступающим при капиталистическом способе производства.

Здесь я должен ограничиться только этими намеками. Подробно об этом я писал в статье о «Расточительности капиталистического способа производства» («Neue Zeit», 1889, S. 25 ff.).

Все это должно сделать труд общества при социализме гораздо производительнее, нежели в настоящее время, так что социализм и с точки зрения интересов потребителя явится прогрессом.

К сожалению, этот прогресс во всей своей силе не может проявиться с сегодня на завтра и для своего осуществления требует времени. Поэтому в переходной стадии от капитализма к социализму отнюдь не исключена опасность, что для отдельных слоев пролетариата их особые интересы в процессе производства будут стоять выше, чем это совместимо с его производительностью. Не исключена опасность, что продолжительность и интенсивность труда быстро уменьшатся, между тем как увеличение продуктивности общей работы, вследствие социалистического регулирования производства, будет происходить лишь медленно.

Но такая опасность вовсе еще не ведет неизбежно к экономическому краху, какой мы наблюдаем в России. Не везде условия для социализма столь неблагоприятны, как там. Не везде промышленность так слаба, а пролетариат так мало организован, как это было в 1917 году в России. И не везде господствующая партия так беспомощна перед экономическими проблемами, как партия большевистская, до революции все свои духовные силы растратившая в борьбе с полицией, в подготовке восстаний, в талмудическом суемудрии над цитатами из Маркса, в беспутнейшей брани по адресу братских партий и в беспощадном подавлении всякого инакомыслия, — так что ей не хватало времени для исследования хозяйственного строя России и наи-

более соответствующих ему политических и экономических форм.

Но и там, где обстановка более благоприятна, существует опасность, что перевес интересов производителя над интересами потребителя поведет к экономическому регрессу, который может временно задержать прогресс к социализму или, может быть, вообще сделать его невозможным.

Это не означало бы, что социализм вообще и навсегда невозможен. Ибо нет другого способа производства, который мог бы преодолеть капитализм и развить более высокие формы жизни. Но такая неудача означала бы, что пролетариат данной страны в данное время еще не созрел для социализма, для промышленного самоуправления; что производительность его труда падает, как только над ним не свистит капиталистический бич; что у него нет еще ни той экономической дальновидности, ни того чувства долга, которые являются столь же необходимою предпосылкою социализма, как и известный уровень развития крупного производства. Распространять понимание этого в пролетарских массах является одной из важнейших задач социалиста в переходное время.

2. Распределение продукта труда.

Как только пролетариат, организованный в политическую партию, завоюет политическую власть, он немедленно начнет применять ее в своих интересах. В этом направлении он уже действовал ранее, используя постепенно возроставшую силу своего политического влияния. При этом он, соответственно соотношению классовых сил, мудрости и целесообразности своей тактики, уже в течение десятилетий достиг значительных успехов. Но только после завоевания политического единодержавия сможет он, без помех и в меру всех своих сил, осуществлять свои интересы, создавая новые общественные отношения.

Какие экономические задачи встанут перед ним тогда?

Прежде всего наблюдателю капиталистического общества бросается в глаза огромная разница в имущественном положении богача и бедняка, разница никогда не достигавшая таких размеров, как в последние десятилетия, и постоянно возрастающая. Крайняя бедность продолжает быть массовым явлением. Размеры же крупнейших богатств возрастают с каждым десятилетием.

Отмена неравенства является важнейшей задачей социалистического режима. И тем не менее она не характерна для него.

Различие между богатыми и бедными древнее писаной истории. На ее начальных ступенях мы находим его в развитом, хотя и не столь ярком, как при современном капитализме, виде.

Соответственно этому и стремление к упразднению неравенства возникает уже очень рано. Прежде всего, конечно, у самих бедняков, но также и у наиболее сострадательных членов имущего класса. Это сострадание возникает из социальной природы человека; оно составляет часть его моральной сущности. И если всякое стремление к отмене социального неравенства называть социализмом, то, конечно, можно обосновать его этически. Но в таком случае он столь же стар, как и человеческая цивилизация.

Если же, однако, от этической расплывчатости перейти к экономической определенности, то мы найдем, что при различных производственных отношениях стремление к отмене неравенства принимает весьма различные формы.

При господстве мелкого производства свободные неимущие не играют никакой роли в производстве. Все они или наибольшая их часть являются люмпен-пролетариями, не занимаются трудом, но живут тем, что открытым грабежом, плутовством или нищенством урывают у богачей часть накопленных ими продуктов чужого труда.

Если эти слои неимущих додумываются до социального идеала, то он заключается в том, что богачи все свое имущество должны раздать беднякам;

бедняки же будут жить за счет этих богатств, не работая, подобно лилиям полевым, которые, как известно, не сеют и не жнут и все же процветают. Таково было социальное учение первобытного христианства. Если бы оно получило всеобщее распространение, всякое производство и всякая общественная жизнь стали бы невозможны. Оно могло возникнуть только вместе с мистическим мировоззрением, ожидавшим чудесного пришествия царствия небесного.

Это учение могло устоять против трезвой экономической действительности лишь благодаря тому, что отказалось, подобно большевизму в наше время, от самой сути своей и заменило добровольную самоэкспроприацию богачей жалкой подачей милостыни.

Но при господстве мелкого производства для неимущих представлялся еще один способ устранить имущественное неравенство. Они могли потребовать у богачей не превращения всех богатств в предметы потребления, раздариваемые беднякам, но уступки средств производства, — именно, земли — что сделало бы неимущих свободными собственниками, собственным трудом добывающими свой хлеб.

С экономической точки зрения это требование было гораздо более рациональным. Оно поддерживалось пролетарскими слоями, еще недавно занятыми в сельском хозяйстве и не отвыкшими от работы. Борьбу за раздел земли мы встречаем во времена, менее склонные к вере в чудеса и к мистицизму, чем эпоха первобытного христианства: борьба эта, начинаясь в древних Афинах и в Риме, тянется вплоть до Великой Французской Революции.

Но и раздел земли не привел к царству равенства. Необходимым условием осуществления этого требования была наличность обширной площади плодородных земель, никем не занятых, ни свободными крестьянами, ни арендаторами, ни колонами, ни кем бы то ни было. Там, где такие

земли имелись, требование это было излишне, так как владельцы их нуждались в работниках и с радостью отдавали эти земли в обработку. Если же земля была занята, а занята она была именно мелкими производителями, то требование передела земли означало предварительное изгнание прежних работников, к чему, как это было в Афинах и в Риме, дело, по большей части, и сводилось в действительности. В странах старой культуры, на технической основе крестьянского земледелия было просто невозможно создание большого количества новых крестьянских участков без значительного сокращения размеров старых участков.

Ничего общего с этими уравнительными стремлениями не имеет современный социализм, основой которого является современное рациональное крупное производство.

И в наше время нужда неимущих масс коренится в лишении их средств производства. Но современные массы уже не верят в чудеса и не требуют поэтому превращения средств производства в средства потребления для раздела этих последних между неимущими. Они не хотят также лишиться выгод крупного производства и поэтому не требуют его раздробления на мелкие предприятия. Они требуют замены частной собственности капиталистов на средства производства общественной собственностью работников на эти средства для общественного пользования ими. Они требуют, следовательно, не раздела собственности богачей между бедными в виде средств потребления или средств производства, но превращения ее в коллективную собственность всего общества, а стало быть и всех тех, кто до того был бедняком.

И в этой постановке вопрос об отмене социального неравенства тоже сводится к вопросу о собственности, но уже совершенно другого рода. Теперь речь идет не о разделе собственности между отдельными лицами, но об об'единении ее в общем владении.

Этим, однако, вопрос о распределении еще не решен. Он принимает лишь новую форму. В социалистическом обществе рабочие производят сообща, чтобы сообща владеть продуктом производства. Но какую долю общего продукта должен получить каждый рабочий в отдельности, на каких основаниях должен быть распределен общий продукт?

Долгое время этот вопрос казался большинству социалистов самым важным вопросом, решение которого составляет предпосылку социализма. Одни полагали, что каждый рабочий должен получить полный продукт труда, т. е. все, что он сработал; другие усматривали в этом несправедливость и требовали, чтобы рабочие получали либо по-ровну, либо соответственно своим потребностям.

Еще в 1886 году Антон Менгер посвятил этому вопросу особый труд: «Право на полный продукт труда», в котором он резко порицал Маркса и Энгельса, не дооценивших важность поставленной им проблемы.

Но что спрашивать с Менгера, если даже Ленин в 1917 году в своем сочинении: «Государство и революция» очень подробно останавливается на вопросе о том, по какой формуле должен распределяться между рабочими общественный продукт. Замечательно при этом то, что Ленин в своей работе опирается на того же самого Маркса, которого Менгер в 1886 году упрекал за молчание по вопросу о распределении продуктов в государстве будущего. Конечно, Менгер в то время не мог еще знать о знаменитом письме Маркса (1875 г.), ставшем известным нам самим лишь в 1891 году. В этом письме, посвященном критике Готской программы, Маркс в немногих словах, но очень решительно и с полной ясностью высказался по этому вопросу.

Он исходит из следующих положений проекта программы:

«Продукт труда полностью принадлежит всем членам общества на равных правах».

И далее:

«Освобождение труда требует превращения всех средств труда в общее достояние общества и кооперативного регулирования коллективного труда при справедливом распределении продукта труда».

Маркс считает неудовлетворительным, прежде всего, самое выражение «продукт труда» («Arbeitsertrag»), которое одинаково может означать и продукт работы, и созданную ею стоимость, и одновременно, как валовой продукт труда, так и ту новую стоимость, которую труд данного года присоединил к продуктам труда прошлых лет. Далее Маркс указывает на неопределенность понятия «справедливое распределение», допускающего самые различные толкования.

По Лассалю, справедливость требует, чтобы каждый рабочий получил полностью продукт своего труда. Маркс же указал на то, что из валового продукта, еще до распределения его между рабочими, должна быть отделена часть на возмещение потребленных средств производства, часть в фонд расширения производства, часть в резервный фонд на случай непредвиденных задержек в производстве или несчастий, как неурожай и т. д. Из валового же продукта должны быть покрыты расходы по управлению и по содержанию неработоспособных, равно как расходы по удовлетворению общих потребностей: содержание улиц, школ и т. д.

Только остаток может поступить в распределение. Следовательно, о предоставлении каждому рабочему полного продукта его труда не может быть и речи.

По какому же принципу должен быть распределен этот остаток? Проект программы отвечает: «на равных правах».

Но всякое право, говорит Маркс, в действительности есть неравное право, ибо прилагает одинаковую мерку к различным людям. Должен ли каждый работник быть вознагражден соответственно своему участию в производстве общественного «продукта труда», т. е. соответственно затраченному им

труду? Но это было-бы большим нарушением равенства, ибо работники на самом деле не равны, один слабее, другой сильнее, у одного много детей, другой — бездетный. И тем не менее, несмотря на неравенство и несправедливость такого способа распределения, социалистическое — или, как Маркс говорит, коммунистическое — общество вынуждено будет в начальной фазе своего развития держаться пережитков капиталистического общества и вознаграждать рабочих соответственно доле их труда в общественном процессе производства. Маркс продолжает:

«На более высокой ступени развития коммунистического общества, когда исчезнет порабощающее личность человека подчинение его разделению труда и исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд не будет только средством к сохранению жизни, но станет сам первейшей жизненной потребностью; когда вместе со всесторонним развитием личности разовьются и производительные силы, и потекут изобильнее все источники общественного богатства, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, лишь тогда общество сможет написать на своем знамени: «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям».

Эту «более высокую фазу развития коммунистического общества» Ленин называет коммунизмом в собственном смысле слова. Первой же фазой развития является, по Ленину, то, «что обыкновенно называют социализмом» («Staat und Revolution, S. 12»).

Вторая фаза развития представляется Ленину в самых розовых красках. Принцип «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям» он тотчас же истолковывает в том смысле, что люди «добровольно будут трудиться по своим способностям.... Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать по потребности». («Государство и революция», стр. 92).

Что за райское житье, когда каждый может работать, что ему угодно, где ему угодно и сколь-

ко ему угодно. И при этом каждый находит такое изобилие предметов потребления, что он может свободно брать все, чего и сколько душа его пожелает!

Ленин тогда и не предчувствовал еще, что вторая фаза его коммунизма будет иметь совсем иной характер, что ее отличием будет: принудительный труд и голод.

Но оставим это в стороне. Разве в вышеприведенном месте своего письма Маркс сам не ударился в поиски идеального масштаба для распределения?

Нисколько. Это становится ясным всякому, кто не остановится на вышеприведенной цитате, но будет читать дальше. Маркс сурово продолжает:

«Я потому так подробно остановился на «полном продукте труда», с одной стороны, и на «равном праве», на «справедливом распределении», с другой, чтобы показать, какое преступное легкомыслие обнаруживают те, которые, с одной стороны, пытаются навязать нашей партии, в качестве новой догмы, такие представления, которые в свое время имели смысл, а теперь стали ненужным хламом; с другой же стороны, пустыми словечками о праве и прочей болтовней идеологического характера, столь свойственной демократам и французским социалистам, вновь затемняют то реалистическое мировоззрение, которое с таким трудом прививалось к нашей партии и теперь, наконец, пустило в ней корни.

Оставляя в стороне сказанное выше, я должен указать, что вообще было ошибкой поднимать столько шуму вокруг так называемого распределения и делать его центром внимания.

Распределение средств потребления в каждое данное время есть только следствие распределения самих условий или факторов производства. Но распределение последнего рода обусловлено характером самого способа производства. Капиталистический способ производства, например, покоится на том, что вещественные факторы производства, в форме собственности на капитал и земельной собственности, находятся в распоряжении не-работников, между тем как рабочие массы являются лишь собственниками личных факторов производства, т. е. рабочей силы. Если элементы производства распределены таким образом, то этим само собой дано и современное распределение средств потребления. Если вещественные факторы производства составляют кооперативную собственность самих рабочих, то этим опять-таки само собой дано иное, совершенно отличное от нынешнего, распре-

ление средств потребления. Манеру рассматривать способ распределения независимо от способа производства вульгарный социализм (а от него уже и часть демократов) усвоил от буржуазных экономистов. Отсюда уже и манера вульгарных социалистов изображать социализм вращающимся, главным образом, вокруг вопросов распределения. Но к чему теперь, после того как действительное взаимоотношение между производством и распределением давным-давно выяснено, снова возвращаться назад?».

О том же предмете Маркс более обстоятельно высказывается в оставшемся после него отрывке «Введения к критике политической экономии». Этот отрывок издан мною вместе с сочинением Маркса: «К критике политической экономии». В нем имеется особая глава, посвященная «Производству и распределению» (стр. XXVIII и сл.). В ней, между прочим, говорится:

«Организация распределения целиком определяется организацией производства. Распределение само есть продукт производства не только по своему содержанию, в том смысле, что только результаты производства могут быть распределяемы, но и по форме, ибо особый вид участия в производстве определяет и особую форму распределения, ту форму, в какую отливается участие в распределении». (Стр. XXIX).

Это становится ясным на примере капиталистического производства. Оно есть определенное производственное отношение между рабочим и владельцем средств производства, капиталистом. Из этого отношения следует, что владельцу средств производства принадлежит собственность на произведенные посредством них продукты. Но вырученную за них стоимость он не может удержать у себя целиком, так как процесс производства должен продолжаться. Свою закономерность процесс этот проявляет не как однократный, но как постоянно возобновляющийся процесс, как процесс воспроизводства. Этой закономерности вынужден подчиниться и капиталист. Часть вырученной суммы он затрачивает на покупку нового сырья, вспомогательных материалов, угля, смазочного масла и т. д., на поддержание в исправном виде машин и зданий и т. д. Сами законы конкуренции заботятся о том, чтобы капиталист постоянно под-

держивал свое предприятие на должной высоте и расширял производство, что вызывает необходимость в новых приобретениях и новых постройках. Определенную сумму денег капиталист должен иметь на готове, чтобы расплатиться с рабочими и уплатить государственные и городские налоги. Способ распределения реализованной им стоимости продукта предписан ему производственными и общественными отношениями, и он не может располагать ею по собственному усмотрению. Это он может делать только с той частью ее, которая ему остается в качестве его потребительного фонда.

Подобно этому и в социалистическом обществе условия производства будут предписывать обществу определенные виды распределения продукта. И этим предписаниям общество должно будет подчиниться, не взирая ни на какие формулы справедливости, намеченные к осуществлению.

С переходом частной собственности на средства производства в коллективную собственность общество становится господином всех продуктов, создаваемых трудом его членов. Но в действительности к обществу перейдет лишь право распоряжения потребительным фондом прежних собственников средств производства, капиталистов и землевладельцев. Даже и этот фонд — не целиком, так как социалистическое общество должно будет дать работу бывшим собственникам и оплатить ее. Остаток потребительного фонда капиталистов сливается теперь с фондом заработной платы и идет на увеличение оплаты труда. Но, как и при капиталистическом способе производства, вознаграждение рабочего будет находиться в теснейшей зависимости от процесса производства.

Конечно, при социализме рабочая сила перестает быть товаром. Ее цена уже не определяется спросом и предложением на рынке труда. Но заработная плата рабочего попрежнему не только в отношении высоты ее должна будет определяться ре-

зультатами процесса производства, но и в отношении формы должна будет подчиняться требованиям дальнейшего производства.

Оплата труда находится в теснейшем соотношении с техникой и психологией процесса труда.

В наше время капиталист избирает различнейшие формы оплаты труда, в зависимости от своеобразия различных видов труда. Одни рабочие получают аккордную плату, другие — почасовую. Некоторым он дает сырье на дом и оплачивает готовый продукт. Его служащие и должностные лица вознаграждаются месячным или годовым жалованьем.

Подобно этому и социалистические предприятия должны будут прибегать к различнейшим видам вознаграждения труда, в зависимости от характера выполняемой работы. Ибо, если рабочая сила и перестала быть товаром, то все же влияние спроса и предложения исчезает не вполне. Правда, никаких смен оживления и застоя на рынке труда тогда уже не будет и, следовательно, не будет и соответствующих им резких колебаний заработка. Но все же различия между работами разного рода останутся и будут работы приятные и неприятные, легкие и тяжелые. Если у нас не будет трудовой повинности, то, при одинаковой оплате труда, для работ первого рода будет излишек рабочих рук, для работ второго рода — недостаток их. Для соблюдения необходимого соотношения в работах разного рода придется прибегнуть, как к единственному средству, к увеличению притягательной силы избегаемых работ, к повышенной их оплате, или к сокращению продолжительности рабочего дня при сохранении средней платы, что, по существу, одно и то же.

Следовательно, распределение общественного продукта между отдельными работниками будет совершаться не по принципу справедливости, как бы ни формулировать его, но соответственно условиям и требованиям производства.

3. Собственность и организация.

Решающее значение для социализма имеет не установление формулы справедливого распределения, но отмена эксплуатации пролетариата, следовательно, отмена всякого нетрудового дохода: прибыли, процента на капитал, земельной ренты. Но устранить эти виды нетрудового дохода возможно лишь путем отмены частной собственности на средства производства.

Что суть дела для социалистов заключается именно в этом, а не в распределительном масштабе, давно является истиной для нас, марксистов. Однако, мы представляли себе эту проблему гораздо проще, чем она вырисовывается перед нами теперь. Преобразование частного предприятия в общественное, государственное и т. д. представлялось нам трудным исключительно потому, что собственник предприятия был в то же время его руководителем, и мы сомневались, возможно-ли дальнейшее существование предприятия без его собственника. Однако, экономическое развитие само собой все больше устраняло эту трудность. Чем крупнее становилось предприятие, тем больше собственник его вынуждался передавать функции управления предприятием наемным лицам. В конце концов, все функции по ведению дела переходили от собственника предприятия к его служащим. На этой стадии развития процесс отделения функций управления предприятием от личности его собственника или права собственности на него заходит так далеко, что принимает наглядное выражение в форме акционерного общества. Здесь исчезает и тень необходимости в собственнике, как руководителе предприятия.

Развитие в этом направлении ускоряется еще более, благодаря об'единению предприятий одной и той же отрасли промышленности в синдикат, доставляющий им монопольное положение в данной отрасли и упраздняющий самостоятельность отдельных предприятий, а внутри них «частную ини-

циативу» предпринимателя в важнейших вопросах производства.

Там, где развитие достигло такой ступени, переход к социалистической собственности и общественному управлению производства казался нам столь простым, что представлялся лишь вопросом силы. Казалось, раз пролетариат овладел государственной властью, нет ничего проще, как передать все акции в собственность государства и подчинить его предписаниям управление синдицированными предприятиями.

Оказалось, однако, что проблема не так проста, как она нам представлялась. Уже опыт последних лет доказал нам это, хотя он самой проблемы еще не коснулся, а лишь привел нас к ее порогу, ибо русский эксперимент в счет итти не может: он есть попытка с негодными средствами, предпринятая над негодным об'ектом.

Выпуская в свет в 1872 году второе издание Коммунистического Манифеста, Маркс и Энгельс отметили, что он местами устарел:

«А именно, Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей».

Выше мы подробно останавливались на этой цитате из Марксовой «Гражданской войны во Франции». Но то, что он говорит о государственной машине, можно сказать и о производственном механизме капиталистического общества, который пролетариат находит в «готовом виде». Также и этим механизмом он «не может просто овладеть и пустить его в ход для своих собственных целей».

Как государственную машину, так и этот механизм, рабочий класс должен сперва приспособить к своим целям.

Основой капиталистической промышленности является крупное производство с широко разветвленным разделением труда. Каждое предприятие в отдельности представляет собой огромный организм с многочисленными органами, одушевленными и неодушевленными, каждый из которых вы-

полняет особую функцию, а все вместе представляют гармоническое сочетание функций, направленное к тому, чтобы без трений, без потери времени, сообща произвести законченный продукт. Великая заслуга капитализма заключается в том, что он довел организацию производства в предприятии до такой высокой степени совершенства. Для создания такой организации становятся все более необходимы не только исключительные организаторские способности и практический опыт во всех частностях сложного процесса труда, но и солидная научная подготовка.

Эту организацию социализм должен принять от капитализма. Она составляет одну из его предпосылок. Но организация эта создана не для потребностей производства вообще, но для потребностей капиталистического производства, т. е. для единодержавия, автократии, диктатуры капиталиста, или его заместителей, в предприятии. Как всякая диктатура или деспотия, она предполагает неспособных к сопротивлению подданных.

Подобно государственной машине, производственный механизм должен быть приспособлен к целям пролетариата. Как там, так и здесь место автократии должна занять демократия.

При этом, однако же, главную роль играет следующее различие. В 1872 году, когда Маркс и Энгельс писали вышеприведенные слова, крупные военные монархии еще существовали; рабочий класс, конечно, не мог просто приспособить к своим целям государственный аппарат этих монархий. Но с тех пор всюду — за исключением России с ее военной диктатурой и некоторых из ее соседей — военные монархии исчезли и заменены демократией еще до овладения пролетариатом политической властью. Пролетариату остается только усовершенствовать эту демократию, но не создавать ее заново.

Напротив, капиталистическое предприятие целиком еще покоится на том принципе, что капиталист — «хозяин в доме». Профессиональным союзам

удалось ограничить несколько его власть в предприятии, но она далеко еще не сломлена. Дальнейшим ограничением власти предпринимателя явились заводские советы. Однако же, все это только начало. Почти всюду еще приходится целиком создавать демократическую конституцию в предприятии, которая положила бы конец капиталистической автократии, не уменьшая, но, по возможности, увеличивая продуктивность предприятия и его способность к приспособлению.

Но этой реорганизацией экономическая задача социализма не исчерпывается.

Промышленный капитализм сумел мастерски организовать процесс производства внутри отдельных крупных предприятий. Но в кругооборот хозяйственного процесса входит не только процесс производства, но и процесс обращения, процесс купли и продажи. Первобытное крестьянское хозяйство, само производящее все, что потребляет, и само потребляющее все, что производит, может существовать и без процесса обращения продуктов между отдельными хозяйствами. Но без него не может существовать общество с разделением труда между отдельными отраслями производства. Для того чтобы производить, фабрики должны закупить сырье и уголь, а также обеспечить себя рабочей силой. Но ее производству скоро наступит конец, если она не обеспечит сбыта своих продуктов.

В противоположность крепкой, зачастую гениальной организации процесса производства в капиталистическом предприятии, процесс обращения долгое время был лишен какой бы то ни было организованности, отмечен печатью анархии, предоставлен «свободной игре сил». Он и по сей день находится еще в крайней запущенности. Именно здесь происходят наибольшие трения в хозяйственном процессе и наибольшая расточительность хозяйственных благ. Именно в этой области скорее всего представляется возможность проведением плана и организации повысить производительность труда

социалистического хозяйства по сравнению с капиталистическим.

Но проблема, стоящая здесь перед нами, огромна по своим размерам. Трудности ее разрешения все возрастают по мере развития мирового обращения, по мере того как процесс обращения даже единичного крупного предприятия все больше охватывает все страны мира, откуда оно получает сырье, вспомогательные материалы, орудия труда, и где ищет сбыта для своих продуктов.

В деле организации процесса обращения капитализм оставляет своему преемнику лишь слабые начатки, значение которых почти ничтожно. В упомянутых выше синдикатах и трестах многие видели начало такого рода организации. Но каждый из них охватывает одну отрасль промышленности, и регулирующая деятельность сводится, таким образом, лишь к установлению единообразия условий сбыта и к распределению областей сбыта между своими отдельными членами. Проблема же организации обращения состоит в планомерном установлении урегулированных отношений между различными отраслями производства, в поддержании пропорциональности и правильного соотношения между ними.

Задача усложняется еще тем, что до сих пор побудительной силой и регулирующим фактором процесса обращения была прибыль. Капитал устремляется в те местности и отрасли производства, которые дают прибыль выше средней, и производство в них возрастает. Капитал отливает из тех областей, где прибыль ниже средней, и производство в них сокращается.

Без этого регулирующего влияния прибыли капиталистическое хозяйство очень скоро погибло бы в пучине анархии.

Но стремления пролетариата, стало быть, и социализма направлены к тому, чтобы отменить всякую эксплуатацию и, следовательно, упразднить прибыль. Отсюда возникает задача не только организовать обращение, но и сделать это таким об-

разом, чтобы упразднение прибыли, этого прежнего регулятора производства, стало возможным без нарушения правильного хода хозяйственной жизни.

Создание этой новой организации, как внутри отдельного предприятия, так и внутри всего хозяйства в целом, и составляет, в собственном смысле слова, экономическую задачу победоносного пролетариата. Преобразование собственности на средства производства находится в тесной зависимости от разрешения этой задачи и может поэтому осуществляться лишь постольку, поскольку новая организация производства и обращения становится возможной. По сравнению с этим урегулирование распределения является вопросом совершенно второстепенного порядка.

Задача, формулированная выше, является одной из огромнейших и труднейших задач, какие мировая история когда-либо ставила победоносному классу.

Ясно заранее, что разрешить ее с наскоку невозможно. Столь же невозможно разрешить ее по указке диктатора, как бы гениален и всеведущ он ни был. Ее решение требует таких организаторских способностей, практического опыта и научных познаний, какие даже самый великий из смертных не в силах сочетать в одном лице. Теснейшее сотрудничество, неутомимая и самоотверженная работа лучших сил экономической теории и практики необходимы для того, чтобы осилить эту задачу и постепенно, шаг за шагом, приблизить ее к разрешению.

Нет ничего гибельнее, как недооценить трудности задачи и легкомысленно и беззаботно взяться за ее решение.

Опять-таки и в этом пункте Ленин дает нам страшный пример такого легкомыслия в своей, нами много раз цитированной книге. Мы уже видели, какими простыми кажутся ему задачи современного государства. Столь же просто представля-

ет он себе и организацию производства. Он указывает на создаваемые развитием капитализма предпосылки участия всего населения в управлении государством. К таким предпосылкам относятся «поголовная грамотность, затем обучение и дисциплинирование миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банкового дела и т. д. и т. д.».

Ленин, повидимому, полагал, что Россия в 1917 году уже достигла такой «более высокой стадии» развития. По крайней мере, он действовал так, как будто исходил из такого именно предположения. Он продолжает:

«При таких экономических предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их — в деле контроля за производством и распределением, в деле учета труда и продуктов — вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно-образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим).

Учет и контроль — вот главное, что требуется для налаженья, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи ответственных расписок».

«...Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы». («Государство и революция», стр. 96 и 97).

Нет, общественный производственный аппарат столь упрощенной природы, что любой грамотный человек в состоянии организовать его и руководить им, такой аппарат производства, в котором руково-

дителям нечего больше делать, как только надзирать за работой и выплачивать каждому рабочему равную плату, — это не фабрика, а каторжная тюрьма. Самая простая фабрика, и та пред'являет более высокие требования к своим руководителям, — что же сказать о руководстве всей совокупностью общественного труда.

Так примитивны были экономические понятия даже наиболее значительных представителей большевизма в те времена, когда большевики готовились к захвату власти. Конечно, это легендарное невежество было для большевизма, в известном смысле, счастьем. Только это невежество придало большевизму ту смелость, благодаря которой он достиг власти в огромнейшем государстве Европы. Но для России и коммунизма счастье было не так велико.

Дело экономической революции пролетариата должно одушевляться не слепо штурмующей смелостью и полным пренебрежением к трудностям, преграждающим ему путь. Нам, социалистам, более подобает самое добросовестное изучение каждого шага, который мы делаем вперед по пути к нашей цели. Революционный темперамент, не останавливающийся перед разрывом с путами прошлого, обладает великой творческой силой. Но он становится гибельным для дела, если не руководствуется и не умеряется научной основательностью.

4. Буржуазная и пролетарская революция.

а) Буржуазная экономическая революция.

Если для большевизма центр тяжести, как в сфере экономической, так и в сфере политической революции, лежит в беспощадности и смелости, то это обстоятельство лишь отчасти надо приписать первобытности его понятий о капиталистическом способе производства. Только отчасти, но не исключительно, ибо и в этом пункте снова сказы-

вается, до какой степени большевизм пропитан воззрениями буржуазной революции.

В области экономической, как и в области политической, буржуазная революция коренным образом отличается от революции пролетарской. Уже из противоположности экономической цели той и другой революции это следует с очевидной ясностью. Пролетарская революция стремится устранить тот капитализм, наиболее полное и быстрое развитие которого имела целью буржуазная революция.

Но различие обоих революций лежит не только в их цели, но и в их методах.

Буржуазной экономической революции не было надобности организовывать никаких новых форм производства и обращения продуктов. Ее задача заключалась просто в том, чтобы освободить от феодальных тягот и стеснений те формы производства, которые уже существовали. После революции, как и до нее, мелкое производство и, особенно, крестьянское производство, составляло преобладающую форму производства. Капиталистические предприятия составляли еще редкость и, как правило, производили лишь предметы роскоши. Революция, конечно, создала ту основу, на которой капиталистическое предприятие для удовлетворения нужд массового потребления могло стать господствующей в обществе формой производства, но создавать такие предприятия или вызывать образование их не входило в задачи буржуазной революции. Разумеется, ее задачи не были только отрицательного характера. Перед нею стояли задачи организации нового государства, создания нового права. Но в экономической области ее задача выступала с очевидной ясностью и была сравнительно легка: отмена феодальных поборов и привилегий. При этом ни крестьянину, ни ремесленнику не было нужды вводить какие-либо перемены в производство: оно шло попрежнему, только с меньшими затруднениями. Крупное производство феодалов, конечно, лишилось рабочих рук, в лице обя-

занных барщиной крестьян. Но ничто не мешало помещику привлекать высокой платой тех же крестьян, которые и до этого надрывались в работе на него. При том же эти крупные помещичьи имения не имели большого значения, и хозяйство в них велось крайне нерационально. Если помещик не переходил к наемному труду, то он раздроблял имение на мелкие участки, которые продавал или сдавал в аренду мелким крестьянам. Но это означало лишь расширение сферы крестьянского хозяйства, уже существующего, и в экономическом отношении не представляло ничего существенно-нового. Таковы же были экономические результаты и в тех случаях, когда революция, не ограничиваясь отменой феодальных поборов, прибегала к конфискации помещичьих имений, с целью раздела их на мелкие участки и продажи частным лицам.

Феодальный собственник стал совершенно лишним. Феодальные поборы нигде не были общественной необходимостью. Без долгих рассуждений можно было их сразу отменить для всего государства, для всех предприятий и всех отраслей производства. Экономическая жизнь не только не приходила в замешательство от этого, но, наоборот, получала толчок к дальнейшему развитию.

В защиту большевизма часто приводили тот довод, что революция в начальной стадии своей всегда вносит известное замешательство в экономическую жизнь и потому неизбежно связана с некоторым ростом нужды. Это верно, конечно, в отношении буржуазных революций, но и то лишь — в отношении политической их стороны. Эта сторона буржуазной революции осуществляется в обстановке насильственного свержения правительственной власти, в обстановке беспорядков и гражданских войн, всегда влекущих за собой большие экономические потери. Эти последние возрастают еще больше, если на ряду с гражданской войной идет внешняя война революционных государств с государствами реакционными. Крушение государственного аппарата власти вы-

зывает приостановку поступления налогов, вследствие чего государство вынуждено прибегать к печатному станку для покрытия своих расходов, а наплыв бумажных денег ведет ко все большему обесценению денег и к чрезвычайной неустойчивости экономической жизни.

С преодолением, однако, этих последствий политической революции, экономическая жизнь быстро восстанавливается. Мелкое производство, в особенности крестьянское хозяйство, носящее почти самодовлеющий характер, продолжает и во время революции итти прежним ходом всюду, за исключением театра военных действий. Приток свежих сил, вызванный отменой феодальных повинностей, помогает ему быстро оправиться от опустошений, причиненных войной. С прекращением гражданской войны и террора в производстве наступает быстрый расцвет.

Стало быть, временное нарушение регулярного хода экономической жизни есть следствие политической революции, но не вызвано быстротой, беспощадностью и однообразием мероприятий экономической революции. Характер этой последней обусловлен самой сущностью экономических задач буржуазной революции.

В период буржуазных революций правительства кое-где сами осуществляли многие из революционных экономических требований, не доводя дела до политической революции, из боязни-ли перед революцией вообще или из опасения экономического краха государственности, неизбежного при дальнейшем существовании остатков феодализма. Подобные требования, как, напр., освобождение крестьян, могли в таких государствах столь же быстро, одним ударом, быть осуществлены во всей стране путем реформы сверху, как и путем революции. Реформистский метод отличался от метода революционного не тем, что первый проводил в жизнь данное преобразование медленно, шаг за шагом, между тем как метод революционный осуществлял его сразу. При соответствующих обстоя-

тельствах освобождение крестьян абсолютистским правительством, напр., в России в 1861 году, могло быть осуществлено точно также одним актом, как и освобождение крестьян Великой Французской Революцией, потребовавшее для своего осуществления также нескольких лет.

Необходимое основное различие между реформистским и революционным методом лежит, стало быть, не здесь, не в быстроте и единообразии, но в его беспощадности.

Исходной точкой реформы не является изменение в соотношении сил отдельных классов в государстве. Феодальная аристократия, извлекающая пользу из феодальных повинностей, сохраняет свое влияние на правительство, проводящее реформу. Благодаря этому влиянию, реформа проводится таким образом, что она не только не вредит крупному землевладению, но даже приносит ему выгоду. Крестьянин должен заплатить, и дорого заплатить, за свое освобождение или деньгами, или землей, уступаемой им землевладельцу. Владения этого последнего увеличиваются; одновременно с этим он получает и деньги для закупки инвентаря и найма рабочих и, таким образом, переводит свое имение на современную, рациональную основу крупного производства. К сожалению, он не использует этих возможностей в достаточной мере. Для него гораздо удобнее полученную от крестьян землю сдать им в аренду по дорогой цене, арендную же плату вместе с выкупными платежами прокутить в столице собственного государства или за-границей. Таким образом, освобождение крестьянина путем реформы является для него тяжким бременем, между тем как революционный метод немедленно улучшает его положение.

Реформой не устраняется также и противоположность интересов между крестьянином и крупным землевладельцем. Она принимает лишь новые формы, но сохраняется еще в течение десятилетий. В России она была одной из сильнейших движущих сил революции 1917 года.

б) Пролетарская экономическая революция.

Как политическая, так и экономическая революция пролетариата воспринимались обычно его революционными представителями целиком по образцу буржуазной революции. Соответствующие места из сочинения тов. Люксембург о «Русской революции» нами уже приводились выше. Она не делает — и тут она типичная большевичка — никакого различия между буржуазной и пролетарской революцией. Ее наблюдения над буржуазными революциями имеют для нее доказательное значение по отношению ко всякой великой революции вообще.

Выше мы уже видели, что оба рода революций различаются тем, что исходным пунктом буржуазной революции является абсолютизм, исходным же пунктом пролетарской революции является демократия. Для первой гражданская война — необходимое средство достижения цели, тогда как для пролетарской революции гражданская война представляет собою ненормальное явление.

Пролетарская революция может осуществляться без применения насилия, самым законным путем, и экономическая пролетарская революция окажется тем успешнее и плоды ее тем долговечнее, чем более мирной будет обстановка, в которой она происходит.

Ибо об'ект у нее совсем не тот, что у буржуазной революции. Это уже не простой, малочувствительный организм, покоющийся на основе мелкого производства, совпадающего с семейным хозяйством натурального типа. Об'ектом экономической революции пролетариата является чрезвычайно сложный организм, с крайней чувствительностью, подобно всем высоко-развитым организмам, и с бесконечно разветвленным разделением труда между его органами. Он находится в теснейшей зависимости от других многочисленных хозяйственных организмов, зачастую разбросан-

ных по всему миру. Правда, организм этот в высшей степени обладает способностью к приспособлению, поразительный пример чего мы наблюдали лишь недавно, с наступлением мировой войны и быстрым приспособлением крупной промышленности к требованиям военного времени; однако-же, для сохранения его жизнеспособности необходим сведущий организатор и руководитель.

Примитивное мелкое предприятие не нуждается вообще в организаторе, ибо единственное разделение труда, в нем существующее, это самой природой данное разделение труда между мужчиной и женщиной. Руководство здесь заранее принадлежит главе семьи, который зачастую является единственным работником предприятия. Знание дела работник приобретает еще ребенком, наблюдая деятельность старших. Все нужные ему познания дает обычай. Организация же современного крупного предприятия и управление им требует, напротив, обширной научной подготовки, как в техническом, так и в экономическом отношении, и постоянного наблюдения за развитием науки и рынка. Без таких познаний совершенно невозможно успешно руководить крупным предприятием, держа его на уровне современных требований. Отсюда ясно, как велик должен быть вред, если какой-нибудь невежда неуклюже или грубо берется за столь сложный организм, чтобы сделать в нем нововведения или даже вовсе поставить его на-голову.

В мелком предприятии, напротив, соответственно его размерам не велики и убытки от того или иного неудачного эксперимента. Оно может позволить себе держаться принципа: опыт выше науки. Для крупного же предприятия этот принцип убийственен.

При том же, в эпоху буржуазной революции, мелкое производство крайне редко вынуждается к нововведениям. Оно в высшей степени консервативно.

Капиталистический способ производства, наоборот, постоянно переживает все новые перевороты в производственном процессе. Непрерывно, то в одной, то в другой отрасли производства делаются новые открытия, оказывающие глубочайшее влияние не только на эту отрасль, но и на другие связанные с ней отрасли. Беспрерывно расширяется сфера обращения, открывая новые рынки, новые слои потребителей с новыми требованиями и т. д.

Если на мелком предприятии не отражаются резкие нарушения производства, не влекущие за собой прямого его разрушения, то в тем большей степени отражаются они на крупном. Но, с другой стороны, для крупного предприятия в такой же мере легко приспособиться к новым условиям производства, в какой это трудно для мелкого, консерватизм которого чрезвычайно велик.

И это последнее обстоятельство весьма благоприятно для нас, потому что различие пролетарской экономической революции от буржуазной состоит не только в различии ее о б ' е к т а, — здесь крупное производство, там мелкое, — но в различии ее з а д а ч и.

Буржуазной революции ничего изменять не приходится в унаследованных ею формах производства; она должна лишь освободить их от феодальных пут. Наоборот, для пролетарской экономической революции главная задача состоит в том, чтобы унаследованные ею формы производства и обращения приспособить к потребностям рабочего класса таким образом, чтобы удовлетворить его и как производителя, и как потребителя.

Способ разрешения этой задачи не так прост и очевиден, как, скажем, отмена таких-то и таких-то феодальных поборов. Он должен быть основательным образом исследован и подготовлен, для чего требуется время, — разумеется, время не для боязливого мешкания и уж вовсе не для враждебного саботажа новых мер, но для неутомимой, добросовестной работы.

Но, если к тем трудностям, которые заложены в самом существе задачи, присоединяются затруднения политического характера, подобные тем, какие неизбежны в буржуазных революциях, то можно сказать наперед, что разрешение задачи невозможно. Эти затруднения экстраординарного порядка, наплыв бумажных денег, гражданские войны, произвол диктатуры, никакими законами не ограниченный, делают совершенно невозможным установление прочного хозяйственного плана, учет и определение условий и факторов производства, лишают производственный процесс какой бы то ни было планомерности и низводят общество до такого уровня, когда оно живет, лишь перебиваясь со дня на день.

При таких условиях мелкое предприятие еще может держаться кое-как. Его средства производства, по большей части, могут быть восстановлены с сегодня на завтра. Но современное крупное предприятие, оборудование которого соответствующими средствами производства и обращения зачастую требует многих лет, обречено при этих условиях на верную гибель.

Есть социалисты, для которых радикализм поведения независимо от его целесообразности при всех и всяких обстоятельствах является первейшим долгом. Такого рода «левые» социалисты очень любят употреблять такой образ: дело идет о постройке нового социального здания; поэтому старое здание, в котором мы живем, должно быть снесено до основания.

Надо прежде всего заметить, что образ этот не совсем удачен, ибо общество никак нельзя уподобить зданию, которое строится по определенному плану. Его, скорее, можно сравнить с организмом, который растет и развивается. Но если уже непременно держаться этого образа, то нельзя забывать одного: то место, на котором стоит старое здание, есть единственное место, где мы можем жить, производить, существовать. Куда же нам

деться на то время, когда старый дом уже разрушен, а новый еще не готов?

Держась прежнего примера, нужно сказать, что новое здание может быть создано только путем перестройки старого, причем во время этой перестройки мы продолжаем жить в старом здании. Задача пролетарской революции состоит не в быстрой и беспощадной ломке его, но в тщательном изучении его для наиболее целесообразного использования в качестве основы для нового здания. С этой целью Маркс лучшую часть своей жизни посвятил изучению капиталистического способа производства, что было бы совершенно излишне, если бы вся наша задача по отношению к капиталу сводилась просто к наискорейшему и беспощаднейшему его уничтожению.

Если продолжить прежнее сравнение с домом, чтобы показать различие между экономическими задачами буржуазной и пролетарской революции, то можно сказать, что буржуазной революции только в политической части приходится делать новую пристройку к зданию, но не в экономической. Ей не приходится наново перестраивать здания, в котором общество ведет свое хозяйство. Но на крыше здания скопилось много снегу, грозившего своею тяжестью продавить крышу и разрушить здание. Тогда пришлось разбить ведущие на крышу запертые двери и немедленно со всей энергией очистить крышу от снега.

в) Конфискация или выкуп.

С экономической революцией дело, следовательно, обстоит как раз обратно тому, что мы наблюдаем в области революции политической. Революционной буржуазии пришлось в политической сфере преодолеть гораздо большие препятствия и разрешить гораздо более трудные задачи, нежели это предстоит пролетариату при завоевании политической власти в условиях демократического строя. Политической революции

буржуазии предстояло разбить вооруженной силой власть абсолютизма и создать совершенно новый государственный строй. Наоборот, политическая революция пролетариата, как правило, имеет перед собой, в результате буржуазной революции и последовавшего за ней развития, демократическое государство, достаточно развитое, чтобы стать орудием освобождения пролетариата, как только этот последний достигнет необходимой силы.

В противоположность этому задача экономической революции буржуазии состоит, прежде всего, в том, чтобы устранить экономические стеснения и препятствия феодального строя, не создавая никаких новых форм организации экономической жизни. Наоборот, экономическая революция пролетариата имеет перед собой грандиозную задачу: из отдельных разрозненных камней, в виде крупных предприятий, доставшихся ей от капитализма, она должна построить новое социальное здание огромных размеров на том же самом месте, на котором стоит старое здание капиталистической системы производства.

Но этим трудности созидательной задачи социалистической революции отнюдь не исчерпываются.

Для буржуазной революции задача облегчалась тем, что к началу ее феодальные и цеховые формы производства уже повсюду отжили свой век, стали не только излишними, но и вредными для хозяйственной жизни. В стране, созревшей для революции, их можно было сразу отменить во всех отраслях производства без исключения.

К началу пролетарской революции дело обстоит не так. С падением феодализма капиталистический способ производства развивался лишь шаг за шагом. В различных областях хозяйственной жизни уровень его развития неодинаков. Мы встречаем не только такие области, в которых частно-хозяйственное производство давно превратилось в монополию и неотложно требует социализации, но и такие, в которых его немедленная отмена совершенно немыслима.

Все социалисты, в последние годы занимавшиеся проблемами социализации, согласны в том, что она может быть осуществлена только постепенно, шаг за шагом, и что значительная часть производства еще в течение десятилетий будет сохранять капиталистическую форму.

Отсюда возникает огромная и трудная проблема: ввести общественное производство и общественную собственность на средства производства при одновременном частичном сохранении и даже преуспеянии капиталистического производства.

Ибо нет ничего ошибочнее того мнения, будто задача победоносного пролетариата состоит в том, чтобы, едва овладев властью, немедленно привести капитализм к возможно полной остановке. Такою мерой пролетариат нанес-бы вред не только капиталистам, но и самому себе. Ибо, с остановкой производства, все общество, в том числе и пролетариат, идет к гибели. Где и покуда социалистическое производство невозможно, там продолжение капиталистического производства является насущной необходимостью также и для пролетариата. Как ни резка противоположность интересов капитала и труда, все же общее у них то, что и тот, и другой наиболее преуспевают при быстром обороте и росте капитала. Во времена расцвета растет и прибыль, и заработная плата. В периоды кризиса падают обе.

Поэтому победоносный пролетариат имеет все основания к тому, чтобы не только обеспечить возможность дальнейшего существования капиталистического производства во всех областях, не созревших для немедленной социализации, но и позаботиться о том, чтобы меры социализации не вызывали экономических кризисов. Пролетариат заинтересован в том, чтобы в капиталистических предприятиях производство попрежнему шло полным ходом.

Но дальнейшему существованию капиталистического производства угрожают не только рабочие, полагающие, что их победа означает немедленное

прекращение всякой работы на капиталистов. Такая угроза исходит и со стороны самих капиталистов, для которых, естественно, господство пролетариата является бельмом на глазу. Если мы ожидаем, что демократия даст возможность достаточно окрепшему пролетариату достичь власти без применения вооруженной силы, что она лишит буржуазию средств вооруженного сопротивления, то этим вовсе не подразумевается, будто капиталисты покорно подчинятся судьбе и откажутся от попытки прибегнуть к иным формам противодействия. Они полностью используют все формы противодействия, применимые в обстановке демократии и щедро применяемые ими и в настоящее время — подкуп, введение в заблуждение рабочих масс, внесение раскола в ряды пролетариата. От степени зрелости последнего будет зависеть, насколько бессильными окажутся эти методы противодействия капиталистов пролетарской власти.

Но в распоряжении капитала имеется еще другое могучее средство, соответствующее такому же средству пролетариата: стачка. Подобно рабочему, и капиталист также может прекратит производство, оказывая, таким образом, давление на общество. Этим он, правда, как и рабочий, наносит экономический вред самому себе, причем продолжительная остановка предприятия означает для него даже полное разорение.

Не исключена, однако, возможность, что капиталисты прибегнут к этому последнему средству отчаяния, к стачке, если рабочее правительство постановит все те предприятия, которые оно намерено социализировать, конфисковать, не уплачивая их владельцам никакого вознаграждения.

К чему тогда остальным капиталистам продолжать производство, если завтра же их предприятия может постигнуть та же судьба? Нет никаких мотивов, могущих их удержать от попытки внезапным кризисом производства, всеобщей безра-

ботицей и голодом привести к крушению ненавистный социалистический строй.

Большевистски-настроенный социалист прибегнет в этом случае к тому средству, которое вообще у него всегда под рукой для устранения всяких трудностей, — к силе.

Прежде всего можно постановить: всякий капиталист, прекративший производство, карается конфискацией предприятия. Такое наказание едва-ли произведет сильное впечатление, раз конфискация есть все равно тот удел, который рано или поздно грозит каждому капиталистическому предприятию. Оно могло бы оказать нужное воздействие только в том случае, если бы к остановке производства, как к средству борьбы, прибегли только единичные предприниматели. Их предприятия можно было бы конфисковать и продать или сдать в аренду другим предпринимателям, обязующимся возобновить производство. Правда, и в этом случае возникает вопрос, найдутся-ли такие смельчаки, которые вложили бы капитал в предприятие, зная заранее, что через несколько лет оно все же будет у них конфисковано.

Во всяком случае, конфискация, как мера наказания, является совершенно непригодным средством, если к стачке примыкает весь класс капиталистов или хотя-бы только его значительная часть. Социалистическое правительство очень скоро имело бы у себя на шее много тысяч обанкротившихся предприятий, для управления которыми оно не располагало бы никаким аппаратом, ибо, согласно нашему предположению, все, что для социализации созрело, уже социализировано. В результате получился-бы полнейший экономический крах нового пролетарского режима.

Наш большевиствующий товарищ думает, конечно, что это было бы следствием слабости и нерешительности социалистов, стоящих у власти. Они, мол, должны пойти дальше, если угроза немедленной конфискации не оказывает нужного действия. Они должны, просто-на-просто, каждого со-

противляющегося капиталиста заставить под страхом смертной казни продолжать производство.

К сожалению, принудительный труд есть самый несовершенный вид труда. Его результаты тем менее удовлетворительны, чем чувствительнее инструменты труда и чем сложнее организация производства.

Советское государство познало эту истину на собственном опыте; оно познало ее уже на опыте с простейшими видами труда и с особенной ясностью — на опыте с трудом интеллигенции. Ленин, как мы видели выше, тешил себя надеждой, что инженеры, агрономы и пр., подчиняясь вооруженным рабочим, будут работать еще лучше, чем при капиталистах. Опыт, однако, скоро показал ему, что острие штыка не есть подходящее средство для возбуждения охоты к труду.

И после этого хотят террористическими мерами принудить капиталистов выполнять свои функции! Правда, такими мерами можно было бы избежать острого кризиса в форме внезапной остановки всего капиталистического процесса производства с тем лишь, однако, чтобы заменить его не менее опасным и изнурительным кризисом в скрытой форме с неизбежным распадом производства. Пусть красногвардейцы каждый день приводят капиталиста под конвоем в фабричную контору, но разве могут они заботиться о том, чтобы на фабрике работали прилежно и с толком? Могут-ли они следить за деловой корреспонденцией и заботиться о своевременном снабжении сырьем и углем, о поддержании машин в должном виде, о своевременном востребовании платежей от должников и т. д.?

С этим, конечно, можно было бы справиться, если бы капиталистические функции, действительно, были доступны любому грамотному человеку, знающему четыре действия арифметики, и если бы эти функции, действительно, состояли только в учете труда и контроле за работой. Но что это не так, знает в настоящее время даже Ленин, который

изыскивает теперь иные способы, вместо принудительных, чтобы побудить капиталистов выполнять свои функции.

Но функции капиталиста не исчерпываются поддержанием хода производства в предприятии. Чрезвычайно важная историческая функция его состоит в накоплении капитала, в постоянном улучшении и расширении своего предприятия. Неужели и это должно выполняться принудительно?

Не принуждение, но заинтересованность, личная или корпоративная, является величайшей движущей силой в экономической сфере.

Пролетарский режим, для успешного противодействия саботажу тех капиталистов, в которых он еще нуждается, должен заинтересовать их в непрерывной деятельности и постоянном улучшении их предприятий.

Это невозможно, если социализация предприятий производится путем конфискации. Наоборот, это достижимо в том лишь случае,если предприятие, подлежащее социализации, отчуждается за небольшой выкуп. При этом выкуп должен явиться вознаграждением для тех капиталистов, которые держали свои предприятия на высоте современных требований и руководили ими, в деловом отношении, вполне успешно. Никакого выкупа не должно платить за предприятия, устаревшие, запущенные, убыточные, которые по большей части держатся лишь безмерной эксплуатацией рабочей силы.

Только таким образом возможно будет разрешить великую задачу: приступить к социализации процесса производства в тех областях, где это возможно, и одновременно с этим обеспечить не только сохранение, но и мощное развитие производства на капиталистической основе там, где условия для социализации еще не созрели.

Чем больше при этом удастся избегнуть экономических потрясений, чем большего удастся достичь путем мирного соглашения и чем меньше

придется прибегать и принудительному отчуждению, хотя бы и за вознаграждение, — тем лучше.

Это зависит, конечно, не от нашей доброй воли, но от предусмотрительности обоих сторон, равно как и от соотношения партийных сил. Чем могущественнее силы пролетариата, тем более уступчивы будут господа капиталисты. Но силы пролетариата будут тем могущественнее, чем успешнее сумеет социалистическое правительство организовать социалистическое производство. Наглядный метод пропаганды наиболее действителен.

Таким образом, социализация на первых порах встретится с величайшим сопротивлением, сила которого будет убывать постепенно, по мере расширения сферы социализации, — при том условии, конечно, что она с самого начала проводится достаточно продуманно и рационально. Русский пример своими результатами отнюдь не способствовал усилению агитационного влияния идеи социализации.

Но если капиталисты полностью будут вознаграждены, то какой же смысл имеют все хлопоты и борьба за социализацию?—спросит иной читатель. Вознаграждение экспроприированных капиталистов будет, по всей вероятности, осуществлено в форме выдачи им государственных облигаций, проценты по которым будут соответствовать сумме прибыли, до того времени получавшейся от социализированных предприятий. Можно бы уплатить выкуп также и наличными деньгами, полученными от займа, заключенного государством с этой целью. Но при любом способе вознаграждения капиталистов государство должно будет всегда удерживать для уплаты капиталистам процентов по своим обязательствам из доходов социализированных предприятий такую сумму, которая соответствуют прежней прибыли. Таким образом, в эксплуатации рабочих капиталом, повидимому, ничего не изменилось. Разница теперь лишь в том, что капиталисты вместо непосредственной эксплуатации рабочих, как то было раньше, делают это через посредство государ-

ства, которое для них и вместо них выполняет сию почтенную роль. Это возражение верно. Но ему нужно противопоставить следующее:

Даже при самой беспощадной конфискации предприятий, подлежащих социализации, прибыль, получающаяся из этих предприятий, не может пойти на увеличение заработной платы занятых в них рабочих. В противном случае рабочие, случайно занятые как раз на этих предприятиях, получали бы премию, неизвестно за что. Или рабочие социализированных предприятий должны быть поставлены в привилегированное положение по отношению к другим рабочим, случайно заброшенным суровою судьбой на предприятия, еще не созревшие для социализации?

И как можно было бы предотвратить наплыв рабочих в эти привилегированные предприятия? Должны-ли ранее занятые на них рабочие и их потомки получить, скажем, законом огражденное право преимущественного занятия мест в этих предприятиях и, таким образом, превратиться в наследственную аристократию?

Социализированные предприятия, конечно, должны быть образцовыми предприятиями и в деле улучшения условий труда итти впереди частных предприятий. Но они не должны ставить своих рабочих в особо привилегированное положение по отношению к другим рабочим.

Но могут возразить, что рабочие социализированных предприятий вовсе и не претендуют на получение прибыли с этих предприятий исключительно в свою пользу. Ее следует отдать всему обществу, но не частным капиталистам. На это нужно заметить, что для возвращения обществу возможного максимума из той прибавочной стоимости, которую присваивают капиталисты, имеется путь обложения крупных доходов, имуществ, наследств. Этот путь, который облагает весь класс капиталистов, а не единичных, случайных лиц, является наилучшим путем и в период начавшейся социализации. Социализация, конечно,

вносит изменения в это обложение, но лишь постольку, поскольку, по мере ее осуществления, производительный капитал, т. е. капитал, помещенный в промышленные предприятия, все больше уменьшается, превращаясь просто в рентный доход. Но доход рентьеров не только легче поддается налоговому обложению, но и размеры его могут, без всякого вреда для дальнейшего хода производства, быть чрезвычайно сильно сокращены.

Следовательно, обложение всего капиталистического класса—наилучший способ вернуть обществу проценты, уплачиваемые экспроприированным капиталистам по выкупным платежам за принадлежавшие им предприятия. Это и в экономическом отношении рациональнее и с точки зрения нашего нравственного чувства справедливее, нежели ограбление случайно попавшихся нам под руку единичных капиталистов, вносящее глубочайшее расстройство в хозяйственную жизнь.

Это, однако, не значит, что социализация не приносит рабочим реальных и значительных выгод. Они лежат лишь не в области немедленного повышения заработной платы. Мы уже видели, как в борьбе пролетариата с капиталом, сводившейся в начальной стадии исключительно к борьбе против нищеты, мотив этот все более отходит на второй план, сменяясь другим мотивом: борьбой за власть и свободу. Утрата власти будет и для капиталистов главной причиной их вражды к социализации, вражды неустранимой даже посредством хорошего выкупа. Было бы ошибочно ожидать, что таким выкупом можно приобрести и добрую волю капиталистов. Их злая воля останется, и нам придется от нее защищаться. Но она не будет проявляться в столь опустошительной для хозяйства форме, как саботирование производства. Экономическая заинтересованность капиталистов не допустит этого.

В социализированных предприятиях уже не царит самодержавная воля владельца. Как во всякой организации, в них имеется руководящий коллек-

тив, но он уже не независим от пролетариата, но действует по его полномочию: частью от имени государства, в котором господствует весь рабочий класс, в конечном счете, совпадающий со всем обществом, т. е. «потребителями», частью же от имени рабочих данной отрасли производства и данного предприятия, т. е. «производителей».

Думается, это одно уже составляет такой колоссальный прогресс, что ради него рабочим имеет смысл бороться, даже если их победа и не ведет к немедленному повышению заработной платы. Как не вспомнить горьких слов о том, что последняя германская революция была, в сущности, ничем иным, как борьбой за повышение заработка.

Это, однако, не значит, что борьба рабочих за повышение платы должна отойти на задний план. Если классовая борьба пролетариата уже не является исключительно борьбой против нищеты, то все же крайняя физическая нищета в обществе еще чрезвычайно велика. И даже относительно наилучше оплачиваемых рабочих нельзя сказать, что их заработок позволяет им достаточное участие в благах современной кульуры. Социализм был бы половинчатой мерой если бы его достижение принесло массам только демократию в предприятии, но не повышение благосостояния и более высокую культуру. Социализм принесет нам и то и другое, но не одновременно, не с одинаковой быстротой. Демократия предприятия должна итти впереди. Если она оправдала себя, если она экономизирует труд, чего мы и ожидаем от нее, то за этим неизбежно последует и рост благосостояния.

Ибо второе великое следствие социализации состоит в следующем: мы видели, что при капиталистическом производстве всякое увеличение производительности труда идет на пользу почти исключительно владельцам средств производства. Вместе с социализацией, с переходом собственности на средства производства в руки общества это прекращается. Теперь всякий технический процесс, всякое улучшение методов и организации труда,

всякое расширение производства идет на пользу исключительно новому владельцу средств производства, обществу, рабочим. Если до сих пор экономический под'ем пролетариата был только результатом его борьбы и постоянно находился под угрозой всякого нового технического изобретения, всякого нового метода и новой формы организации труда, то отныне его экономический расцвет будет не результатом неустанной борьбы, но автоматическим следствием всех усовершенствований процесса труда, из опаснейших врагов ставших лучшими друзьями рабочего.

Как только станет ощутимым это новое, прямопротивоположное прежнему направление в развитии общества, оно должно будет действовать чрезвычайно благотворно. Оно есть второе великое завоевание социализации, значение которого достаточно огромно, чтобы сделать всякого, кому оно ясно, самым горячим и преданным борцом за его достижение, даже если оно и не дает немедленного и достаточного повышения заработной платы.

До социализации, вместе с ростом капитала всегда возростала и масса эксплуатации, а зачастую и степень эксплуатации рабочего капиталом. В социализированных отраслях производства росту эксплуатации положен предел. Возрастает масса произведенного продукта, но не масса прибыли, поступающей экспроприированным капиталистам, как выкуп: этот последний установлен раз навсегда. Поэтому степень эксплуатации труда, при растущей его производительности, имеет тенденцию понижаться. Уплачиваемые капиталистам проценты составляют все меньшую часть общего продукта.

Время от времени общество может, однако, прибегнуть и к абсолютному уменьшению процентов, уплачиваемых экспроприированным капиталистам. Оно может сделать это или выкупом части государственных обязательств, или иным способом погашения государственных долгов, или конверсией их с уменьшением процентов.

Таким образом, капиталистическая эксплуатация будет явственно убывать, покуда не исчезнет совершенно.

Изложенные выше мысли и соображения покажутся многим и многим социалистам странными и спорными. И в самом деле, если рассматривать события только в свете чистой классовой психологии, то и буржуазия, и пролетариат должны были бы своим революциям придать совсем иной характер, прямо противоположный тому, какой они имеют в действительности. Буржуа, в качестве собственника, питает к собственности большое почтение. Он рискует очень многим, следовательно, должен быть осторожен и склонен к компромиссам. И тем не менее именно буржуазная революция разражается в самых бурных формах, ураганом сметая на своем пути все препятствия, сопровождаясь гражданскими войнами и конфискациями.

Как раз наоборот обстоит дело с пролетарием. В качестве неимущего он отнюдь не склонен щадить собственности крупных эксплуататоров. Он рискует немногим, революция же сулит ему огромные возможности, а положение его так безотрадно, что наискорейшего улучшения он должен добиваться с самым бурным нетерпением. И все-таки, как раз пролетарская революция имеет больше всего шансов на мирное развитие, без насильственных актов, постепенно, осторожно подготовляя каждый дальнейший шаг вперед и заботливо щадя капиталистическую собственность.

Это настолько противоречит психике пролетариата, что всякий, кому хочется придать революции прямо-противоположный характер, легко встречает живейшее одобрение на рабочих собраниях. К сожалению, чисто-психический фактор, потребность людей, не играет в истории решающей роли. Конечно, нет ни одного сознательного человеческого действия, не зависящего от воли человека. Без воли нет действия. Но успех всякого хотения зависит от материальных условий, несоблюдение которых мстит за себя тем более жестоко, чем энер-

гичнее наше хотение. Кто хочет прошибить стену лбом, тот тем сильнее повредит себе череп, чем решительнее это его хотение.

Экономически необходимое является решающим фактором в истории. Наша воля лишь в том случае приведет нас к победе, если нашей целью является то, что экономически необходимо.

Несомненно, русская революция гораздо больше соответствовала психической потребности пролетариата, нежели здесь изложенный метод пролетарской революции. Но что получилось из этого? Ленин торжествующе возвещает: я беспощадно сразил капитализм, но он меня не отпускает, и оба истерзанные мы валяемся на земле, держа друг друга; мне придется прежде всего помочь ему подняться на ноги, чтобы потом самому кое-как собраться с силами.

Будем меньше заниматься нашими чувствами и настроением возбужденной аудитории народных собраний и будем тщательнее изучать экономический механизм современного общества и законы его движения. Это гораздо более трудная и зачастую весьма непопулярная задача. Но это — единственный путь к победе пролетарской революции.

5. Плановое хозяйство.

Таким образом, создание социалистической организации хозяйства совсем не так просто, как это казалось нам в прежние времена, когда проблема эта еще не стояла перед нами так близко. В каком виде и как должна быть создана эта организация, вот вопрос, который больше всего занимает сейчас теоретиков и наиболее дальновидных практиков социализма. За последние годы вопрос этот породил целую литературу, главным образом, в Германии с Австрией, столь близкой к ней, и в Англии, то-есть, именно в тех странах, в которых больше чем где-либо имеется предпосылок социализма, и которые более других стран призваны играть руководящую роль в осуществлении социализма. В новой лите-

ратуре мы неоднократно встречаем черты утопизма, которые, однако, не составляют в ней необходимого элемента. С утопизмом ее, правда, роднит общая задача: дать картину социалистического производства. Но при этом она имеет гораздо более твердую почву под ногами, нежели старые утописты, действовавшие еще исключительно в сфере чистого умозрения. И, кроме того, благодаря Марксу, мы все теперь в наших социальных построениях исходим из идеи развития. Мы уже не ищем совершенного общества, делающего излишним всякое дальнейшее развитие. Наши поиски сводятся к тому, чтобы найти разрешение определенных проблем, поставленных перед нами капитализмом. По бо́льшей части утопический элемент вносится в литературу о социализации не-марксистами, теми писателями, которые открыли в себе пролетарские чувства только после революции.

Неоднократно делали нам упрек в том, что мы слишком поздно приступили к нашим исследованиям, что мы должны были явиться с ними раньше, тогда исход революции был бы иным. Но выше я уже заметил, что без опыта революции мы не могли бы даже поставить на обсуждение этого вопроса в достаточно определенной форме. Не могли, ведь, мы предвидеть, когда и при каких условиях мы придем к власти.

В действительности, мы совсем не опоздали. В Германии, правда, мы имели зимою 1918—19 года в течение нескольких месяцев чисто-социалистическое правительство. Но германский пролетариат обнаружил в это время свою незрелость тем, что не нашел более разумного дела, как заняться кровавой междоусобицей. Мы имели три социалистических партии, сторонников большинства, независимых и коммунистов, яростно боровшихся друг с другом. Первые, соответственно своему названию, об'единяли большинство пролетариата. Но в современном государстве решающая роль в период революции всегда принадлежит столице. В Берлине же преобладали независимые и коммунисты. В довершение

хаоса раскол охватил, как ряды коммунистов, так и независимых. Среди первых возникла сильная оппозиция против Розы Люксембург; среди независимых такая же оппозиция росла против Гуго Гаазе. Коммунисты, правда, были едины в том отношении, что не вошли в состав правительства и единодушно вели борьбу против него. Независимые же являли собой трагикомический, единственный в истории, пример партии, правое крыло которой сидит в правительстве, а левое всемерно озабочено тем. чтобы это правительство свергнуть.

Всякий беспристрастный человек должен признать, что у такого пролетариата не могло быть ни сил, ни способностей успешно проводить социализацию.

К этим затруднениям политического характера присоединились еще затруднения экономические, возникшие вследствие военного поражения Германи, ее краха и безумных условий Версальского мирного договора. Не из упадочного, застойного капитализма может появиться социализм, но из капитализма, в котором производительные силы достигли высшего расцвета.

Лишь после того как новые, политически-безграмотные массы, хлынувшие в социалистические партии в годы революции, усвоят себе более высокое политическое понимание и дисциплину; когда иллюзии и культ насилия коммунизма сменятся экономической дальновидностью; когда социалисты снова соединятся в единую крепко-сплоченную партию; когда наихудшие последствия войны и мирного договора будут преодолены; когда плавный ход процесса производства возобновится снова, — только тогда наступит время для успешной социализации. Я думаю, что это время скорее наступит для Англии, чем для Германии.

Все теоретические исследования и единичные практические попытки, ныне предпринимаемые в области социализации, имеют прежде всего задачей подготовить умы к тому времени, когда пролетариат будет обладать политической властью и смо-

жет силой взять в свои руки решительное осуществление социализации в широком масштабе. Чем глубже будут к тому времени наши теоретические исследования, и чем богаче наш практический опыт, тем увереннее и быстрее сможем мы итти вперед.

Стало быть, для руководящих умов социализма отнюдь не поздно, но как раз самое время теперь со всею энергией взяться за эту работу. Первое место в этой работе должно принадлежать тем, кто обладает выдающимися организаторскими способностями, или, вернее сказать, тем, кто вместе с организаторским талантом соединяет и большие теоретические способности и знания. Среди нас, стариков, такое сочетание встречается редко — о себе лично я должен признать, что не обладаю никакими организаторскими способностями — поэтому в дальнейшем я вынужден ограничиться лишь некоторыми намеками несмотря на то, что в данном случае речь идет о самой сути нашей исторической задачи ближайших десятилетий.

Как ни молода литература о социализации, в ней тем не менее можно установить различные направления.

Прежде всего, выступают две точки зрения в вопросе, который, поскольку мы находимся еще в преддверии работы, имеет для нас решающее значение: с чего начать?

Социализация не может быть совершена сразу, она должна осуществляться постепенно, шаг за шагом. В этом мы все согласны. Но мы расходимся в ответе на вопрос: с какой области хозяйственной жизни начать социализацию?

Хозяйственный кругооборот капиталистического общества распадается на два различных процесса: производство товаров и их обращение, их купля и продажа. Само собой разумеется, оба эти процесса тесно связаны между собой и неотделимы друг от друга.

Одни предлагают начать социализацию с процесса производства, другие — с процесса обращения.

Последние полагают, что на первых порах не следует касаться капиталистической собственности на средства производства. Отдельный капиталист может (некоторые даже думают — должен) остаться владельцем и руководителем своего предприятия. Но что именно должен он производить, это решает не он.

Производится статистический учет потребления и производительных сил государства, на основании этого учета создается хозяйственный план, в который включается каждое предприятие, и которым оно руководствуется. Однако, производство может или должно оставаться и впредь производством частных лиц с тою лишь разницей, что теперь уже не прибыль решает вопрос, что и сколько производит отдельный предприниматель, доставляя на рынок или отдавая государству, но вопрос этот решается исключительно потребностью общества. Хозяйство для извлечения прибыли сменяется хозяйством для удовлетворения потребностей общества.

Цены устанавливаются не рынком путем спроса и предложения, но из расчета издержек производства. Отдельные предприятия каждой отрасли производства об'единяются в синдикаты принудительного характера, в которых на ряду с предпринимателем голос предоставляется также рабочим и потребителям.

Вот в кратких чертах то общее, что имеется в проектах планового хозяйства, как они предложены, напр., Висселем и Нойратом. (Rudolf Wissel und Alfred Striemer, Ohne Planwirtschaft kein Aufbau. Stuttgart 1921; R. Wissel, Kritik und Aufbau. Berlin 1921; Dr. Otto Neurath, Wesen und Weg zur Sozialisierung. München 1919. Сравни также о плановом хозяйстве и о вопросах социализации вообще поучительную работу Heinrich Ströbel, Die Sozialisierung, ihre Wege und Voraussetzungen. Berlin 1921.).

Эти проекты весьма заманчивы. В отдельных крупных предприятиях производительность труда доведена промышленным капитализмом до высших

степеней развития. Нет никаких видов на то, чтобы социализация быстро подняла ее еще выше.

Наоборот, в сфере обращения мы встречаем еще величайшую расточительность благ и наиболее болезненные, парализующие все хозяйство кризисы. Если мы вместо отсутствия плана введем плановое хозяйство, то мы можем немедленно и значительно повысить доходы хозяйства и, следовательно, общее благосостояние, даже без всякого при этом сокращения доходов капитала.

Капиталист сохраняет при этом не только свои доходы, но и собственность на средства производства.

Последнего рода обстоятельство, соображение о том, что не придется касаться частной собственности на средства производства, оказало, конечно, весьма сильное влияние на многих защитников планового хозяйства. Правда, плановое хозяйство отнюдь не исключает отчуждения капиталистической собственности. Большинство сторонников планового хозяйства высказываются и за то, и за другое. Но они считают необходимым начать с первого, так как оно скорее и легче осуществимо. Однако, среди защитников планового хозяйства есть и такие, которые считают возможным, что выгоды от такого хозяйства будут вполне достаточны для удовлетворения интересов пролетариата, так что он совершенно откажется от второго вида социализации.

В действительности такого рода возможность абсолютно исключена.

Улучшающееся положение рабочего внутри предприятия не уменьшит противоположности интересов капитала и труда, но лишь придаст ей иной характер. Чем в большей мере борьба пролетариата утрачивает характер борьбы только за кусок насущного хлеба, тем больше становится она, как это неоднократно отмечено мною выше, борьбой за свободу и власть.

И разве, с другой стороны, есть основания ожидать, что капиталисты легче примирятся с плановым хозяйством, что они окажут ему меньше сопро-

тивления, чем более или менее принудительному выкупу своих предприятий?

Как в первом, так и во втором случае доходы их не уменьшаются. Но при выкупе капиталист может с выкупной суммой делать, что ему угодно. Он может свободно располагать ею. Он может купить другое, еще не социализированное предприятие. Пусть спрос на такие предприятия увеличивается, цена на них растет, процент прибыли соответственно падает, но деловой, энергичный предприниматель попрежнему сможет работать беспрепятственно.

При плановом хозяйстве капиталист лишается важнейшей сферы деятельности, коммерческой, т. е. именно той, которая, собственно говоря, и является главной сферой деятельности капиталиста. При том это положение распространяется на все предприятия. Для капиталиста остается единственное поле деятельности: подгонять рабочих в предприятии. Достичь более высокой прибыли, дешево купив и дорого продав, он уже не может. У него остается единственный для этого способ: выжимать возможно больше труда из своих рабочих.

Это усилит противоположность между капиталом и трудом, но вместе с тем и положение капиталиста сделает в высшей степени отталкивающим.

При плановом хозяйстве эта деградация капиталиста сразу распространяется на весь класс, между тем как социализация отдельных предприятий и отраслей производства вначале распространяется на незначительную часть капиталистического класса и начинается с таких отраслей, которые превратились в частную монополию и стоят в противоречии к тем отраслям, в которых еще господствует свободная конкуренция.

Таким образом, нет никаких оснований ожидать, что плановое хозяйство встретит меньше сопротивления, чем постепенное отчуждение предприятий.

Первое, кроме того, и не ведет к более быстрому осуществлению социализации. Предпосылкой социа-

лизации является подробный статистический учет, как производительных сил, так и потребления; при чем — не только в собственной стране. Отто Нойрат пишет об этом следующее:

«Общественная организация... лишь в том случае повысит бережливость хозяйственного строя жизни, если она располагает хозяйственным планом. Недостаточно знать в общем и целом производственные возможности и размер потребления; необходимо также проследить на протяжении всего хозяйственного процесса движение и судьбу всех сырых материалов и всех сил людей и машин. На ряду с общим для всей страны сырьевым и силовым балансом, дающим картину производства, превращения (потребления), образования запасов, ввоза, вывоза, с подразделением, пожалуй, по отдельным видам сырья, как, напр., медь, железо и т. д., мы должны иметь балансы отдельных отраслей промышленности, сельского хозяйства и т. д. Мы должны знать, какое количество угля, железа, извести и т. д., машин, людей и т. д. требуется для заводов, и сколько из этого идет в промышленность, сколько в сельское хозяйство.

Для того, чтобы набросать такие сводки в стиле Ballod-Atlanticus или Popper-Lynkeus, мы должны располагать универсальной статистикой, которая в общих сводках охватывала-бы целые страны и даже весь мир. Если бы такая универсальная статистика, такой хозяйственный план давно стали целью нашей борьбы, то никогда обще-хозяйственная статистика не могла бы очутиться в нынешнем своем состоянии, лишенном какого бы то ни было плана». (Wesen und Weg der Sozialisierung, S. 8).

«Хозяйственные планы должны составляться в таком учреждении, которое могло бы все хозяйство страны охватывать общим взглядом, рассматривая его, как единое гигантское предприятие... Счетная оплата натуральных благ, как мы назвали-бы такое учреждение, могла бы, с одной стороны, давать и представление о ходе производства в каждое данное время, но главной ее задачей должно быть составление планов на будущее время». (Там же, стр. 9).

Пока мы не располагаем такой универсальной статистикой и составленным на ее основании хозяйственным планом, вряд-ли можно и думать о создании планового хозяйства. Но такую статистику нельзя получить с сегодня на завтра. Она требует колоссального аппарата сведущих и добросовестных работников. Пройдет много лет, прежде чем мы будем иметь такого рода статистические данные, сколько-нибудь надежные, если только, при частной собственности на сред-

ства производства, вообще возможно получить такие данные, что весьма и весьма сомнительно.

Ибо Нойрат, повидимому, слишком просто представляет себе организм общественного хозяйства. Когда он говорит о подлежащих учету продуктах, он всегда касается лишь исходных пунктов производства — угля, железа, меди, извести, цемента и т. д. Все это поддается учету уже в настоящее время. Но, ведь, статистические трудности возрастают по мере прохождения сырым материалом различных стадий обработки вплоть до законченного изготовления продукта для личного потребления. В условиях частного производства статистически точно учесть бесконечное многообразие всех этих продуктов представляется мне совершенно невозможным.

Нойрат слишком просто представляет себе плановое хозяйство, это видно еще из того, что хозяйственный план он строит на основе натурального хозяйства. Но дальше мы увидим еще, что на такой основе возможно или совсем примитивное хозяйство с самыми первобытными потребностями или же хозяйство столь утонченное и сложное, какое существует в наше время разве только в заоблачных высотах. Она совершенно несовместима ни с существующим экономическим положением и потребностями, ни с теми требованиями, которые из них возникают.

И в настоящее время и, вероятно, до тех пор, покуда вообще существует в сколько-нибудь значительных размерах частное производство, тот хозяйственный план, в зависимость от которого, как исходного пункта, ставится судьба социализации, есть ничто иное, как мираж.

Гораздо важнее, однако, следующее возражение против планового хозяйства. Такое хозяйство, сохраняя (по крайней мере, на первых порах) частную собственность на средства производства и руководство предприятием в руках капиталиста или его представителя, в то же время изменит свой основной характер, поставив своей целью, вместо из-

влечения прибыли в пользу капиталиста, удовлетворение потребностей общества. Прибыль в настоящее время является двигательной силой и регулятором частно - капиталистического производства. Это — крайне несовершенный регулятор, действие которого сказывается лишь в результате кризисов, постоянных трений и огромной затраты сил. Но он тем не менее до сих пор обнаружил себя, как фактор, единственно-способный, на основе капиталистической собственности на средства производства, поддерживать ход производственной деятельности.

При плановом хозяйстве капиталистическая собственность продолжает существовать, но вместо прибыли двигательной силой и регулятором производства выступает хозяйственный план, предписываемый государственной властью. Откуда черпает этот план свою положительную, действенную силу? Очевидно, из того же источника, откуда появился самый план: от государства, органы которого выработали план хозяйственной деятельности. Государственная власть должна заставить отдельных производителей организовать свое производство соответственно плану, совершенно независимо от их частно-хозяйственных предположений, как они сложились-бы, если бы государственного плана не существовало.

Но, как мы отмечали уже много раз, по принуждению невозможно создать более высокой и совершенной формы производства. Принудительное производство всегда создает лишь грубые, низшие производственные формы. Но ведь наш социализм должен быть не шагом назад, но шагом вперед, прогрессом, по сравнению с капитализмом. Ведь ту меру принуждения, которая еще теперь имеется в наемном труде, мы хотим, по возможности, заменить заинтересованностью самого работника в работе и в ее результатах. Как же можем мы не только сохранять прежние формы производства, но еще сверх того вводить в них новый элемент принужде-

ния, как побудительную силу производственного процесса.

Заметим хорошенько, как побудительную силу. Общественное принуждение может дать великие результаты, когда дело идет о предотвращении или обезвреженнии огромной вредоносной силы. Принуждение было необходимо, чтобы побудить феодалов к отказу от своих прав и владений. Принуждение необходимо, чтобы помешать промышленникам мучить до-смерти своих рабочих или посылать на фабричную каторгу пролетарских детей в самом нежном возрасте, обрекая их днем и ночью отупляющему и обессиливающему труду. Принуждение будет необходимо, чтобы лишить капиталистов собственности на средства производства.

Такого рода принуждение является плодотворной и необходимой мерой. Но совершенно иное значение имеет то принуждение, которое действует не отрицательно, а положительно, которое имеет целью заставить меня, против моей воли, делать нечто такое, удовлетворительное выполнение чего возможно лишь в том случае, если оно делается охотно и с любовью.

Сторонники планового хозяйства ссылаются на тресты, картели и т. д., в которых, несмотря на сохранение частной собственности на средства производства, отдельный предприниматель точно также производит и продает не по собственному благоусмотрению, но по указаниям общей организации. В действительности, идея планового хозяйства есть лишь расширенная идея синдиката. С одной стороны, такие об'единения должны стать всеобщими и принудительными, — принудительное синдицирование — с другой же стороны, между этими синдикатами должна быть установлена тесная, гармоническая связь.

При этом, однако, упускают из виду только одно маленькое обстоятельство, а именно, что в тех об'единениях, которые созданы не государством, а капиталистами, отнюдь не устранено влияние при-

были. Как раз наоборот: именно на прибыли и держится их сила и жизнеспособность. Тресты и картели созданы для того, чтобы обеспечить своим членам сверх-прибыль, которой они в условиях свободной конкуренции не могли бы заполучить. Именно, заинтересованность в сверх-прибыли, а вовсе не внешнее принуждение побуждает отдельных предпринимателей подчиняться регулированию производства, установленному трестом. Опять же таки и регулирование это вовсе не имеет целью приспособить производство к размерам потребления, но сократить его размеры по сравнению с потребностью рынка (или хотя-бы только сократить предложение на внутреннем рынке).

Там же, где союз предпринимателей не в состоянии таким способом повысить прибыль своих членов за счет потребителя, он всю свою силу направляет против рабочих.

Плановое хозяйство хочет таких предпринимательских союзов, которых острие не было бы направлено ни против рабочих, ни против потребителей, и у которых в то же время была бы отнята всякая возможность получения сверх-прибыли. Если бы ему удалось настолько подчинить себе предпринимательские союзы, то оно лишило бы их живой души и, следовательно, способности в какой бы то ни было мере быть регулятором производства. Для проведения своего хозяйственного плана государству не оставалось бы иного выхода, как создать на ряду с производственным аппаратом огромный полицейский аппарат для надзора за первым. Медленно и с трудом будет итти создание такого аппарата, а деятельность его очень скоро привела бы к невыносимым трениям и затруднениям в производстве. В конце-концов результат получился-бы такой же жалкий, как в настоящее время в России.

Пусть не ссылаются на то, что в годы войны принудительное хозяйство было полезно и даже необходимо. Положение, создаваемое войной, не есть

нормальное положение. Но даже военное хозяйство отнюдь не исключало прибыли, а, напротив, давало весьма жирную прибыль. Нет спору в том, что немедленный переход от принудительного хозяйства к свободному невозможен без тяжелого вреда для населения. Но это далеко еще не доказывает, что принудительное хозяйство на основе частной собственности на средства производства имеет преимущества перед свободным хозяйством или вообще терпимо на более длительный промежуток времени.

Хозяйство, имеющее целью удовлетворение потребностей, может существовать без невыносимого, бесполезного или даже вредного принуждения, в качестве побудительной силы, лишь в том случае, если те, чьи потребности это хозяйство должно удовлетворять, сами распоряжаются средствами производства. Чем больше в распоряжении государства, этой организованной силы общества, находится важнейших средств производства, применяемых им, тем яснее его взгляд на производственные возможности общества и размеры потребления, тем больше его производственная и потребительная статистика приближаются к идеалу универсальной статистики. И тем в большей мере хозяйство, удовлетворяющее потребности государственных предприятий, будет приближаться к плановому хозяйству для удовлетворения потребностей всего общества.

Как ни необходимо и плодотворно такое хозяйство, оно не может быть *исходным пунктом* постепенной социализации, но только *конечным результатом* ее. Пытаться осуществить его в начальной стадии социализации, значило-бы начинать созидание социализма с крыши.

И раз это так, то необходимо признать совершенно неправильным довольно распространенное мнение, рекомендующее нам социализацию, как лекарство против кризисов нашего времени. Социализм положит решительный конец кризисам и безработице, когда осуществление его достигнет ста-

дии всестороннего планового хозяйства. Кризисы и безработица будут, конечно, все больше смягчаться по мере осуществления социализации. Но никогда социализация не сможет осуществляться так быстро и в таком об'еме, чтобы быть в состоянии немедленно положить конец уже наступившему кризису.

Социализация может действовать успешно не как лечебное средство против кризисов, уже разразившихся, но как профилактическое, как предохранительное средство против будущих кризисов.

Можно думать, что уже одно это составляет громадный прогресс.

6. Бюрократия.

Социализацию, стало быть, мы будем начинать не в сфере обращения, а в сфере производства, там, где классовая противоположность труда и капитала, являющаяся сильнейшим двигателем социализации, выступает наиболее резко. И Марксов «Капитал» оказал глубочайшее историческое влияние своим первым томом, в котором исследуется процесс производства, между тем как второй том, исследующий процесс обращения, вызвал интерес только со стороны нескольких ученых специалистов.

Но процесс производства современного общества представляет собой бесконечное многообразие. Во времена буржуазной революции крестьянское хозяйство было господствующим типом хозяйственного предприятия во всех странах. Это придавало их производству весьма однообразный характер. Хотя в городах и существовало известное разделение труда между профессиями, но оно в то время еще не достигло широкого развития.

В настоящее же время, напротив, разделение труда профессий и производств получило громадное развитие, прогрессирующее вместе с расширением мирового рынка. Каждая специальность отличается свойственным ей своеобразием, требует особых технических и экономических условий, со-

здающих соответственные формы организации предприятий.

Капиталистический способ производства получил господствующее, однако-же, отнюдь не исключительное значение. Существуют, в особенности в сельском хозяйстве, многочисленные докапиталистические способы производства. Даже промышленный капитализм, столь быстро изменяющийся, представляет целый ряд различных форм развития, от низшей — домашней промышленности, организуемой и эксплуатируемой посредником, до современных чудовищ — гигантских концернов типа американского стального треста.

К этим различиям в уровне экономического развития присоединяются различия техники, требующие особых форм организации и особых условий для разных отраслей производства: одних для тяжелой индустрии, других для текстильной, третьих для химической, еще иных для книгопечатания и т. д.

В виду этого не все отрасли производства являются в одинаковой мере зрелыми для немедленной социализации. Придется начать социализацию с тех отраслей, в которых условия наиболее благоприятны. Затем, опираясь на уже приобретенный опыт, можно будет перейти постепенно к отраслям более сложным и трудным. Социализация должна будет исходить из весьма различных отправных пунктов и в отдельных отраслях принимать весьма различные формы. К тем формам, которые мы можем предусмотреть уже теперь, будут, по мере обогащения нашего опыта, присоединяться новые, ибо жизнь всегда богаче самой богатой фантазии. Отражение жизни в нашей психике всегда есть только абстракция, только упрощение. Если это верно для текущей действительности, в которой мы живем, то еще менее подлежит это оспариванию относительно будущего, картину которого мы в состоянии набросать только на основании единичных намеков.

Это упускают из виду и в наших кругах, и еще больше — в кругах наших противников. Поэтому о социалистическом производстве существует представление, как о производстве в высшей степени однообразном. Все предприятия превращаются-де в государственные предприятия, на подобие почты и железных дорог, и руководство ими принадлежит государственным чиновникам. Согласно такому представлению и было организовано производство в Советской России.

Можно иметь какое угодно представление о социалистическом производстве, но одно не подлежит сомнению: государственная бюрократия и по существу своему, и по своей истории является наименее пригодным фактором для организации социалистического производства.

Мы уже знаем, что Маркс стремился ограничить сферу ее деятельности до минимальных размеров. Это относится, как к политике, так и в особенности к экономике.

Надо заметить, что мы говорим здесь о государственной бюрократии, а не о бюрократии вообще, частью которой является государственная бюрократия.

В экономике, как и в политике, будущее принадлежит массовым организациям. Руководство ими требует центра с многочисленными органами. Чем сложнее и выше задачи организации, тем менее достаточны для руководства ею простой здравый человеческий рассудок и обычное образование; тем менее удовлетворяют ее дилетантское выполнение работы руководства в часы досуга; тем более нуждается она в опытных специалистах, получивших особую подготовку. В своих бюро эти специалисты составляют особую организацию, бюрократию.

Эти бюрократы (люди бюро) представляют несомненную опасность для членов организации. Единичные, разрозненные члены противостоят сомкнутой фаланге управляющих органов, элементы которых находятся в постоянной связи

друг с другом и всегда превосходят рядовых членов организации, если не общим образованием, то специальными познаниями.

Тем не менее, никакая организация с задачами современного характера, даже самая демократическая не может обойтись без бюрократии: никакая партия, никакой профессиональный союз, никакое крупное предприятие, даже если оно организовано на социалистических началах. Демократия, которая обходится без бюрократии, может удовлетворять лишь самым примитивным задачам. Современная демократия означает не отмену бюрократии, но ее подчинение членам организации, от избирательного голоса и контроля которых она зависит.

Но этого одного, конечно, недостаточно для обеспечения интересов демократии, имея в виду естественное превосходство бюрократии над массой.

В качестве средства обеспечения предлагалось: всеобщее, огульное недоверие к бюрократам и, особенно, к их вождям. Бебель, например, любил называть недоверие демократической добродетелью. Но, в действительности, недоверие оказывает парализующее влияние. Никогда не достигнет великих успехов организация, питающая недоверие к своим руководителям, не относящаяся к своим вождям с полнейшим доверием. Конечно, смешным является со стороны вождей требование от масс доверия к себе, как обязательной повинности. Доверия никогда нельзя требовать; доверие всегда можно лишь дарить. Но слепое доверие действует роковым образом так же, как и слепое недоверие, не умеющее отличить пшеницы от плевел.

Не недоверие является гарантией против того, что вожди, сидящие в бюро, превращаются в подлинную бюрократию, т. е. в господство бюро над массами, но развитие интеллектуальных способностей и распространение знаний в массах. Естественно, что массы не могут усвоить себе специальных познаний в той

области, которая составляет профессию людей бюро, и с которой массы могут знакомиться лишь между прочим. Но они все же должны быть настолько интеллигентны и развиты, чтобы уметь отличать деловые аргументы от пустых фраз и серьезного работника от демагога. Там, где массы достигли такого уровня развития, они сумеют овладеть бюрократией. Другими словами, они сумеют превратить ее в орудие, с помощью которого задачи организации обслуживаются более успешно и с большим совершенством, а силы масс в защиту целей организации приводятся в движение с большей планомерностью и с лучшими результатами, нежели это было бы возможно без помощи такого орудия.

Это относится к бюрократии вообще. Но особый вид бюрократии образует бюрократия государственная.

В ее теперешней форме, она — детище абсолютизма, появившегося вместе с денежным хозяйством.

Во времена средневекового натурального хозяйства государство не располагало иными средствами оплаты своих чиновников и войска, как раздача в ленное владение земель и рабочей силы, потребной для их обработки. Это делало, как чиновника, так и воина, весьма независимым от их господина. Им обычно удавалось превратить свой лен в наследственное владение, и в отведенных им областях они умели управлять весьма самостоятельно. В те времена самоуправление в государстве было очень распространенным явлением, — правда, покоилось оно не столько на демократической, сколько на аристократической основе.

На ряду с самоуправлением феодалов в сельских местностях возникло самоуправление городов, из которых каждый имел столько вольностей, сколько мог, соответственно своей силе, добиться от князя, на чьей земле он находился. Каждый город был в большей или меньшей степени вольной республикой, но и в городах самоуправление носи-

ло, как общее правило, аристократический характер. Древние роды первых городских землевладельцев, патрициев в союзе с крупными купцами управляли республикой при сотрудничестве и под контролем цехов, которым лишь в исключительных случаях принадлежало единодержавие. Низшее же, нецеховое городское население вообще никакого отношения к управлению не имело.

Роль третьего фактора в управлении государством принадлежала церкви, этой могущественной, самой интеллигентной и самой крупной из средневековых организаций.

По сравнению с этими тремя элементами самоуправления монархи играли весьма жалкую роль. Они могли приобрести силу и влияние только благодаря внешней политике, соответствующей общим интересам господствующих классов, или же благодаря ловким союзам с одним или двумя из этих факторов против одного или двух остальных. В особенности города охотно помогали монархам, если борьба велась против дворянства или духовенства. Города же способствовали укреплению государственной власти, ставшей, в конце концов, властью абсолютистской.

Вместе с товарным производством развивалось в городах денежное хозяйство и, следовательно, возможность денежных налогов. Располагая крупными денежными суммами, князья получали, таким образом, возможность за регулярную денежную плату содержать наемное войско и чиновников. Для наемной армии и бюрократии экономическая зависимость от повелителя была совсем иной, нежели для дружинников и управителей средневековья. Эти последние располагали земельным владением, доходы с которого получали, благодаря своей собственной деятельности, без всякого содействия со стороны князя. Отдав им в лен владение, князь ничего болшего дать не мог, разве лишь увеличить его размеры. Но для этого нужно было отнять владение у другого.

Для наемных солдат и чиновников в государстве с денежным хозяйством положение создается безвыходное, если они не получают месячного жалованья. Вооруженные наемники могут время от времени прибегнуть к помощи восстания. Но безоружные чиновники и этого средства лишены. Абсолютная зависимость от князя является отличительным признаком их положения.

Увеличение размеров наемной армии и числа чиновников становится отныне одной из важнейших задач монарха. По мере разрешения этой задачи старые формы самоуправления, церковное, феодальное, городское, приходят в упадок. Церковная иерархия становится частью государственной бюрократии. Вольности городов отменяются. Феодалы, продолжая получать доходы от своих владений, утрачивают функции управления, суда и защиты государства, за выполнение которых они в свое время были пожалованы земельными владениями. Ныне эти функции исполняются наемной армией и бюрократией, состоящими на жаловании у монарха.

Конечным результатом такого развития явился громадный и могущественный бюрократический аппарат, о котором мы говорили выше. Этот аппарат в союзе с наемной вооруженной силой на долгое время сделали невозможным какое бы то ни было сопротивление государственной власти, создав, таким образом, основу для абсолютизма владетельных князей. Временами абсолютизм этот был так силен, что казался совершенно независимым от всех классов общества и господствующим над всеми ими. Но это была только видимость. Под покровом абсолютизма действительное господство принадлежало той части господствующих классов, которая имела при дворе наибольшее влияние на монарха и его министров, — придворному дворянству, придворному духовенству и крупным денежным капиталистам, имевшим особо-важное значение в качестве откупщиков государственных

доходов и в особенности в качестве кредиторов государства.

Тем не менее, даже очень умные люди нередко принимали видимость за реальность и возлагали на государство, как оно им представлялось, то есть на бюрократию, казавшуюся независимой от классов, задачу представительства и отстаивания общих интересов общества, вечной справедливости и тому подобных постулатов вне времени и пространства существующей морали против своекорыстных интересов отдельных классов.

Однако, эта бюрократическая разновидность абсолютистского государства характерна не для каждого из современных государств. В англо-саксонских странах, например, у монархии не было такой мощной опоры, как армия, с помощью которой можно было подавить всякое сопротивление. Для всемогущества абсолютизма, а вместе с ним и бюрократии, не было основы. Аристократическое самоуправление сохранилось здесь до тех пор, покуда не было заменено — без посредствующего звена в виде мощной бюрократии — самоуправлением демократическим.

Разумеется, бюрократия имеется и в Англии. Без нее не может обойтись никакая крупная современная организация, а, следовательно, и государство. Но английская бюрократия и в отдаленной степени не обладает ни размерами, ни полномочиями государственной бюрократии континента.

На континенте она представляет собой привилегированную корпорацию, представительницу государственного авторитета, перед которой склоняется всякий рядовой гражданин государства, — за исключением, разумеется, самих правителей и их друзей. Добиться беспрекословного послушания — первейшая задача государственной бюрократии. Эту задачу она разрешает при помощи того громадного превосходства силы, которым располагает государство по отношению к единичному обывателю. Ее внутренняя политика есть политика силы даже в сфере чисто экономических функций. Она

должна собрать колоссальные средства на покрытие расходов по содержанию государственного аппарата. Она делает это не с помощью экономических мероприятий, но мерами насилия. Не только при взимании налогов и пошлин, но и в управлении государственными предприятиями она придерживается тех же методов. Эти предприятия, как общее правило, являются предприятиями монопольными, насильственно устраняющими всякую конкуренцию и устанавливающими продажные цены по собственному усмотрению.

Но подобно тому как государственный бюрократ требует слепого послушания от подданных, точно также и он сам обязан слепо повиноваться приказаниям своего начальства. Не свою собственную волю, но волю высшего начальства обязан он беспрекословно, предуказанным ему образом исполнить. Он при этом не смеет иметь или, по крайней мере, обнаружить своей собственной воли. Самостоятельное мышление представляет опасность для начальства; его поэтому следует по возможности избегать. Оно, в значительной мере, становится излишним, так как в нормальные времена отношения в государстве изменяются мало, и в государственном управлении приходится иметь дело с явлениями одинакового рода, вновь и вновь повторяющимися. Отклонения от шаблона слишком незначительны, чтобы уделять им внимание. Громоздкая государственная машина проходит мимо них. В тех же случаях, когда отклонение от шаблона все-таки необходимо, должен быть опрошен длинный ряд начальствующих инстанций, прежде чем такое отклонение будет дозволено. На ряду с шаблонностью и окостенелостью форм, неповоротливость является одним из самых характерных признаков государственой бюрократии.

Совершенно иную бюрократию создал для своих целей капитализм. Подобно бюрократии государственной и в отличие от бюрократии кооперативов или профессиональных союзов, она не охраняет интересов того коллектива, которым управляет, —

в одном случае, граждан государства, в другом, наемных рабочих — но защищает интересы своего над обществом стоящего господина, в одном случае — монарха, в другом — капиталиста. Однако, могущество ее в отношении каждой отдельной личности внутри предприятия не так велико, как могущество государственной бюрократии в отношении граждан, и обращение к политике силы для первой не так легко, как для второй.

К этому присоединяется еще то обстоятельство, что должностные лица капитала действуют не только в процессе производства, но, главным образом, в процессе обращения, где политика силы, как общее правило, недействительна. В сфере обращения отдельные предприятия противостоят друг другу, как совершенно равные, господство экономических законов над личным произволом здесь очевиднее, изменения обстановки здесь происходят быстрее. Здесь побеждает тот, за кем превосходство в знании дела, в ловкости, в быстроте решений. Слепое послушание начальству с его шаблонными инструкциями здесь не годится. Конечно, и капиталист, подобно министру, заинтересован в том, чтобы его подчиненные исполняли свои обязанности с сознанием долга и полным интересом к делу. Но самостоятельность подчиненного представляет, с точки зрения капиталистического начальства, не опасность, но преимущество. Наилучшего состава служащих для своего предприятия капиталист достигает не столько строгим подчинением персонала своим инструкциям, сколько тщательным подбором его.

Напротив, государство, принимая на службу чиновника, лишь в очень малой мере может считаться с его личными достоинствами. Этому мешают уже огромные размеры государственного аппарата. При выборе лиц государству приходится ограничиться механическим средством отбора: требованием выдержать определенный экзамен. Тот личный отбор, который, сверх этого, имеет место, сводится к скорейшему служебному продвижению

протежируемых лиц, то-есть к отбору преимущественно не наиболее, но наименее способных.

Обычно чиновник по старшинству переводится на высшую должность. Таким образом, если оставить в стороне уже упомянутых протежируемых лиц и другие, менее печальные исключения, на более высокие посты приходят люди старые, усталые, изношенные, благодаря неизменной шаблонности своей работы, не доступные ничему новому.

В этом отношении государственная бюрократия чрезвычайно невыгодно для себя отличается от бюрократии капиталистической. Так отличались армии первой французской республики и начала Наполеоновского периода от армий боровшихся с ними монархических держав. Первые не в малой мере обязаны своими победами тому обстоятельству, что ими предводительствовали почти исключительно люди молодые, между тем как во главе армий их противников стояли старики.

К этому присоединяется и то, что в государственной бюрократии, соответственно шаблонности в прочих отношениях, вознаграждение чиновников определяется тоже по шаблону, по рангам. Оно не знает ни участия чиновников в возросших доходах государственных предприятий, ни особого вознаграждения за выдающуюся деятельность.

В этом отношении капиталистическое предприятие располагает большей свободой действий и может в каждом отдельном случае избрать такой способ и размер вознаграждения, которые обещают наилучший экономический результат. При этом иногда оно заходит слишком далеко. Мы уже указывали на чрезвычайный рост прибавочной стоимости, скопляющейся в руках капиталистов. Благодаря этому отдельные капиталисты могут позволить себе платить чрезвычайно высокие суммы за выдающуюся деятельность или услуги в различных областях, полезных для них или доставляющих им удовольствие. Они одинаково щедры и на скаковых лошадей, и на орхидеи, на про-

изведения искусства, на певцов и певиц, художников и др.

Если они расходуют миллионы часто на бессмысленную роскошь, то они, конечно, не скупятся и в тех случаях, когда дело идет об их здоровьи или прибыли. Они платят огромные суммы знаменитому врачу, от которого ждут исцеления. Но столь же щедры они, когда дело идет о выдающемся организаторе.

С полным основанием говорит Г. Бек:

«Искусству организатора-техника можно научиться. Но организатором в подлинном смысле этого слова нужно родиться». («Wege und Ziele der Sozialisierung», Berlin 1919, S. 34).

Великие организаторы столь же редки, как и великие артисты. Крупное предприятие нуждается в них тем в большей степени, чем крупнее его размеры и чем многообразнее и теснее переплетается оно с общим хозяйственным процессом.

Капиталистам это давно известно, и потому отдельные предприятия стремятся привлечь к себе испытанных организаторов предоставлением им исключительных выгод и неограниченной свободы действий.

Не в меньшей, но еще в большей степени нуждается в выдающихся организаторах государство. Но оно не дает им ни свободы действий, ни особых выгод. Пока капиталистическая промышленность и мировые сношения были еще в неразвитом состоянии, государственная служба являлась для подростающей интеллигенции наилучшей возможностью достичь выдающегося положения, как в экономическом, так и в социальном отношении. На государственную службу устремлялись многочисленные интеллигентные силы, которые могли проявить себя в области организации и управления. Но с развитием крупной промышленности и мировых сношений этот приток сил все больше иссякает, и государственная бюрократия становится все беднее как раз теми силами, в которых нуж-

дается больше всего. В борьбе из-за организаторов она не может выдержать конкуренции капитала.

Но социализированное предприятие должно выдержать эту конкуренцию. Ибо без выдающихся организаторов оно не может процветать. Оно должно предоставить им по меньшей мере те же выгоды, что и капиталистическое производство.

Уже поэтому является невыполнимым выставленное Марксом и повторенное Лениным требование, чтобы никому из должностных лиц государства не уплачивалось жалованье, превышающее обыкновенную заработную плату рабочего. Требование это, несомненно, отвечает пролетарскому чувству и нашим социалистическим воззрениям. Но оно несовместимо с требованиями экономической необходимости, которая всегда проложит себе путь. Лучше заблаговременно признать это и соответственно с этим действовать, чем взяться за ум слишком поздно, когда горький опыт поставит нас перед банкротством.

В социалистическом обществе, достигшем полного завершения, когда отпадает конкуренция между социализированными и капиталистическими предприятиями, для людей с великими организаторскими способностями не будет иного поля деятельности, кроме служения обществу. И тогда им придется примириться с одинаковой оплатой своего труда наравне с прочими интеллектуальными силами. Тем не менее выдающиеся способности и выдающаяся деятельность и тогда не исчезнут ни в искусстве, ни в науке, ни в области организаторской работы. Внутренняя потребность, честолюбие, радостное чувство мощи и всеобщего уважения будут достаточным стимулом для такого рода деятельности.

Но это не так в переходный период от капиталистического к социалистическому производству. Покуда капитал в состоянии производить и получать прибавочную стоимость, он будет всемерно стараться посредством исключительных материальных выгод привлечь к себе великих организа-

торов и благодаря этому иметь превосходство над всеми предприятиями и способами производства, которые не в состоянии делать того же.

К вышеуказанным причинам превосходства капиталистической бюрократии над государственной присоединяется еще одна. Она состоит в том, что государственная бюрократия образует в современном обществе самое крупное тело, все части которого крепчайшим образом связаны между собой. Уже благодаря этому она, по сравнению с прочими социальными телами, обладает величайшей инерцией даже при решении вопросов, не затрагивающих ее непосредственных интересов и, следовательно, не могущих вызвать ее сопротивления.

К тому же государство является не только самой обширной по размерам и важной по значению социальной организацией, но и самой долговечной. Конечно, и государство умрет, как и все, что возникает. Но по сравнению с единичной личностью оно бессмертно. Поэтому государственный чиновник на всю свою жизнь становится слугою государства, на всю жизнь прикован к одной профессии и к одному предприятию. По сравнению с государством единичное капиталистическое предприятие, каких бы размеров оно ни достигало, невелико, зачастую недолговечно, почти всегда быстро меняет свой характер. Ни с рабочими, ни с должностными лицами низших разрядов, оно не связано продолжительной связью. Благодаря этому, а также тем чертам своеобразия, которые рассмотрены нами выше, капиталистическое предприятие столь же мало связано в отборе наиболее подходящих ему рабочих, как и в приспособлении к меняющейся обстановке и в достижении максимальной экономизации производства, являющейся для него условием жизни.

Государственная же бюрократия, наоборот, малоподвижна, неэкономна, несвободна в подборе лиц, наиболее подходящих для отдельных специальных функций, и ко всему этому крайне консервативна. В течение последних двух столетий эта

бюрократия является сильнейшим препятствием для всякого прогресса. Она пережила многочисленные революции и из каждой из них выходила окрепшей, в то время как монархии, аристократический строй, государственная церковь гибли.

Если государственная власть в течение последних двух столетий, несмотря на безостановочный прогресс демократии, так мало изменилась в своей сущности, что о ней можно сказать: «Plus ça change, plus c'est la même chose» («чем больше она меняется, тем больше остается тою же самой»), то причина этого кроется в государственной бюрократии.

И она-то должна была явиться тою силой, с помощью которой государственный социализм хотел совершить социальную революцию и освободить рабочий класс!

Со времен абсолютизма и полицейского государства люди на континенте Европы так привыкли в случае беды ждать помощи от начальства, сваливая на правительство ответственность за всякое зло, но в то же время ожидая от него всего великого и прекрасного, что для многих мысль о бюрократическом огосударствлении всего производства не заключала в себе ничего страшного.

Но даже те среди нас, кто отвергал эту мысль, не считали необходимым бороться с ней самым решительным образом. Таким образом, могло получиться, что советское государство в России, огосударствившее все производство и подчинившее его всемогущей, строго-централизованной бюрократии, не только запретившее, но даже преследовавшее всякую самостоятельную организацию в стране, — что подобного рода государство создавалось социалистами, а социалисты других стран видели в нем более высокий способ производства и средство к освобождению пролетариата.

В англо-саксонских странах государственная бюрократия никогда не играла такой роли, как у нас, никогда народные массы не возлагали на нее надежд, питая к ней инстинктивное недоверие. В

Англии социализм в форме овенизма и чартизма раньше чем где-либо стал практической силой. Но, после того как в 1848 году чартизм потерпел крушение, пролетариат с возрождением рабочего движения в шестидесятых годах прошлого столетия все силы направил на развитие своих свободных организаций, потребительных обществ и, главным образом, профессиональных союзов. Напротив, к тем формам социализма, которые приходили к ним с континента, английские рабочие не питали особого расположения, так как формы эти носили слишком резко выраженный характер государственного социализма.

Отвращение к государственной бюрократии является немалой причиной того, что новейший социализм с таким трудом пускает корни в Англии. Он тем скорее завоюет английские массы, чем лучше мы выясним самим себе, что государственная бюрократия есть только аппарат господства, но ни в коем случае не аппарат экономического управления; что мы самым решительным образом должны вытеснить ее не только из области политики, но и, в особенности, из области экономики.

Мы должны требовать обобществления средств производства, что для важнейших из них сводится к огосударствлению собственности на эти средства производства. Но это отнюдь не означает передачи руководства и управления предприятиями в руки государственной бюрократии.

Рабочие обязаны решительно воспротивиться этому, ибо социализм должен явиться освобождением для них, а не порабощением. В тех отраслях, где уже существуют государственные предприятия, мы должны позаботиться о том, чтобы они, продолжая оставаться государственной собственностью, были из'яты из рук государственной бюрократии. Эта сторона социализации будет единственно возможной до тех пор, покуда мы не располагаем социалистическим большинством в парламенте и, следовательно, не имеем социалистического правитель-

ства. Но отнюдь не следует считать ее не имеющей значения. Чем скорее нам удастся поставить государственные предприятия на здоровую основу, удовлетворяющую, как рабочих, так и потребителей, тем легче будет распространить социализацию на новые предприятия и отрасли производства. Можно спорить о том, допустимо-ли предоставить право стачек государственным чиновникам, т. е. представителям государственной власти. Это, несомненно, стоит в полном противоречии и с историей, и с сущностью государственной бюрократии. Но чем решительнее оспаривают право стачек за государственными чиновниками, тем яснее становится необходимость сохранить характер государственных чиновников лишь за теми лицами, которые фактически являются только представителями и помощниками правительства. Совершенно бессмысленно подчинять паровозного машиниста той же дисциплине, что городового или таможенного чиновника. Всякий занятый в хозяйственных предприятиях государства должен пользоваться, по меньшей мере, теми же правами, что и любой рабочий частного предприятия. Легкомысленные стачки мы обязаны осуждать и бороться с ними в интересах самого пролетариата. Мы можем требовать, чтобы рабочие жизненно-необходимых производств никогда не предпринимали ответственных действий по собственному усмотрению, но всегда в согласии со всеми организованными рабочими. Но мы должны самым решительным образом бороться с превращением рабочих в государственных чиновников и лишением их, таким образом, права защищаться против безрассудной и заносчивой бюрократии.

Но разве более тяжелым обязательствам рабочего, в качестве государственного чиновника, не соответствуют и известные материальные выгоды, как, напр., обеспеченность существования, обеспечение семьи после смерти кормильца и тому подобное? Этих выгод рабочие, находящиеся на службе государства, лишиться не должны. Но мы требуем

их для всех рабочих, где бы они ни работали, и требуем не как пособия от данного предприятия, но как помощи общества. Всякая «благотворительность» превращается для рабочего в тяжкое бремя, если она приковывает его к данному предприятию. Итак, никакой государственной бюрократии в государственных предприятиях!

Социализм вырастет из капитализма. Мы должны создать его, пользуясь опытом вызванных эпохой капитализма хозяйственных организаций, как рабочих (профессиональные союзы и потребительные товарищества), так и капиталистов.

Но социализм не может вырости из аппарата угнетения, созданного абсолютизмом 18 века. Точно также не может он вырости и из отдельных частей этого аппарата, созданных для извлечения прибавочной стоимости, из государственных предприятий.

7. Частная инициатива.

С вопросом о бюрократии тесно связан вопрос о частной инициативе.

Противники социалистического способа производства опасаются, что он убьет всякую охоту к труду и всякое побуждение к улучшению методов производства, — другими словами, убьет прилежание работника и инициативу предпринимателя.

На первом возражении, будто социализм убьет всякую охоту к труду, нам нет нужды останавливаться подробно. Это было бы нужно лишь в том случае, если бы социализм должен был в сфере распределения упрямо держаться либо формулы «каждому по потребности», либо формулы «каждому поровну». Что это не так, мы уже видели выше, в главе о распределении. В социалистических предприятиях способ вознаграждения работника будет зависеть исключительно от потребностей производства.

Все способы вознаграждения, изобретенные капитализмом, могут применяться и при социалистическом способе производства. Их действие отнюдь

не будет ослаблено, но, наоборот, усилено тем обстоятельством, что рабочие сами будут принимать участие, как в образовании предприятия, так и в его управлении, и что результаты возрастания производительности труда достанутся частью рабочим данного предприятия, частью всему обществу, но ни в коем случае не капиталу.

Но что будет с предпринимательской инициативой? Вместе с прекращением предпринимательской деятельности капиталистов исчезает и предпринимательская инициатива. Не означает ли это незаменимой потери для народного хозяйства?

Присмотримся к делу поближе.

Опять-таки и в этом вопросе необходимо отличать процесс производства от процесса обращения.

В процессе производства инициатива предпринимателя означает инициативу в применении новых изобретений и открытий, введении новых машин, способов обработки, сырых материалов и тому подобнее.

Каждое такое нововведение, несомненно, связано с риском и, порою, с весьма значительным риском. В теории или на опыте в небольших размерах оно может казаться весьма заманчивым и тем не менее оказаться весьма убыточным, если применить его в крупном масштабе. Даже самое блестящее изобретение очень редко бывает совершенным при первом практическом его применении. Вместе с его введением начинается беспрерывная работа по усовершенствованию, вследствие чего первоначальный тип изобретения успевает устареть, и нередко бывает так, что на долю смелых пионеров новой машины достаются одни лишь убытки, между тем как барыши от нее получают те, кто первоначально держался выжидательной тактики и ввел новое изобретение лишь впоследствии.

И все же несмотря на это всякое нововведение сулит повышенную прибыль, соблазняя на риск смелых предпринимателей. Историческое значение такого рода инициативы чрезвычайно велико. Благодаря ей капиталистическое производство развило

ту гигантскую производительность и то безграничное изобилие богатств, которые только и делают возможным наступление новой эпохи, эпохи всеобщего благосостояния, эпохи социализма.

Неужели мы откажемся от этого источника все возрастающей плодотворной силы? И разве не иссякнет он вместе с отменой частного предпринимательства, с отменой прибыли и, следовательно, исчезновением сильнейшего стимула к нововведениям? Ведь, чиновнику, заведующему социалистическим предприятием, не будет доставаться прибыль от применения новых изобретений, хотя ответственность за их применение нести, конечно, будет он. При таких условиях он, разумеется, не станет рисковать. Но, если бы даже он оказался достаточно энергичен и смел, чтобы отважиться ввести новое изобретение, ведь о каждом дорого-стоющем нововведении ему пришлось-бы предварительно вести переговоры со своим начальством. А в каждой коллегии, чем больше число ее членов, тем многочисленнее будут сомнения, вызываемые новым проектом.

Поэтому социалистическое предприятие будет лишено всякой инициативы; прогресс в развитии производительности, т. е. основного условия растущего благосостояния, будет после социализации итти медленнее, нежели при сохранении капитализма в неприкосновенном виде.

От этого возражения нельзя просто-на-просто отмахнуться. Ссылка на акционерные общества не ослабляет его силы, ибо в большинстве из них господство принадлежит не акционерам, но тому или другому из финансовых магнатов.

Здесь мы, действительно, имеем дело с недостатком социализированного предприятия по сравнению с предприятием, управляемым на капиталистических началах. Но такой недостаток имеет место лишь при том условии, если социализируется о д н о е д и н с т в е н н о е п р е д п р и я т и е, что при социализации отнюдь не является общим правилом. Ибо социализация совершается в наи-

более целесообразной форме лишь в том случае, если каждый отдельный ее акт распространяется не на одно единичное предприятие, но на целую отрасль производства, т. е. на всю совокупность предприятий, этой отраслью охватываемых. Но при таких условиях нет ничего естественнее, нет ничего легче, как выделить определенное, наиболее пригодное и наиболее оборудованное предприятие и сделать его опытной станцией, посвятить его особым задачам исследования и опытного испытания новых изобретений. Все предлагаемые нововведения должны предварительно быть переданы сюда на испытание. При этом само предприятие такого рода, по устройству своему, наиболее пригодно не только для испытания, применения и улучшения уже сделанных открытий и изобретений, но и для самостоятельных изысканий и попыток в области новых изобретений и открытий. При таких условиях для прочих предприятий того же рода нововведения не составляют никакого риска, испытательные же расходы ложатся не на одно предприятие, но на всю совокупность их и низводятся, таким образом, до минимума для каждого предприятия в отдельности.

Частная инициатива при этих условиях, конечно, упраздняется, но в ней нет более никакой необходимости. Изобретение и применение изобретений перестает быть индивидуальным актом и вместе с тем — по большей части — делом случая. Оно превращается теперь в планомерно урегулированную и, следовательно, дающую максимальные результаты общественную деятельность.

Но что представляет собой частная инициатива в сфере обращения, при купле и продаже? Ведь, здесь-то, собственно говоря, и есть главное поле деятельности капиталиста. Он — купец, прежде чем становится инженером; он остается купцом при всех и всяких обстоятельствах, между тем как инженером он бывает только в определенных условиях. Есть много капиталистов, которые занима-

ются исключительно торговлей. Нет ни одного промышленного капиталиста, который не был бы в то же время купцом, ибо в качестве такового ему прежде всего приходится действовать. На фабрике производство, однажды правильным образом налаженное, может итти долгое время без дальнейшего вмешательства инициативы капиталиста. Наоборот, положение на рынке меняется беспрестанно и зачастую скачкообразно. Положение рынка приходится наблюдать постоянно, взвешивать его изменения и соответственно им немедленно принимать новые решения, которые могут быть столь же роковыми, сколь и плодотворными.

До появления промышленного капитала, прибыль купца была результатом дешевой купли и дорогой продажи того же товара, что невозможно без нарушения закона стоимости. Купец должен был или купить товар ниже его стоимости или продать его выше стоимости. Положение меняется, если капиталист — промышленник и процесс обращения своего капитала дополняет процессом производства. Теперь он уже не покупает, подобно обыкновенному торговцу, товар для дальнейшей его перепродажи, но он покупает товары — сырые материалы, машины, рабочую силу, — чтобы из них и посредством них создать новый товар, заключающий в себе прибавочную стоимость. Он может теперь получать прибыль и в том случае, если покупает товары по их полной стоимости и продает без всякой надбавки к ней.

Но тем не менее купля и продажа попрежнему остается важной операцией для капиталиста. Ибо рыночная цена товаров почти никогда не совпадает с их стоимостью или соответствующей ей ценой производства. В то время как стоимости изменяются медленно, по мере изменения условий производства, рыночные цены меняются со дня на день. Если капиталист неверно оценивает предположительную кон'юнктуру рынка или, другими словами, неудачно спекулирует, если в период дороговизны он платит дорого за сырье в предположении,

что оно поднимется в цене, а впоследствии, благодаря неверной оценке рыночной конъюнктуры, вынужден в период падения цен дешево продать готовый продукт, то при такой операции наш капиталист может потерять всю прибыль, которую он мог и должен был получить из произведенной в его предприятии прибавочной стоимости, если бы ему удалась купля и продажа товаров по цене их производства.

Именно здесь, в сфере рынка, происходит напряженнейшая деятельность капиталиста. Здесь перед ним открываются великие возможности быстрого обогащения и злейшие опасности полного краха. Здесь, в этой области, решительная, хорошо обдуманная, на понимании дела основанная инициатива предпринимателя есть не только условие прогресса для предприятия, но и условие его существования вообще.

В настоящее время купеческая инициатива совершенно утратила всякое значение для прогресса человечества. В прежние времена значение это было огромно. До появления промышленного капитализма, с помощью современной техники произведшего переворот в производстве, купец в течение тысячелетий был одним из сильнейших факторов прогресса. Выше было отмечено, что купец, до появления промышленного капитализма с производством прибавочной стоимости, мог получать прибыль только благодаря тому, что покупал товары ниже их стоимости и продавал их выше ее. Такая операция была бы весьма затруднительна, если бы купля и продажа совершались на одном и том же рынке. Купец должен был покупать товары там, где они были дешевле, и продавать там, где они были дороже. Это заставляло его искать, нередко с опасностью для жизни, все новых и новых рынков, как для купли товаров, так и для их продажи. В те времена, когда главная масса населения, как крестьяне, так равно и ремесленники, были еще крепко привязаны к своему клочку земли, купец выполнял функции путешественника-иссле-

дователя и благодаря этому все дальше раздвигал горизонт человека.

С развитием промышленного капитализма эта функция купца и его личная инициатива стали излишни. С одной стороны, капитализм создает такой избыток личных и технических сил, благодаря которому чрезвычайно расширился, по сравнению с прошлыми веками, круг задач, доступных разрешению науки и спорта. Дальнейшие открытия неизвестных областей мы можем предоставить им.

С другой стороны, интерес к этим областям становится у купца все меньше, по мере того как растет промышленный капитал и масса прибавочной стоимости, в которой теперь и купец имеет свою долю. Самая прибыльная торговля ведется теперь не в неизвестных, но в весьма хорошо известных, из конца в конец исследованных, крупнопромышленных областях. По сравнению с ней все, что могут сулить купцу неизведанные области, является ничтожной величиной.

Правда, если о т к р ы т и е новых областей имеет в экономическом отношении мало значения, то в к л ю ч е н и е отдаленных областей в сферу мирового рынка все же играет большую роль. Но в наше время, когда для этой цели недостаточны караваны, а требуются железные дороги, частной инициативы смелых купцов уже недостаточно, и задача эта осуществляется правительствами.

Однако-же, для развития и укрепления собственного предприятия капиталиста, его коммерческая инициатива необходима попрежнему, — необходима для д е л а, как коммерческого предприятия. Для о б щ е с т в а же она тем менее необходима, чем более планомерно урегулировано его производство.

Только неустойчивость наших экономических отношений делает необходимой инициативу, т. е. спекуляцию купца.

Чем больше эта неустойчивость, тем больше необходимость в спекуляции, тем более оттесняются

на задний план иные, более полезные функции капитала чистой спекуляцией на повышение и понижение цен, спекуляцией, которая и при капиталистических условиях производства является совершенно лишней, но неустранимой, покуда эти условия существуют. Ибо в обществе с товарным производством всякая сделка, даже самая солидная, связана с учетом будущих цен, т. е. со спекуляцией. Невозможна успешная борьба со спекуляцией без вреда для солидного дела. Или, вернее, при всякой попытке положить конец спекуляции гораздо больше страдает солидное дело, нежели спекуляция.

Потому-то и оказались безуспешными все попытки уничтожить спекуляцию при сохранении товарного производства. Чем неустойчивее социальные отношения, тем пышнее расцветает спекуляция. Таким образом, мы наблюдаем парадоксальное явление, что спекуляция расцветает не только во время войны, но и во время революции, при чем как раз тогда, когда власть противников капитализма всего сильнее, и мероприятия их против капиталистов всего беспощаднее. Так было, напр., в эпоху террора французской революции или теперь в России, где промышленный капитал, правда, погиб, но частно-хозяйственное мелкое производство, в частности в земледелии, продолжает существовать—и, следовательно, продолжает существовать большая часть товарного производства и обращения. В обоих революциях террор был в очень сильной степени направлен против спекулянтов. Беспощадной казнью всех «agioteurs», как их называли в 1793 году, надеялись уничтожить спекуляцию. Но и в 1793 г. во Франции, как и в последнее время в России, террор привел не к уменьшению спекуляции, но к увеличению расходов, как для государства, так и для самих спекулянтов. Для первого росли расходы по содержанию все увеличивавшегося полицейского аппарата; для спекулянтов же росли расходы на взятки властям, на подкуп начальства.

Между тем даже смертная казнь не в силах устрашить спекулянтов, ибо, во времена всеобщей неуверенности и полного застоя в хозяйственной жизни, спекуляция для многих деклассированных членов общества становится единственным средством к существованию. Кроме того, она является почти единственной формой приложения капитала, ибо чем менее устойчивы отношения, и чем менее поддается учету будущее, тем более капитал избегает таких сфер, где он оборачивается очень медленно. Но такой сферой с медленным оборотом капитала являются постройки и машины, в которые в обычные времена бывает вложена главная масса промышленного капитала. С наибольшей же быстротой оборачивается капитал, помещенный в краткосрочные спекуляции и поставки.

Таким образом, пролетарские фазы буржуазных революций послужили лишь к тому, чтобы до крайности сократить размеры наиболее полезных форм капитала, форм, наиболее содействующих развитию производительных сил, и, наоборот, чрезвычайно усилить паразитические его формы и благодаря этому взростить наиболее отвратительные элементы капитализма.

Покуда существует товарное обращение и капитал, до тех пор будет существовать и спекуляция. Она растет тем сильнее, чем больше неустойчивость общественных отношений. Никакими насильственными мерами невозможно вытеснить спекуляцию при дальнейшем сохранении капитализма. Для этого есть лишь одно средство: внесение устойчивости и успокоения в политические и экономические отношения. Наступление эры расцвета в промышленности при одновременном сохранении господства демократии и ее методов политического управления, — таково единственное средство борьбы со спекуляцией, в условиях товарного хозяйства. Таким средством не могут быть гражданская война, голод и диктатура.

Но полное исчезновение спекуляции возможно лишь с исчезновением самого капитализма. До тех

пор пока производство на рынок является господствующей формой производства, каждое предприятие, независимо от того социализировано ли оно или нет, должно будет учитывать и использовывать меняющуюся кон'юнктуру рынка и постольку, следовательно, спекулировать. Но в этой области превосходство инициативы всегда будет на стороне единичного предпринимателя по сравнению с коллегиальным, не говоря уж о бюрократическом правлении.

Это не доказывает, что социализация убыточна или же невозможна. Это говорит лишь о том, что при определении форм и видов социализации необходимо считаться с только что указанным обстоятельством.

Есть отрасли производства, для которых колебания рынка имеют мало значения. Это — отрасли, продукты или услуги которых столь же мало разнообразны, как и виды потребления этих продуктов или услуг; хозяйственные отрасли, которые всегда обеспечены сбытом, так как служат удовлетворению жизненно-необходимых потребностей; отрасли, в которых число предприятий незначительно, легко поддается учету и единству руководства, частью потому, что являются естественными монополиями, частью потому, что стали искусственными монополиями, вследствие ли высокой концентрации капитала или вследствие законодательного принуждения.

Такого рода отрасли производства в значительной мере независимы от рынка. Если они еще являются в высокой степени полем для спекуляции, то это имеет место не потому, что эти отрасли зависимы от рынка, но наоборот потому, что они достаточно сильны, чтобы господствовать на рынке. Этого рода спекуляция является наиболее верной и прибыльной, но она-то как раз и не вызывается экономической необходимостью, а возникает вследствие определенных соотношений сил. Она есть не результат, но причина хозяйственной неустойчивости.

Отмена частной инициативы для этих отраслей производства, для крупных магнатов капитала, явится актом освобождения не только для пролетариата, но и для всего общества.

Следовательно, социализация должна будет начаться именно с этих отраслей. Их социализация не только наиболее возможна, но и наиболее необходима.

Наоборот, социализация тем затруднительнее, чем в большей мере данная отрасль служит удовлетворению роскоши, а не всеобщей, настоятельной, жизненной потребности; чем многочисленнее и разнообразнее ее предприятия, чем многочисленнее ее потребители, чем индивидуальнее и изменчивее их требования. Многие из этих отраслей производства должны будут основательно изменить свой характер, прежде чем можно будет вообще говорить об их социализации.

Все же мы вправе ожидать, что с каждым дальнейшим шагом вперед трудности социализации будут уменьшаться. По мере развития социализации наш опыт в этой сфере будет возрастать; вместе с этим будет расти и влияние социализированной, планомерно-действующей части хозяйства на все хозяйство общества.

Мы указали уже, что социализация должна начаться с тех отраслей, которые в такой мере превратились в частную монополию, что стали полными хозяевами рынка. Чем больше таких отраслей, как, напр., уголь, железо, железные дороги, будет социализировано и, следовательно, спаяно хозяйственным единством, — разумеется, с широким самоуправлением отдельных частей, — тем больше будет их господствующее влияние на рынке, их определяющее воздействие на производство других отраслей, их уравновешивающее влияние на колебания рынка, их содействие упрочению нормального хода хозяйственной жизни. В той же мере будет падать и значение частно-предпринимательской инициативы в сфере обращения. За исключением тех предприятий, где предпринима-

телю попрежнему принадлежит решающая роль в процессе производства, как в области искусства, социализация, по мере роста ее опыта и практического применения, все легче будет проникать и в более дифференцированные отрасли производства. В конце концов, она станет возможной и в таких отрасях, которые ныне кажутся для нее совершенно недоступными. Но она станет возможной в них лишь после того, как долгий процесс развития создаст необходимые для этого условия. Начать этот процесс и притом начать его с нужного конца, есть первейшая практическая задача социалистических партий, ставших у власти. Было бы роковой ошибкой, если бы они вздумали начать социализацию со всех концов и во всех углах народного хозяйства одновременно. Но не менее роковой ошибкой было бы начать социализацию не с того конца, начать ее, скажем, с сельского хозяйства.

Если ограничить размеры и темп социализации правильной мерой и если начать ее с того конца, с какого следует, то вопрос об осуществлении социализации в таких высоко-развитых странах, как Германия или Англия, есть лишь вопрос силы и ближайшего времени.

Есть товарищи, которые думают, что еще не созданы психические предпосылки социализма, предполагающего высокую степень общественного интереса, еще не достигнутую рабочими.

Разумеется, была бы полезна и желательна более высокая степень общественного интереса, чем та, какая достигнута до сих пор. Но если бы от нее зависел успех социализации, то с социализацией дело обстояло бы очень плохо. Ибо если нет сомнения в том, что экономическое развитие не только все больше концентрирует капиталы, но и все больше углубляет противоположность интересов труда и капитала и делает рабочих все сильнее и сознательнее, то у нас нет никаких указаний на рост общественного интереса в рядах пролетариата. Конечно, классовая борьба создает у рабочих сильное чувство взаимной солидарности. Но

всегда существует опасность, что солидарность эта станет корпоративной солидарностью рабочих отдельных профессий и выродится, таким образом, в цеховую форму. Мы не должны забывать, что до сих пор идеализм рабочего воспламенялся не столько экономической борьбой против капитала, сколько политической борьбой за великую цель обновления всей государственности. В тех демократиях, где нет великих политических битв, демократический строй в условиях буржуазного общества легко заглушает чувство общественного интереса. Самую высокую степень идеализма за последние десятилетия мы встречаем у русских рабочих, самую низкую — у американских.

Мы не должны забывать, что в нынешних условиях рабочие не могут вполне избегнуть влияния капиталистического образа мышления, проникающего во все поры общества и зачастую в высокой степени парализующего влияние классовой борьбы.

Это не должно, однако, лишать нас бодрости. Имея в виду вышеуказанное обстоятельство, мы должны придать социализации такие формы, которые обеспечили бы ее жизнеспособность и без наличия чрезвычайного общественного интереса и жертвенного самоотречения со стороны рабочих. Мы должны придать социализации такие формы, которые апеллируют к интересу рабочего, разумеется, не просто к денежному его интересу, но и к интересу, который вызывается большей властью и свободой. Социализированное предприятие должно быть так поставлено, чтобы каждый занятый в нем был заинтересован в его преуспеянии и поэтому радостно и усердно исполнял свой долг. Исходя из этого, мы должны будем установить формы вознаграждения в социализированных предприятиях и определить ту роль, какая будет принадлежат их руководящим органам. Если инициатива руководящего органа будет по мере развития социализации становиться все менее необходимой, то заинтересованность его

в успешном ходе производства должна быть условием постоянным, если мы хотим, чтобы социалистическое производство было продуктивнее капиталистического и стояло на высоте своей великой задачи.

Поэтому максимальная свобода действий должна быть предоставлена руководящему органу, и не должно останавливаться перед вознаграждением сверх обычного размера, если таким путем можно привлечь на службу выдающихся организаторов. Точно также не следует останавливаться перед участием руководящего органа и рабочих каждого предприятия в том прибавочном продукте, который создан специально их трудом, а не является следствием общих — естественных или общественных — факторов производства.

8. Формы социализации.

а) Социализация и социальная реформа.

Социализация будет осуществляться лишь постепенно, шаг за шагом, и, с точки зрения нетерпения пролетариата, слишком медленно. Не даст она и немедленного значительного повышения дохода рабочим социализированных предприятий.

Поэтому деятельность правительства и парламента, после завоевания пролетариатом политической власти, не должна ограничиться одной лишь социализацией. На ряду с социализацией необходимо прибегнуть к мерам, которые заметно улучшают положение не только рабочих, но всего неимущего населения. Эти меры смогут быть тем радикальнее, чем богаче общество, то-есть, — на первых порах, конечно, — чем богаче класс капиталистов, чем выше его доходы, зависящие от производительности труда. В соответствии с этим увеличится и налоговое бремя, которое будет возложено государством и общинами на имущие классы для усиления общественной помощи неимущим.

Дальнейшей мерой должно быть создание достаточной сети учреждений общественной медицины, как профилактической, так и лечебной; расширение и усовершенствование школьного дела, с предоставлением школьникам пищи и одежды за счет общества.

Общество должно взять на себя заботу не только о самых молодых, но и о самых старых и вообще неработоспособных своих членах независимо от того, принадлежат ли они к классу наемных рабочих или нет. Помощь безработным должна быть продуктивнее и менее угнетающей, чем в настоящее время.

И, наконец, государство и общины должны взять в свои руки жилищное дело и осуществить постройку дешевых, здоровых и приятных жилищ.

Все эти меры, при энергичном их осуществлении, уже сами по себе должны в значительной мере улучшить положение масс и устранить наихудшие причины их морального упадка и интеллектуальной отсталости. Если к этому присоединится достаточно широкая просветительная деятельность среди масс социалистической партии, профессиональных союзов, фабрично-заводских советов, то все эти меры вместе взятые должны чрезвычайно поднять уровень пролетариата, усилить его способность к промышленному самоуправлению, повысить в нем чувство долга по отношению к государственным и коммунальным предприятиям, увеличить в нем интерес к социалистическому режиму, облегчить осуществление социализации и в то же время сдерживать до некоторой степени нетерпение пролетариата. Это последнее обстоятельство предохранит процесс социализации от поспешных шагов, могущих повлечь за собой неудачи и разорение.

Когда мы говорим о необходимой медленности процесса социализации, то мы этим, разумеется, не имеем в виду ни ленивой медлительности социалистического правительства, ни улиткоподобного темпа его социалистических работ. Перед ним, на

ряду с социализацией, будет стоять много других великих задач — мы отметили выше только некоторые из них — разрешимых на основе капиталистического строя, не требующих никакой социализации, но до сих пор оставшихся неразрешенными, не вследствие экономических причин, но вследствие неблагоприятного для пролетариата соотношения сил в политической сфере. Эти задачи должны быть безотлагательно разрешены, как только соотношение сил на политической арене коренным образом изменилось в пользу пролетариата.

Общественное значение этих великих реформ отличается тем от экономической революции, вызываемой социализацией, что реформы не устраняют противоположности интересов труда и капитала, а, следовательно, и классовой борьбы с ее неприятными следствиями. Вместе с ростом силы и сознательности пролетариата они лишь усиливают в нем потребность заменить капиталистическую автократию промышленной демократией.

Таким образом, осуществление великих реформ, наступающее в результате победы пролетариата, не может ни удовлетворить пролетариат, ни ослабить его натиск на капитал, но сделает его еще более решительным. Лишь после того как социализированное предприятие становится господствующей формой производства, общество находит ту основу, на которой может совершаться дальнейшее его развитие без борьбы классов. В обществе, покоющемся на такой основе, рабочий класс есть не только творец богатства, но и его обладатель, а масса населения находит в этом обществе удовлетворение и счастие.

б) Исходные пункты социализации.

Как мы видели выше, имеются определенные отрасли производства, с которых должна начаться социализация. В каждой отдельной стране созидательная деятельность в области хозяйства должна будет иметь свои особенности, соответственно своеобразию почвы и исторического прошлого. По-

этому исходный пункт социализации не во всех странах будет один и тот же. В Швейцарии, напр., нельзя начать с горной промышленности за неимением таковой.

Но общей для всех капиталистических стран является одна крупная отрасль производства, представляющая собой общественную монополию больших размеров, абсолютно необходимая для хозяйственной жизни страны и обеспеченная спросом на свои услуги, это — железные дороги.

Во многих государствах они уже огосударствлены; там, следовательно, социализация внесет изменения не в право собственности, но в организацию дела. Ведь, государственными железными дорогами везде управляет бюрократия. Везде, следовательно, задача социализации железных дорог состоит в том, чтобы сделать их деятельность независимой от бюрократии и дать им право самоуправляющейся промышленной демократии, ведающей управлением государственным имуществом согласно распоряжениям и указаниям государства.

В странах, где железные дороги еще находятся в частном владении к вышеуказанной задаче, конечно, присоединяется другая, именно перевод их из частной собственности в государственную.

Там, где имеется горная промышленность, она составляет второй исходный пункт социализации. Число государственных копей еще незначительно, поэтому здесь задача социализации включает не только вопрос об организации, но и вопрос о праве собственности.

В обоих странах, где господство пролетариата наступит раньше, чем где-либо, в Англии и Германии, уголь и железные дороги несомненно будут исходным пунктом социализации. Вокруг них будет вестись самая упорная борьба, и ее исход будет иметь решающее значение. Ибо государственная власть, овладевшая обоими этими позициями, уже имеет в своих руках ключ к господству над производственным процессом всей страны.

Не во всех отраслях производства государство является призванным носителем социализации, хотя его законы и создают основу и возможность существования для всевозможных ее видов. Основная и неизменная цель социализации состоит в замене хозяйства для извлечения прибыли хозяйством для удовлетворения потребностей. Собственниками средств производства должны быть те, чьи потребности должно удовлетворять производство. Однако, круг этих элементов не всегда будет совпадать с населением данного государства. Мы оставляем здесь в стороне возможность международного хозяйства, покоющегося на общей собственности союза народов на интернациональные средства производства и сообщения: развитие несомненно идет в этом направлении. Эта перспектива, однако, лежит вне круга наших ближайших задач и относится к более высокой форме развития социалистического хозяйства. Нам, стало быть, незачем заниматься ею здесь.

Займемся лучше тою стороной проблемы, которая имеет прямо-противоположный характер. Многие отрасли производства или средств сообщения имеют чисто-местное значение. Круг их потребителей гораздо уже круга жителей государства. В этом случае огосударствление средств производства и сообщения было бы совершенно бесцельным и явилось бы большим и ненужным загромождением хозяйственного аппарата. Для удовлетворения местных потребностей должны служить муниципальная собственность и муниципальное производство.

Как общее явление, муниципализация местных монополий сделала гораздо большие успехи, нежели огосударствление крупных монополий, охватывающих всю страну. Снабжение водой, газом, электричеством, городские трамваи, — все эти монополии в большинстве случаев уже муниципализированы. В этой области задача сводится, главным образом, к тому, чтобы в городских предприятиях

бюрократическую автократию заменить формами производства, основанными на максимальном самоуправлении рабочих, — разумеется, таким образом, чтобы не нарушить справедливых интересов потребителей и не превратить городских рабочих в привилегированную рабочую аристократию, пользующуюся преимуществами за счет остальных рабочих.

На ряду с этим города с социалистическим большинством должны позаботиться также о расширении сферы муниципальных предприятий, работающих для удовлетворения городского потребления. При этом им нет нужды ограничивать свою производственную деятельность предприятиями монопольного характера.

Хлебопекарни, например, вовсе не имеют еще монопольного характера, и между ними существует сильная конкуренция. Если частно-предпринимательская инициатива в этой области играет еще большую роль в процессе обращения, то только благодаря конкуренции, которая исчезнет сама собой, как только хлебопекарни будут муниципализированы. Сбыт товара в этой отрасли чрезвычайно прост и, при отсутствии конкуренции, не требует особой инициативы. Хлеб не подчиняется ни моде, ни индивидуальному выбору и особенностям, сбыт его равномернее, чем какого-либо иного товара. В крупном городе с большим числом хлебопекарен крупные издержки для каждой из них вызывает развозка хлеба по всему городу. Если все хлебопекарни об'единены, тогда для каждой из них возможно отвести ближайший район, благодаря чему значительно сократятся издержки по доставке хлеба, и можно будет понизить цену хлеба, а также повысить плату рабочим хлебопекарных заведений или облегчить условия труда для них.

На ряду с заботой о хлебе социалистические города должны будут уделить много внимания и сил заботе о жилищах. Мы уже отметили выше, что жилищная политика станет одной из первых задач социалистического режима. Он должен в

первую очередь заняться улучшением жилищных условий беднейшего населения. Без коренных изменений в государственном законодательстве этого нельзя достичь. Однако же, главную часть работы должны взять на себя города и заняться возведением жилищ хозяйственным способом или через посредство строительных товариществ, что опять-таки влечет за собой огосударствление или муниципализацию изготовления строительных материалов.

Таким образом, в сфере государственного и местного хозяйства выявятся самые разнообразные отправные пункты социализации.

На ряду с этими формами возможна еще третья форма хозяйства для удовлетворения потребностей. Потребители одного или нескольких определенных предметов могут об'единиться в товарищество по изготовлению этих предметов в собственных мастерских для собственного потребления. Но образования такого рода лишь в том случае будут иметь социалистический характер, если они исходят от наемных рабочих. Производительная кооперация имущих всегда будет стоять в классовом противоречии к своим рабочим и не может быть средством преодоления этого противоречия.

Особенное значение для этой формы хозяйства имеет рабочая потребительная кооперация. На первых порах цель ее состоит в том, чтобы непосредственным приобретением товара от производителя и продажей по себестоимости, с надбавкой, разумеется, на расходы по управлению и на риск, устранить для потребителя вредные последствия паразитического посредничества. Но, по достижении кооперацией достаточных размеров, а именно с об'единением местных союзов страны в единый крупный закупочный кооператив, у него является возможность собственного изготовления единичных товаров для собственного сбыта. По существу, здесь перед нами уже социалистическое хозяйство, так как оно производит не на рынок, но для потребления своих членов, и основано не для извле-

чения прибыли, следовательно, предоставляет своим рабочим такие условия труда, какие при данных обстоятельствах совместимы с жизнеспособностью предприятия.

Как доказывает пример Англии, собственное производство потребительных союзов может, при благоприятных условиях, достигнуть обширных размеров еще до завоевания пролетариатом государственной власти. Конечно, оно всегда будет ограничено несколькими, немногими отраслями, производящими товары непосредственно для личного потребления широкой массы. Следовательно, в сферу собственного производства потребительных союзов входят лишь отдельные, немногие товары, предназначенные для личного массового потребления, да и то не все изготовление этих товаров целиком, но, по большей части, только заключительные его фазы. Производство средств производства остается для кооперации почти совершенно недоступным, а ведь оно при прогрессирующем разделении труда составляет все большую часть общественного производства, являясь в собственном смысле этого слова областью крупного производства и, следовательно, главной движущей силой социализма. По сравнению с социализаторской деятельностью государства и городов производство потребительной кооперации всегда будет составлять весьма скромную величину и заменить их ни в каком случае не может.

Тем не менее собственное производство потребительных союзов может получить очень важное значение, не только как образец социалистического производства, но и по своему экономическому и социальному влиянию на положение многих слоев пролетариата. А в отсталых, аграрных странах оно, может быть, приобретет еще более важное значение, чем в промышленных государствах. В этих последних между крестьянством и наемными рабочими в большинстве случаев легла уже резкая грань и сильные противоречия разделяют их. В этих странах сельскохозяйственные кооперативы име-

ют совсем иной характер, чем кооперативы пролетарские. Иное положение наблюдаем мы в России, в балканских государствах, на Кавказе. Подобное же положение создается, пожалуй, в Китае и в Индии. Там промышленные рабочие и крестьяне еще близки друг к другу. Еще недавно вели они в теснейшем союзе великие революционные битвы. Безумная жестокость большевиков сделала, правда, все, что было в их силах, чтобы отвратить симпатии крестьян от пролетарской революции. Все же, надо полагать, что и теперь еще пропасть между русским рабочим и крестьянином не непроходима.

При таких условиях для потребительной кооперации городских рабочих является возможность пустить корни и в деревне и в высокой мере обеспечить себе огромные покупательные силы всего сельскохозяйственного населения. Это создает для собственного производства потребительных союзов этих стран несравненно более широкую и прочную базу, нежели в промышленных государствах.

Потребительные союзы будут важнейшими, но не единственными организациями потребителей, стремящимися к собственному производству для удовлетворения собственного потребления. По известному слову библии, не единым хлебом жив человек, но и словом божиим. Он нуждается не только в хлебе, селедках, сале, мыле, сапогах и прочих товарах кооператива, но и в духовной пище. Но он решительным образом воспротивится тому, чтобы эту пищу ему предписывало и изготовляло начальство. Ничто не может быть лучшим доказательством бескультурности большевизма, чем тот факт, что большевизм уничтожил в России всякую литературно-издательскую возможность, кроме дозволенной государственным издательством. Благодаря этой мере большевизм стал, несмотря на заигрывание с современным искусством и литературой, страшнейшим средством отупления масс, какое когда-либо существовало со времен злейшего изуверства христианских и магометанских фанати-

ков, до тла уничтоживших последние остатки древне-эллинской культуры.

В цивилизованном пролетарском государстве читающая публика не позволит преподносить себе литературу, предварительно прожеванную заботливой полицией.

Попытки вытеснить из литературы капиталистического издателя могут быть предприняты лишь в том направлении, что его место занимает свободная организация потребителей. Уже в настоящее время существуют организации, издающие журналы, газеты, книги не с целью наживы, но для удовлетворения потребностей своих членов. Профессиональные союзы издают свои журналы; специальные органы издаются союзами врачей, инженеров и т. д. Газеты социал-демократических партий также не являются коммерческими предприятиями. Всякой другой организации должно быть и будет предоставлено право выпускать в свет всякого рода издания для своих членов и друзей.

На ряду с этим и государство, и отдельные города могут, со своей стороны, издавать сочинения для государственных и муниципальных целей, государственные и городские статистические исследования, собрания законов, школьные книги или сочинения, ценность которых общепризнана, т. е. сочинения так называемых классиков.

Социализация, как видим, может исходить из различнейших пунктов и уже по этому одному может принимать разнообразнейшие формы. Нет ничего ошибочнее веры в социализацию, проводимую единым ударом сверху вниз и превращающую все общество в одну огромную казарму или, как говорит Ленин, в одну огромную фабрику. Исходные пункты и формы социализации будут столь же разнообразны, как бесконечно многообразна жизнь современного общества. Ее осуществление будет тем удачнее и успешнее, чем меньше будет при этом вмешательства со стороны государственной бюрократии, чем сильнее, дальновиднее и целесообразнее будет проявляться самодеятельность раз-

личных общественных групп и, прежде всего, рабочих масс.

Время осуществления социализации будет столь же различно, как разнообразны ее формы и исходные пункты. Конечно, осуществление социализации потребительными организациями и городами зависит от государственного законодательства. Но там, где политический строй хотя бы до некоторой степени демократичен, для кооперации и городов имеется достаточный простор, чтобы, при развитом рабочем движении, осуществить социализацию, хотя бы в некоторых областях, еще до завоевания государственной власти пролетариатом. Наибольшие возможности в этом отношении открываются для потребительных союзов. Но многого могут достичь и города индустриальных областей, располагающие в отдельных случаях социалистическим большинством гораздо раньше, чем парламент.

Своеобразной чертой этого развития является, конечно, то, что руководящая роль в нем принадлежит не столичным городам. Здесь перед нами снова отличие пролетарской революции от буржуазной. В буржуазных революциях инициатива принадлежит столице, которая и задавала тон всему движению. Английская революция против Карла I не победила бы без победы Лондона. Какое значение для революции имел Париж, начиная с 1789 года, известно всем. В 1848 году руководящая роль в революции принадлежала Парижу, Вене, Берлину. Точно также и в российских, глубокопроникнутых буржуазным содержанием революциях 1905 и 1917 года руководили движением Петербург и Москва.

Совсем иную картину представляет пролетарская революция. Для нее гораздо большую важность имеют чисто-промышленные области, чем столицы, промышленность которых, по большей части, производит предметы роскоши, в которых еще больше, чем индустрия, сконцентрирована бюрократия всей страны и в которых вдобавок ко

всему царит подкупность и разгул. Так, уже во времена чартизма Лондон далеко уступал промышленному северу Англии в отношении социалистической сплоченности и решительности. Париж после 1871 года перестает быть авангардом социализма. Современная слабость социализма во Франции обусловлена отчасти тем, что во время войны промышленный север был разрушен. Точно также и Берлин в настоящее время настолько отстал в смысле социалистической мощи от индустриальных областей Германии, что оказался даже не в силах отстоять свое социалистическое большинство. Только Вена составляет исключение среди столиц развитого капитализма.

В промышленных, в собственном смысле слова, областях мы достигнем большинства гораздо раньше, чем в столицах. Но здесь немалым препятствием для нас является то, что большинство населения этих областей чрезвычайно бедно. Производимые им массы прибавочной стоимости уплывают, обычно, в столицу, где накопляются или растрачиваются.

Следовательно, великих результатов от социалистической деятельности кооперативов и городов ожидать не приходится до тех пор, покуда во всем государстве не образовалось решительного социалистического большинства. Но как бы ни была тяжела их деятельность до наступления этого времени и как бы незначительны ни были ее успехи, они все же будут иметь большое значение, как те первые шаги, которые, как известно, являются самыми трудными. Своею деятельностью они прокладывают новые пути для будущего; накопленный ими опыт оплодотворит нашу будущую практику в широком масштабе, предохранит ее от ошибок и сделает ее более успешной. Кроме того, их пропагандистское и поощрительное значение чрезвычайно велико в тех случаях, когда они на деле доказывают превосходство социалистического предприятия. Наилучшая организация и наилучшее руководство бесполезны сами по себе, без достаточной

подготовленности и зрелости рабочих к самоуправлению.

Когда рабочие городских предприятий докажут эту зрелость, тогда социализация, в лице городских предприятий, приобретет непреодолимую силу распространения на более широкие сферы. Наоборот, если рабочие этих предприятий окажутся незрелыми для самоуправления, то и шансы на осуществление социализации в государственном масштабе будут невелики.

Пусть же рабочие всех городских предприятий, а также рабочие государственных предприятий помнят постоянно, какая великая ответственность за дело освобождения всего пролетариата лежит на них!

в) Производительное товарищество.

Многообразны должны быть исходные пункты и различны моменты осуществления социализации в разных отраслях производства и средств сообщения. Столь же многообразны будут и формы ее организации.

Если отвлечься от утопических изображений и опытов создания небольших, самодовлеющих, социалистических общежитий, колоний, фаланстеров и т. д., то первой из предлагаемых форм социализации является производительное товарищество. Рабочие данного предприятия берут его в свое ведение, организуют его по собственному усмотрению, вводят для себя устав, избирают руководящий орган. Здесь перед нами образчик совершеннейшей демократии труда. Рабочие свободно распоряжаются средствами производства и всем продуктом своего труда.

Было время, когда всякий, кто вообще задумывался над проблемой освобождения труда, видел в производительном товариществе средство ее разрешения. Либеральные друзья рабочих отличались от социалистов только тем, что рекомендовали иной путь к производительному товариществу. Либе-

ралы полагали, что рабочие сами могли бы освободить себя от ига капитала, если бы достаточно усердно делали сбережения, чтобы скопить средства для создания таких товариществ. Социалисты же считали бессмысленными такие ожидания и заявляли, что производительные товарищества могли бы иметь значение для отмены наемного рабства только в том случае, если бы они были созданы в большом числе на государственные средства для всех рабочих, если бы собственность на средства производства государство сохранило за собой, организацию же производства взяли на себя товарищества, об'единенные в мощные союзы.

В этом были согласны почти все социалисты. Они расходились, однако, в вопросе о том, каким путем добиться государственной помощи. Луи Блан, который был весьма горячим защитником идеи производительных товариществ, полагал, что установление демократической республики уже само по себе достаточно, чтобы обеспечить рабочим необходимую помощь государства. Лассаль, перенявший идею Луи Блана, полагал даже, что достаточно одного лишь всеобщего и прямого избирательного права, чтобы добиться, даже в условиях прусской военной монархии, от государственной власти готовности освободить пролетариат от ига капитала.

Маркс же, напротив, видел во всеобщем избирательном праве и демократической республике необходимые предпосылки освобождения пролетариата, но освобождение это считал возможным лишь при том условии, если государственная власть завоевана пролетариатом, что предполагает не только всеобщее избирательное право и республику, но и высокое развитие капитализма и многочисленный, хорошо организованный и дисциплинированный пролетариат. Он также придавал большое значение производительным товариществам, но для ближайшего времени ему представлялись гораздо более важными профессиональные союзы.

Значение профессиональных союзов поднялось выше, чем когда-либо, в настоящее время, после

того как они уже не ограничивают своих задач только вопросами заработной платы и рабочего времени, но энергично вмешиваются, как во внутреннюю, так и во внешнюю политику. Наоборот, о производительных товариществах почти уже не говорят. Практический опыт с ними вызвал не мало сомнений на их счет. Правда, многие из них привели к удачным результатам, являясь примером того, что мысль о самоуправлении рабочих в промышленности отнюдь не является утопией. Но с производительными товариществами случилось то же, что вообще случается со всякими предприятиями в капиталистическом мире. Одни из них развивались, другие приходили в упадок или кончали банкротством. Число последних было немалым уже потому, что часто их руководителям недоставало необходимого коммерческого опыта; они, кроме того, встречали самое резко-враждебное отношение к себе в буржуазном мире, со стороны тех, кто являлся для них поставщиком материала, кредитором, покупателем их продуктов.

Но, может быть, следовало бы обязать государство покрывать убытки каждого товарищества, как бы ни были неспособны его руководители, как бы недостаточны ни были его рабочие силы? Это привело бы к экономическому упадку самого государства, если бы оно оказывало такую помощь товариществам в широком масштабе. Достичь таким путем более высокого способа производства было невозможно. Капиталистическое государство, о котором только и могла итти речь до сих пор при попытках такого рода, и не помышляло, конечно, о том, чтобы оказать помощь товариществам. Поскольку дело зависело от него, оно действовало по правилу — падающего подтолкни.

Не должны ли были преуспевающие товарищества притти на помощь разоряющимся? Может быть, члены их должны были принять в свою среду на равных правах членов обанкротившихся товариществ? Эта мысль им и в голову не приходила. Они сами с большими лишениями и только

благодаря напряженной работе едва справились с трудностями начального периода. И вот, неужели теперь, когда усердие их начало приносить плоды, станут они делить их с теми, кто, может быть, благодаря недостаточной самоотверженности или малому прилежанию оказался разоренным! Были ли эти морализирующие рассуждения правильны или нет, или, может быть, решающее значение имели более холодные соображения коммерческого расчета, без морализирующего елея, — все равно конец песенки у производительных товариществ всегда был такой: одни из них кончили неудачей, удачливые же, напротив, разростались, нанимали новых рабочих, но уже не в качестве равноправных участников, а в качестве наемных рабочих. Практически, таким образом, производительные товарищества, вместо отмены господства капитала, сами стали средством превращения в капиталистов наиболее способных или удачливых пролетариев.

Тем не менее нет нужды целиком отказываться от идеи производительных товариществ. До сих пор практический опыт с ними производился в таких условиях, которые создавали им большие трудности. В пролетарском государстве они могли бы легче развить свои силы, а тот недостаток их, что они выращивали только новых капиталистов, может быть, удалось бы устранить с помощью особых узаконений.

Но в какой бы высокой степени это ни удалось сделать, нет оснований ожидать, чтобы производительные товарищества стали всеобщей формой социалистического производства, как это предполагали прежде.

В своей истории революции 1848 года Луи Блан говорит, конечно, подробно о социалистических попытках, которые были предприняты в духе, главным образом, Луи Блана в революционном году под давлением рабочих Парижа и при сильном сопротивлении временного правительства.

Необходимо отметить, что производства, в которых тогда с помощью государства были организо-

ваны производительные товарищества, были почти исключительно ремесленные производства. Это вполне соответствовало состоянию парижской индустрии, в которой даже в 1871 году, во времена Коммуны, машина не играла еще никакой роли.

Наиболее важным из основанных тогда производительных товариществ, было товарищество портных, насчитывавшее 2000 членов, которым в качестве мастерской была отведена бывшая тюрьма Клиши, пустовавшая вследствие отмены революцией долгового заключения.

Вторым производительным товариществом, возникшим благодаря влиянию Луи Блана, было товарищество седельников. Обоим товариществам были даны государственные заказы. Портным было заказано 100.000 мундиров для национальной гвардии, седельникам был дан заказ на седла, изготовлявшиеся до того в мастерских военного ведомства.

К этим двум товариществам присоединилось третье, товарищество позументщиков (fileurs), образовавшееся при портных в Клиши и получившее заказ на изготовление эполет для мундиров, заказанных товариществу портных.

Кроме этих, были еще товарищества: пильщиков, поваров, устраивавших трактиры для рабочих, сапожных колодочников и мебельных столяров. (См. Луи Блан «Histoire de 1848, I, гл. 10: «Associations coopératives, établies par le Luxembourg»).

Во всех этих производствах машина еще не победила ручной труд; в каждом из предприятий работали рабочие только одной профессии. Организация производственного процесса была чрезвычайно несложна, не требовала никаких особых познаний,

До сих пор производительное товарищество получило практическое испытание только в такого рода отраслях производства. Да и тут не всегда с полным успехом. Портняжество, столярное, седельное и позументное ремесла, ресторанное дело требуют в большой мере инициативного руковод-

ства в тех случаях, когда приходится применяться к личным вкусам одиночного потребителя и считаться с изменениями моды. Этого, конечно, не требуется, если они работают на массовую организацию постоянного характера с потребностями определенного рода, как это, напр., имеет место при военных поставках.

Производительные товарищества могут иметь известное значение для социализации в тех случаях, когда они работают в условиях простого ремесла и производят не для отдельных лиц, но для прочных организаций с определенными потребностями, как крупные закупочные товарищества, города, государство.

Следует, однако же, признать, что даже для тех отраслей, в которых до сих пор действовали производительные товарищества, более предпочтительной формой социализации является так называемый гильдейский социализм или передача организаторских и руководительских функций в предприятии соответствующему профессиональному союзу.

г) Гильдейский социализм.

В средине прошлого столетия, когда идея освобождения пролетариата путем производительных товариществ достигла наивысшего развития, профессиональные союзы на континенте Европы были, можно сказать, еще неизвестны. Даже в Англии они были еще мало развиты, слабы и разрознены, хотя и представляли уже силу.

В Англии возникла мысль о том, чтобы в интересах успешности производительных товариществ связать их с профессиональными союзами. В изданном в 1882 году в Штутгарте Dr. Seyfferth'ом (псевдоним Höchberg'a) сборнике «Staatswirtschaftlichen Abhandlungen» я опубликовал, тоже под псевдонимом (мы жили тогда под действием закона о социалистах!), за подписью Karl Kämpfer, статью о «профессиональных производительных товариществах».

Указывая в этой статье на недостатки производительных товариществ, я писал:

«Этому злу хотят положить конец тем, что производительные товарищества передаются в собственность профессиональным союзам, и, таким образом, прибыли их становятся достоянием всех организованных рабочих. Рабочие, занятые в предприятиях товарищества, будут профессиональным союзом поставлены в такие же условия, как и рабочие частно-капиталистической промышленности. Интересы их, следовательно, будут одинаковы с интересами остальных рабочих. Если товарищеские предприятия будут развиваться, то будет расти число занятых на них рабочих, и, следовательно, число независимых от капитала рабочих будет увеличиваться. Всякое расширение дела будет, таким образом, шагом вперед к освобождению труда, вместо того чтобы быть дальнейшим шагом к созданию новых капиталистов. Но, помимо этой мирной цели, товарищества должны служить и средством борьбы. Они должны давать занятие безработным и, в случаях стачек, быть опорой для стачечников. Надеются даже, что при достаточном распространении производительных товариществ они станут таким средством давления на капиталистов, что всякие стачки будут излишни; стачечные фонды можно было бы в таком случае обратить на дело расширения производительных товариществ.

Проекты образования профессиональных производительных товариществ не являются новостью. В Англии уже в 1842 году члены «The Journeymen Steam Engine and Machine Makers Friendly Society» на делегатском с'езде внесли предложение обратить средства союза на приобретение фабрик. В 1845 году это предложение было внесено снова и подвергалось серьезному обсуждению. Дальнейшие переговоры по поводу проекта велись в 1847 году, но непосредственно перед созывом делегатского с'езда наступил такой застой в делах, что все средства союза пришлось держать наготове для текущих расходов.

События 1848 года, столь сильно способствовавшие развитию кооперативного движения во Франции, оказали воздействие и на Англию.

«The National Association of United Trades» выступила в своем органе «Labour League» с предложением создать фонд («Employment Fund») в 50 000 фунтов стерлингов для основания предприятий, в которых члены союза и подписчики фонда, лишившись работы вследствие конфликта с предпринимателем, могли бы найти занятие.

Наиболее энергичные шаги в этом направлении были предприняты профессиональным союзом «Amalgamated Society of Engineers». В первый же месяц после амальгамирования (1850) союза члены его исполнительного комитета вступили в переговоры с членами «Общества для содействия

рабочим товариществам» о наилучшем способе помещения весьма значительных капиталов союза. Следствием этого явилась сильная агитация среди машиностроительных рабочих в пользу принципа рабочих товариществ, которая велась, как в официальных изданиях союза, так и в официозном его органе «The Operative». Последний ставит прямо-таки своей программной задачей улучшение положения рабочих посредством таких товариществ. Агитация пала на благодарную почву. Влияние идеи рабочих товариществ было тогда настолько сильно, что одна из ветвей союза машиностроительных рабочих в Bury на долгое время отделилась от главного союза вследствие того, что в его статутах не было указано никаких мер к осуществлению принципов рабочих товариществ». (С. 482, 483).

В 1852 году предполагалось приступить к практическому осуществлению идеи товариществ. В 1851 году был приобретен литейный завод. С об'явлением в 1852 году массового локаута хотели ускорить приобретение новых предприятий, чтобы дать занятие локаутированным рабочим, другую часть которых пытались устроить в спешно созданных производительных товариществах. Но локаут кончился поражением рабочих и, несмотря на щедрую помощь со стороны других союзов, поглотил все союзные средства. Вследствие этого всякие попытки основания или приобретения мастерских были на ближайший период времени парализованы. К тому времени, когда союз снова окреп, мысль о производительных товариществах уже повсюду в рабочих массах утратила свое магическое действие. Хозяйственный расцвет, наступивший одновременно с этим, принес такие успехи профессиональному движению, что мысль о преобразовании господствующего способа производства была оставлена.

В конце 70-х годов прошлого века блестящему состоянию профессионального движения наступил конец. В цитированной статье 1882 года я мог констатировать следующее:

«Ныне этот счастливый период для Англии уже миновал. Перепроизводство стало явлением всеобщего характера, и влияние его сказывается и в метрополии капиталистического способа производства. Монопольное положение английской индустрии на мировом рынке исчезает все больше, и

вместе с ним исчезает гармония труда и капитала. Профессиональные союзы разоряются, рабочий класс все больше сознает необходимость коренных социальных реформ. Нет ничего удивительного в том, что старые проекты организации производительных товариществ вновь оживают.

В пользу идеи создания таких товариществ высказался George Howell, секретарь парламентской комиссии трэд-юнионов, пользующийся большим уважением в кругах профессиональных союзов Англии. В своей книге «Конфликты труда и капитала» (изд. 1878, стр. 474) он говорит: «Рабочий до тех пор будет жить перебиваясь со дня на день, пока профессиональные союзы не обратят часть своих капиталов на фабрикацию товаров, составляющих предмет данной профессии... При нынешней системе организации и управления трэд-юнионов они из году в год поедают свой основной капитал, вместо того, чтобы, по примеру капиталистов, увеличивать его своими прибылями». (Стр. 485).

Эта идея защищалась и другими видными социально-политическими деятелями Англии. Их критике была посвящена только что цитированная статья. Я указывал на то, что средства союзов слишком ограничены, чтобы производственная деятельность их могла преуспевать, при современном темпе накопления капитала. Я, кроме того, указывал, что средства союзов должны быть всегда наготове для целей борьбы, и что союзные предприятия не в состоянии оказывать помощи в случаях безработицы, так как сами подвержены колебаниям рыночной кон'юнктуры. Перед ними стояла бы в этом случае противоречивая задача: в период расцвета иметь мало рабочих, а в период затишья предоставить работу многим.

Производительные товарищества профессиональных союзов только в том случае могли бы получить значение, если бы государство предоставило в распоряжение союзов необходимые средства.

В то время английские трэд-юнионисты об этом и слышать не хотели. В государстве они видели только его бюрократию, с которой им хотелось иметь как можно меньше дела. Только в течение последних двух десятилетий наступила перемена в этом отношении. Профессиональные союзы чрезвычайно усилились, но в то же время пришли к со-

знанию, что чисто-профессиональные методы борьбы недостаточны, если не дополняются политическими методами завоевания демократии и использования ее для целей пролетариата. Союзы об'единились в рабочую партию, и мысль о завоевании государственной власти с целью превращения ее в орудие экономического освобождения пролетариата делает в Англии быстрые успехи.

В такой обстановке снова возродилась мысль о профессиональных производительных товариществах, но теперь уже не в недостаточной, не в либеральной ее форме, но в форме социалистической. Не на средства своих боевых фондов должны профессиональные союзы основывать производительные товарищества, но на средства государства. Создание каждого такого товарищества должно служить великой, общей цели создания нового способа производства. В конечном итоге каждый профессиональный союз должен руководить производством всей той отрасли, рабочих которой он об'единяет, а все союзы вместе образуют великий общественный аппарат по управлению производством. Собственность на средства производства переходит в руки государства, само же производство в руки союзов.

Такова основная идея многократно упоминавшегося нами гильдейского социализма. Она возникла в стране, где профессиональные союзы больше чем где либо охватывают всю жизнь рабочих масс. Идея гильдейского социализма стала появляться уже за несколько лет до войны. С тех пор она породила обширную литературу и даже отдельные попытки практического осуществления. В течение последних лет в Англии образовались строительные гильдии, заключившие договоры с различными городскими самоуправлениями о постройке большого числа домов и до сих пор работающие вполне удовлетворительно. По их образцу образовались уже и в Германии и в Австрии строительные гильдии.

16 сентября 1920 года в Германии основан «Союз общественно-строительных предприятий», в котором участвуют следующие профессиональные союзы: союзы германских строительных рабочих, фабричных рабочих, маляров и лакировщиков, дерево-обделочников, металлистов, технических служащих, машинистов и кочегаров, гончаров, плотников, каменщиков, мостильщиков, кровельщиков, рабочих по асфальту, стекольщиков и, наконец, седельников и драпировщиков. «Общественно-строительное производство», организованное одним индустриальным союзом, конечно, отличалось-бы большим единством, чем осуществляемое таким ассортиментом союзных об'единений. Кроме перечисленных выше профессиональных союзов, в общественно-строительных предприятиях участвуют капиталами саксонское государство и ряд германских городов и поселковых товариществ. В основной капитал предприятия союзами внесено 6 миллионов марок и приблизительно столько же — прочими участниками.

О «состоянии и деятельности общественно-строительных предприятий» в Германии дает отчет докладная записка их союза германскому рейхстагу, представителям союзных государств и городов, представленная в начале 1922 года. В ней сказано:

«В настоящее время в союзах строительных товариществ и в союзе общественно-строительных предприятий об'единено, круглым счетом, 200 предприятий (строительных артелей и товариществ) на основе планомерной хозяйственной деятельности. В этих производствах занято в настоящее время, круглым числом, 20 000 строительных рабочих. Оборот достиг в отчетном году 350 миллионов марок. Эта сумма составилась из заказов, полученных ими в условиях свободной конкуренции с частными строительными предприятиями благодаря более выгодным предложениям. На всей сумме полученных заказов предложения общественно-строительных предприятий оказались ниже предложений частных предпринимателей, круглым счетом, на 40 миллионов марок».

Начало, таким образом, положено. Насколько быстро завоюет распространение эта организационная форма, зависит, конечно, прежде всего от ка-

чества ее работы. Не меньшее значение имеют и строительные заказы социалистических правительств и городов, а также, может быть, пролетарских организаций, потребительных союзов и т. п. На другие заказы общественно строительным предприятиям, на первых порах, особенно расчитывать не следует.

Есть все же основание полагать, что этой форме предстоит большое будущее, и в созидательном творчестве социалистического производства она сыграет значительную роль.

Но гильдейский социализм заходит слишком далеко, когда пытается представить гильдейскую форму производства, как единственную форму социалистического производства. О примитивности его воззрений на государство и недостаточности его экономических взглядов можно было бы не говорить, обходя их, как вопросы чисто академические, хотя они могут повлечь за собой и практически-вредные последствия. Но уже прямо опасным, даже с точки зрения практика, должен представляться тот узкий шаблон, куда гильдейский социализм хочет втиснуть весь хозяйственный строй социалистического общества. Его основная идея превосходна и обещает богатые плоды, но не следует слишком поспешно давать ей всеобщего применения.

Отнюдь не случайность тот факт, что идея гильдий до сих пор нашла практическое применение только в строительном деле. О применении ее в других отраслях производства еще нет определенных указаний, — по крайней мере, насколько мне известно.

Но о строительной промышленности надо сказать то же, что и о тех отраслях, в которых организованы были в 1848 году производительные товарищества: они еще находятся в стадии ремесла. Машина в них не играет еще никакой роли.

Если уже само название гильдейского социализма ведет нас к средневековой эпохе цехов, то туда же ведет и название «строительных артелей».

В отличие от других ремесел средневековья, в которых каждый мастер с одним, двумя или совсем без подмастерьев работал в своей мастерской, «свободные каменщики» уже с 12-го века были организованы в «братства», — приблизительно то же, что и нынешние профессиональные союзы. Там, где предстояла большая постройка — а крупные постройки предпринимались, по большей части, церковью — выполнение ее, по поручению церкви, города или какого-нибудь высокопоставленного лица, принимало на себя братство, которое и сосредоточивало свою деятельность в «строительной избе», помещавшейся возле места постройки. В те времена церкви строились медленно, столетиями, так что «строительная артель» была обеспечена постоянным заказом. Строительная организация переживала своих членов. В ней художник еще не отделился от обыкновенного рабочего. Все члены одинаково участвовали в приумножении и в пользовании богатым опытом и высокими познаниями, постепенно накоплявшимися в организации и, как тайная наука, боязливо охранявшимися ею от посторонних. Поэтому прием новых членов в организацию был обставлен многочисленными мерами предосторожности и испытаниями.

Абсолютизм, появившийся после реформации, положил конец всем самостоятельным организациям, в том числе и свободным союзам подмастерьев. Особенно ненавистными должны были казаться ему организации свободных каменщиков, у которых были какие-то тайны от начальства. Отныне они могли существовать только, как тайные союзы.

Одновременно исчезала и материальная основа существования строительных артелей: постройка готических соборов. В новом строительном искусстве чернорабочие уже отделились от архитекторов и художников, свои познания получавших теперь в высших школах, открытых для всех, но недоступных обыкновенному рабочему, которому недоставало ни средств, ни подготовительных знаний. При

таких условиях братства каменщиков с их тайной наукой стали излишни для строительного дела.

Явились-ли отмирающие братства свободных каменщиков только образцом для филантропических тайных союзов свободных каменщиков, появившихся в начале 18 века, или же непосредственно переродились в них, принимая в состав братства и людей не своей профессии, уже утратившей всякое практическое значение при новых условиях, это — вопрос, заниматься которым в данной связи нам нет никакой надобности.

Несмотря на все видоизменения, строительная промышленность все же осталась особой отраслью промышленности, склонной и ныне, как и в средние века, к своеобразной форме организации, так что строительные артели гильдейского социализма 20 века вызваны теми же условиями, что и строительные артели братств каменщиков и каменотесов, существовавших с 12 по 16 век.

Сходность этих условий состоит не только в том, что и ныне, как и тогда, машина никакой роли не играет в строительной промышленности. Подобие заключается еще и в том, что основной капитал теперь, как и тогда, имеет очень малое значение в этой отрасли. Почти все, к чему сводится здесь основной капитал, это — леса и лестницы. Земля, на которой возводится постройка, принадлежит заказчику. Заказчик же может доставить и строительные материалы или хотя-бы их оплатить. Гильдии, как ремесленнику, остается лишь выполнить строительные работы.

Вряд-ли кто станет оспаривать, что подобного рода отношения отнюдь не являются общим правилом в индустрии. Они столь же отличны от прочих индустриальных форм, как странствующий ремесленник, не имеющий своей мастерской и работающий на квартире и из материала заказчика, отличается от прочих ремесленников.

Этим вовсе не подразумевается, будто гильдейская система применима только в строительном деле. Она несомненно явится в целом ряде других

отраслей самой целесообразной формой социалистической организации производства. Необходимо лишь остерегаться поспешного и огульного применения этой системы ко всем и всяким видам социалистического производства.

Но в строительном деле она может оказать поистине революционизирующее влияние. Не забудем, что одной из ближайших и важнейших забот пролетарского режима явится улучшение жилищных условий. Этим он завоюет себе благодарность и симпатии, может быть, трех четвертей населения города и деревни. Местное самоуправление станет призванным носителем этой великой социальной реформы, а общественно-строительные предприятия их сильнейшими органами, которые, в свою очередь, в социалистических муниципалитетах будут иметь сильнейшую опору.

д) Общественно-хозяйственная организация.

Как общее правило, строительное предприятие гораздо обширнее по размерам и многообразнее, чем обычное ремесленное предприятие — мастерская. Оно охватывает не одно, но целый ряд различных ремесел: каменщики, плотники, кровельщики, гончары и т. д. Но на месте постройки каждый из этих ремесленников работает сам по себе. Все они работают друг подле друга или один за другим, но не совместно.

Совсем иначе идет процесс труда в крупном предприятии современной индустрии. В каждом из таких предприятий заняты рабочие различнейших профессий, работающие совместно и друг для друга, так что каждый из них зависит от работы очень многих из своих товарищей. Руководящему органу необходимо обладать исключительными организаторскими способностями и всесторонним знакомством с делом, чтобы каждому в предприятии определить его роль и место, полностью используя каждую рабочую силу и не допуская трений и задержек ни в одном из пунктов производственного

процесса. Но, кроме живых рабочих сил разного рода, число которых нередко достигает многих тысяч человек, предприятие располагает множеством огромных машин и строительных сооружений. Для беспрерывного хода производства необходимо правильное снабжение предприятия разнообразнейшим сырьем и вспомогательными материалами со всех концов света, для чего требуется широко-разветвленный коммерческий аппарат. Таковой же в не меньшей степени необходим и для сбыта готовых продуктов.

В виду этого чрезвычайно возрастают об'ем знаний и размер способностей, которыми должны располагать руководящие предприятием лица. Эти знания могут быть получены только в высших учебных заведениях, до настоящего времени еще недоступных обыкновенному рабочему.

Если, таким образом, функции руководства современным предприятием далеко превосходят меру способностей опытного, интеллигентного рабочего, то, с другой стороны, экономическое развитие во многих крупных предприятиях, наоборот, понизило во много раз размеры требований, пред'являемых к массовому рабочему. Вместо искусного ремесленника, всесторонне знающего свое ремесло, перед нами теперь рабочий — исполнительное орудие, приученный к немногим однообразно-повторяющимся приемам и ничего, кроме них, не смыслящий в производственном процессе, в котором он участвует.

В ремесле и еще в строительном деле большинство рабочих в состоянии в достаточной мере осмыслить довольно несложный производственный процесс, чтобы самим определить, кто из них наиболее пригоден к роли руководителя. Но это становится тем труднее, чем выше капиталистическое развитие данной отрасли производства. Вместе с тем возрастает и роковое значение ошибок в этой области, ибо их экономическое влияние тем интенсивнее и шире, чем более высокой степени развития достигло предприятие.

Но еще важнее в этом отношении следующее соображение: как мы уже отметили, гильдейский социализм чисто-механически отделяет производство от потребления, для него производство в каждой отрасли промышленности есть нечто, что касается только рабочих данной отрасли. Так, напр., Cole говорит:

«Совершенно ясно, что управление производством и ответственность за него должны быть предоставлены исключительно самим гильдиям, и ни государство, ни какая-либо иная посторонняя инстанция не будут иметь права голоса при назначении должностных лиц и членов правления гильдии». (Самоуправление в промышленности, с. 112).

И далее:

«С точки зрения гильдейца, управление производством должно принадлежать производителю, а не потребителю. Только предоставив производителю полную власть над его продуктом, осуществляем мы принцип подлинной демократии. Ибо самоуправление столь же применимо в промышленной деятельности, как и в политике». (Стр. 145).

Согласно такому странному пониманию, «подлинная» демократия состоит в том, что общество не вправе интересоваться тем, что предпринимает каждый из отдельных его органов. Государство годится лишь для того, чтобы предоставить отдельным профессиональным союзам власть над средствами производства их отрасли промышленности. Но как будут они распоряжаться общественной собственностью, до этого никому, кроме них, нет никакого дела.

В производственном процессе гильдии должны действовать совершенно самостоятельно. Только после того как они появились с готовым продуктом на рынке, предоставляется право и потребителю вставить словцо относительно цены продукта. Для этого потребители должны быть организованы.

«Гильдейские социалисты полагают, что хозяйственные отношения между отдельными людьми могут быть полностью урегулированы лишь при том условии, если производители и потребители одинаково организованы и ведут между собой переговоры в качестве равноправных сторон». (Там же, стр. 128.)

Но как быть в том случае, если переговоры ни к чему не ведут, если гильдия становится на точку зрения силы? Не приведет ли это к борьбе за власть между гильдиями и союзами потребителей?

Что тут дело не ладно и нужен иной выход, догадывается и сам Cole:

«Взаимозависимость нации в лице отдельных ее членов так велика, производство и потребление так неразрывно переплетены между собой, что столь абстрактное разделение функций (между производителями и потребителями) нельзя класть в основу теории современного общества. Я должен признать, что проблема в таком виде долго оставаться не может...

При возникновении споров между отдельными гильдиями и парламентом, решение их должно быть передано органу, в котором представлены, как организованные производители, так и организованные потребители. Высший суверенитет в индустриальных вопросах должен принадлежать коллегии, сообща составленной парламентом и союзом гильдий. В противном случае решения несправедливо будут приниматься то в пользу одной, то в пользу другой стороны». (Стр. 129, 130.)

Конечно, совершенно неверно, будто в союзе, об'единяющем различные гильдии, будут иметь значение только интересы производителей. Вряд-ли найдется хоть одна гильдия, которая по отношению к остальным не будет в положении потребителя. По отношению к гильдии углекопов, например, все прочие гильдии производителей являются потребителями и, следовательно, представляют потребительские интересы. С другой стороны, в социалистическом обществе каждый работоспособный человек не есть только потребитель, но и производитель, и никто не в состоянии так раздвоится, чтобы в союзе гильдий мыслить иначе, чем в парламенте, избираемом теми же членами общества.

Так как избирательные основы каждой из обоих коллегий различны, то временные разногласия между ними весьма возможны, но они лишь в самых редких случаях будут итти по линии деления граждан на потребителей и производителей.

Но допустим, что союз гильдий выступает представителем интересов, общих всем отраслям производства, хотя таких обще-производитель-

ских интересов не может быть в социалистическом обществе. И допустим даже, что партийные различия в парламентах будут определяться одним единственным мотивом, общим якобы всем партиям, потребительским интересом. Что получилось-бы, при таких условиях, из коллегии, «сообща составленной парламентом и союзом гильдий»? Она ведь должна была бы быть составлена таким образом, чтобы ни одна из сторон не имела большинства. Но раз стороны не могут притти к соглашению, то разве может паритетно-составленная коллегия привести к какому-нибудь результату? Для этого ей пришлось-бы, как и всякому третейскому суду, прибегнуть к помощи кого-либо третьего, незаитересовенного и беспартийного, который, в данном случае, не принадлежал бы ни к производителям, ни к потребителям.

Вполне понятно, что Cole отказывается от создания этого надземного существа, предоставляя эту задачу будущей теории общества. Этой новой теории, которая еще должна быть создана, предстоит, таким образом, разрешить задачу, весьма сходную с нахождением квадратуры круга.

Но если бы даже и удалось вопреки всему создание этого сверх-суверена, стоящего над суверенным союзом гильдий и не менее суверенным парламентом, то этим немного было бы достигнуто. Подумать только, каких хлопот стоило бы призывать высшего судью по поводу каждого спорного пункта между гильдиями и парламентом! Вся производительная жизнь была бы полна трений, неуверенности, волокиты. Каждая гильдия имела бы полную свободу организовать производство по собственному усмотрению, может быть, к величайшему вреду для потребителей. Только после того как вредные последствия уже обнаружились, потребители имели бы право вмешаться в дело, чтобы только констатировать, что вред им, действительно, нанесен. Ибо не всякий вред поправим задним числом.

Но ведь было бы гораздо целесообразнее и полезнее, если бы производители и потребители сходились не в высшем судилище, всегда в качестве споряшних сторон, но в таких учреждениях, где они могли-бы при самом начале производства сообща в каждой отрасли решать вопросы его организации и управления. При этом решающая роль должна принадлежать не двум, а трем факторам. Во-первых, производители, затем те потребители, которые непосредственно заинтересованы в данном продукте, напр., при производстве сельско-хозяйственных машин сельские хозяева, и, наконец, представители всего общества, включающего в себя, как производителей, так и потребителей, — следовательно на первых порах, представители государства, которое должно опираться на научный опыт общества.

Это руководимое наукой государство является в пролетарском режиме беспартийной стороной и верховным судьей над особыми интересами, как единичных производителей, так и единичных потребителей, которые, в сущности, тоже производители, но работающие в других отраслях. Таким путем возможно установление гармоничного, планомерного производства для удовлетворения потребностей общества.

При ремесленном производстве, при изготовлении продуктов, задержка в производстве которых не угрожает потребителям опасностью для жизни, производительное товарищество или гильдейская система могут оказаться целесообразной формой организации производства. Но чем выше техническое развитие данной отрасли, или чем в большей мере жизненно-необходимой является ее непрерывная интенсивная деятельность, тем более уместна такая форма ее организации, при которой все члены общества, а не только рабочие этой отрасли, вправе сказать словечко в вопросах организации и управления. Эта форма получила назва-

ние общественного хозяйства*). Если идея гильдейского социализма родилась в Англии, то идея общественно-хозяйственного предприятия исходит из Германии, к которой духовно принадлежит и Австрия. Выдающиеся носители этой идеи в Германском государстве родом из Австрии, так что ее можно назвать продуктом австро-марксизма.

Бесспорно, наилучшее выражение она нашла в небольшой работе Отто Бауэра «Путь к социализму» (1919). По следам Бауэра идет В. Элленбоген, который в своей брошюре «Социализация в Австрии» дает не только очерк теории социализации, но и представление о тех практических попытках, которые были предприняты в Австрии. Социализм общественно-хозяйственный столь же мало ограничивается чистой теорией, как и гильдейский социализм. В Австрии, как и в Германии, организованы и действуют с успехом общественно-хозяйственные предприятия, по большей части предприятия государственные, в военное время поставлявшие военные материалы, а ныне приспособленные к производству мирных продуктов.

В Германии идея общественного хозяйства получила выражение в проектах и предложениях социалистических членов первой и второй комиссии по социализации, в которых Гильфердинг и проф. Ледерер принимали выдающееся участие. Об идее социализации Гильфердинг прочел реферат на первом конгрессе советов рабочих депутатов Германии в декабре 1918 года. Другой реферат на эту же тему был прочитан мною на втором конгрессе советов в 1919 году. Он появился в форме брошюры в Вене под заглавием «Социализация и рабочие советы», и в Берлине под названием «Что такое социализация?»

---

*) Это название употребляется иногда и в более распространенном смысле, для обозначения всякого производства, подчиненного государственному вмешательству, даже если оно ведется на капиталистических началах. Мы употребляем здесь это слово исключительно для обозначения особой формы социалистического хозяйства.

Там говорится:

«Но вопрос не решается просто тем, что государственная власть без дальнейших разговоров забирает капиталистическую собственность и передает управление ею в руки правительственной бюрократии. В каждой отрасли производства, переходящей из собственности капиталистов в собственность государства или городов, должна быть создана новая организация, предоставляющая возможность как рабочим, так и потребителям и представителям науки оказывать необходимое влияние на организацию производственного процесса. Такого рода организация есть нечто совсем иное, чем правительственная бюрократия. В отдельных частностях она будет различной в различных отраслях производства. Она должна быть эластичной и легко приспособляемой.

Не все отрасли производства будет возможно немедленно передать в ведение новой организации. Многие из них еще должны будут пройти некоторые подготовительные стадии. Но всюду, где социализация окажется возможной, она, несмотря на все различия в деталях, должна руководствоваться необходимым общим правилом: производство должно вестись при теснейшем сотрудничестве трех великих факторов: рабочих, потребителей и науки.

Взаимодействие трех этих факторов должно дать самые благотворные результаты. Если предоставить каждую отрасль производства исключительному усмотрению ее рабочих, то возникает опасность, что рабочие, не заботясь об интересах общества, повысят заработную плату и сократят рабочее время, при одновременном уменьшении массы производства и повышении цены продуктов. Это скорее всего имело бы место в тех отраслях, которые производят предметы первой необходимости. В других отраслях повышению цен на продукты очень скоро наступил-бы конец. Весь производственный процесс оказался бы во власти деспотизма рабочих жизненно-необходимых отраслей, направленного против рабочих, производящих продукты не первой необходимости, — во власти, скажем, углекопов над текстильными рабочими, портными, сапожниками, столярами и т. д. Это привело бы к такому положению, которое было бы столь же невыносимо, как и эксплуатация капиталистическая.

Если, наоборот, исключительно потребителям будет принадлежать решающая роль в каждой отрасли производства, то возникает опять-таки опасность, что они будут стремиться к понижению цен на продукты во что бы то ни стало, даже за счет рабочих.

Рабочие и потребители, организованные таким образом, что ни одна из сторон не в состоянии насильственно подчинить себе другую, должны искать такого решения разделяющего их противоречия, которое удовлетворило бы обе стороны.

Найти такое решение является задачей представителей науки, которые должны быть в качестве третьего фак-

тора привлечены к организации хозяйства. Их роль состоит в том, чтобы в каждом предприятии ввести самую совершенную технику и организацию и довести процесс труда до максимально возможной производительности.

При капитализме движущей силой в этом направлении являлась прибыль. При социализме прибыли не существует. Но вместо нее не менее, если не более могучий фактор экономизации труда будет найден, если удастся организационно урегулировать противоречие между рабочими и потребителями и, таким образом, дать возможность науке своим вмешательством преодолеть это противоречие.

При социализированном хозяйстве для науки открывается возможность применить свои силы, кроме сферы производства, во многих других областях, при капитализме для нее недоступных. Перед ней встанет задача целесообразно организовать не только производство, но и потребление. В настоящее время это для нее недоступно; но задача становится вполне разрешимой, если в организации производственного процесса участвуют не одни лишь рабочие союзы, но и организованные потребители. Если, с одной стороны, техники заботятся о том, чтобы, при равной затрате труда, получать больше продукта, то, с другой стороны, национал-экономы и статистики должны позаботиться о том, чтобы упорядочить сбыт, стараясь низвести до минимума бесполезную или даже вредную трату продукта, и достичь, при равном количестве продукта, более полезного эффекта в деле удовлетворения нужд потребителей, по сравнению с тем, что было прежде.

Расточительность материалов и сил, благодаря неплановмерности производства и безрассудству или высокомерию имущих классов, составляет одну из самых темных сторон капитализма. Она в высокой степени парализует его могучее воздействие на развитие производительных сил. Социализм в состоянии столь же мощно, если еще не с большей энергией, двигать это развитие вперед; но вместе с тем он кладет конец капиталистической расточительности. Благодаря этому, при социализме люди достигают наивысшего преуспеяния и как рабочие, и как потребители».

Организация социалистического производства в отдельных конкретных случаях может принимать самые разнообразные формы. Эти формы необходимо будут различны, соответственно различию отраслей производства, различию стран, различию фаз их развития.

Я цитирую в виде примера проект, предложенный Отто Бауэром в своем «Пути к социализму». Он говорит там (стр. 9):

«Кто должен управлять обобществленной промышленностью? Правительство? Ни в каком случае. Если все предприятия будут в руках правительства, его могущество по отношению к народу и народному представительству будет слишком велико. Такое усиление правительственной власти было бы слишком опасно для демократии. К тому же правительство очень плохо управляло бы обобществленной промышленностью. Нет худшего управления промышленным предприятиям, чем управление государственное. Поэтому мы, социалдемократы, никогда не требовали огосударствления промышленности, но всегда лишь — обобществления ее. Но, если не правительство, то кто же должен управлять обобществленной промышленностью?

В настоящее время управление крупным промышленным предприятием принадлежит правлению, избираемому акционерами. И в будущем управление каждой обобществленной отраслью промышленности тоже будет находиться в руках правления. Но избираться оно будет уже не капиталистами, а представителями тех общественных кругов, потребности которых социализированная отрасль промышленности должна будет удовлетворять. Кто заинтересован в управлении социализированной отраслью промышленности? Во-первых, рабочие, служащие и чиновники, занятые в этой отрасли; во-вторых, потребители ее продуктов и, в третьих, государство, как представитель всего народа. Поэтому правление каждой социализированной отрасли промышленности будет составляться таким приблизительно образом. Одна треть членов правления назначается профессиональными союзами рабочих и организациями служащих, занятых в данной отрасли. Другую треть членов правления составляют представители потребителей. Например, в правление угольной промышленности представители от потребителей будут избираться частью от потребительных союзов, как организаций потребителей угля для домашних надобностей, частью от союзов промышленников, как организаций потребителей угля для промышленных целей. И, наконец, последнюю треть членов правления составляют представители государства. Часть из них будет назначаться министром финансов для представительства интересов государственного казначейства. Другая же часть будет избираться парламентом для представительства общих интересов народного хозяйства. Представители рабочих и служащих на одной стороне, представители потребителей на другой должны защищать прямо-противоположные интересы каждой из этих сторон. Одни будут требовать высокой платы, другие добиваться низких цен. Представителям государства будет принадлежать роль посредников и третейских судей между обоими сторонами.

Правлению, составленному таким образом, будет принадлежать высшее руководство данной отраслью промышленности: назначение руководящих должностных лиц, установление товарных цен, заключение коллективных договоров с

профессиональными союзами рабочих и служащих, распоряжение чистым доходом предприятий и решение вопросов о крупных помещениях капитала. Особые меры будут необходимы, чтобы при назначении руководящих должностных лиц правлениями устранить решающее влияние личного расположения или политических мотивов и обеспечить выбор наиболее способных техников, инженеров, химиков. Наиболее целесообразной в данном отношении была бы следующая мера. Преподавательский состав технических высших учебных заведений и руководящие должностные лица всей промышленности образуют коллегию, которая предлагает своих кандидатов перед каждым назначением технического должностного лица на руководящий пост. Из числа этих кандидатов правление делает свой выбор».

От этого проекта незначительно отличается проект управления социализируемой угольной промышленности, предложенный большинством первой германской комиссии по социализации в своем отчете от 15 февраля 1919 года. Там говорится:

«Все угольное хозяйство Германии рекомендуется подчинить совету углепромышленности, состоящему из 100 членов и собирающемуся раза четыре в год. Управления предприятий, рабочие и потребители избирают в состав совета по 25 членов. Остальные 25 делегируются государством, при чем 10 из этого числа назначаются парламентом, остальные имперским министр-президентом лично, а не через посредство министров отдельных ведомств. Необходимо иметь в виду, что в составе представителей государства не должно быть более одной трети чиновников. Остальные должны быть избраны из различных кругов науки, экономической и общественной жизни. К потребителям относятся: промышленники, муниципальные предприятия, потребительские организации и т. д.». (Отчет комиссии по социализации по вопросу о социализации горного дела, Берлин, 1920, стр. 39),

Числовые пропорции представительства отдельных факторов, заинтересованных в производстве, конечно, не являются чем то неприкосновенным. Разница в числовых пропорциях отличает не только проект Бауэра от проекта первой комиссии по социализации, но и проект большинства первой комиссии от проекта большинства социалистических членов второй германской комиссии по социализации. По последнему проекту из 100 членов имперского совета углепромышленности 15 (не 25,

как в проекте первой комиссии) членов избираются управлениями предприятий, 25 рабочими, 10 служащими. Этот проект, следовательно, предоставляет рабочим более сильное представительство, чем управлениям предприятий.

Такого рода детали могут видоизменяться еще более многообразно.

С другой стороны, необходимо считаться и с тем, что дальнейший опыт и теоретические соображения могут вызвать много других проектов социализации.

Как бы ни отличались между собой эти проекты, но у них всех, если только они способны дать удовлетворительные результаты, будет один общий признак. Все они будут единодушны в том, что ни одна отрасль промышленности, ни одно предприятие не могут быть предоставлены в исключительное распоряжение занятых в них рабочих. На ряду с рабочими право распоряжения должно принадлежать и заинтересованным в данной отрасли потребителям, и представителям всего общества, и представителям науки. При этом всегда предпочтительнее не ограничивать права распоряжения сферой готового продукта, но распространить это право и на самый процесс производства.

Несомненно, представители гильдейского социализма вполне правы, говоря, что рабочий стремится не только к хорошим условиям труда, но и к свободе. Он и в самой промышленности стремится к демократии.

Но, как это признает и Cole, демократия не означает анархии, но требует подчинения индивидуума решениям большинства и им поставленным руководителям.

Cole тем не менее полагает:

«Рабочий не свободен, покуда внешняя сила навязывает ему его надсмотрщиков и директоров, как бы мягко ни относились к нему эти последние. Он должен требовать права самому избирать своих руководителей, видя в этом праве дальнейший шаг по пути промышленного самоуправления». («Самоуправление в промышленности», стр. 176).

Для отдельного рабочего, даже при наивысшей индустриальной демократии, его надсмотрщики и директора всегда будут навязаны внешней силой, именно силой большинства.

Гильдейский социализм, правда, делает здесь различие, но различие весьма замечательного свойства. С его точки зрения, большинство товарищей по профессии не является «внешней силой» по отношению к отдельному рабочему, но такой силой, конечно, является большинство классовых товарищей, рабочих всех профессий, которое в социалистическом обществе равнозначно с массой потребителей. Для гильдейского социализма цеховые законы — свобода, законы же всего общества — невыносимое рабство. Он все еще не может освободиться от яичной скорлупы синдикализма, хотя и преодолел уже синдикалистское отрицание государственной собственности на важнейшие средства производства.

е) Социализм и прибыль.

Еще один вопрос возникает для нас в связи с влиянием рабочих, потребителей, государства на ход производства в социализированных предприятиях: как употребить их доход? И должны ли они вообще давать доход?

Сторонники общественно-хозяйственной формы производства отвечают на этот вопрос в большинстве случаев утвердительно. Отто Бауэр в своем «Пути к социализму» полагает само собою разумеющимся, что обобществленные отрасли промышленности должны давать доход, и не считает нужным доказывать необходимости этого.

«Само собой разумеется, что часть годового чистого дохода должна пойти на пополнение и усовершенствование производственного аппарата данной отрасли промышленности. Остаток же чистого дохода будет поделен между государством, с одной стороны, и рабочими, служащими и должностными лицами, занятыми в данной отрасли, с другой».

В таком же смысле высказывается и вторая комиссия по социализации в параграфе 4 своего про-

екта организации об'единенной углепромышленности:

«Чистый доход, поскольку он в согласии с имперским правительством не идет на улучшение угольного дела, поступает в государственную кассу».

Это вызвало возражения со стороны многих социалистов. Эдвин Карпов и Герман Кранольд в своей работе «Полная социализация горного дела», посвященной критике проектов комиссии по социализации, высказываются следующим образом по поводу упомянутого выше параграфа:

«Имеется в виду, таким образом, не упразднение капиталистической прибыли в углепромышленности, но введение государственного капитализма вместо частно-капиталистического хозяйства. Всецело от усмотрения государства зависит, как распорядится оно с прибылями, полученными от об'единенной углепромышленности». (Стр. 6).

Соответственно этому, параграф 10 контр-проекта, противопоставляемого авторами проекту комиссии по социализации, гласит:

«Доходы об'единенной германской углепромышленности поступают в кассу ее. Участие в прибылях не допускается».

Передача доходов в пользу общества есть, следовательно, презренный государственный капитализм.

Подобные воззрения мы могли слышать еще до войны, по поводу муниципальных предприятий: недопустимо, мол, извлекать прибыль из них. Это есть-де хозяйство для извлечения прибыли, следовательно, противоположность социализма.

Воззрение это исходит еще из старого принципа: «Каждому рабочему полный продукт его труда».

В формулированных Колем четырех требованиях, которые должны быть удовлетворены государственными гильдиями, четвертый пункт также содержит в себе «право рабочего и его товарищей на общий продукт их труда». («Самоуправление и т. д.», с. 75).

Для социалистических теоретиков этого рода прошла бесследно критика Маркса, написанная им

в программном письме 1875 года по поводу требования рабочего полного продукта труда.

Как бы там ни было, но ясно одно: политическое господство пролетариата вызовет большие расходы государства на самые разнообразные общественные цели, уже указанные нами выше: переворот в жилищном деле, улучшение и расширение школьного, а также лечебного дела, наконец, всесторонняя забота о подрастающем поколении.

До сих пор налоги считались важнейшим средством для изыскания денежных рессурсов на государственные нужды. По мнению упомянутых выше социалистов, здесь все должно остаться по старому. Так, напр., Карпов и Кранольд язвительно замечают, что доходы от угольного хозяйства, поступающие государству, могли-бы в будущем, несомненно, пойти на то, чтобы «избавить богатых людей от прямых налогов на доходы и имущество».

И в самом деле, разве же не в высшей степени вероятно, что у пролетарского правительства, достаточно решительно выступающего против капиталистов и достаточно сильного, чтобы предпринять социализацию угольного дела, не будет иных забот, кроме той, чтобы избавить богачей от налогов.

Но вот на что, действительно, следует обратить внимание. Чем далее прогрессирует социализация, тем более суживается сфера эксплуатации частного капитала, и внутри этой все более суживающейся сферы частно-капиталистического хозяйства растущее повышение экономического уровня пролетариата будет увеличивать заработную плату за счет прибыли и, следовательно, понижать процент прибыли.

Следствием этого будет постоянное уменьшение массы прибавочной стоимости, получаемой капиталистом. Но было бы нелепостью, сокращая массу прибавочной стоимости капиталистов, в то же время расчитывать на чрезвычайное увеличение налогового обложения их. Если средства на покрытие огромных расходов на социальные задачи государства будут изыскиваться при пролетар-

ском режиме налоговым обложением, то и при самом высоком обложении богачей подоходным и поимущественным налогом, на плечи рабочих неизбежно будет падать все возрастающая часть налогового бремени.

Но при наших предпосылках будет ведь расти и заработок рабочих и, следовательно, их сила нести возросшее бремя налогов. Но разве же не бессмыслица сперва — во имя социалистического «принципа» — выплачивать рабочим социализированных предприятий в форме заработка сумму их налогов, чтобы затем с большим трудом, в постоянной борьбе с налогоплательщиком, опять взыскивать эту сумму, в сотне различных видов обложения, с помощью тяжеловесного и дорого стоющего бюрократического аппарата?

Если число социализированных предприятий и масса их доходов настолько возрастают, что покрывают общие расходы государства и городов, то становится совершенно излишним огромный бюрократический аппарат, существующий ныне для взимания налогов. Таким образом, мы избавились-бы от весьма значительной части той государственной бюрократии, уменьшение которой составляет одну из самых неотложных задач победоносного пролетариата. Эти дорого стоющие силы освободились бы теперь для производительного применения. И насколько проще и гармоничнее сложилась бы жизнь, если бы исчезли все эти бесчисленные неприятности, связанные с установлением, контролем, взиманием налогов.

В этом направлении действие социалистического производства было бы тем сильнее, что оно может отказаться и от пошлин и, следовательно, освободиться от армии таможенных чиновников.

Финансовые пошлины, которые есть ничто иное, как налог, должны были бы прежде всего отпасть при социалистическом производстве, достигшем хотя бы некоторой степени расцвета. Исходным пунктом социализма явятся государства высоко развитые в промышленном отношении, не нуждаю-

щиеся в пошлинах, как в воспитательном средстве для своей промышленности, и еще менее того, как в средстве доставления сверх-прибылей предпринимательским союзам.

Таким образом, остаются еще только пошлины для охраны таких отраслей промышленности, развитие которых в данной стране затрудняется отсутствием соответствующих естественных или социальных условий. Пошлины такого рода только затрудняют естественное, географическое разделение труда и, следовательно, задерживают развитие производительности труда, являясь вместе с тем искусственной поддержкой за счет общества непроизводительных отраслей промышленности.

Отмена таких пошлин иногда весьма болезненно нарушает интересы многих кругов пролетариата. В виду этого требуется осторожность при отмене таких пошлин; самая же отмена их все-таки необходима.

Отказ от передачи в пользу общества доходов от социалистических предприятий очень затруднил-бы переход этих последних к более высоким формам и с необходимостью вызвал бы кормление обширного аппарата должностных лиц с широкими полномочиями по отношению к отдельным гражданам. Этот отказ от доходов отнюдь не равнозначущ с социализмом.

Разница между капитализмом и социализмом состоит не в том, что первый извлекает прибыль, а второй нет, но в том, что первый извлекает ее для отдельных лиц, а второй для всего общества. Надо-бы думать, что эта разница все же весьма значительна.

Но это не единственная отличительная особенность социализма в отношении к прибыли. Другая особенность состоит в следующем. При капитализме предприятие является жизнеспособным лишь при том условии, если оно дает прибыль. Прибыль является душой хозяйства. Как бы ни были общеполезны отдельные предприятия или отрасли промышленности, они не могут существо-

вать, если не приносят средней прибыли. Наоборот, всякое предприятие, каким бы презрением оно ни пользовалось в глазах общества или как бы вредно оно ни было с общественной точки зрения, всегда находит необходимый капитал и процветает, если только приносит достаточную прибыль.

Этого не будет при социалистической организации производственного процесса. Руководящий орган социализированного предприятия в силах предотвратить всякое предосудительное или вредное применение своих средств производства, каких бы барышей ни сулило такое применение. И он предотвратит это тем несомненнее, чем больше влияния в нем имеют не одни лишь производители данной отрасли, но и вся совокупность потребителей.

С другой стороны, социализированное производство в состоянии поддерживать деятельность и таких предприятий, которые являются полезными для общества, хотя и не дают прибыли или даже требуют финансовой помощи. Постройка школ, устройство проселочных дорог, сооружение мостов никогда не были прибыльным делом ни для государства, ни для общин. Социалистическое общество будет и должно заботиться о том, чтобы и другие учреждения, необходимые всем или высококультурные, стали доступны каждому бесплатно или за небольшую плату.

Отсюда, однако же, нельзя делать вывода, будто вопрос о доходности не имеет значения для предприятий органов местного самоуправления. В настоящее время государственные или городские учреждения, не покрывающие своих расходов, могут существовать только при помощи обложения граждан, при чем высота обложения возрастает соответственно расширению общественных функций этих учреждений. По мере расширения сферы социализации, чем больше отраслей промышленности переходит во владение государства и городов, тем более излишним становится окольный путь финансирования государства и муниципалитетов посредством дорого-стоющего налогового аппарата и

тем больше зависимость общественных финансов от доходности общественных предприятий. Единичные предприятия и отрасли промышленности могут работать тогда и без дохода и даже при помощи больших субсидий со стороны общества. Но для всей совокупности общественных предприятий это невозможно. Чем значительнее субсидия для одних, тем больше должны быть доходы других предприятий.

Следовательно, хозяйство, приносящее доход, не только не является несоциалистичным, но чем огромнее социальные задачи, стоящие перед социалистическим режимом, тем больше должны быть доходы, даваемые социализированными предприятиями в их совокупности.

Но отличие социализма от капитализма состоит не только в том, что прибыль поступает не отдельным лицам, но всему обществу, и что предприятия общественно-полезные функционируют, хотя бы приносили убыток, а предприятия, вредные для общества, закрываются, не взирая на их выгоду, между тем как при капитализме функционирует всякое прибыльное предприятие, независимо от того, полезно-ли оно или вредно для общества. Ко всем этим отличиям социализма от капитализма присоединяется еще одно, которое состоит в следующем. Наиболее обычный для капиталистов метод увеличения прибавочной стоимости сводится к ухудшению положения рабочих, к сокращению их заработной платы, к удлинению их рабочего времени. В социализированном предприятии такой метод, разумеется, абсолютно невозможен. Конечно, в задачи социализированного предприятия не входит создание привилегированной рабочей аристократии за счет других рабочих, но такое предприятие должно быть образцовым во всех отношениях, и забота о положении рабочих должна занимать не последнее место в кругу его задач. Их физический и духовный под'ем относится к числу важнейших забот руководителей социализированного предприятия, для которых методы

увеличения доходности предприятия могут лежать лишь в одном направлении: в максимальном усовершенствовании технической и организационной части и в мероприятиях, увеличивающих силы рабочих и их охоту к труду. В этой области социализированное предприятие может достичь большего, чем предприятие капиталистическое, потому что, при организации и осуществлении производственного процесса, его руководители встречают не враждебное отношение рабочих, но опираются на товарищеское сотрудничество с их стороны.

Социализированные предприятия в их совокупности могут и должны приносить доход. Но это допустимо и возможно для них не путем усиленной эксплуатации рабочих, а повышением производительности труда, применением таких мероприятий, которые при равной затрате труда дают большую массу продукта.

ж) Расширение сферы социализации.

В начальном периоде социализация должна будет ограничиться немногими исходными пунктами. Но в ней заложена непреодолимая тенденция к расширению. И не только вследствие давления рабочего класса, но и в силу причин экономического свойства.

Уже в капиталистическом способе производства встречаем мы, на ряду с постоянной тенденцией отдельных предприятий к расширению, тенденцию к сближению различных предприятий и к их об'единению под общим руководством. Эти тенденции выражаются частью в форме об'единения однородных предприятий, что называют их горизонтальным об'единением, частью же в форме об'единения разнородных, но друг от друга зависимых предприятий; эта форма получила название вертикального об'единения.

Об'единение однородных предприятий имеет своей целью, главным образом, устранение конкуренции между ними, ограничение производства, повышение цен над средним их уровнем, обычным в

условиях свободной конкуренции, и достижение, таким образом, особой прибыли, превышающей обычную среднюю прибыль. Об'единения такого рода встречаются только там, где, вследствие высокого развития крупного производства, число однородных предприятий в стране незначительно, или же там, где число их ограничено, вследствие естественных условий, как это нередко бывает в горном деле.

Своей цели они достигают не только сокращением производства, но и сокращением его издержек, устраняя вместе с конкуренцией и расходы, вызываемые для каждого предприятия поисками и приманкой потребителя, расходы на об'явления, рекламы, комми-вояжеров и т. д. Помимо этой выгоды, об'единение предприятий, если оно ведет к трестированию их с полной отменой самостоятельности отдельных предприятий, может повлечь за собой еще другую выгоду, а именно, сосредоточение всего производства на предприятиях, наилучше оборудованных и наиболее прибыльных, при чем предприятия отсталые закрываются.

В социализированных предприятиях потребность в об'единении будет, отчасти, вызываться теми же причинами, что и в капиталистических предприятиях, а именно выгодами большей продуктивности и сокращения расходов. Естественными отправными пунктами социализации будут и без того в большинстве случаев отрасли промышленности, картелированные и трестированные еще до социализации их. Однако, может случиться и так, что ей придется начинать с единичных предприятий.

В об'единении социалистических предприятий будет играть роль не только стремление к высшей продуктивности, но и стремление к устранению конкуренции. Здесь, как видим, влияет тот же мотив, что и в предприятиях капиталистических, однако, он влияет при новых условиях совсем в ином смысле. У социализированного предприятия не может быть никаких побуждений стремиться к

устранению конкуренции в целях понижения предложения, повышения цен и получения сверх-прибыли: против этого решительно запротестовали бы потребители, достаточно внушительно представленные в правлении, чтобы слово их имело вес.

Но именно поэтому устранение конкуренции не может иметь вредных последствий для общества, между тем как при капиталистическом производстве вместе с нею был бы устранен как раз тот фактор, которому оно обязано максимальным развитием производительных сил, и без которого вредные стороны капитализма достигли бы крайнего обострения.

Социализированные предприятия должны устранить конкуренцию не с тою целью, чтобы эксплуатировать потребителя в пользу производителя, но имея в виду, что конкурентная борьба на рынке требует личной инициативы в процессе товарного обращения, наиболее пышным цветом расцветающей при частной собственности на средства производства и продукты и, как мы уже видели, составляющей слабый пункт социализированного предприятия. Это, конечно, говорит не против социализации, как таковой, но против социализации на основе конкуренции. Если начальные успехи социализации наиболее обеспечены там, где конкуренция уже устранена капиталистическим развитием, то у предприятий, социализированных в одиночку, не может не быть тенденции вовлечь в сферу социализации коикурирующие с ними частные предприятия.

Но на ряду с этой тенденцией к горизонтальному об'единению предстоит весьма важная роль и тенденции к об'единению вертикальному.

При нынешнем широко-разветвленном разделении труда продукт редко изготовляется полностью в одном и том же предприятии. Большинство продуктов должно пройти через ряд предприятий прежде, чем получит законченную форму готового к потреблению продукта. В последовательном ряду предприятий, через которые проходит продукт в различные стадии своего изготовления, предприя-

тие позднейшей стадии стоит к предприятию предшествующей стадии в отношении потребителя к производителю.

Подобно тому как вообще интересы потребителей лишь при том условии наилучше ограждены, если потребители сами распоряжаются теми средствами производства, продукты которых они потребляют, так и в данном случае это справедливо по отношению к продуктивным потребителям. Если предприятие само производит потребляемые им предметы или если собственник его владеет тем предприятием, которое такие предметы производит, то имеется полная уверенность в своевременном снабжении нужными предметами в необходимом количестве и потребного качества, так как производство вспомогательного предприятия всегда сообразуется с потребностями предприятия, им обслуживаемого.

С появлением предпринимательских об'единений к этому присоединяется еще один момент. Эти об'единения, загребая сверх-прибыль для своей отрасли промышленности, удорожают, таким образом, производство всякого предприятия, перерабатывающего их продукты. Предприятию-потребителю удается избегнуть такого вздорожания лишь при том условии, если оно само располагает предприятиями своих поставщиков. В этом случае, в его руки попадает сверх-прибыль картелей и трестов, которую оно или прикарманивает или на соответствующую сумму удешевляет свои товары, побивая, таким образом, конкуренцию.

Конечно, такой тенденции сильно противодействуют условия разделения труда, расколовшие некогда единый, в одном предприятии протекавший, производственный процесс на ряд частичных процессов, совершающихся в ряде самостоятельных предприятий.

Выгоды разделения труда, его специализации, общеизвестны. Но всякое разделение труда между отдельными предприятиями предполагает определенное расширение рынка. Чем меньше вообще

предприятий в данной отрасли производства, чем, следовательно, меньше размеры потребления средств производства каждым отдельным предприятием, тем больше должно быть число предприятий, для которых средства производства производит одно предприятие. Только очень крупное предприятие будет в состоянии хотя-бы отдельные средства производства изготовлять собственными силами или присоединить к себе предприятия, изготовляющие такие средства производства.

Поэтому тенденция к об'единению предприятий, составляющих последовательный ряд звеньев единого производственного процесса, возникает лишь с появлением современных исполинских предприятий и ими же и ограничивается.

То, что уже в настоящее время приобрело значение для капиталистических предприятий, достигнет полного развития в предприятиях социализированных, в особенности там, где социализированы не отдельные предприятия, но целая отрасль промышленности, об'единенная не только единством руководства, но и имеющая единого собственника в лице государства (или города). При таких условиях тенденция к вертикальному об'единению предприятий приобретает чрезвычайно большую силу и самые широкие возможности ее успешного и выгодного осуществления. Тесное сплетение между собой разных отраслей производства, нередко затрудняющее социализацию одной из них раздельно от другой, явится не препятствием для осуществления этой тенденции, но, наоборот, благоприятным для нее обстоятельством.

Так, напр., металлургические заводы находятся в сильной зависимости от угля определенного качества и его дешевизны. Это обстоятельство привело к тому, что ряд металлургических заводов приобрел собственные горнозаводские участки. При социализации рудников возникает вопрос: должна-ли она распространяться и на эти горнозаводские участники? Но всякий, кто отвечает на этот вопрос утвердительно, вынужден быть после-

довательным и итти дальше. Почему останавливаться на угле и вместе с горнозаводскими участками не социализировать также и самих заводов? Альфонс Гортен считает необходимым не ограничиваться социализацией одного только угля, но одновременно социализировать и уголь, и железо, и сталь вместе. Ему, однако же, представляется невозможным социализировать столь огромную область производства сразу и целиком. В противоположность большинству других проектов, он предлагает социализировать не одну отрасль производства за другой, но все три одновременно, не целиком, но на первых порах только часть, приблизительно от 10 до 15 процентов наличных угольных рудников и металлургических заводов (Horten, Sozialisierung und Wiederaufbau, S. 45, Berlin 1920).

Принципиально нельзя отклонить этот проект без дальнейшего обсуждения. Вопрос о практической его целесообразности должны решать специалисты. Большого сочувствия он до сих пор не встретил.

Но как бы там ни было, ясно одно: в социализации угля уже кроется требование социализации и железа.

То же самое требование будет исходить и от другой социализированной отрасли промышленности — со стороны железных дорог. Они являются таким крупным потребителем железа, рельс, шпал и т. д., их деятельность и доходность так сильно зависят от качеств и цен железных продуктов, что социализация производства железа явилась бы для них большим облегчением. Если буржуазные правительства еще не делали в этом направлении попыток, то причина этого заключается, конечно, прежде всего в том, что хозяйственные функции государственной бюрократии не дали хороших результатов; но второю причиной является то обстоятельство, что тяжелая индустрия совместно с угольной промышленностью до сих пор являлись крупнейшей силой в большинстве капиталистических го-

сударств. Уголь и железо, как и железные дороги во Франции, в Англии и в Америке, являются сильнейшими крепостями капитализма. С их завоеванием мощь финансовых магнатов будет сломлена. Если в Германии и в Австрии железные дороги, несмотря на сопротивление капиталистов, давно уже перешли в собственность государства, то этому причиной не сила рабочего класса, но сила милитаризма, нуждавшегося в железных дорогах, как в орудии ведения войны, и еще превосходившего крупный капитал своею мощью. В семидесятых годах прошлого столетия, когда большинство прусских частных железных дорог перешло в собственность государства, капитал не имел еще той силы, что теперь. В других государствах железные дороги с самого начала строились на государственные средства, в виду их малой доходности, вследствие экономической отсталости страны. Но во всех военных монархиях крупный капитал примирился с огосударствлением железных дорог, так как преклонялся перед отечественным милитаризмом, в котором не нуждались капиталисты Англии и Америки.

Теперь, после военного поражения, когда германские железные дороги утратили всякое военное значение, крупный капитал в Германии предпринимает попытку снова завладеть железными дорогами. Теперь от рабочих зависит отстоять государственную собственность на железные дороги по мотивам не военного, но совсем иного характера.

Если к социализации железных дорог присоединится социализация угольных копей, тогда неизбежна социализация железа. Здесь будут даны решающие битвы социализации.

Для этого социалдемократия должна обладать великой силой в государстве. Вряд-ли можно ожидать социализации угля и железа до тех пор, покуда ряды рабочего класса расколоты, и речь может итти лишь о коалиционных правительствах.

Мы не призываем к силе оружия и к конфискации, чтобы прогнать капитал из его владений. Но

нелепо требовать это от социалдемократической партии, не располагающей в государстве подавляющим превосходством сил, другими словами, не имеющей за собой решительного большинства населения, идущего за ней с энтузиазмом и с полным доверием.

Величайшего напряжения сил будет стоить пролетариату борьба за уголь, железо и железные дороги в Англии и Америке. Если удастся вырвать их у капитала, вопрос о социализации решен. Конечно, дальнейшее развитие социализации, может еще встретить большие экономические затруднения в отдельных видах производства, но, как вопрос силы, вопрос о социализации будет предрешен.

Если в этих трех областях экономические результаты социализации будут успешны, то никакая сила не сможет остановить ее дальнейшего развития в пролетарском государстве.

Так, ближайшим шагом вперед будет дальнейшее продолжение вертикального об'единения железных дорог с железоделательным производством, которое, в свою очередь, присоединит к себе отрасль железообрабатывающую, и железные дороги, таким образом, перейдут к самостоятельному производству локомотивов и вагонов в государственных предприятиях, при этом, однако, сохраняющих свою автономию. Чтобы без нужды не удлинять дальнейшего изложения, мы не будем останавливаться на том, какие стимулы к дальнейшей социализации вызовет электрофикация железных дорог и огосударствление водной энергии.

Если железнодорожное хозяйство, являющееся общественно-хозяйственным предприятием, проникнуто социалистическим духом, то оно пойдет еще дальше. Целому ряду железнодорожных служащих нужны мундиры, как отличительный признак для публики. Было бы в высшей степени целесообразно поручить шитье этих мундиров не частным фирмам, а профессиональному союзу портных. Таким образом, союз портных выполнял-

бы функции гильдии в смысле гильдейского социализма.

В угольной области дальнейшая переработка угля химическим способом и его химическое использование приведет опять-таки к об'единению этой отрасли с химической промышленностью.

В таком же направлении пойдет развитие и в сфере муниципальной социализации. За муниципализацией хлебопекарен следует муниципализация мельниц, поставляющих муку хлебопекарням. Отсюда один шаг до муниципализации продажи муки частным лицам через посредство муниципальных органов или потребительных товариществ. Что муниципализированные трамваи и государственные железные дороги станут постоянными заказчиками государственных рельсопрокатных заводов и вагоностроительных мастерских, — это разумеется само собою.

Там, где размеры потребления социализированных предприятий одного города недостаточно велики, чтобы дать работу соответствующей фабрике, придется прибегнуть к об'единению однородных муниципальных предприятий в один союз, потребности которого обслуживаются социализированной фабрикой, принадлежащей либо государству, либо союзу городов. В данном случае речь будет итти о предприятиях электро-технической отрасли промышленности. Огосударствление таких предприятий станет, во всяком случае, необходимым при электрофикации железных дорог.

Конечно, было бы вполне естественным, при данных условиях, если бы города все свои заказы на мундиры передавали портняжной гильдии.

При пролетарском режиме великая и плодотворная задача встанет перед муниципалитетами в области жилищного дела. В предыдущем изложении мы уже указывали на это неоднократно. Мы указывали также, что это обстоятельство побудит их передавать свои заказы на городские постройки строительным гильдиям на определенных условиях. Мы отметили также, что естественным след-

ствием этого явится муниципализация или огосударствление цементных фабрик, кирпичных заводов и т. д.

На ряду с жилищным делом, социализация учреждений здравоохранения будет одной из великих задач социалистического режима, разрешение которой послужит на пользу не только рабочему классу, но всей массе населения. При удачном разрешении этой задачи, учреждения общественной медицины будут снабжать население также и лечебными средствами и, таким образом, положат конец скандальной монополии, ныне предоставленной государством аптекарям. С другой стороны, это вызовет стремление к максимально-возможной социализации самого производства лечебных и лекарственных средств, что снова ведет в область химической промышленности.

Третья из великих задач, которую пролетарская власть должна будет выполнить в интересах не только наемных рабочих, но и огромного большинства народа, состоит в поднятии всеобщего культурного уровня посредством расширения и улучшения школьного дела. Это, как уже было отмечено, вызовет необходимость в снабжении учеников учебными пособиями, а также в предоставлении взрослым таких средств к продолжению образования, относительно которых не возникает споров. Нельзя распространением казенных взглядов преодолеть различий политических и экономических воззрений в народных массах.

В 1869 году Маркс в дискуссии в Генеральном Совете Интернационала высказал, между прочим, следующие положения о школьном воспитании:

«Политическая экономия и религия не должны преподаваться ни в низших школах, ни даже в высших. Надо предоставить взрослому человеку самому получить образование в этой области, которая относится не к школе, а к народной аудитории. К школе же относятся только естественные науки, только такие истины, которые не зависят от партийных предрассудков и допускают лишь о д н о истолкование». (По отчету лондонской «Beehive» от 21 августа 1869 г.).

Весьма характерно для большевизма, что он не только проповедует коммунизм, с помощью государственных органов в школе и в прессе, как государственную религию, но и строго воспрещает в пределах своих владений высказывать вообще какие бы то ни было взгляды, кроме своих собственных. Такое поведение понятно со стороны владык, еще живущих наивным заблуждением, будто они являются обладателями абсолютной истины, яко-бы внушенной им самим божеством. Но оно позорно для людей, утверждающих, что они стоят на почве современной науки.

Как ни много спорного в науке и искусстве, все же культура наша, к счастью, располагает великим богатством таких произведений, которые или пользуются всеобщим признанием, или же настолько господствуют в современном мышлении, что не зная их невозможно достичь его вершин. Только один пример: как ни расходятся мнения относительно Гете и его произведений, но нет ни одного культурного немца, который не читал бы, хотя бы главнейших его сочинений.

Задача образовательных учреждений государства и городов будет состоять в том, чтобы каждому ищущему знаний бесплатно предоставить письменные принадлежности, учебники, произведения классиков.

Государственный строй, не питающий суеверного почтения к частной прибыли, будет стремиться удовлетворить огромную потребность в образовательных средствах путем производства их в собственных социализированных предприятиях. Если вспомнить, как велика уже в настоящее время потребность в бумаге со стороны государства и муниципалитетов, то дальнейшее усиление этой потребности вызовет само собой социализацию бумажных фабрик.

На ряду со всем этим, будет возрастать собственное производство потребительных кооперативов, начинающееся уже в настоящее время. Во многих случаях эти же кооперативы будут призван-

ным органом распределения среди потребителей тех предметов личного потребления, которые произведены государственными и муниципальными предприятиями.

Таким образом, в государстве из года в год все больше будет расширяться сеть социализированного производства для удовлетворения потребностей населения и, наоборот, все больше будет суживаться область капиталистического производства. Это последнее все больше будет вынуждаться экономическим давлением и соперничеством на рабочем рынке со стороны социализированного производства приспособлять свои условия труда к тем, какие существуют на образцовых социализированных предприятиях. Постоянно будут возрастать об'ем функций и значение фабрично-заводских советов в капиталистических предприятиях, а также влияние на них организаций потребителей. Вместе с этим все сильнее будет сказываться необходимость для них войти в связь с социализированными предприятиями. Одновременно с этим возрастает ясность общего процесса производства, устанавливается все более точная и всеоб'емлющая статистика производства и потребления, так как в социализированных отраслях производства, являющихся общественными учреждениями, никаких коммерческих тайн быть не может.

Так создаются элементы всеоб'емлющего социалистического планового хозяйства.

В настоящее время еще не поддается предвидению, как долго будет длиться этот процесс развития. Нельзя также с определенностью предсказать, что в будущем все без исключения отрасли производства будут социализированы. Художественное и научное творчества в большой своей части останутся сферой индивидуального действия, хотя и здесь расширяется область разделения труда и кооперации, следовательно, общественного производства.

Надо, однако, сказать, что и помимо творчества отдельных поэтов, композиторов, художников

и т. д. могут сохраниться внутри социалистического общества предприятия с наемным трудом. Но по сравнению с нынешними капиталистическими, эти предприятия будут совсем иного рода. Ибо они смогут оказаться жизнеспособными только в таких отраслях производства, в которых отдельные предприятия нуждаются не в больших капиталах, но в руководстве лицом исключительных способностей, лицом, которое располагает любовью своих сотрудников и предоставляет им, по меньшей мере, такие же условия труда, как и социализированные предприятия. Руководитель предприятия будет обязан своим положением не обладанию капиталом, но своим личным достоинствам, и его сотрудники пойдут к нему на службу не из-за нужды.

Социалистическое развитие принесет нам новый опыт, новые проблемы, новые возможности, о которых мы в настоящее время и понятия не имеем. Они еще больше увеличат бесконечное многообразие форм производства, ясное для нас уже теперь и порождаемое широко-разветвленным разделением труда, на котором покоится промышленный капитализм. Мы стремимся, конечно, к отмене классовых противоположностей, но мы отнюдь не хотим отмены многообразия форм производства и потребления. Это было бы шагом назад.

Вполне естественно, что предсказать темп развития социализации в данной определенной стране является абсолютно невозможным. Предсказания Маркса оправдывались, если относились к направлению развития, но Маркс часто ошибался, предсказывая его темп. В действительности, историческое развитие, по большей части, совершается медленнее, чем то позволяет ожидать теория, которая и не в состоянии учесть наперед все могущие возникнуть препятствия.

Во всяком случае, социализация сможет осуществиться тем быстрее, чем сознательнее рабочие, чем лучше понимают они свои задачи и чем лучше справляются с ними. В этом отношении большую подготовительную работу уже в настоящее время

могут осуществить фабрично-заводские советы, которые следует рассматривать не только, как укрепленные позиции против капитала, и уж отнюдь не как средство досаждать капиталу, но прежде всего, как школу для ознакомления пролетариев с задачами, условиями и методами управления предприятием.

Выше уже было сказано о том, что́ на ряду с фабрично-заводскими советами могут сделать городские рабочие, чтобы в дальнейшем ускорить развитие социализации.

Поэтому в начальном периоде социализации очень многое будет зависеть от деятельности фабрично-заводских советов и городских рабочих в каждый данный момент, от высоты их чувства долга и, в неменьшей мере, от уровня их экономической дальновидности.

Мы уже указывали, что капиталистический мир даже для рабочих не является хорошей школой воспитания чувства общественности. Разумеется, классовая борьба порождает сильное чувство солидарности, но все же только для борьбы. Есть чувство общественности и чувство общественности, и различие между ними может быть очень велико в зависимости от размеров того коллектива, на который это чувство распространяется. У одного рабочего классовая борьба воспитывает чувство солидарности с его профессиональным союзом, у другого — чувство солидарности со всем классом, но она может и не вызывать в рабочем солидарности ни с городом, ни с государством. Государство до сих пор выступало противником рабочего класса. Лишь после завоевания государства рабочие станут сознавать свою с ним солидарность. Поэтому в начальный период социализации не следует подвергать чувство общественности рабочих в отношении к городу и к государству слишком сильному испытанию. Особенно же — в вопросах экономического свойства. Великие битвы вызывают и великие страсти, порождают героизм и самоотречение. Напротив, свинцовое безразличие будничного про-

мыслового труда не способно порождать высоких добродетелей.

Большевики, благодаря своеобразию своего марксизма, пытались пламенными моральными тирадами подхлестнуть в рабочих недостающее им при работе чувство общественности. Это, конечно, не подействовало надолго. Тогда большевики прибегли к принудительному труду. Для этих революционеров, как и для филистеров, и моральное поучение, и полиция одинаково служат средством воспитания добродетели.

Как ни полезно для успеха социализации высоко-развитое чувство общественности у рабочих, оно зависит во многих случаях от таких факторов, которые не могут быть созданы по нашему усмотрению. Но от нас, социалистов, зависит, во всяком случае, одно: распространение среди рабочих правильных экономических взглядов.

Эти последние, как в буржуазном, так и в пролетарском мире, сильно оттеснены, к сожалению, на задний план, благодаря военному мышлению, благодаря переоценке того, что может сделать сила. Отсюда возникла та бессмыслица, которая получила свое выражение, в одном случае, в большевизме, в другом, в мирных договорах с их последствиями. Не злая воля, а невежество есть худший враг человека, и именно невежество экономическое.

Чем более познают рабочие законы экономического развития, чем основательнее они знакомы с экономическим положением своей страны, в частности, и всего мира вообще, чем лучше ориентируются они в экономических вопросах, чем яснее умеют в каждый данный момент отличить возможное от невозможного и, следовательно, сосредоточить все свои усилия на достижении возможного, тем больше гарантии в том, что они, завоевав вместе с политической также и экономическую свободу, не будут вести себя подобно школьникам, избегающим всякой работы и склонным ко вся-

кому бесчинству, как только не чувствуют над собой карающей лозы учителя. Они, как зрелые люди, по свободному решению будут делать все, чего потребует экономическая необходимость.

Во имя этой цели мы снова и снова выдвигаем требование распространения в массах экономического мышления и знаний.

9. Сельское хозяйство.

а) Леса.

До сих пор, обсуждая проблему социализации, мы имели в виду только пути сообщения, горное дело и промышленность в узком смысле слова. Сельского же хозяйства мы не касались совершенно. Между тем во многих странах им занято большинство населения. Даже в странах, наиболее промышленных, сельское хозяйство является самой крупной отраслью производства. Так, напр., в Германской империи в 1907 году в сельском хозяйстве было занято 9.732.000, в ближайшей же по размерам отрасли производства, в строительной промышленности, только 1.905.000, в металлической промышленности 1.086.000, а в горном деле всего лишь 936.000. Правда, в Англии с Уэльсом в сельском хозяйстве в 1911 году было занято только 1.260.000, между тем как в торговле, напротив, 2.214.000.

Везде без исключения сельское хозяйство — хотя и не всегда туземное — образует основу существования всего населения, являясь для него поставщиком с'естных припасов и многих сырых материалов. С запустением сельского хозяйства наступает голод. Ужаснейшее доказательство этого мы в настоящий момент наблюдаем в России.

При таких условиях разумеется само собой, что, беря в свои руки распоряжение жизненными источниками, пролетариат должен подумать о том, как включить сельское хозяйство в общую систему социализированного хозяйства.

Давно уже социалистические партии разных стран выработали для себя аграрную программу. Но эти программы заключали в себе перечисление требований, которые выставляла социалдемократия в интересах сельского населения. По большей части, это были программы для избирательной кампании. Теперь, когда мы стоим накануне возможного завоевания политической власти, нужно итти дальше. Недостаточно ограничиться вопросом: что можем мы предложить крестьянству, как оно есть? Мы должны поставить и другой вопрос: что должны мы сделать, чтобы сельское хозяйство непосредственно обслуживало потребности общества?

При этом, однако, мы наталкиваемся на затруднения, с которыми в других отраслях производства мы не встречались. Потребность в социализации сельского хозяйства, в преобразовании его из хозяйства частной наживы в коллективное хозяйство огромна. Но эта потребность в тех странах, где крестьянское хозяйство является преобладающим, исходит от большинства не *сельского*, но *городского* населения. В земледелии даже у многих наемных работников страстное стремление к частному мелкому хозяйству сильнее, чем потребность в социализации их отрасли производства.

Но ведь не все зависит исключительно от потребности. Конечно, ничто не создается без потребности, без соответствующего хотения. Но роковым заблуждением является у многих людей склонность думать, будто одна лишь воля решает все. Надо только крепко захотеть чего-нибудь и тогда, мол, желаемое будет достигнуто.

Хотение лишь в том случае приводит к желанному результату, если оно — хотение *разумное*, т. е. такое, которое связано с ясным пониманием материальных условий осуществления желаемого, ставит своей целью только возможное и ясно сознает его пределы.

Мы видели, что в прочих отраслях производства условия осуществления социализма развиваются

вместе с развитием потребности в нем. В сельском же хозяйстве, наоборот, ход экономического развития не порождает ни того, ни другого в достаточной мере. Мы должны были признать, что в земледелии крупное производство еще не вытеснило мелкого.

Для социализма это — весьма опасный подводный камень.

Это не имеет отношения только к одной отрасли производства, которая причисляется к сельскому хозяйству, но подчиняется своим собственным законам, отличным, как от законов сельского хозяйства, так и от законов промышленности. Эта отрасль производства — лесное дело.

В этой отрасли уже в настоящее время в высокой степени развиты, как потребность в социализации, так и условия ее осуществления.

Сохранение лесов в определенных пунктах имеет чрезвычайно важное значение и для климата, и для влажности почвы, следовательно, как для сельского хозяйства, так и для речного судоходства.

Между тем частная собственность на землю отнюдь не благоприятствует сохранению лесов. Капитал повсюду имеет стремление к максимально-быстрому обороту, ибо, чем быстрее оборот, тем больше масса прибыли, извлекаемая равным количеством капитала в определенный промежуток времени. Но в лесном хозяйстве период обращения чрезвычайно продолжителен, достигая, по большей части, сотни лет и больше, а при дубовых посадках свыше двухсот. Кто же станет затрачивать капитал, раз прибыль на него можно заполучить только спустя столь продолжительный срок? Частный предприниматель, скупив и срубив лес, будет думать не о насаждении новой культуры леса, но о том, чтобы использовать лесную площадь иным способом, приносящим более быстрый, может быть, ежегодный доход, — если строение почвы и положение места позволяют это. Поэтому капитализм склонен истреблять леса, по крайней мере, там, где лесная культура ведется ради прибыли.

Это, однако же, не всюду так. Ибо лес с давних времен был предметом роскоши для богатейших и сильнейших в стране.

Лес производит не только дрова, но и скрывает дичь, а охота, на ряду с войной, всегда была любимейшим препровождением времени для феодальных господ и их преемников. Феодалы всегда были весьма заинтересованы в сохранении леса и охране дичи, что и завещали своим преемникам из класса капиталистов.

Для крестьян же богатый дичью лес был вреден, ибо дичь уничтожала жатву. Кроме того, они не могли мириться с тем, что хорошая земля оставалась под лесом вместо того, чтобы увеличить земледельческую площадь. Бережливый и экономный бюргер не мог оставаться равнодушным к расточительности в форме больших лесных пространств, богатых дичью, занимающих преобладающее место в областях, пригодных для более высокой культуры.

Это обстоятельство также является одной из причин, почему победа капитализма и демократии над феодализмом оказалась роковой для лесов. Но не повсюду и не надолго. Ибо с ростом капитализма возрастала и масса прибавочной стоимости, притекавшая к капиталистам, возрастала и роскошь, которую могли позволить себе богачи. Крупнейшие из них могли теперь позволить себе чрезвычайно дорогую роскошь, — приобретение лесов для целей охоты. Кое-где их расточительность доходила до того, что они скупали культивированную землю и обращали ее под лес. В Альпийских областях такие случаи не были редкостью. Еще раньше того высокомерные лэнд-лорды горной Шотландии превратили обработанные участки прилежных крестьян в пустынные охотничьи засеки.

Такого рода увеличение лесов в одних пунктах может, при определенных условиях, стать столь же вредным в общественном смысле, как и уничтожение лесов в других пунктах.

Поэтому почти нигде лесное хозяйство не является свободным и подчинено даже в капиталистических странах государственному регулированию, нередко весьма строгому. Уже в период либерализма мы встречаемся почти везде с потребностью в государственном ведении лесного хозяйства.

Не в меньшей мере, чем эта потребность, достигли исключительно высокого развития и условия для государственного управления лесным делом.

Лесное хозяйство с самого начала требует крупной формы предприятия, и именно самой экстенсивной формы. Площадь, находившаяся под лесным хозяйством в Германской империи, составляла в 1907 году 13.876.000 гектаров, число же лиц, занятых лесным хозяйством и охотничьим промыслом, не превышало 126.000. Таким образом, на 100 гектаров леса приходился о д и н занятый в лесном хозяйстве.

Преобладание крупного производства очень велико. В 1907 году из лесной площади Германской империи приходилось на лесные хозяйства:

	гектар.	проц.
размером свыше 1000 гектаров . . .	6.693.000	48,2
„ от 100 до 1000 гектаров . .	3.382.000	24,4
„ менее 100 гектаров	3.800.000	27,4

Следовательно, почти три четверти предприятий относятся к крупным.

При этом государственные предприятия в лесном деле уже и в настоящее время доказали свою жизнеспособность несмотря на препятствия, создаваемые государственной бюрократией. При большей самостоятельности управления и при большем влиянии на постановку дела, с одной стороны, его рабочих, с другой стороны, потребителей, государственные предприятия в лесном деле дадут еще лучшие результаты.

Уже в 1895 году государственные леса в Германской империи занимали площадь в 4.741.000 гектаров или 34,5% всей площади лесного хозяйства. В 1907 году эта площадь составляла 4.938.000

или 35%, следовательно, увеличилась на 197.000 гектаров, между тем как прочие категории леса уменьшились на 47.000 гектаров.

На ряду с государственными лесами необходимо отметить общинные леса. В 1895 году их площадь, к сожалению, не была учтена. В 1907 году они занимали 2.287.000 гектаров или 16,5% всей площади, находящейся под лесным хозяйством. Вместе с государственными лесами они составляли 51,5%, т. е. больше половины всей лесной площади страны.

Лесное хозяйство частных лиц составляет, таким образом, меньшую часть. Аппарат для его огосударствления уже имеется и не составит большого труда распространить деятельность этого аппарата и на частные предприятия.

Это могло бы быть сделано легко и быстро. Социализация лесов есть лишь вопрос силы и при удачном проведении она встретила бы одобрение не только городской, но и сельской массы населения. В последней еще живы традиции общинной собственности на леса, воды и луга. Крестьянин весьма сильно привязан к своему клочку земли, но против огосударствления лесов крупных господ он возражать не будет.

Социализация лесного хозяйства должна быть одной из первых задач победоносного пролетариата.

б) Общественная собственность на землю.

Далеко не так благоприятно, как с лесным хозяйством, обстоит дело с сельским хозяйством в собственном смысле. Все же тут надо различать между землевладением и землепользованием. Существуют социальные отношения, при которых и производство и владение настолько тесно сплетены между собой, что в этих случаях социализация землевладения представляет такие же трудности, как и социализация сель-

скохозяйственного предприятия, и обе могут быть произведены только одновременно.

Но не при всех обстоятельствах это имеет место. При отношениях аренды землевладение явно отделено от сельскохозяйственного производства, и тут жалкое карликовое хозяйство может сочетаться с латифундиями, т. е. землевладением огромнейших размеров, что было широкораспространенным явлением в Ирландии и в различных частях Италии, отчасти же наблюдается и в настоящее время.

Сельскохозяйственное производство есть жизненно-важная функция, которая не должна быть легкомысленно нарушаема. Наоборот, частный землевладелец, отделившийся от производства, является для общества абсолютно ненужным. Но так как это ненужное лицо обладает монополией над источниками жизни общества, то оно может стать одним из вреднейших или даже самым вредным лицом для общества.

Итак, в тех случаях, когда землевладелец сам не занимается сельским хозяйством, но в качестве собственника земли противостоит арендатору, который сам обрабатывает землю или руководит ее обработкой, насущнейший интерес общества требует положить конец господствующему положению землевладельца.

Желания арендатора сводятся, по большей части, к тому, чтобы самому стать землевладельцем, и сторонники либеральной точки зрения поддерживают эти стремления.

Но даже буржуазный радикализм, в стране со столь многочисленным пролетариатом и столь преобладающим значением крупного производства, как Англия, нашел иное решение вопроса и сделал его своим требованием — огосударствление землевладения: не отмена арендных отношений, но превращение земледельца из частного арендатора в съемщика государственной земли.

Эта цель более всего соответствует пролетарской, социалистической партии, которая стремится

к отмене частной собственности на средства производства и не должна, следовательно, останавливаться перед важнейшим из этих средств, если имеется возможность его огосударствления.

В странах, где господствует арендная система, такая возможность имеется в высокой мере. Так как землевладение в этих странах не несет никаких экономических функций, то его огосударствление возможно немедленно, одним ударом. Метод постепенных мер здесь столь же мало уместен, как и в отношении феодальных прав. В сущности отмену земельной собственности такого рода можно рассматривать, как отголосок буржуазной революции, для которого уместны и ее методы.

В соответствии с этим никакого нарушения общественного процесса производства не получится, если такого рода земельная собственность будет отчуждена без всякого вознаграждения. В отдельных случаях могут быть возражения против этого по мотивам справедливости или политической мудрости. Но об этом нам здесь нет нужды говорить. Мы только констатируем, что в выкупе этой собственности нет никакой экономической необходимости. Землевладельцы этого рода не выполняют никаких экономических функций, приостановкой которых они могли бы нарушить производственный процесс.

Но это применимо, к сожалению, только для стран, в которых господствует система аренды. Это обстоятельство относится к числу тех многих пунктов, которые настолько основательно выравнивают в Англии путь к социализму, что прямо-таки предопределяют ей роль предтечи социализма, несмотря на чопорное отношение к социалистической теории, издавна существующее в этой стране и сохранившее тот же характер ныне, как и во времена решающего влияния Карла Маркса в Интернационале.

Пролетарский режим в Англии одновременно с углем, железом, железными дорогами, а, может быть, даже и раньше, овладеет путем экспроприации большей частью землевладения городского и

сельского. В его руках будут, таким образом, все важнейшие элементы экономической жизни. Сделав землевладение достоянием государства без большого выкупа, он сразу открывает для государственной казны огромные источники доходов, позволяющие тотчас же приступить к великим социальным мероприятиям.

Совсем иначе обстоит дело в большинстве государств европейского континента и в Соединенных Штатах. Здесь землевладельцы в то же время и сельские хозяева и образуют многочисленный, экономически и, в условиях демократии, также политически сильный класс. Касаться их землевладения было бы в политическом отношении чрезвычайно опасно, а в экономическом отношении едвали не повлекло бы за собой тяжких нарушений в области снабжения продовольствием народных масс, — главным образом, городов. Даже простое огосударствление крупного землевладения могло бы при таких условиях оказаться весьма рискованным делом, к которому можно было бы лишь в том случае приступить, если имеется возможность одновременно с владением социализировать также и производство, что не так просто, как мы сейчас увидим.

У нас, таким образом, является немыслимым всеобщее, немедленное, безвозмездное огосударствление всего землевладения, превращение всех сельских хозяев в государственных арендаторов.

Тем не менее, располагая необходимой властью, нам следовало бы тотчас же, еще до наступления условий, позволяющих социализировать сельскохозяйственные предприятия, оказать воздействие в смысле прогрессирующего огосударствления земельной собственности.

Такого рода прогрессирующее, совершающееся без конфискации, огосударствление земли было бы дано, если бы государству принадлежало право преимущественной покупки при каждом отчуждении земельного участка или имения. Мобилизация землевладения уже в настоящее время очень

велика, и продажа имений происходит часто. Каждая смена владельца была бы, таким образом, средством увеличить государственное землевладение. Уже само владение землей будет выгодно для государства и общества, если даже государство на первых порах и не вводит социалистического хозяйства в приобретенных имениях, что для крестьянских имений, например, заранее исключалось-бы самим размером их. Правда, на первых порах платежей государственных арендаторов было бы достаточно только на покрытие процентов по покупной сумме, затраченной государством. Но мы живем в период роста земельной ренты, и каждое новое повышение ее на огосударствленной земле поступает государству, а не частным землевладельцам. Мы не говорим уже о той выгоде, что для налоговых инстанций гораздо легче выяснить размеры рентного дохода и основательно его обложить, чем это возможно по отношению к доходам с имения.

Кроме того, будущую социализацию тем легче будет провести, чем больше сельских хозяев из положения свободных землевладельцев перейдет в положение государственных арендаторов.

Эти выгоды для государства достигаются без ущерба для прочих участников продажной сделки от использования государством своего права преимущественной покупки. Продавцу имения безразлично, кто уплачивает ему стоимость имения, частное лицо или государство. Преемник продавца, сельский хозяин-арендатор, также извлекает выгоду из того, что покупная цена имения выложена не им. Это не так лишь в том случае, если речь идет о земельном спекулянте, приобретающем имение не для ведения хозяйства, но для скорейшей его перепродажи с лихвой.

Солидный же сельский хозяин сберегает покупную сумму, если, вместо покупки имения, берет его в аренду, и может употребить ее либо на улучшение и интенсификацию хозяйства, либо на аренду более крупного имения, по сравнению с

тем, какое он мог-бы купить. Как первое, так и второе применение сбереженной им суммы увеличит его доход, при чем первый способ, сверх того, будет содействовать развитию производительных сил страны.

Таким образом, и в странах без арендной системы можем мы придти к прогрессирующему огосударствлению земли.

Как, однако, ни важно оно само по себе, мы все же не являемся просто земельными реформаторами. Мы не хотим останавливаться на этом; мы должны найти способы включить сельское хозяйство в систему нашего хозяйства для удовлетворения потребностей общества.

Это будет для нас нелегкой задачей.

в) Социализация крупных хозяйств.

В области социализации сельскохозяйственных предприятий начинаются наибольшие трудности для социалистического режима. В этой области капиталистическим развитием сделано так мало предварительной работы, что есть социалисты, отчаивающиеся вообще в возможности сельскохозяйственной социализации. Область социализма они хотят ограничить только промышленностью.

При этом им, однако, приходится признать, что дальнейшее существование прежних отношений собственности в деревне несовместимо с социалистическим производством. Мы уже указывали, каким способом пытаются они положить конец эксплуатации наемного труда в сельском хозяйстве: раздроблением всех более крупных хозяйств — не только крупных, в собственном смысле слова, но и средних хозяйств — и сведением всего сельскохозяйственного производства до уровня семейных хозяйств.

Если бы, действительно, удалось связать эту экономическую реакцию в деревне с социальной революцией в городе, то последствия были бы ка-

тастрофические. Ибо карликовое хозяйство не в состоянии производить избыточного продукта в достаточной мере, если только вообще производит избыток.

Мы уже говорили об этом в других работах. Прежние выводы здесь можно дополнить лишь цитатами из памятной записки Dr. E. Rabbethge, представленной им в марте 1922 года комиссии по социализации, в качестве ее члена.

В этой записке вычислено, что количество продукта, производимого мелкими и средними земледельческими хозяйствами, как раз достаточно для прокормления крестьянского и мелко-городского населения Германии. Население же крупных городов (20 миллионов) и рабочие крупных сельскохозяйственных поместий (2 миллиона) живут продуктом этих последних. Крупное хозяйство прокармливает, в среднем, 5 человек на гектар, между тем как мелкое и среднее хозяйство только — 2. Разница еще значительнее, если взять только интенсивно-обрабатываемые крупные хозяйства. С каждого гектара они производят пищу на 9 человек приблизительно.

«Приблизительная картина», характеризуемая этими цифрами, об'ясняется следующими обстоятельствами:

«Совершенно бесспорно, что валовой доход с пашни в хозяйствах мелкого и мельчайшего владения, в среднем, значительно ниже дохода, получаемого крупными хозяйствами, на одинаковой почве. Менее тщательная обработка пашни, худший посевной материал, меньшее и менее целесообразное применение искусственного удобрения, менее упорная борьба с сорными травами, менее рациональный плодосмен понижают урожай, в среднем, на 25 процентов по сравнению с землями крупного владения того же качества. Эти недостатки сами по себе устранимы отчасти. Но в данное время они существуют, и с этим необходимо считаться.

На прокормление ручного работника в мелком хозяйстве уходит несколько больше, так как рабочие руки используются менее рационально; однако, этот пункт не играет столь большой роли. Основное значение имеет менее полное использование рабочего скота и вследствие этого увеличение доли урожая, необходимой для его прокормле-

ния *). В то время как в крупном землевладении из каждых 5 гектаров для прокормления упряжного скота требуется продукт приблизительно 1,1 гектара, так что для человеческого питания и на корм полезного скота остается продукт 3,9 гектаров, в мелком землевладении, (надо также принять во внимание меньшую урожайность) рабочий скот поглощает из каждых 5 гектаров продукт 2,6 до 3 гектаров, так что остается продукт всего лишь 2 гектаров приблизительно...

Общее количество корма, потребного для упряжного скота в полтора раза больше человеческого пищевого рациона, выраженного в силовых единицах. Отсюда видно, какое значение имеет содержание упряжного скота, его рациональное использование и замена животной тяги механической, в особенности, паровыми и моторными плугами.

С раздроблением крупного землевладения на той же площади смогут прокормиться вместо нынешних 23 миллионов человек только около 9 миллионов. Остальные 13—14 миллионов должны будут умереть с голоду. Кроме того, с'естные припасы сильно поднимутся в цене».

Эти 13 или 14 миллионов, которые должны будут вымереть или эмигрировать есть как раз те, кто является носителем современной культуры в Германии. С низведением сельского хозяйства до уровня карликового хозяйства мы будем отброшены к состоянию варварства.

В самое недавнее время в России разорение крупного сельского хозяйства, вследствие насильственных форм крестьянского восстания, и затем разорение крупных крестьян комитетами «деревенской бедноты» открыло путь нынешним бедствиям голода, усилившегося в ужасной мере, благодаря засухе и неурожаям, но вызванного не только ими. К этим факторам в довершение бедствия присоединились, конечно, и опустошительные, реквизиционные набеги красной армии.

---

*) Это доказывается, между прочим, и статистическими данными 1907 года. Согласно этим данным на каждые 100 гектаров приходилось:

Размеры хозяйств:	Лошадей:	Рогат. скота (без коров):
5 до 20 гектаров	12,7	37,2
20 » 100 »	12,9	24,5
100 гектаров и свыше	9,2	14,3
из них 200 гектаров и свыше	8,8	12,8

К. К.

Но такие насильственные реквизиции солдат или голодающих рабочих явились бы и у нас неизбежным концом песни, если мелко-крестьянское хозяйство не производит в достаточном количестве избыточного продукта. Несмотря на демократию, это могло бы, действительно, привести еще к новой гражданской войне. В условиях демократии, при развитом пролетарском движении, капитал не имеет сил для гражданской войны, если не располагает крестьянским кулаком. Только со стороны крестьянства угрожает опасность социалистическому режиму. Так как реквизициями можно в лучшем случае отнять хлеб у крестьян, но совершенно невозможно вызвать увеличение производства хлеба, а скорее, наоборот, еще больше отпугнуть крестьянина от производства продовольственных продуктов, то положение рабочих несмотря на насильственные меры и даже именно благодаря им очень сильно ухудшилось-бы. Вследствие этого новый режим и для них, в конце концов, стал-бы невыносим. Тогда дело контр-революции было бы выиграно.

Следовательно, нет ничего гибельнее такого решения аграрного вопроса.

К этому присоединяется еще одно важное обстоятельство. Социалистическое хозяйство должно будет искать путей и способов, по возможности, сократить бремя работы для каждого. Для многих рабочих это, пожалуй, будет важнее, чем улучшение материальной стороны их жизни.

Мелкое же хозяйство, напротив, может удержаться только благодаря величайшему напряжению своих рабочих сил. Крайняя ограниченность этих сил и обилие хозяйственных функций почти не допускают ни отдыха, ни праздников. Уже в настоящее время одна из причин резкой противоположности интересов между крестьянами и промышленными рабочими кроется в том, что у первых барщина труда не уменьшается, между тем как у последних рабочий день сокращается. Это ведет, с одной стороны, к тому, что крестьяне, осо-

бенно старики, яростно ненавидят городских «лентяев»; с другой же стороны, крестьянская молодежь бежит в город от чрезмерного труда и скуки деревенской жизни. Бегство из деревни было одним из самых ярких социальных явлений последних десятилетий перед войной. Оно возобновится опять, как только последствия войны будут преодолены, и мы вернемся к сколько-нибудь нормальной экономической обстановке.

Это явление самым серьезным образом угрожает сельскохозяйственному производству и, следовательно, делу прокормления всего населения. В социалистическом обществе эта опасность возросла бы до огромных размеров, если бы социализация с ее выгодами для рабочих была ограничена пределами промышленности, а в сельском хозяйстве продолжалось бы господство старого крестьянского шаблона.

Этим был бы нанесен большой удар прочности социалистического общества.

Следовательно, раздробление крупного землевладения явилось бы, в силу самых различных причин, гибельной катастрофой для социалистического общества. Насущнейшей необходимостью для него является социализация и возможно большее расширение крупного хозяйства.

Но социалистические защитники крестьянского хозяйства, обычно проявляющие мало интереса к марксизму, в данном случае ухватятся за него обоими руками и возразят: потребность в производственной форме сама по себе еще недостаточна, чтобы эта форма появилась. Должны быть на-лицо также и условия для нее. Экономическое же развитие не противодействует крестьянскому хозяйству.

На это, прежде всего, надо заметить, что оно также и не содействует крестьянскому хозяйству. С некоторого времени в сельском хозяйстве отношение между крупным и мелким производством остается мало изменяющимся. Но, кроме того, не все ведь зависит исключительно от экономиче-

ского развития; имеет значение и техническое развитие, которое все яснее обнаруживает превосходство крупного производства. Если бы такого превосходства не было, если бы крупное производство не было более продуктивной производственной формой, тогда, конечно, всякая попытка сохранить его в рамках социалистического хозяйства была бы безнадежной, да и ненужной. Именно техническая отсталость мелкого производства делает несовместимым крестьянское хозяйство с существованием социалистического общества.

Если мы и не можем без дальних разговоров приступить к социализации всего сельского хозяйства, то социализация сельскохозяйственных крупных предприятий явится одной из важнейших задач социалистического режима.

Но и в этих ограниченных пределах задача не может быть разрешена легко и просто. Развитие сельского хозяйства так отлично от развития других отраслей производства, что в нем не только не наблюдается победоносного прогресса крупного производства, но и формы этого последнего отстают от форм крупного производства в промышленности. Так, например, акционерная форма едва наметилась в нем. Некоторые исполинские фермы в Северной Америке и в Аргентине имели форму акционерных обществ. Но эти общества были основаны больше для целей спекуляции землей, чем для сельскохозяйственного производства, которое велось ими с максимальной экстенсивностью. (Ср. Dr. R. Leonhard, Landwirtschaft — Landindustrie — Aktiengesellschaft, Tübingen 1913). Синдицирование предприятий также не пустило корней в сельском хозяйстве. Это зависит не от руководителей предприятий, но от своеобразного характера этих последних. Ибо те же самые господа, которые не допускали нарушения самостоятельности своих собственных сельскохозяйственных предприятий, охотно шли на синдицирование в тех областях, где

сельское хозяйство соприкасается с промышленностью, как, например, при производстве спирта и сахара.

Поэтому и внутри крупного производства экономическим развитием в сельском хозяйстве создано меньше условий для социализации, чем во многих отраслях промышленности и горного дела. Если, например, в горном деле социализация всей каменноугольной промышленности, а не отдельных рудников, была признана наиболее рациональной формой, то в сельском хозяйстве и думать не приходится о социализации в такой форме. Здесь придется начинать с отдельных имений, представляющих наиболее благоприятные условия для первых попыток, и затем уже на основании накопленного опыта постепенно расширять пределы социализированного хозяйства.

Большим препятствием будет при этом отсталость сельских рабочих. Город дает рабочему так много стимулов и возможностей к образованию, что он, конечно, в состоянии до некоторой степени восполнить недостаточность своего школьного образования. В деревне не только ничего нет для пополнения образования, но обстановка там такова, что рабочий легко забывает и то немногое, что дала ему совершенно недостаточная сельская школа. При этом легче поддаются надзору его духовная пища, его товарищеские общения, его союзная деятельность; он легче подвержен изоляции, благодаря чему сильно затруднялась деятельность профессиональных союзов даже там, где не было препятствий законодательного характера. В Англии до сих пор всякое профессиональное движение среди сельских рабочих, как бы ни были многообещающи его начатки, неизбежно замирало по прошествии нескольких лет.

Это, конечно, не вечно должно быть так. Есть основание ожидать, что движение сельскохозяйственных рабочих, недавно возникшее во многих странах уже в период войны или после революции, разовьет более устойчивую жизненную силу. Но,

во всяком случае, сельский рабочий сильно отстает от большинства своих собратьев в промышленности, как в отношении профессионального опыта, так и в отношении политических знаний и общего образования, что, конечно, отнюдь не облегчает введения самоуправления в сельском хозяйстве.

Мощная профессиональная организация сельскохозяйственных рабочих в связи с хорошо функционирующими советами сельскохозяйственных предприятий и значительным улучшением деревенской школы, — таковы предпосылки, необходимые для плодотворной демократизации сельскохозяйственных крупных хозяйств, приобретенных и социализированных государством или городами.

Может, правда, показаться, будто хорошо образованный сельский рабочий наименее пригоден для работы в кооперативном предприятии, будет ли наиболее соответствующей для него формой производительное товарищество, гильдия или общественно-хозяйственное предприятие. Последняя форма мне представляется наиболее целесообразной, так как она в самом зародыше устраняет все противоречия между производителями и потребителями.

Напротив, в пользу сельских производительных товариществ говорит практический опыт, успешно проделанный с ними. Правда, русские сельские «коммуны» большевизма всех видов потерпели неудачу.

«Все, казалось, благоприятствовало попытке. И все же к началу 1919 года распалось около 83% (основанных летом 1918 года) коммун, а к средине того же года исчезли и последние их остатки». Не лучше шло дело и с советскими хозяйствами, пришедшими им на смену. (Доклад проф. Буковецкого об аграрно-коммунистических попытках большевиков. Напечатано в приложении к книге М. Туган-Барановского «Коммунистические общины нового времени»).

Эта неудача не доказывает, однако, что природа сельского хозяйства противоречит кооперативной форме производства. Она, скорее, свидетельствует о том, что большевики обнаруживают невероятную неумелость относительно всего, что не сводится к

организации чистого насилия, красной армии и полицейского всемогущества.

В Италии в течение последнего двадцатилетия возник ряд сельскохозяйственных производительных товариществ. Анкета 1906 года сообщает о 18 таких товариществах, обрабатывавших площадь размером в 1873 гектара, — следовательно, представлявших более крупные имения в 100 гектаров в среднем.

На ряду с этим существовало еще 70 товариществ, сообща снимавших земли в аренду, но сдававших их в индивидуальную обработку отдельным семьям.

Немецкий исследователь этих товариществ писал о них в 1912 году следующее:

«Результаты арендных товариществ, в общем, вполне успешны. До сих пор не отмечено ни одной неудачи, ни одного конкурса». (W. D. Preyer, Die Arbeits- und Pachtgenossenschaften Italiens, S. 136. Jena 1913).

Далее, должен быть отмечен ряд религиозно-коммунистических колоний, в прошлом веке процветавших в Соединенных Штатах и успешно ведших сельское хозяйство на товарищеских началах.

Под влиянием Оуэна в 1830 году был предпринят неким Vandaleur в своем имении Ralahine в Ирландии опыт организации товарищества, давший превосходные результаты. К сожалению, Vandaleur оказался игроком, проигрался, и его кредиторы разрушили товарищество, своевременно не позаботившееся о своих интересах заключением соответствующего договора с владельцем имения.

Подобная же судьба постигла и первое арендное товарищество в Италии. Оно тоже развивалось успешно, но погибло по вине землевладельца. Preyer сообщает об этом следующее:

«Депутат Мори, богатый помещик из Stagno Lombardo в 1886 году уступил свое имение, ранее сдававшееся им в аренду крупному арендатору, группе крестьян, составивших товарищество... Вначале договор был заключен на два года и должен был быть затем заменен постоянным договором на тех же условиях. Этого, однако, не случилось вследствие нежелания собственника возобновить дого-

вор. Его отказ был вызван упреками и интригами соседей, опасавшихся повышения требований со стороны окрестных крестьян и рабочих благодаря «социалистическому эксперименту» депутата, а также опасениями его семьи, боявшейся разорения в результате таких опытов. Приходится весьма пожалеть, что договор не был возобновлен, так как он во всех отношениях дал бы хорошие результаты. В финансовом отношении товарищество уже в первый год, кроме обычной заработной платы, дало своим членам небольшой дивиденд, который в следующем году возрос до 100 лир на каждого участника. Владелец, кроме условленной арендной суммы, получил прибыль, размер которой равнялся общей сумме прибыли всех членов товарищества. В хозяйственном отношении результаты также получились хорошие: в то время как прежде крестьяне обрабатывали имение небрежно, теперь, будучи сами заинтересованы, они старались усердной работой повысить его доходность. В социальном и моральном отношении результат также был ободрителен. Членами товарищества состояли рабочие, работавшие в имении еще при прежнем арендаторе. В организации, так сказать, навязанной им, отношения установились хорошие, а руководящий орган, состоявший из рабочих и владельца имения, хорошо поддерживал дисциплину». (С. 83, 84).

Все это живо напоминает о попытке в Ralahine. Но рабочие конца 19 века все же были уже не те, что рабочие его начала. Ralahine после себя не оставил следа. Напротив, итальянское арендное товарищество 1886 года скоро нашло подражателей, уже не зависевших от настроения богатого филантропа. Дальнейшие арендные товарищества были основаны рабочими камерами (профессиональными картелями) отдельных областей.

Эти примеры из новейшего времени можно дополнить многочисленными примерами прошлого. Крупное производство при помощи обширных домовых товариществ уже в давние времена было очень распространенной и успешной формой производства в сельском хозяйстве.

Но все эти явления крупного производства на кооперативных началах мы встречаем в условиях некультурного или все же несовременного быта. Следует отметить, что Ralahine находился в графстве Clare, одной из наиболее отсталых областей Ирландии, и рабочие его принадлежали к одной из низших разновидностей ирландцев. (См. Каутский,

Аграрный вопрос. Штуттгарт 1899 стр. 124 и сл. (нем. изд.). Я там подробно сообщаю о Ralahine.) С другой стороны, замечательно то, что коммунистические общины, товарищеское сельско-хозяйственное производство которых процветало, состояли из глубоко-религиозных сектантов-крестьян, совершенно свободных от современного мышления. Напротив, те коммунистические колонии, которые были проникнуты новейшим социалистическим мышлением и основаны образованными последователями учений Оуэна, Фурье и Кабе, все до единой погибли.

На этом основании можно было бы и в самом деле думать, что товарищеское сельскохозяйственное производство процветает лишь в условиях варварства и невозможно для современных образованных людей.

В чем заключается причина неудач новейших коммунистических колоний? По большей части, в том, во всяком случае, что эти колонии устраивались в отдаленных пустынных местностях, где они рассчитывали избегнуть вредного влияния капитализма, но зато были также лишены всех условий цивилизации, что для образованного человека, как длительное состояние, является ужасным лишением; далее, в том, что колонии новейшего социализма основывались не крестьянами, а горожанами, которые, в качестве таковых, неспособны были к земледельческому труду и должны были скоро почувствовать к нему отвращение. Как только улеглась первая прелесть новизны, а энтузиазм, вызванный величием цели, все больше вытеснялся монотонностью повседневной жизни, пробуждалась тоска по привычной, покинутой обстановке. Уже это одно в достаточной мере об'ясняет, почему колонии этого рода после немногих лет распадались. Это, однако же, еще не об'ясняет, почему раздоры и споры так часто нарушали жизнь колоний.

Рассматриваемое нами обстоятельство необходимо поставить в связь с одним явлением, на которое обращали слишком мало внимания, — на тес-

ное взаимоотношение между домашним хозяйством и сельскохозяйственным предприятием.

В то время как ремесло с самого начала является производством товаров, которых сам производитель не потребляет, но которыми обменивается с другими производителями на продукты им потребляемые, сельское хозяйство долгое время является почти всецело производством для нужд домашнего хозяйства производителя. Даже в настоящее время оно в предприятиях мелких является преимущественно производством для собственного потребления.

Поэтому в сельском хозяйстве предприятие и домоводство органически связаны друг с другом, между тем как в промышленности они представляют две совершенно раздельных области.

Но развитие домоводства идет совсем не в том направлении, в каком развивается предприятие. Если предприятие несет в себе тенденцию к постоянному увеличению, то в домоводстве мы видим обратное. Если в прежние времена развитие и благополучие индивида находились в прямой зависимости от размеров того общежития, членом которого он состоял; если индивид был тем сильнее, чем многочисленнее и могущественнее была его семья, то с развитием денежного хозяйства индивид становился все более независимым от тех групп, к которым принадлежал по рождению. Семья с этих пор все более сокращалась до размеров брачной пары с ее нетрудоспособными детьми. Эта тенденция, в капиталистическом обществе получившая всеобщее распространение, делает личность все более самостоятельной. Эта самостоятельность так сильна, что сумела отстоять себя, несмотря на экономический ущерб, присущий и в области домашнего хозяйства мелкому производству по сравнению с крупным. Правда, люди пытаются, хотя бы в городах, извлечь для домохозяйства выгоды из крупного производства. Однако, они достигают этого не путем слияния многих отдельных домохозяйств в одно крупное, но тем, что от домашнего хозяйства

отделяется одна экономическая функция за другой и передается общественным учреждениям, так что работы по домоводству становятся все незначительнее и проще.

В промышленности сокращение размеров домоводства не было препятствием для появления и развития крупного производства.

Совсем иное действие оказывает это сокращение в сфере сельского хозяйства, где домоводство и предприятие тесно связаны одно с другим. Оно разрушило крупные семьи, заменив их многочисленными мелкими домохозяйствами. Но это вызвало вместе с тем и сильное стремление к превращению крупных имений в мелкие и сильно задержало развитие современного крупного производства, превосходство которого в сельском хозяйстве и без того не было так сильно, как в большинстве отраслей промышленности.

Но там, где крупное производство сохранилось, оно осталось связанным с крупным домоводством. Оно обусловливало наличие многочисленной челяди, холостых слуг и служанок без собственного жилья, но во многих случаях с соответствующим придатком в виде «холостых детей». И даже рабочие крупных имений, имеющие собственную семью, остались в высокой степени зависимы от помещика в отношении жилища и своего домашнего хозяйства.

Такого рода зависимость существует и в коммунистических колониях. Но для современного человека она совершенно невыносима. Если мы сохраним ее, то она угрожает крушением всех сельскохозяйственных товариществ.

Поэтому, чем в большей мере пролетарский режим озабочен путем соответствующего образования и воспитания превратить сельских рабочих в людей современного уровня, тем больше должен он стараться создать для них достойные человека жилищные условия, которые сделали бы их домашнее хозяйство совершенно независимым от предприятия. Только в том случае крупное производ-

ство в земледелии станет совместимо с существованием интеллигентных и самостоятельных рабочих, если мелкое домохозяйство будет отделено от крупного предприятия.

В этом с ясностью убеждает нас пример Италии. В отличие от большинства других стран в ней появились и сумели сохраниться кооперативные крупные предприятия в сельском хозяйстве. Это удалось им, несмотря на то что обстоятельства не были очень благоприятны для них. Ибо предприятия эти служат не столько интересам потребителей, сколько интересам весьма ограниченного круга производителей. Они были основаны не для производства дешевых продовольственных продуктов, но для помощи безработным сельскохозяйственным рабочим. Они не применяют, следовательно, машин в тех случаях, когда благодаря этому рабочие руки становятся лишними. Но крупное хозяйство, не применяющее машин, едва-ли превосходит в чем-нибудь мелкое хозяйство.

Если же, несмотря на это, сельскохозяйственные товарищества в Италии могли развиваться, то этим в немалой мере они обязаны тому, что в сельском хозяйстве Италии, в противоположность сельскому хозяйству других стран, предприятие и домоводство в высокой мере отделены одно от другого. Земледельцы живут не разрозненно, но сконцентрированы в небольших сельских городках. Это облегчает, как пропагандистскую работу социалистической партии среди сельскохозяйственных рабочих, так и организационную работу среди них профессиональных союзов и кооперации.

Поэтому в Италии имеется не только кооперативное сельское хозяйство, но и движение сельскохозяйственных рабочих исключительной силы и настойчивости, как нигде в мире.

Создание на общественные средства достаточного числа здоровых и приятных жилищ для сельских рабочих; жилищ, которые отделены от предприятия и сосредоточены в более крупных поселениях; создание вместе с тем бо́льшей свободы для

сельских рабочих и условий для развития профессионального движения среди них; хорошие сельские школы, — таковы насущнейшие предварительные условия для социализации сельскохозяйственных крупных предприятий.

г) Социализация мелких хозяйств.

Если некоторые крупные хозяйства социализированы и притом с хорошими результатами, то социализация прочих крупных хозяйств будет прогрессировать быстрыми шагами. Но крестьянское хозяйство в большинстве стран еще является слишком важным фактором производства продовольственных продуктов; необходимо поэтому сделать попытку вовлечь и его в сферу социализации. Социализация невозможна для мелких хозяйств в том виде, в каком они существуют теперь. Для них, как и для крупных хозяйств, должен быть создан предварительно целый ряд условий, прежде чем станет возможно их вовлечение в сферу социализации.

Не требует подробных доказательств та мысль, что улучшение сельских школ и общий под'ем культурного уровня деревни являются необходимейшим условием перехода крестьян к высшим формам производства.

Напротив, об'единение крестьян в экономические союзы мало будет способствовать делу социализации. До сих пор все такого рода союзы были органами борьбы сельского производителя против городского потребителя. Социализированное же предприятие должно быть организацией, обслуживающей интересы обоих сторон.

Для крестьянских хозяйств, как и для хозяйств крупных, важным предварительным условием социализации является отделение предприятия от домохозяйства. Разница лишь в том, что в мелком предприятии постановка проблемы должна быть иная, чем в крупном. В крупном производстве исходный пункт образует наличная форма предприятия. Изменению подлежит форма домохозяйства.

Как раз наоборот — в крестьянском производстве. Здесь самостоятельность домохозяйства имеется на лицо. Должна быть изменена форма предприятия.

Целиком отделить крестьянское предприятие от домохозяйства едва-ли окажется возможным и, во многих случаях, просто будет не выгодно. Полеводство в крестьянском хозяйстве легче всего может быть отделено от домоводства и вестись самостоятельно. Но оно-то именно и есть та часть сельскохозяйственного производства, в которой крупное производство является наиболее выгодным и применение машин наиболее распространенным. Было бы не только технически возможно, но и чрезвычайно выгодно, если бы крестьяне всей деревни об'единили свои поля и образовали товарищество для их совместной обработки.

Это отнюдь не было бы чем-то неслыханным. Принудительный севооборот мы встречаем в крестьянском земледелии вплоть до новейших времен. Дом и двор крестьянина были его частной собственностью, лес и луг составляли нераздельную общинную собственность, пахотные же поля находились в общинном владении. Однако, при развитом крестьянском хозяйстве они обрабатывались не сообща, но от времени до времени распределялись между отдельными семьями для отдельной обработки. Она совершалась по общему плану. В большем тогда не было надобности, так как при тогдашней примитивности орудий труда общая обработка не представляла никаких выгод.

Совсем иначе обстоит дело в настоящее время, время паровых и моторных плугов, механических сеялок и косилок. При нынешних условиях обработка больших сплошных площадей представляет значительные выгоды по сравнению с обработкой мелких участков. (Подробнее этот вопрос рассматривался мною в работе: «Социалдемократические заметки о хозяйстве переходного времени», Лейпциг 1918, в главе о сельском хозяйстве деревенских общин. Эта глава вместе с другими главами из той

же работы и некоторыми главами из моей книги об аграрном вопросе появились отдельным сборником под заглавием «Социализация сельского хозяйства», Берлин 1919 г. Рус. изд. Берлин 1921 г.).

Уже в настоящее время встречаются случаи, когда мелкий крестьянин передает вспашку своего поля соседу, у которого имеется лучший рабочий скот или моторный плуг. Молотьба уже давно производится при помощи чужой молотилки. Кооперативная собственность на такие машины, а также на моторные плуги, механические косилки и т. д. уже больше не редкость.

Не делают только последнего, самого важного шага для рационализации крестьянского сельского хозяйства, делающего возможным также и его социализацию: об'единения полей. Сделать этот шаг мешает частная собственность на землю.

Начало в этом направлении можно будет положить только там, где частная собственность отменена. Характерно, что членами сельскохозяйственных товариществ в Италии состоят наемные рабочие или арендаторы, но отнюдь не крестьяне, обладающие собственностью.

При пролетарском правительстве и в условиях современной сильной мобилизации землевладения и частой продажи имений есть все основания ожидать, что право преимущественной покупки скоро доставит государству во многих областях большие количества земли. Если все крестьяне в деревне, или хотя бы значительная их часть, становятся арендаторами государственной земли, то государству очень нетрудно создать такую форму арендных отношений, при которой возможны об'единение всей государственной пашни данной деревни в одно целое и организация государственных арендаторов в единое сельскохозяйственное товарищество.

Того же метода следует придерживаться и при образовании новых поселений. Создавать их путем раздробления рационально обрабатываемых крупных имений было бы, как уже сказано, варвар-

ством и угрозой снабжению продовольствием населения. Наоборот, при образовании поселений на новых землях, из пустошей, впервые превращаемых в культивируемую землю, положение будет иное.

Здесь представлялось бы возможным, с самого начала организовав эти поселения в виде деревень с общей, совместно обрабатываемой пашней, удовлетворить одновременно и стремлению к умножению мелких самостоятельных домохозяйств, и необходимости сочетать вместе с этим технические выгоды крупного хозяйства. Если вся поселенческая площадь остается в собственности государства, каждому поселенцу предоставляется особое жилище, обработка же полей поручается поселковому товариществу государством, в качестве землевладельца, то за последним всегда обеспечена возможность оградить, на ряду с интересами производителей, также и интересы потребителей.

Это относится, разумеется, и к тем имениям, в которых уже издавна велось крупное хозяйство, и социализация которых превратила их в собственность государства. Было бы нетрудно включить их в хозяйственный план государства и, следовательно, в систему хозяйства для удовлетворения потребностей общества, то-ли присоединением их к городу, потребности которого они обслуживают, то-ли включением их в одну из гильдий или общественно-хозяйственных организаций мукомолов, сахарных заводов и т. д.

Окрепнув и доказав свою жизнеспособность. общественное хозяйство сельских товариществ не ограничится, конечно, земледелием, составляющем его исходный пункт. Оно перейдет и к животноводству, при чем на первых порах к разведению крупного скота. Возможно ли будет для него, и в какой мере, разведение мелкого скота, плодоводство и разведение овощей, это вопрос, заниматься которым нам сейчас нет никакой надобности.

Во всяком случае, мы вправе ожидать, что начатая с двух сторон — со стороны крупного произ-

водства отделением от него частного домохозяйства отдельных лиц, со стороны мелкого производства отделением от него пахотных земель — социализация сельского хозяйства постепенно будет развиваться все более быстрым темпом, по мере роста накопленного при этом опыта, возрастания достигнутых успехов, улучшения положения рабочих в социализированных хозяйствах, увеличения и удешевления массы продукта, доставляемого ими потребителю.

Огосударствление земли, путем ли конфискации, где возможно, или путем постепенной скупки государством частных земель, что будет общим правилом, является необходимым предварительным условием включения сельского хозяйства в хозяйственную систему социализма. Но только о д н и м из условий. Ограничиться только огосударствлением земли, не изменяя самого характера хозяйства, как того хотят многие земельные реформаторы, значило бы, по существу, изменить не так много в нынешнем строе.

д) И н д у с т р и а л и з а ц и я с е л ь с к о г о х о з я й с т в а.

Но социализация сельского хозяйства не может ограничиться и теми мероприятиями, которые обсуждены нами выше. Она должна изыскать пути дальнейшего прогресса, найти способы соединения сельского хозяйства с промышленностью.

В прежние времена, при частно-крестьянском хозяйстве, обе отрасли производства были соединены. Крестьянин сам производил почти все продукты промышленности, в которых нуждался. Прогресс в разделении труда сделал крестьянские промыслы, один за другим, самостоятельными и перенес их в города. При этом он вызвал к жизни бесчисленные новые отрасли промышленности, ставшие необходимыми для крестьянина даже в такой отсталой стране, как Россия. Разорение сельского хозяйства России не в малой мере вызвано разорением русской промышленности.

Чем больше труд сельского хозяина ограничивается сельскохозяйственными работами в собственном смысле, тем в большей мере он становится сезонным трудом, интенсивность которого в определенные периоды возрастает до огромных размеров, чтобы в другие периоды почти совершенно замереть. В городе владелец сезонного предприятия может расчитать своих рабочих на время затишья; с оживлением деятельности он снова находит рабочую силу. Расчитанные же рабочие находят в городе разнообразные возможности кое-как перебиться в период затишья, хотя зачастую и с большими лишениями. Наоборот, в деревне, где, по большей части, господствует о д и н промысел, сельскохозяйственный, — мы не говорим о лесном деле, в котором возможность зимнего заработка имеется хоть и не везде, — для сельского рабочего в периоды отсутствия сельских работ почти невозможно найти занятие. Зато во время наибольшей интенсивности работ чрезвычайно трудно найти дополнительные рабочие силы.

К этим невыгодам ухода промышленности из деревни в город присоединяется еще та, что сельское население сокращается в числе, между тем как скученность городского населения растет. На ряду с этим происходит процесс духовного обеднения сельской жизни; у сельского населения исчезают почти всякие импульсы к развитию духовной жизни, между тем как город предлагает такие импульсы в изобилии. Поэтому духовная жизнь сельского населения приходит в упадок, регрессирует, если не абсолютно, то относительно, по сравнению с духовной жизнью городского населения. Таким образом, между жителями города и деревни образуется духовная пропасть, что в немалой мере способствует враждебным отношениям между ними.

Зато в городской жизни, в свою очередь, развиваются отрицательные явления. Города становятся не только центрами высокой интеллектуальной жизни, но и средоточием роскоши и очагами разврата и преступности. Городской рабочий утрачи-

вает тесное соприкосновение с природой и подвергается опасности физического вырождения. Вместе с тем скопление огромных масс населения в городах влечет растущие расходы по доставке продовольственных припасов, по снабжению водой и другими предметами первой необходимости. В не меньшей мере растут и расходы по удалению отбросов и человеческих нечистот, удобрительные вещества которых при этом в значительной мере пропадают для сельского хозяйства.

Это отделение промышленности от сельского хозяйства, города от деревни в столь высокой степени, как оно наблюдается в настоящее время, является одним из худших последствий промышленного капитализма и, покуда оно существует, устранение их не будет полным.

Начатки перенесения отдельных промышленных предприятий в деревню наблюдаются уже в настоящее время. Первоначальные формы капиталистически эксплуатируемых отраслей промышленности, как домашние промыслы, так и горное дело, возникли вне городов. С введением машин первоначальной движущей их силой была вода, почему в Англии еще и поныне фабрика носит название «mill», т. е. мельницы. Удовлетворяя своей потребности в водной энергии, промышленность расположилась в отдельных речных долинах. Впоследствии паровая машина и железные дороги сосредоточили огромное большинство промышленных предприятий в отдельных городах.

До сих пор тенденции противоположного характера не были достаточно сильны, чтобы придать этому движению обратное направление. Правда, наблюдаются случаи перехода отдельных фабрик в сельские местности, если там находятся дешевые рабочие руки. Туда же влечет некоторые промышленные предприятия потребность в сельскохозяйственном сырье, не выдерживающем по техническим или экономическим причинам далекой перевозки; таковы, напр., сахарные и винокуренные

заводы, фабрики овощных консервов и тому подобные.

Нередко, наконец, тот или иной фабрикант приобретает имение вблизи фабрики не ради собственного удовольствия, но в интересах облегчения и удешевления снабжения своих рабочих некоторыми предметами продовольствия: молоком, маслом, яйцами, мясом.

Однако, все эти явления все еще остаются слишком разрозненными и единичными попытками, чтобы заметно повлиять на общую картину социальной жизни. Все они, кроме того, лишены какой бы то ни было системы и совершенно не касаются существа проблемы: органического соединения промышленного и сельскохозяйственного производства.

Никакой подготовительной работы для этого не сделано. Социалистическому режиму предстоит задача опытным путем изыскать наиболее целесообразные формы соединения промышленности с сельским хозяйством. Решение задачи должно состоять не только в перенесении промышленных предприятий в деревню и в превращении сельскохозяйственных предприятий в поставщика промышленности, но и в такой организации и подготовке рабочих, чтобы промышленный рабочий в период жатвы и максимальной интенсивности сельскохозяйственных работ был в состоянии принять в них участие своим трудом. С другой стороны, сельский рабочий должен быть в состоянии в период затишья сельскохозяйственных работ, в особенности, зимой, найти занятие в промышленности.

Еще более высокая форма соединения промышленности с сельским хозяйством была бы найдена там, где удалось бы труд каждого рабочего организовать таким образом, чтобы регулярно, изо дня в день, по нескольку часов он проводил за работой в поле, на вольном воздухе, и по нескольку часов на фабрике. Таким образом, удалось бы преодолеть разрушающую душу и тело скуку однообразного труда.

Здоровье и охота к труду рабочих несомненно возросли бы в огромной мере, если бы каждый из них, скажем, при восьмичасовом рабочем дне, четыре часа работал в сельском хозяйстве и четыре часа в промышленности. При работе в три смены и здесь, и там общее рабочее время в предприятии составляло-бы двенадцать часов в день.

Количество рабочего времени должно было бы, конечно, изменяться в зависимости от потребности сельского хозяйства в рабочей силе. Зимой, например, рабочее время каждого рабочего могло бы составлять, скажем, пять часов на фабрике и три часа в сельском хозяйстве, между тем как летом, в страдную пору, пропорция могла бы быть обратной.

Как уже сказано, опытом в этой области мы еще не располагаем. Его нужно еще накоплять и подвергнуть обработке. Само собой разумеется, при разрешении предстоящей задачи нельзя действовать по шаблону. Не для каждой отрасли промышленности подходит одна и та же организация труда, и каждая отрасль должна быть расположена в той местности, которая наиболее способствует ее преуспеянию.

С другой стороны, и города не могут совершенно прекратить существование. Они сохранят свое значение, как центры государственного управления и высшего образования. Но, вместе с сокращением численности государственной бюрократии и ростом значения местного самоуправления, будет сокращаться и чиновничья армия в центре государства. При этом децентрализация промышленности достигнет тем более высокой степени, чем более планомерной будет ее организация, чем меньше ее зависимость от колебаний рынка и, наконец, чем лучше пути сообщения в стране.

Остающиеся в городах центральные учреждения вряд-ли дадут более многочисленное население, чем население среднего города, насчитывающего около 100 000 жителей.

Деревни же, в свою очередь, благодаря перенесению промышленности в сельские местности будут разрастаться в небольшие города, в роде ныне существующих в Италии, что опять таки будет способствовать отделению домохозяйства от предприятия и распространению крупного производства.

Конечно, как уже сказано выше, никакими опытными данными об индустриализации сельского хозяйства мы еще не располагаем. Разрешение этой задачи вызовет массу новых сооружений в селах, что потребует больших подготовительных работ и много времени. Индустрализация сельского хозяйства может быть предпринята только очень богатым государством с крепко укоренившимся социалистическим строем. В период перехода от капитализма к социализму, который мы здесь преимущественно имеем в виду, эта задача еще не является актуальной.

Тем не менее, отнюдь не лишне указать на эту проблему уже теперь, дабы побудить практиков и теоретиков заняться ею и накоплять соответствующий опыт, который для будущего ее решения даст такие же ценные указания, как и эксперименты сороковых годов с производительными товариществами, несмотря на то что в свое время они были преждевременны и практически недостаточны.

Социализм мы не можем построить на теориях, установленных чисто-умозрительным путем. Эти теории должны быть основаны на опыте. Чем более многочисленны опытные данные, находящиеся в нашем распоряжении, и чем длительнее время, к которому они относятся, тем увереннее будут наши шаги при осуществлении предстоящей нам в будущем задачи.

Вообще говоря нами установлено, что в сельском хозяйстве социализация наталкивается на гораздо большие трудности и требует более обширных подготовительных работ, чем в промышленности. Тем не менее социалистическое правительство не должно откладывать ее в долгий ящик. Чем успешнее и скорее будет проникать социализм

в область сельского хозяйства, тем легче обезоружит он своего опаснейшего противника, крестьянство.

Для демократического государства с высокоразвитой промышленностью капиталисты, в качестве фактора физической силы, не представляют опасности. Пролетариат с ними, конечно, справится, поскольку в экономическом отношении они уже не нужны, интеллектуальные же силы, находящиеся в распоряжении пролетариата, равноценны интеллектуальным силам капиталистов. Соотношение сил между капиталом и пролетариатом является при этих условиях только вопросом экономики и уровня интеллектуального развития, но отнюдь не вопросом физической силы.

Крестьянство же, напротив, все еще представляет собой не только могущественную экономическую, но и мощную физическую силу, которая при определенных обстоятельствах не только может создавать большие препятствия пролетарскому режиму, но и стать весьма опасной для него. Между тем экономические противоречия между крестьянством и пролетариатом гораздо менее глубоки, нежели противоположность, разделяющая капиталистов и пролетариев.

Даже в том случае, если пролетарский режим вознаграждает капиталистов за отчуждаемые у них в пользу государства или городов средства производства, капиталу все же угрожает потеря власти, принадлежавшей ему ранее. Напротив для мелкого крестьянина, не эксплуатирующего наемного труда, социализм не означает потери власти и приносит ему благосостояние и досуг.

Но крестьянин не верит теоретическим заверениям и обещаниям. Только путем наглядного обучения на практике можем мы привлечь на свою сторону крестьян. Представить ему такого рода практические доказательства является для нас задачей величайшей важности. Но, разумеется, это наглядное обучение социализму должно быть другого рода, чем то, которое в 1917 году обещали всему

миру большевики. Поменьше бахвальства, поменьше скоропалительности и побольше основательной подготовки, чтобы с первых же шагов социализм дал наилучшие практические результаты.

Если победоносному пролетариату это удалось, то он не только вырвет почву из под ног у самой опасной для него оппозиции в собственной стране, но и облегчит борьбу социалистических рабочих в странах с преобладающим крестьянским населением и тем ускорит их победу. Этим странам аграрного характера тогда уже не придется, подобно странам передовым, долгое время блуждать в пустыне капитализма, прежде чем достичь обетованной страны социализма. Они смогут достичь цели путем, весьма значительно сокращенным.

10. Деньги.

а) Бумажно-денежная инфляция.

До сих пор мы исходили из того предположения, что деньги в социалистическом обществе продолжают существовать и выполняют свои функции. Так ли это? Не будут-ли деньги упразднены в социалистическом обществе? Разве понятие «хозяйство для удовлетворения потребностей» не предполагает, как необходимое следствие, упразднения денег? И, действительно, для многих социалистов уничтожение денег является и по сей день социалистическим требованием, само собою разумеющимся. А с большевистской стороны нам уже показали, что наилучший путь к осуществлению этого требования есть инфляция, т. е. наводнение всего мира бумажными деньгами, которые в конце концов совершенно обесцениваются и, таким образом, уничтожаются сами собой. Эта разновидность социализма есть та именно разновидность, которая в России достигла головокружительных успехов, но, увы, столь же мало, как и прочие разновидности русского социализма, удовлетворила рабочих и социалистов.

С самого начала необходимо уяснить себе, что если хотят упразднить деньги, то единственный

путь, который ведет к этому, может состоять лишь в том, чтобы сделать излишними функции, выполнявшиеся до сих пор деньгами. Инфляция же сохраняет эти функции неприкосновенными и лишь разрушает то орудие, с помощью которого они выполняются. Благодаря этому инфляция вызывает задержки в ходе производства и создает тяжкие нарушения всей общественной жизни.

Первая и самая важная задача денег — служить посредником обмена и обращения товаров. При товарном производстве каждый производит то, чего сам не потребляет, и приобретает нужные ему предметы посредством обмена продуктов своего труда или, в соответствующих случаях, труда своих рабочих на продукты чужого труда. При этом никто не желает даром работать на других. При полной свободе конкуренции и труда, те продукты, на изготовление которых затрачены равные количества труда, приравниваются друг к другу, как равновеликие стоимости, и в качестве таковых обмениваются одни на другие. Производство продуктов с помощью наемного труда вместо своего собственного может несколько видоизменить этот закон, но ни в коем случае не может отменить его.

Как только обмен товаров начинает совершаться при посредстве денег, т. е. при посредстве товара, который имеет всеобщий спрос, важное значение приобретает постоянство стоимости этого денежного товара, а также постоянство стоимости денежных знаков, представляющих лишь определенные количества денежного товара. Ибо становится возможным купить товар, но оплатить его лишь впоследствии. Равным образом возможно, продав товар, не употребить тотчас же денег, вырученных за него, на новую покупку. Если стоимость денег не постоянна, если она понижается, то через некоторое время деньги представляют уже меньшее количество труда, чем прежде; в этом случае владелец денег часть своего труда или труда своих наемных рабочих затратил даром. Если я продал товар, овеществляющий 10 часов труда, по его полной стои-

мости, деньги же, полученные за него, представляют месяц спустя всего лишь 9 часов, то один час труда я затратил даром. Если обесценение денег вызвано экономически недопустимой фабрикацией денег государством, то я работал даром не только на валютного спекулянта, но и на государство.

Бумажно-денежная инфляция, обесценение денег, не будучи ни в малой мере социалистической мерой, есть ничто иное, как обложение населения в пользу государства и спекулянтов. С одной стороны, она является налогом гораздо более несправедливым, тяжким, разрушительным и бессмысленным, чем какой-либо иной, хотя-бы даже косвенный, планомерно-взимаемый налог. С другой стороны, она есть средство к обогащению вреднейших элементов капиталистического класса. Растущая нищета, верная спутница инфляции, необходимо порождает растущее богатство спекулянтов, справиться с которыми была не в силах ни гильотина времен ассигнатов Великой Французской Революции, ни Чека большевистского террора.

Инфляция является страшным злом при всех обстоятельствах. Но в капиталистическом государстве от нее страдают не только рабочие, но и многие капиталисты. Если спекулянты при ней процветают, то рантье разоряются.

Совершенно иначе влияет инфляция, как социалистическое мероприятие в советской республике рабочих и крестьян, где весь класс капиталистов уже экспроприирован и при том без всякого вознаграждения. Здесь деньги служат почти исключительно для расплаты с рабочими, чиновниками и крестьянами. Таким образом, обесценение денег является здесь только средством обмануть рабочего, чиновника, крестьянина на часть его заработка или трудового продукта.

Следовательно, если пролетариат, придя к власти, застанет хозяйство бумажно-денежной инфляции, то у него есть все основания положить ему конец, как можно скорее. И ни в каком случае

не должен он ни вводить такого хозяйства, ни дать ему укрепиться.

б) Упразднение денег.

Бумажно-денежная инфляция не есть, следовательно, верный путь к упразднению денег. Мы видели также, что капиталистическое хозяйство не может быть устранено сразу. Покуда оно не устранено, без денег нельзя будет обойтись.

Но можно ли будет отказаться от денег впоследствии? Немало социалистов полагают, что социализм означает «конец денег». Такого мнения держится, например, Dr. Otto Neurath в своей уже цитированной работе «Wesen und Weg der Sozialisierung» («Путь и сущность социализации»). На стр. 14 он пишет:

«Необходимо освободиться, наконец, от устарелых предрассудков и признать в крупном натуральном хозяйстве полноценную хозяйственную форму, которая в настоящее время имеет тем большее значение, что всякое совершенное, планомерно-управляемое хозяйство есть в конечном счете натуральное хозяйство. Социализация означает поэтому содействие распространению натурального хозяйства. Социализация при одновременном сохранении раздробленного, не поддающегося регулированию денежного хозяйства есть внутреннее противоречие. Стихийность, невозможность руководства заложена в самом существе денег, и все попытки определить «нужное количество денег» оказались напрасным трудом. Все предпринимавшиеся до сих пор мероприятия в области денежной политики оказались практически бесплодными и теоретически недостаточными не благодаря неспособности авторов этих мероприятий, но потому, что деньги являются неподходящим об'ектом для всех попыток такого рода. Если когда-нибудь сущность денег будет постигнута полностью, у всех точно повязка спадет с глаз, и развитие, продолжавшееся столетия, покажется людям огромным заблуждением».

Заключительные строки этого абзаца не совсем ясны. Хочет-ли Нойрат сказать, что ему, наконец, удалось постичь сущность денег, и что человечество последних столетий страдает под игом денег и не может освободиться от великого заблуждения только потому, что он, Нойрат, не явился на свет раньше? Но в таком случае он должен был бы со-

общить нам, в чем же состоит постигнутая им сущность денег, дабы и у нас спала с глаз пелена. Или, может быть, он хочет сказать, — а формулировка абзаца намекает на это,—что совершенное выяснение сущности денег еще должно быть сделано кем-то? Но как может он уже теперь извлекать следствия из этой еще не родившейся теории и возвещать нам о ее заслугах? В мире знаний нельзя платить векселями на будущее. Здесь надо расплачиваться наличными и при том, разумеется — в назидание Нойрату будь сказано — не в денежной, а в натуральной форме, т. е. действительными открытиями.

Пока же я, к сожалению, не в состоянии «освободиться от устарелых предрассудков», если под ними разуметь также Марксову теорию денег. Покуда не имеется будущей теории денег, возвещенной Нойратом, я держусь самой совершенной из ныне существующих — теории Маркса.

Но о той теории денег, которую уже изложил нам Нойрат, мы получаем не совсем удовлетворительное представление, когда узнаём от него, что «социализация при одновременном сохранении раздробленного, не поддающегося регулированию денежного хозяйства есть внутреннее противоречие», ибо «стихийность, невозможность руководства заложена в самом существе денег».

Согласно этому пришлось бы предположить, что деньги обладают своим собственным движением, совершенно анархичным и не поддающимся никакому воздействию. К сожалению, я совершенно согласен с Марксом, который полагает, что такое воззрение основано на чистой видимости:

«Хотя в действительности движение денег есть лишь выражение товарного обращения, тем не менее товарное обращение кажется, наоборот, только результатом движения денег». («Капитал» I Volksausgabe S. 75).

Вместе с изменением характера товарного обращения изменяется и характер движения денег. Движения денег, противостоящего обществу, как

самостоятельная, ни при каких условиях «не поддающаяся регулированию» сила, не существует.

«Не поддающемуся руководству денежному хозяйству» Нойрат противопоставляет «натуральное хозяйство». Что следует понимать под этим? В первоначальной стадии хозяйства мы находим производство для собственного потребления. Каждая из небольших общественных групп того времени сама производит все, в чем нуждается, и распределяет произведенное между своими членами. Деньги здесь, действительно, излишни.

За пределы этой стадии общество разрастается, вследствие разделения труда между отдельными производственными предприятиями. Многие из них начинают производить предметы, которых не производят, но очень хотели бы иметь другие хозяйства. Зато эти последние в изобилии производят такие предметы, в которых нуждаются первые. Благодаря этому между отдельными хозяйствами начинается обмен продуктами. Продукты, таким образом, становятся товарами, а их производство товарным производством.

Вначале имеет место только непосредственный обмен товаров. Состоится или нет меновая сделка такого рода, есть исключительно дело случая. Если столяр выносит на рынок разного рода столы, стулья, шкапы, сделанные им, а мельник мешки с мукой, то для совершения меновой сделки недостаточно того, что столяр нуждается в муке. Нужно еще, чтобы и мельник имел потребность как раз в столе, в стуле или шкапе.

Поэтому в период непосредственного обмена товаров ни одно хозяйство не может быть уверено в том, что нужная ему меновая сделка состоится. Каждое хозяйство само производит все предметы первой необходимости. В сферу обмена попадают только предметы роскоши или такие вещи, которые могут ждать удобного случая для обмена. На этой стадии разделение труда между хозяйствами заключено в очень тесные границы. Меновые сделки остаются единичными явлениями и совер-

шаются медленно, с чрезвычайными трудностями. Никто, разумеется, не хочет работать даром на других. Начинает уже сказываться измерение стоимости товаров количеством овеществленного в них труда. Но труд, как мерило стоимости товаров, еще не имеет закономерного господства в сфере обмена: пропорция, в какой отдельные продукты обмениваются между собой, зависит от бесчисленных случайностей.

Огромный прогресс в этом отношении наступает с появлением на рынке такого товара, который охотно берут все. Всякий, кто обладает таким товаром, может непосредственно получить все, что появляется на рынке, и что равно по стоимости этому товару. Если он обладает запасом такого товара, то он может быть уверен в том, что всегда удовлетворит свои потребности, поскольку для этого достаточны поступающие на рынок товары других хозяйств. С другой стороны, каждый готов отдать свои товары в обмен на этот пользующийся всеобщим спросом товар, если даже он в нем, как в предмете потребления, в данный момент не нуждается. Ибо каждый знает, что, обладая таким товаром, он всегда в состоянии, в обмен на него, удовлетворить свою потребность.

Теперь меновые сделки становятся многочисленнее, меновой процесс происходит быстрее и более регулярно. Непосредственный прямой обмен товара на товар все больше уступает место обмену отдельных товаров на товар, пользующийся всеобщим спросом.

Вследствие этого усиливается разделение труда между отдельными хозяйствами, производство для собственного потребления все больше отступает перед производством для рынка. Обмен товаров из случайного акта превращается в постоянное явление, регулярно повторяющееся. В процессе обмена различнейшие виды товаров все чаще пользуются, в качестве мерила своей стоимости, одним товаром, имеющим всеобщий спрос. Меновая стоимость каждого отдельного товара теперь все чаще воплощает-

ся в определенном количестве того товара, который играет роль всеобщего посредника в процессе обмена, и определение стоимости трудом все больше прокладывает себе путь, не как сознательный акт, но как бессознательный результат.

Этот всеобщий посредник в процессе обмена товаров есть ничто иное, как деньги.

Все, что сказано здесь, право же, не ново и известно каждому, кто интересовался «Капиталом» Маркса. Но это нужно было еще раз изложить, чтобы выяснить природу натурального хозяйства.

Маркс устанавливает различие между производством для собственного потребления и товарным производством. Но для него не составляет существенной разницы, обмениваются ли товары непосредственно один на другой или посредством купли и продажи, за деньги. Последнее есть лишь техническое упрощение того же самого процесса.

Обычно политическая экономия устанавливает совсем иное различие. Она сваливает в одну кучу столь существенно различные стадии хозяйства, как производство для собственного потребления внутри своего хозяйства и товарное производство для рынка с непосредственным обменом, и об'единяет все это общим именем натурального хозяйства. Зато она делает различие между двумя непредставляющими существенной разницы стадиями товарного производства: между стадией непосредственного обмена товаров и стадией товарного обмена при посредстве денег. Первую из них она относит к сфере натурального хозяйства, вторая же, напротив, представляется ей фундаментально-отличной формой хозяйства, «денежным хозяйством».

Как видим, Нойрат, хотя и обещает нам самоновейшие открытия относительно сущности денег, пока довольствуется тем, что идет в этом отношении далеко назад от Маркса.

Но как же будет организовано социалистическое хозяйство? Оно, конечно, не будет одной огромной фабрикой, как думает Ленин. В соответствии с требованиями современного разделения труда оно будет состоять из многочисленных предприятий, принадлежащих, в отличие от товарного хозяйства, уже не отдельным частным собственникам, но всей совокупности потребителей, удовлетворению потребностей которых они служат. Но на ряду с этим должна существовать максимально-возможная свобода производителей в каждом предприятии, которое будет пользоваться полной автономией.

Вместе с тем социализм сохранит отделение домашнего хозяйства от предприятия, являющееся продуктом промышленного развития.

Но это предполагает и определенную систему обмена продуктов, без которой социалистическое хозяйство обойтись не может. Обмен этот должен быть двоякого рода: во-первых, обмен между предприятиями для получения средств производства, для целей производительного потребления, и, во-вторых, обмен между предприятием и частным хозяйством для получения средств потребления, для целей личного потребления.

Нойрат тоже принужден согласиться с этим. Но, по его мнению, социалистический принцип требует, чтобы этот обмен происходил непосредственно, в натуральной форме, а не посредством денег. Перед деньгами он испытывает суеверный страх, как его обычно испытывают перед непостижимыми явлениями. Вмешательство денег, боится он, погубит все. Возврат к непосредственной меновой торговле, общепринятой у диких народов, представляется ему великим прогрессом в направлении к социализму. Торжествуя он возвещает:

«Куда ни взглянем, всюду видим мы проникновение натурально-хозяйственных тенденций. Меновая торговля в мелком стиле известна каждому до отвращения. Но натуральный обмен происходит уже и в большем масштабе. За время войны правительственная власть с успехом применяла его, ставя отпуск сахару и т. п. крестьянскому населению в зависимость от доставки им продовольствия. Мы

не будем распространяться здесь о том, как сильно способствовали установлению натурального хозяйства разрушение денежной системы и введение пайков». (С. 14).

Это и не нужно. Сказанного вполне достаточно, чтобы определить, откуда черпают свои воззрения о социализме Нойрат и ему подобные. Посредством обобщения принудительных мероприятий, которые были вызваны бедствием войны и вместе с ним снова должны исчезнуть, Нойрат и другие создают целую систему, которая кажется им социализмом.

Нельзя не признать чрезвычайно странной мысль сохранить обмен, но отказаться от его орудия, с помощью которого только и могут быть обеспечены непрерывность и беспрепятственность его функций. Больше того — без этого орудия обмена вообще были бы невозможны ни разделение труда, ни обмен в прежних размерах.

Без денег возможны только два вида хозяйства:

Во-первых, первобытное хозяйство, о котором мы уже говорили. В переводе на современный масштаб это означало-бы, что вся производственная деятельность в государстве была бы организована в форме одной фабрики с централизованным управлением, предписывающим каждому отдельному предприятию его производственные задачи, принимающим у всего населения продукты его труда и предоставляющим, в натуре, каждому предприятию его средства производства и каждому потребителю его средства потребления.

Идеалом такой организации является каторжная тюрьма или казарма, обитателям которой тоже предоставляется в натуре все наиболее существенное, в чем они нуждаются.

Это монотонное варварство, действительно, проглядывает в каждом понятии о «натуральном хозяйстве» социализма. Так, напр., на странице 11 упомянутой брошюры Нойрат, говоря о хозяйственном плане, который должен быть составлен для социалистического общества, пишет следующее:

На основании представленных данных можно было бы установить максимальное количество хлеба, мяса, одежды,

размер жилища и т. д., которые могут быть предоставлены каждому в отдельности... Оставалось бы еще только решить вопросы преимущественного снабжения тяжело-работающих, детей, больных, вопросы вознаграждения за особо важные заслуги, вопрос о том, не следовало-ли бы особо заслуженных перед обществом изобретателей, поэтов, техников, врачей кормить, скажем, в общественных учреждениях, как это было в древних Афинах, где таких лиц кормили в Пританеуме (почетной богадельне). Опыт с военными пайками уже показал нам, что такого рода мероприятия не представляют чрезмерных трудностей в социально-техническом отношении».

Несомненно. Если только всю жизнь культурного человека низвести до военно-пайкового уровня. Все получают поровну хлеба, мяса, жилища, одежды; личные вкусы и склонность не играют при этом никакой роли; различий не делается никаких, только для детей и поэтов особая кухня. К сожалению, остается неизвестным, по сколько килограмм книг будет отвешиваться в год каждому гражданину, и как часто население каждого дома будут водить в кинематограф.

Кроме этого шаблонного способа распределения одинаковых жизненных припасов и наслаждений, каждому поровну, мыслима еще другая форма социалистического безденежного хозяйства, та именно, которую Маркс назвал второй фазой коммунизма. Каждый по собственному желанию производит столько, сколько может, производительность труда возросла в такой степени, количество продуктов так огромно и разнобразие их так велико, что каждый может брать, что и сколько ему угодно. При этом, разумеется, в деньгах нет никакой надобности.

Но так далеко мы еще не дошли. В настоящее время мы даже и представления иметь не можем, дойдем-ли мы когда-нибудь до такого состояния. Никаких указаний на его возможность у нас еще не имеется. Тот же социализм, которым только и можно оперировать в настоящее время, о сущности которого мы с некоторой определенностью можем умозаключить на основании уже имеющихся пред-

посылок, еще не будет, к сожалению, располагать столь завидной свободой и изобилием. Он, однако, решительно воспротивится узости и монотонности «натурального хозяйства» и потому не сможет обойтись без денег.

в) Социалистические деньги.

Если, таким образом, деньги сохранятся и в социалистическом обществе, то все же функции их тогда будут не совсем те, что в настоящее время.

Важнейшая из функций денег при нынешнем способе производства есть их превращение в капитал. Всякий капитал начинает свое функционирование в форме определенной суммы денег. Если он ссужается под проценты, то денежная форма его сохраняется: он образует денежный капитал. Но он может быть превращен и в форму товаров, в неизменном виде перепродаваемых с прибылью, — такая его форма есть форма торгового капитала. Наконец, он может быть обращен и на покупку средств производства и рабочей силы для производства новых товаров, заключающих в себе прибавочную стоимость, — такое его применение образует высшую форму капитала, промышленный капитал.

Однако, какую бы форму ни принимал капитал в процессе своей деятельности, вначале он всегда должен иметь форму денег.

С другой стороны, возможности применения денег в качестве капитала так многообразны и легки, что почти всякая сумма денег, не необходимая для неотложных закупок предметов потребления, может быть превращена в капитал, по крайней мере, в форму капитала, приносящего проценты.

Благодаря этому часто отожествляют деньги с капиталом. При таком отожествлении ясно, разумеется, что вместе с отменой «капиталистического строя» должен быть отменен и «денежный строй». Это отожествление капитала с деньгами,

повидимому, играет роль и в рассуждениях Нойрата, иначе нельзя его понять, когда он говорит:

«В крупном натуральном хозяйстве, в социализированном хозяйстве, деньги уже не являются движущей силой. В таком хозяйстве не существует «чистой прибыли», ради которой люди занимались бы производством». (С. 15).

Здесь производство прибавочной стоимости рассматривается, не как функция капитала, но как функция денег вообще. Это совершенно неверно.

В социалистическом обществе, в котором все средства производства являются общественной собственностью, конечно, нет никакой возможности для частных лиц затрачивать деньги на покупку средств производства и, следовательно, превращать их в промышленный капитал. С прекращением производства прибавочной стоимости в пользу частных лиц исчезает и тот фонд, из которого выплачивались торговая прибыль и денежный процент. Купец вытесняется потребительскими организациями, а также непосредственной куплей и продажей крупных производительских организаций друг у друга. Исчезают крупные денежные богатства у тех, кто мог давать деньги в ссуду, исчезает и нужда у тех, кто вынужден был занимать деньги под проценты. Вместе с этим исчезает почва из под ног и у денежного капитала.

Следовательно, в социалистическом обществе с законченным процессом социализации исчезают все предпосылки для превращения денег в капитал.

Но этим ведь не исчерпываются все функции денег. Деньги существовали в течение тысячелетий прежде, чем появился капиталистический способ производства. В качестве мерила стоимости и средства обращения продуктов деньги должны будут существовать и в социалистическом обществе, по меньшей мере, до тех пор, пока не наступила благословенная вторая фаза коммунизма, о которой мы в настоящее время вовсе еще и не знаем, будет-ли она когда-либо чем-нибудь большим, не-

жели благочестивым пожеланием, подобно тысячелетнему царствию.

Какова бы ни была организация социалистического общества, но и для всего общественного хозяйства в целом, и для каждого отдельного предприятия необходимо будет тщательное счетоводство, из которого с совершенной ясностью было бы видно, каков его приход, каков расход и какова чистая доходность или убыток. Но это совершенно невозможно, если все статьи прихода и расхода записывать только в натуральной форме.

Если машиностроительный завод отпускает молотилку и за это, скажем, получает 40 свиней, 100 центнеров муки, 20 центнеров масла и 2000 яиц, как может он определить, выиграл ли он на этой сделке или потерял, он-ли дал сельскому хозяйству больше труда, чем получил взамен, или наоборот? Ясно, что бухгалтерия, основанная на записях продуктов в их натуральной форме, очень скоро привела бы к безграничному хаосу. То, о чем записи всегда должны говорить нам с очевидной ясностью, это — издержки производства каждого продукта, те издержки, которые в конечном счете сводятся к труду. Только потому, что все продукты являются произведениями труда, — в чем и состоит их общее свойство, — становятся соизмеримыми и те количества, в которых они должны обмениваться друг на друга. Только потому и возможен вообще обмен между ними. Таким необходимым для обмена продуктов мерилом служат деньги, т. е. товар, потребительная стоимость которого состоит только в том, что он воплощает определенное количество труда или стоимости.

Функцию денег, как масштаба стоимости, мы встречаем уже при натуральном обмене.

«Древние египтяне, например, уже в третьем тысячелетии до нашей эры употребляли медь и золото (не серебро) в качестве денежного товара и всеобщего мерила стоимости товаров. Но по измерении их стоимости в деньгах товары, по большей части, обменивались в натуре.

Так, напр., при одной из таких меновых сделок был обменен бык. Его стоимость была определена в 119 утну меди

(14,4 килограмм меди). В обмен за него были даны: цыновка стоимостью в 25 утну, 5 мер меду в 4 утну, 8 мер масла в 10 утну и еще семь других предметов на остальную сумму». (Каутский, «Sozialdemokratische Bemerkungen zur Uebergangswirtschaft», S. 111).

Равным образом, и в социалистическом обществе, даже если упорно ограничиваться чистонатуральным обменом, существование денег было бы необходимо, как масштаб стоимостей для счетоводства и вычисления меновых пропорций.

Но ограничение натуральным обменом было бы «прогрессом» такого сорта, к которому общество ничто не побуждало бы, кроме требования со стороны некоторых утопических шутов. Такой «прогресс» очень скоро был бы сметен требованиями жизни, если бы была сделана попытка осуществить его на практике, чего едва ли можно опасаться.

Таким образом, деньги будут продолжать функционировать не только, как мерило стоимости, но и как средство обращения продуктов.

Но будут ли нужны для этого те же деньги, что существуют или должны бы существовать в настоящее время, деньги, изготовляемые из особого товара, по большей части, из золота? Нельзя-ли было бы вместо этого продукта и представителя человеческого труда сделать масштабом стоимости самый этот труд непосредственно и ввести трудовые деньги, которые прямо удостоверяли бы количество затраченного труда? Это было бы мыслимо в такой, например, форме, что каждый рабочий за каждый отработанный им час получает соответствующее удостоверение, предоставляющее ему право на любой продукт одного часа труда. При изготовлении каждого продукта должно быть исчислено, какое количество труда на него затрачено. За заработную плату одного рабочего дня рабочий всегда мог бы купить продукты стоимостью в один рабочий день. В счете никогда не было бы несовпадений, эксплуатации не могло бы быть, и рабочий мог бы совершенно свободно располагать своим

заработком. Была бы устранена всякая начальственная опека, заранее устанавливающая для каждого потребителя его паек.

Несомненно, такого рода деньги были бы мыслимы. Но осуществимы ли они практически? Мы совершенно оставляем в стороне те осложнения, которые должны получиться, напр., в случаях аккордной работы или различий в заработной плате, так как за тяжелые или неприятные работы плата должна быть выше, чем за легкие или приятные. Но какой огромной затраты труда стоило бы исчислить для каждого продукта количество затраченного на него труда от начальной до заключительной стадии его изготовления вместе с трудовыми затратами по транспортировке и прочими побочными работами. Закончив же эту работу по исчислению, пришлось бы вновь начать все сначала, так как за это время во многих отраслях технические условия изменились-бы.

И, далее, какой именно труд должен быть исчислен? Ведь не тот, который, действительно, был затрачен на каждый продукт. В этом случае различные продукты одного и того же рода имели бы различную цену: продукты, произведенные при более благоприятных условиях, более высокую, чем прочие. Но это было бы абсурдом. Все они должны иметь одинаковую цену, и исчислять ее следовало бы не на основании действительно-затраченного, но общественно-необходимого труда. Удалось-ли бы установить для каждого продукта количество общественно-необходимого для его изготовления труда?

При этом у нас получился бы двойной счет. Оплата труда рабочего производилась-бы согласно рабочему времени им, действительно, затраченному, исчисление же цены продукта — на основании общественно-необходимого для его изготовления рабочего времени. Сумма затраченных обществом рабочих часов в обоих случаях должна бы быть одинакова. Но такого совпадения почти никогда не будет.

Проект трудовых денег наталкивается на каждом шагу на сталь большие затруднения потому, что исходит из слишком механического понимания закона стоимости.

Каким образом был установлен этот закон? Путем наблюдения за движением и пропорцией цен. С тех пор как массовое производство для рынка стало регулярным, было замечено, что цены каждого отдельного товара, несмотря на все колебания, всегда приближались к определенному уровню, как бы ни поднимались они временами выше или ни опускались ниже его. С другой стороны, было установлено, что пропорция цен отдельных товаров друг к другу, несмотря на случайные колебания, всегда обнаруживала тенденцию к большой равномерности. Но и эта пропорция и тот уровень отнюдь не были неизменными величинами; они лишь изменялись не в зависимости от изменений рыночной кон'юнктуры, но в зависимости от изменения производственных отношений. Там, где эти отношения оставались неизменными, не изменялись также ни уровень, ни пропорция, к которым тяготели цены.

Этот уровень получил название стоимости товаров. Очень рано было установлено, что величина стоимости товара определяется необходимым для его производства количеством труда. Это учение, все более последовательно применяемое и совершенствуемое, нашло свое наивысшее, до сих пор непревзойденное выражение у Карла Маркса.

Другой теории стоимости, кроме теории трудовой стоимости, до сих пор не существует. Противопоставляемые ей теории стоимости относятся совсем к иным явлениям, чем те, об'яснением которых является теория трудовой стоимости. То, что они называют с т о и м о с т ь ю, отчасти является, при точном рассмотрении, ничем иным, как ц е н о й, следовательно, поверхностным я в л е н и е м, но не определяющей его и внутри него действующей т е н д е н ц и е й. Но и суб'ективная

стоимость теории предельной полезности есть нечто совсем иное, чем стоимость в смысле Рикардо или Маркса. Суб'ективная стоимость есть отношение единичного человека к благам его окружающим. Стоимость же в смысле Рикардо и Маркса, напротив, есть явление при данных производственных отношениях одинаковое для всех людей, наперед данное и обязательное для них, как бы ни были различны их суб'ективные потребности, склонности, степень благосостояния.

Оба эти вида стоимости не имеют, следовательно, ничего общего, кроме названия, что отнюдь не способствует ясности понимания.

Стоимость, которую имеет в виду Маркс, возникает из определенных отношений производства и, в свою очередь, влияет на них; она есть исходный пункт для их понимания. Напротив, суб'ективная стоимость представляет собой отношение единичного индивида к окружающим его предметам, независимо от того, произведены ли они человеческим трудом или нет; она абсолютно ничего не дает для понимания определенных общественных отношений производства.

Для той стоимости, которую имеют в виду Маркс и классическая экономия, другого определяющего фактора, кроме труда, до сих пор не найдено. Теория трудовой стоимости доказала свою правильность тем, что больше всякой другой дала нам возможность глубже рассмотреть закономерность капиталистической системы. Мы вправе поэтому рассматривать трудовую стоимость, как реальность. Но она всегда остается только тенденцией. Она реальна, но не осязаема и точно не измерима. Последнее возможно лишь в отношении ее временной формы проявления, цены.

Мы никогда не будем в состоянии точно исчислить и установить стоимость товара. Стоимость обнаруживается только таким образом, что отклонения рыночной цены от стоимости (в соответствующих случаях, цена производства или рыночная стоимость, что не может подлежать здесь более по-

дробному выяснению), чем больше они по размеру или чем длительнее, вызывают все более сильное сопротивление, вследствие которого в производственных отношениях наступают изменения, противодействующие отклонению цены от стоимости.

В виду этого характера стоимости, обречены на неудачу все попытки «конституировать» стоимость каждого отдельного товара, т. е. точно определить содержащееся в нем количество труда и ввести трудовые деньги, как средство обращения таким образом расцененных продуктов. Это была бы невероятно трудная и сложная работа, которую невозможно довести до конца. А ведь новые, трудовые деньги должны были-бы начать функционировать не ранее, чем установлена стоимость всех продуктов.

Вместо этой безнадежной работы измерения текучей воды решетом — а конституирование стоимости и было бы такого рода работой — пролетарский режим будет в области обращения товаров держаться того исторически-данного, что будет им найдено здесь в готовой, осязательной форме: исторически-установленных цен товаров, ныне измеряемых в золоте, чего не в силах отменить самая широкая инфляция, как бы ни затушевывала и ни уродовала она это измерение.

Чего не в состоянии был бы сделать самый огромный и совершенный статистический аппарат — оценка товаров на основании заключенного в них труда, то имеется уже в унаследованных ценах, как результат долгого исторического развития и единственно-возможная, хотя несовершенная и неточная, основа для дальнейшего, возможно более беспрепятственного и легкого функционирования экономического процесса обращения.

Но если в этом отношении социализация на первых порах ничего не изменит, то внутри все более расширяющейся сферы социализации в отношении роли цен и, следовательно, денег немедленно произойдет коренной переворот.

В настоящее время отдельные частные лица производят на рынок. Количество производимых

ими продуктов они устанавливают на основании прежнего опыта и видов на будущее. Цена, которую они за свой товар должны требовать, определяется издержками его производства. Цена же, которую они, действительно, получают, зависит не от издержек производства, но от соотношения спроса и предложения.

Это относится и к таким товарам, которые производятся не вообще на рынок, но по определенному заказу. И в этом случае устанавливаемая цена зависит от соотношения спроса и предложения. Разница заключается лишь в том, что производящий на рынок может встретить там такое обилие товаров, что вынужден будет сбыть свой товар по разорительной цене, между тем как производящий на заказ не примет предложения, не покрывающего издержек производства. Однако, и для него заказ может оказаться разорительным, если, скажем, цены на сырье, необходимое для изготовления заказанных товаров, возрастут сильнее, чем он предполагал при установлении цены заказа.

При этих условиях размер производства зависит от состояния цен. При падающих ценах производство сокращается, при возрастающих ценах расширяется. Этот пресловутый способ регулирования производства характерен для капитализма. Он всегда несет бедствия рабочему классу, постоянно швыряемому между двумя противоположными полюсами, от дороговизны к безработице.

Иначе осуществляется регулирование производства в социалистическом обществе. Там размеры производства и высота цен не есть результат анархического производства на рынок. Средства производства принадлежат совокупности потребителей, которая теперь тожественна с совокупностью рабочих. Сообразуясь с экономической обстановкой, совокупность потребителей совместно с производителями каждой отдельной отрасли производства с самого начала устанавливает размер производства и высоту цен. Движение производства и цен происходит теперь гораздо более равно-

мерным образом. Рабочим уже не приходится то и дело страдать, то в качестве потребителя от дороговизны, то в качестве производителя от безработицы.

Теперь цифры производства и цен отдельных товаров могут, если того требует общественный интерес устанавливаться и с отклонением от цифр капиталистического времени. Будучи предпринимаемо от случая к случаю, это составляет гораздо более простую операцию, нежели исчисление трудовой стоимости всех товаров с целью введения трудовых денег. Конечно, и в данном случае нельзя будет действовать произвольно.

Количество труда, которым располагает данное общество, ограничено и не может быть увеличиваемо по желанию. Если социалистическое общество хочет расширить производство какой-либо отрасли, то это возможно лишь, — конечно, если не вводится технических усовершенствований, — за счет сокращения размеров производства какой-либо другой отрасли, менее, может быть, желательной для общества. При этом тенденция к выравниванию заработных плат будет проявляться сильнее, чем когда-либо.

Таким образом, как размеры производства отдельного товара, так и установление его цены будут ограничены определенными пределами. Понижение цен отдельного товара будет возможно не путем уменьшения заработной платы его производителей, но или понижением прочих издержек производства, т. е. увеличением производительности труда, или же соответственным повышением цен других товаров, так как доход от них необходим для покрытия убытка, даваемого товарами с пониженной ценой.

Мы имеем, стало быть, основание ожидать, что, в среднем, закон трудовой стоимости будет действовать и в социалистическом обществе, несмотря на отмену частного производства и частной конкуренции.

Если цены и деньги продолжают существовать и при социалистическом способе производства, приспособляющем для потребностей обмена унаследованные им исторически-установленные цены, то столь же необходимо должно существовать и золото, как денежный товар, как исторически-установленные деньги.

Однако, сохранение золота необходимо не в натуре. Эту радость мы можем доставить защитникам натурального хозяйства.

Как мерило стоимости, всегда необходимо только воображаемое золото или, скорее, стоимость золота. Для того чтобы исчислить цену пары сапог в золотых марках, совсем не нужно иметь золотых марок в натуре.

Конечно, деньги лишь в том случае могут служить средством обращения, если они имеются в действительности. Но при этом можно вполне обойтись без золотой монеты в натуральной форме, заменив ее бумажными векселями.

Этими указаниями мы должны ограничиться, так как не можем давать здесь еще теорию денег. Само собой разумеется, что на ряду с воображаемыми деньгами, как мерилом стоимости, и бумажными деньгами, как средством обращения, всегда должно будет существовать и золото, в качестве носителя стоимости. Но в качестве такового золото, несомненно, сохранится и в социалистическом обществе, ибо и оно будет нуждаться в золоте для промышленных целей, скажем, для зубных пломб или предметов украшения. Надо надеяться, что в будущем обществе люди не утратят чувства радости при виде красоты, и украшения будут доставлять им удовольствие.

Следовательно, золото будет производиться по-прежнему, но уже не с целью превращения его в монету, — необходимость в затрате этого рода отпадает, — но в целях промышленного его применения. Сохранятся, следовательно, и издержки производства золота и его стоимость, так что определенные количества золотого металла в мыслен-

ном или бумажном его выражении и впредь могут служить показателями товарных цен и, таким образом, способствовать выполнению товарами их экономического назначения.

«Денежный строй» есть механизм, без которого не может обойтись регулярное производство в обществе с широкоразветвленным разделением труда.

Очень возможно, что когда-нибудь впоследствии для этого механизма будет найдена более совершенная форма, которая заменит нынешнюю его форму. Но было бы варварством разбить этот механизм для того, чтобы вернуться к примитивным способам обмена натурального хозяйства первобытных времен. Этот метод преодоления капитализма подозрительно напоминает собой метод наивных рабочих первых десятилетий прошлого века, воображавших, будто они положат конец капиталистической эксплуатации, если разобьют в куски те машины, которые им как раз подвернулись под руку.

Мы же хотим не разрушить машины, но сделать их слугами общества и превратить, таким образом, в средство освобождения труда.

г) Банки.

В план этой работы не входит детальное обсуждение отдельных областей социализации. Нельзя, однако, обсуждать роль денег при социализации, не бросив взгляд на банковое дело.

Мы уже видели, что при капиталистическом способе производства капитал в начальной стадии каждого предприятия и каждого оборота должен иметь денежную форму. Чем большим количеством денег располагает при этом капиталист, тем обширнее могут быть размеры его предприятия, тем больше прибавочной стоимости оно ему приносит, тем больше у него видов на победу в борьбе с конкурентами. Поэтому каждый промышленный или торговый капиталист стремится как можно

больше расширить свое предприятие, стараясь располагать для этой цели максимальным количеством денег. Он не довольствуется помещением своих собственных денег в предприятие, но вкладывает в него все денежные средства, какие только может добыть путем займов, используя для этого свой кредит в финансовом мире. При этом он получает доход, если прибыль, извлекаемая им с помощью занятых денег, больше, чем проценты, которые он платит за них. Так это и бывает обычно.

Без помощи кредита капиталистическое производство не могло бы существовать в тех размерах, каких оно достигло в настоящее время.

Функцию кредитования выполняют денежные капиталисты, т. е. те капиталисты, для которых капитал всегда сохраняет форму денег, никогда не принимая другой формы. В качестве профессионального занятия эту функцию исполняют в настоящее время, главным образом, денежные торговцы, т. е. банкиры, но уже не прежние ростовщики, эксплуатировавшие стесненное положение должника, чтобы выжимать из него ужасные проценты. Современный банкир, напротив, оплодотворяет промышленность, способствует развитию производительных сил и представляется, таким образом, благодетелем человечества.

Но и банкир, подобно промышленнику и купцу, стремится расширить свое предприятие за пределы собственного капитала. Это стремление вскоре становится одной из главных его функций.

Банкиры в большей мере, чем прочие частные лица, вынуждены принимать меры к обеспечению своих денежных сокровищ.

Так как деньги имеют всеобщий спрос, то они составляют любимейший об'ект воров, тем более что легче всякого другого предмета потребления могут быть транспортированы и припрятаны. Фабрику или амбар никто не украдет. Хуже обстоит дело с деньгами фабриканта или сельского хозяина, не располагающего очень крепкой кассой. Требуется такая степень безотрадного состояния

финансов, какая царит в данный момент в побежденных странах, чтобы нечестивый «денежный строй» даже у воров был оттеснен на задний план более симпатичным натуральным хозяйством.

Крупные денежные капиталисты издавна отличались своими мероприятиями по охране денежных сокровищ, что было достаточным основанием и для прочих владельцев крупных денежных сумм отдавать свои деньги на сохранение банкам в качестве вклада. Для них было совершенно безразлично, что бы ни делал банк с этими деньгами, раз только он возвращал их полностью по первому требованию владельцев. У банкира же эти деньги не оставались мертвым капиталом, если ему представлялся случай ссудить ими верного предпринимателя за хороший процент.

Таким образом, с помощью вкладов банкир увеличивал свой собственный капитал и размеры кредита, который он мог оказывать торговле и промышленности.

Высокий процент, получаемый им, давал ему возможность, в свою очередь, платить процент также вкладчикам. Конечно, размеры процента по вкладам были значительно скромнее, нежели процент, получаемый банкиром по ссудам, но все же достаточны, чтобы извлекать все больше и больше денег из шкатулок, чулок и прочих потаенных мест, где они покоились мертвым сокровищем.

По мере вытеснения товарным производством всех прочих форм производства и возрастания применения денег в хозяйственном обороте, растут и размеры денежных сумм, скопляющихся в руках отдельных лиц. Эти суммы составляют частью потребительный фонд своего владельца, нужный ему не в данный момент, но впоследствии для закупки продовольствия, мебели, предметов роскоши, или же эти суммы являются производственным фондом, предназначенным, по достижении необходимых размеров, для обновления средств производства или для расширения предприятия, путем ли приобретения дополнительных средств производ-

ства или же нового предприятия для присоединения к старому и т. д.

Огромные суммы скопляются, таким образом, в распоряжении целой массы отдельных лиц. Эти суммы подлежат расходованию лишь впоследствии и до наступления определенного момента сдаются их владельцами, в виде вклада, отдельным ли банкирам или акционерным банкам, через посредство которых они снова передаются промышленности и торговле во временное пользование.

Через банки, таким образом, беспрерывно несется исполинский денежный поток, — вернее, два потока. Один состоит из вкладов, получаемых банками и, в свою очередь, ссужаемых ими многочисленным предприятиям. Другой поток составляют возвращаемые банкам ссуды и возвращаемые банками вклады.

Количество этих денежных сумм далеко превышает собственные капиталы банка, достаточные лишь для устранения случайных нарушений его деятельности, если, напр., временно выплаты банка больше, чем его поступления.

Чем крупнее денежные суммы, доставляемые банками промышленности и торговле, тем более мощное расширение возможно для этих последних, но тем больше и зависимость их от кредита. Этот могучий денежный поток приобретает все более решающее значение для промышленности и торговли, — на его разветвлениях и особых формах, придаваемых ему акционерной организацией, мы здесь останавливаться не будем, отсылая читателя к классическому произведению Гильфердинга о финансовом капитале. Не с помощью своих собственных, но с помощью чужих денег подчиняют себе банки хозяйственную жизнь нации. Распоряжаясь чужими деньгами, как своими собственными, банковые магнаты, управляющие немногими крупнейшими руководящими банками, все в большей мере становятся господами всей капиталистической системы.

Сама собой напрашивалась мысль, что пролетарский режим прежде всего овладеет этими крупнейшими банками, чтобы сломить, таким образом, господство финансовых магнатов и сразу же приобрести решающее влияние на хозяйственную жизнь даже в тех ее областях, которые еще не созрели для социализации.

Вместе со многими из своих друзей и я думал, что так оно и будет. В этом предположении меня укрепляли и выводы Маркса. В третьем томе его «Капитала» (Гамбург 1894, I ч., стр. 427) сказано:

«Без фабричной системы, возникшей из капиталистического способа производства, как и без кредитной системы, возникшей из того же самого способа производства, не могла бы развиться кооперативная фабрика. Кредитная система, образующая главную основу постепенного превращения капиталистических частных предприятий в капиталистические акционерные компании, образует точно также и средство к постепенному расширению кооперативных предприятий в более или менее национальном масштабе. Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать, как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному (общественному), только в одних противоречие устранено отрицательно, а в других — положительно».

Эти выводы, относящиеся к шестидесятым годам прошлого века, еще рассматривают производительное товарищество или «кооперативную фабрику» — конечно, в тесной связи с другими, в «национальном масштабе»— как единственную форму предприятия при «ассоциированном способе производства». Может быть, в связи с этим преувеличена и роль, отведенная кредиту при развитии нового способа производства. Но не может быть никаких сомнений в том, что эта роль, во всяком случае, будет значительна, и что социалистический режим должен позаботиться о том, чтобы овладеть кредитом.

Однако, опыт и более глубокое исследование вопроса, напротив, говорят о том, что огосударствление капиталистических банков не есть верный путь к овладению кредитом. Даже и в том случае, если это огосударствление осуществляется

с меньшими жестокостями и с большим пониманием дела, чем это имело место в Советской России.

Прежде всего: что именно в банковом деле должно быть огосударствлено? Собственные капиталы банков? Но их размеры сравнительно незначительны, и не им обязаны банки своим господствующим положением.

Значит, пришлось бы огосударствить и помещенные в них вклады. Как это сделать? Посредством выкупа? Но в банковом деле выкуп имел бы совсем иное значение, чем в промышленности. Там за деньги мы приобретаем средства производства, здесь же мы просто меняем деньги на деньги, что было бы совершенно бессмысленной операцией. Ну, а если бы мы выкупили вклады не наличными деньгами, но государственными долговыми обязательствами? Но, таким образом, мы сделали бы невозможной экономическую функцию вкладов, которую они могут осуществлять, лишь сохраняя денежную форму; следовательно, мы остановили бы всю экономическую жизнь.

Эти же соображения с еще большей силой говорят против того, чтобы просто-на-просто конфисковать банковые вклады. Ибо то, что сегодня является вкладом в банке, завтра, за исключением сумм, предназначенных для потребления, будет употреблено на цели дальнейшего функционирования и расширения производства, которое ведь в большой своей части должно вестись еще на капиталистической основе. Конфискацией вкладов или требований вкладчиков к банку мы достигнем не огосударствления банков, но их умерщвления. Никто больше не доверит банку своих вкладов. С исчезновением же вкладов банк лишается возможности оказывать кредит и, следовательно, существовать не может.

Если мы не хотим и не можем конфисковать и огосударствить все капиталистическое хозяйство одним ударом, если хотя бы часть предприятий общества продолжает функционировать на капита-

листической основе, то нельзя лишать их необходимых для продолжения деятельности средств, которые временно помещаются ими на текущий счет в банках.

Никто, по зрелом обсуждении вопроса, уже не требует в настоящее время социализации, в какой бы то ни было форме, капиталов, находящихся в банках. Требуют лишь огосударствления банкового аппарата.

Об этом Отто Бауэр говорит в своем «Пути к социализму» на странице 26 следующее:

«Социализация банков преследует совершенно иную задачу, чем обобществление крупной промышленности или землевладения. Здесь дело идет не о том, чтобы передать во владение общества землю и средства производства, но о том, чтобы отнять у финансового капитала силу, которую дает ему распоряжение чужими капиталами, находящимися в банках, и передать эту силу в распоряжение общества. Поэтому в данном случае не требуется никакой экспроприации. Достаточно передать представителям общества распоряжение той силой, которая в настоящее время принадлежит акционерам банков и находится в распоряжении избранного ими правления. Этого можно достичь изданием определенного закона, согласно которому члены правления каждого крупного банка избираются не общим собранием акционеров, но теми организациями, которые уполномочены на это законом. Закон же мог бы, напр., установить, что одна треть членов правления каждого крупного банка избирается парламентом, а остальные две трети назначаются промышленными об'единениями, сельскохозяйственными товариществами, потребительными союзами, профессиональными организациями и союзами служащих. Такого рода законодательного распоряжения о составе правления банков будет достаточно для социализации находящейся в руках банков власти над миллиардами».

Такая мера несомненно возможна. Нужно только не забывать одного: банки есть учреждения не только оказывающие кредит, но и сами нуждающиеся в кредите. Ведь вся сила их покоится не на их собственных, но на чужих, им вверенных деньгах.

Но мы должны быть готовы к тому, что капиталисты окажут сильнейшее противодействие социалистическому режиму. Демократия в этом отношении ничего изменить не может. Ее влияние сказы-

вается лишь в том, что капиталисты лишены достаточных средств или даже вообще возможностей для военного сопротивления. Они смогут, следовательно, вести борьбу только «мирным» оружием: ложью и клеветой в печати или хозяйственным противодействием. Судьба этих методов капиталистического сопротивления будет зависеть от мудрости и решительности пролетариата.

При таких условиях трудно ожидать, чтобы капиталисты добровольно предоставили свои капиталы в распоряжение предприятия, которое будет орудием не капиталистического расширения, но пролетарского освобождения. Чем больше в качестве этого последнего орудия будут выступать социализированные банки, тем скорее капиталисты не только перестанут помещать в них новые средства, но и востребуют обратно свои старые вклады. Таким образом, социализированные банки скоро окажутся на мели.

А если попытаться з а с т а в и т ь капиталистов делать вклады в социализированные банки? Едва-ли это удалось бы. Капиталисты перестали бы вести дела с социализированными крупными банками и пользовались бы услугами мелких частных банков, количество которых все еще очень велико.

Может быть, ввести государственную банковую монополию? Вряд-ли удалось бы осуществить такую меру. И, кроме того, капиталисты, конечно, сумели бы создать окольными путями соответствующую организацию денежного капитала и кредита.

Этим путем едва-ли удастся привлечь кредит частного денежного капитала на службу делу социализации.

Вышеприведенные соображения имеют целью указать лишь на трудности, которые ожидают проект социализации банков, но не на невозможность его осуществления. Это последнее зависит от социальной атмосферы в период социализации. Если класс капиталистов образует солидарную массу,

виды проекта на успех слабы. Наоборот, его осуществление легко возможно, если значительная часть производительного капитала враждебно противостоит финансовым магнатам, тяжко ощущая его господство. В этом случае банки, организованные по проекту Бауэра, конечно, могли бы развить плодотворную деятельность.

Тем не менее социалистическому правительству не следует ограничиваться таким регулированием банкового дела, зависящим от доброй воли, по меньшей мере, части капиталистов.

Только при благоприятных условиях удастся пролетарскому режиму частично привлечь капиталистический кредит для обслуживания социализированных предприятий. Но пролетарское правительство при всяких условиях может учредить банки, которые избавят пролетариат, его учреждения и социализированные предприятия от необходимости временно свободные денежные средства предоставлять в распоряжение капиталистических банков и, следовательно, на капиталистические цели.

Уже в настоящее время пролетариат располагает не малыми денежными суммами, в виде частных сбережений, в виде капиталов профессиональных союзов, потребительных кооперативов, больничных касс и т. д. Эти суммы будут возрастать с расширением деятельности пролетарских учреждений и под'емом жизненного уровня рабочих масс, умножающим те слои пролетариата, которые могут делать сбережения на черный день или на улучшение условий жизни. Сюда же надо отнести и социалистические муниципалитеты с их предприятиями, а также социализированные государством предприятия.

Для выгодного помещения средств, которые перечисленные выше факторы накопляют, держа наготове для определенных целей, в настоящее время имеются только капиталистические банки, использующие эти суммы для расширения и укрепления капиталистического хозяйства.

Если же пролетариат и его государственная власть располагают своим собственным банком, то они могут, в Марксовом смысле, оказывать кредит социализированным предприятиям, сделав их, таким образом, независимыми от капиталистического кредита.

Конечно, и социалистическому банку придется платить процент по вкладам, чтобы выдержать конкуренцию капиталистических банков. Поэтому он должен будет взимать и процент по ссудам. Но этот процент не будет служить целям наживы и лишь на сумму расходов по управлению и премии за риск будет превышать процент, уплачиваемый по вкладам. Таким образом, размер его будет значительно ниже, чем в капиталистических банках.

По мере расширения сферы социализации будут расти силы и способность социалистического банка, в свою очередь, оказать содействие ускорению хода социализации.

С другой стороны, по мере сужения области капиталистической эксплуатации будут уменьшаться сила и размеры деятельности капиталистических банков.

Таким образом, полное огосударствление банкового дела, которое, казалось, должно было быть исходным пунктом социализации, можно рассматривать, как ее заключительный момент.

Но этот заключительный момент означает, что деньги перестали функционировать, как капитал. С исчезновением же денежного капитала исчезает и его организация (банки) и необходимость в кредите.

11. Заключение.

Наивный и примитивный социализм ополчается не столько против капитала, сколько против д е н е г. В деньгах — корень всех бед. В развенчании, в низвержении денег — наше спасение.

Это воззрение не ограничивается социалистическими кругами. Задолго до появления социалистов, задолго до капиталистического производства на-

родные массы видели в деньгах не механизм, облегчающий, ускоряющий и расширяющий хозяйственный процесс, но порождение дьявола, имеющее целью причинить миру зло.

И это отнюдь не было чистым суеверием, но покоилось на весьма правильных и верных наблюдениях.

Производство для собственного потребления, предшествующее появлению денег, знает только продукты для личного потребления; средства производства еще не очень значительны и требуют небольшой затраты труда. Большая часть этих средств потребления не выдерживает долгого хранения и должна быть быстро потреблена. Те лица, которые, в силу своего социального положения, получают больше средств потребления, чем другие, могут излишек свой употребить только таким образом, что раздают его своим друзьям и приверженцам. Щедрость, даже расточительность высоких господ — таков отличительный признак эпохи. Уже существуют отношения эксплуатации, рабство, крепостная зависимость, но так как для избытка продуктов никакого иного применения, кроме раздачи, нет, то стремление к усилению эксплуатации не велико.

В эту эпоху социальное чувство в отношении своих сообщественников — но не в отношении чужаков — очень велико. Никто в те времена не мог существовать в обществе, не имея за собой сильной общественной группы, которая защищала его и доставляла все необходимое. При слабом разделении труда потребности и склонности отдельных индивидов так же мало различались между собой, как мало разнообразно было и производство. И почти все потребление, как в материальной, так и в художественной сфере, было коллективным потреблением. Таким образом, и духовная, и материальная жизнь индивида всецело определялись общественной средой, в которой он жил и в которую, по большей части, врастал. Она становилась частью его самого; он совершенно растворялся

в ней. На ряду со щедростью, самоотверженность и радостное самопожертвование в пользу общества были отличительной чертой эпохи.

Все это меняется с появлением денег, в особенности с появлением соответствующей их существу, непреходящей металлической формы в виде серебра или золота.

Деньги всегда и для всякой цели нужны. Они сохраняют, как меновую свою стоимость, так и стоимость потребительную, — за исключением бумажных денег последнего времени. Нет никакой необходимости потреблять их немедленно. Их можно накоплять, и чем больше их имеешь, тем большей силой располагаешь над другими людьми. Поэтому с появлением денежных доходов постепенно исчезает щедрость прежних времен. Появляется новая фигура современности — скряга, ненавистный народным массам скупой собиратель денежных сокровищ, во имя их накопления во всем отказывающий и себе и, в особенности, другим.

Но для приобретения и накопления денег есть и другой, более действительный способ, кроме прилежного труда, отказа себе во всем и бережливости. Можно вести легкую жизнь, без забот и труда, и тем не менее накоплять сокровища, если только располагаешь необходимыми средствами насилия. Разбой и воровство у малых, грабительские войны у великих мира сего становятся массовым явлением. Военные походы для завоевания земель бывали уже и прежде, но они находили естественный предел в возможности продуктивно использовать завоеванную землю.

Напротив, жажда денег ненасытна, и столь же беспредельны жадность и жажда грабежа. Равным образом не знает границ и эксплуатация подчиненных. Рабство становится теперь адом кромешным.

Вместе с тем развивающееся денежное хозяйство все больше разрушает прежние общественные группировки. Общественные отношения все больше принимают форму чисто-денежных отношений.

Сохранившиеся от прежних времен группировки: роды, земельные общины, цехи все больше утрачивают значение опоры для отдельной личности и ее защиты. Благодаря этому социально-сильные становятся все сильнее, социально-слабые — все слабее. Каждый заботится только о себе. К жадности, жажде грабежа, стремлению к эксплуатации присоединяются теперь эгоизм и бессердечие по отношению к сообщественникам (по отношению к чужим эти чувства существовали всегда).

В виду таких результатов нет ничего удивительного в том, что деньги уже издавна вызывают ненависть и проклятия, как источник всяческого зла.

Маркс в своем «Капитале» цитирует в главе о деньгах следующую характеристику влияния денег, данную Софоклом в пятом столетии до нашего летосчисления:

«Деньги больше всего служат причиной плохих законов и плохих нравов среди людей; они вызывают усобицы в городах и изгоняют обитателей из их домов; это они направляют самые прекрасные души на то, что есть самого постыдного и гибельного в человеке, и научают их всякую вещь превратить в зло и нечестие». («Антигона», V, стих 295—301).

Это только одна сторона денег. Другую их сторону мы осветили уже в предыдущем изложении. Деньги впервые сделали возможным наивысшее развитие разделения труда и, следовательно, производительных сил. Это развитие достигло, в конце концов, такой степени, что всеобщее равенство материального благосостояния теперь уже не связано, как прежде, с всеобщим духовным варварством, но совместимо с высокой культурностью всех членов общества. И если деньги освободили отдельную личность от пут общественного быта, то они породили не только эгоизм и бессердечие, но и развили самостоятельность мышления и многообразие потребностей и склонностей, соответствующее многообразию современного производства.

Социализм призван уничтожить деградирующие влияния денег. Эти влияния порождены частной собственностью, до сих пор теснейшим образом связанной с деньгами, на источники жизни и общественным трудом созданные богатства. Отмена этой частной собственности положит конец проклятию, до сих пор тяготевшему над деньгами.

Но при этом необходимо остерегаться отмены того великого и полезного, что создано деньгами: дальнейшего развития разделения труда, многообразия производства, свободы личности.

Социализм по сравнению с капитализмом должен быть шагом вперед, а не назад. С попятным движением не могут примириться современные люди, прошедшие школу капиталистического производства с ее великим разнообразием продуктов и великой самостоятельностью личности.

Уже в прежние века существовали коммунистически-организованные общества, не говоря уже о первобытном коммунизме. Мы напомним лишь о коммунистических «домохозяйствах» анабаптистов в Моравии, сохранившихся там в течение всей эпохи реформации, с конца крестьянских войн (1526) до тридцатилетней войны, до победы контрреформации в битве при Белой Горе (1620). Еще дольше сохранились они в Венгрии и впоследствии в Соединенных Штатах, где еще недавно (1908) существовали некоторые из этих домохозяйств и, может быть, существуют еще в настоящее время.

Они покоились на коммунизме не только производства, но и потребления, при полной отмене свободы личности. Каждому члену коммуны «старшие» не только предписывали его работу и продовольственный паек, но и указывали супругу или супруга. Наука была воспрещена.

На той же основе покоилась коммунистическая организация, учрежденная иезуитами в Парагвае и успешно развивавшаяся в течение долгого периода с 1612 по 1768 год. Только жестокому насилию испанской солдатчины удалось разрушить ее.

Наконец, в этой же связи надо упомянуть и о религиозных коммунистических общинах, учрежденных в Соединенных Штатах последователями различных европейских сект в середине 18 века и сохранившихся до наших дней. На них мы уже указывали, говоря о социализации сельского хозяйства. Характер этих общин был подобен характеру «домохозяйств» анабаптистов.

Все они были образованы экономически-отсталыми элементами, абсолютно чуждыми современного мышления. В наибольшей степени это относится к индейцам Парагвая; но и ремесленники, и крестьяне, основавшие коммунистические общины анабаптистов в Моравии и сектантов в Америке, также стояли в духовном отношении вне современного мира.

Отдельные из этих организаций были невелики по размерам; их население обычно составляло всего лишь несколько сот человек. Только коммунистическое государство иезуитов насчитывало в период наивысшего своего развития 150 000 жителей, населявших 30 пуэбло (деревень). Большинство этих коммунистических общин было расположено в дикой местности, вдали от других людей. Общины анабаптистов в Моравии были поселениями немцев среди чешского населения, языка которого они не понимали.

Как только отдельные из коммунистических организаций этого рода вступали в более тесные отношения с цивилизованным миром, они обыкновенно теряли свою устойчивость. Главным образом, молодежь, которую отталкивали однообразие жизни и суровость режима, уходила из общины, и ее трудно было удержать от этого.

На основе такого коммунизма совершенно невозможно создать крупное государство с современным крупным производством и путями сообщения, с современной наукой, интеллигенцией и современным пролетариатом. Советская Россия была первой и, конечно, последней попыткой в этом

роде. В Западной Европе не могло бы быть даже попытки подобного рода.

Но для нас представляют известную опасность даже только проекты, предлагаемые утопистами для построения социалистической организации. Ибо жизнь всегда богаче и многообразнее, чем теория, которая не может останавливаться на частностях и особенностях и должна ограничиваться только общими чертами. Поэтому всякая утопия слишком упрощает проблемы действительности и, будучи строго проведена в жизнь, всегда означает невыносимый регресс от многообразия к однотонности.

Общество не есть механизм, который можно по желанию построить, согласно заранее облюбованному плану, но организм, который растет и развивается по определенным законам. Общество есть организм, отдельные клеточки которого представляют собой мыслящие существа, сознательно работающие над его построением. Но в своей созидательной работе эти клеточки не могут действовать произвольно. Постольку свобода их заключается лишь в добровольном исполнении того, что познано ими, как необходимость.

Этой свободой мы располагаем тем в большей мере, чем лучше мы познаем закономерные связи действительности; а в области общественных задач наша свобода тем больше, чем полнее и совершеннее исследованы нами экономические функции общества.

Но на ряду с этой свободой, покоющейся на научном познании, свободой, которой мы располагаем в отношении к внешней необходимости, современный человек нуждается еще в иной свободе: в свободе своей личности по отношению к другим людям, в максимально-возможной независимости от них в выборе образа жизни. Такая свобода невозможна в сфере производства материальных условий жизни, требующего согласованной трудовой кооперации многих лиц. Но она возможна уже при нынешних условиях в большинстве разновид-

постей личного потребления. Она возможна и в сфере личного творчества, путем все большего сокращения времени, посвящаемого профессиональному труду, и все бо́льшего увеличения времени, предоставляемого индивиду для свободного творчества.

Свободный доступ для всех в область научного познания, максимально-возможное сокращение времени, посвящаемого профессиональному труду, полная свобода индивида вне профессиональной работы, во всех областях творчества, поскольку это не нарушает интересов других лиц или общества — таковы цели, которыми должен руководствоваться современный социализм, в противоположность к его коммунистическим предтечам, об этих целях никакого представления не имевшим и предоставившим, правда, каждому члену коммуны больше хлеба и обеспеченности существования, но не дававшим ему ни знаний, ни свободы. Кроме хлеба и обеспеченности существования, мы хотим также знаний и свободы. Ибо мы стоим на плечах промышленного капитализма и все блага и достижения его, все чем пользуется теперь небольшая кучка эксплуататоров и их прихлебателей, мы должны не сократить, но приумножить, не привести к упадку и запустению, но сделать общим достоянием.

Как бы ни было организовано социалистическое общество, оно лишь в том случае сохранит свое существование, лишь в том случае выполнит стоящую перед ним великую историческую задачу, если достижения капитализма сделает основанием для развития высших форм жизни, если принесет человечеству не только хлеб насущный и обеспеченность существования, но и поведет его к высшим ступеням культуры и свободы.

Государств. [illegible] ческая историче[illegible] библиотека РСФСР

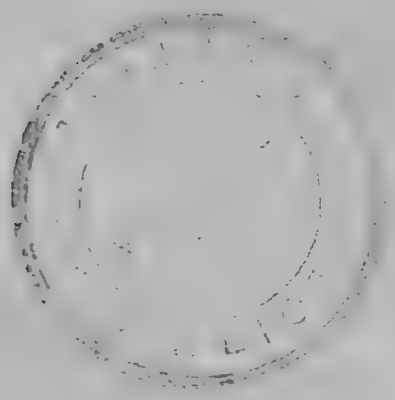
Оглавление:

Предисловие автора к русскому изданию 1
Предисловие автора к немецкому изданию 5

A. Изменение старой программы.

I. Герлицкая программа 9
II. Две программы 13
III. Гибель мелкого производства 22
IV. Сельское хозяйство 29
1. Движение размеров хозяйств 29
2. Техническое превосходство крупного хозяйства 34
3. Раздробление крупных имений 35
4. Формулировка программы 40
V. Производительность труда 44
VI. Средние классы 48
VII. Обнищание 59
VIII. Кризисы 74

B. Программа переходного периода от капитализма к социализму

I. Постановка задачи 86
II. Политическая революция 90
1. Буржуазная революция 90
2. Пролетарская революция 97
а) Демократия 97
б) Углубление революции 111
в) Контр-революция 121
г) Коалиционная политика 127
3. Государство переходного времени 135
а) Государство и социализм 135
б) Марксистское понимание государства переходного времени 141
в) Заработная плата, как министерское жалованье 150
г) Сменяемость депутатов 156
д) Исполнительная и законодательная власть . 158
е) Диктатура 168
III. Экономическая революция 177
1. Потребители и производители 177
а) При капитализме 177
б) При социализме 185

2. Распределение продукта труда 197
3. Собственность и организация 208
4. Буржуазная и пролетарская революция . . . 215
а) Буржуазная экономическая революция . . 215
б) Пролетарская экономическая революция . . 220
в) Конфискация или выкуп 224
5. Плановое хозяйство 237
6. Бюрократия 250
7. Частная инициатива 267
8. Формы социализации 280
а) Социализация и социальная реформа . . . 280
б) Исходные пункты социализации 282
в) Производительное товарищество 292
г) Гильдейский социализм 297
д) Общественно-хозяйственная организация . . 306
е) Социализм и прибыль 318
ж) Расширение сферы социализации 325
9. Сельское хозяйство 340
а) Леса 340
б) Общественная собственность на землю . . . 345
в) Социализация крупных хозяйств 350
г) Социализация мелких хозяйств 364
д) Индустриализация сельского хозяйства . . 368
10. Деньги 375
а) Бумажно-денежная инфляция 375
б) Упразднение денег 378
в) Социалистические деньги 386
г) Банки 397
11. Заключение 406